РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор

Комлева Евгения Владиславовна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Заместитель главного редактора

Туманик Екатерина Николаевна
кандидат исторических наук
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Ответственный секретарь

Введенский Владимир Викторович
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Редакторы и ответственные секретари выпусков

Аблажей Наталья Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Ананьев Денис Анатольевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Дашинамжилов Одон Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Журавлёв Вадим Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Кириллов Алексей Константинович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Лапердин Вячеслав Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Петров Станислав Геннадьевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Потапова Наталья Анатольевна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Резникова Мария Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Романов Роман Евгеньевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Савин Андрей Иванович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Семёнов Михаил Александрович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Чернова Ирина Сергеевна
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

■ Члены редакционной коллегии

Блаховска Катажина
профессор
Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша

Гагкуев Руслан Григорьевич
доктор исторических наук
Институт истории РАН, Москва, Россия

Дай Цзяньбин
доктор исторических наук, профессор
Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай

Данилович Вячеслав Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Дацышен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор
Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия

Ильиных Владимир Андреевич
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Исупов Владимир Анатольевич
доктор исторических наук
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Кабульдинов Зиябек Ернуханович
доктор исторических наук, профессо
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной коллегии

Катионов Олег Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский педагогический университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни
профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори
профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич
доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Рольф Мальте
доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна
доктор исторических наук
Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен
кандидат исторических наук
Германский исторический институт, Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Выпускающий редактор **кандидат исторических наук А.Е. Гончаров**

Ответственный секретарь **В.В. Введенский**
Корректор **Т.В. Соболева**
Верстальщик **В.В. Введенский**
Интернет-верстальщик **К.А. Васильев**

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР
ISSN 2618-9100

2023. № 6 (32)
Издается с октября 2018 г.
Выходит 6 раз в год.
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Номер свидетельства Роскомнадзора ЭЛ № ФС77-73758

Сибирское отделение Российской академии наук
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Адрес редакции:
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
Институт истории СО РАН.

Тел.: +7 (383) 363-03-24
Факс: +7 (383) 333-24-37
E-mail: mail@istkurier.ru
Веб-сайт: istkurier.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 8–10

From the Editor 11–12

Михаил Константинович Сидоров: материалы к биографии

Т.А. Санакина. Материалы к родословной М.К. Сидорова и его семьи: по документам Государственного архива Архангельской области 13–25

А.Г. Едовин. Вологодские корни М.К. Сидорова 26–30

Т.С. Минаева. «Генерал-губернатор Новой Земли» (М.К. Сидоров как вдохновитель развития зверобойных промыслов на Севере России) 31–41

Е.Г. Меньшакова. М.К. Сидоров и Пустозерье 42–49

А.Е. Гончаров. Кто же все-таки виноват в гибели «Царицы»? М.К. Сидоров и экспедиция 1878 года на Енисей 50–71

Р.А. Давыдов. Обвинение М.К. Сидоровым архангельского военного губернатора Р.П. Боиля в предательстве: было ли оно справедливым? 72–94

Е.В. Комлева. «Под судом был и состою»: М.К. Сидоров и региональная администрация (1840–1870-е годы) 95–106

О.В. Чуракова. Проблемы развития Севера России в творческом наследии Михаила Константиновича Сидорова 107–121

Северный морской путь

Й.П. Нильсен, В.В. Тевлина. Михаил Константинович Сидоров и роль норвежцев в освоении Северного морского пути в Сибирь 122–138

И.В. Поткина. Зарождение Северного морского пути: пролог грядущего геополитического противостояния в Арктике 139–153

И.А. Рудь. Роль Н.И. Евгенова в развитии научно-оперативного обеспечения Карских товарообменных экспедиций 1925–1928 годов 154–169

Предприниматели северных окраин

А.Д. Васильев. Якуты или купечество? Поиски оптимальных подрядчиков в снабжении северо-восточных окраин России (конец XVIII – начало XIX века)им реалиям 170–179

М.Д. Кушнарева. Проблема развития пушной торговли на севере Якутской областив очерке В.М. Зензинова 180–189

Т.А. Гафарова. Хейсины, Тонконоговы и Флееры: енисейские предприниматели и благотворители (1830–1910-е годы) 190–205

О.А. Челпанова. Хозяйственная и золотопромышленная деятельность по освоению региона приенисейской тайги енисейского купца И.Д. Черемны 206–216

Н.В. Поздеева, Е.В. Комлева. Енисейский купец Игнатий Кытманов: выбор между личным и общественным 217–225

Судьба идей: Север России в первые годы советской власти

Т.И. Трошина. Революционный энтузиазм как триггер реализации проектов по развитию северных регионов России 226–236

Д.С. Заозерский, О.В. Минчук. Проекты американских лесных концессий на Севере России в 1922–1923 годах 237–247

Научная жизнь

Т.В. Панич. Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии» (Покровские чтения – 2023) 248–257

Поздравляем с юбилеем Александра Алексеевича Николаева! 258–260

CONTENTS

From the Editor (*in Rus.)* 8–10

From the Editor 11–12

Mikhail Konstantinovich Sidorov: Materials for Biography

T.A. Sanakina. Materials for the Lineage of M.K. Sidorov and His Family: On the Documents from The State Archive of the Arkhangelsk Region 13–25

A.G. Edovin. Vologda Roots of the Origin of M.K. Sidorov 26–30

T.S. Minaeva. "Governor-General of Novaya Zemlya" (M.K. Sidorov as the Inspirer of the Development of the Marine Mammal Hunting in the North of Russia) 31–41

E.G. Menshakova. M.K. Sidorov and Pustozerye 42–49

A.E. Goncharov. Who Shipwrecked the SS Tsaritsa? M.K. Sidorov and the 1878 Polar Expedition to the Yenisey 50–71

R.A. Davydov. M.K. Sidorov's Accusation of the Arkhangelsk Military Governor R.P. Boyle of Treason: Was It Fair? 72–94

E.V. Komleva. "I Was and Remain on Trial": M.K. Sidorov and the Regional Administration (1840s–1870s) 95–106

O.V. Churakova. Problems of Development of the North of Russia in the Creative Heritage of Mikhail Konstantinovich Sidorov 107–121

Northern Sea Route

J.P. Nielsen, V.V. Tevlina. Mikhail Konstantinovich Sidorov and the Role of Norwegians in the Opening up of the Northern Sea Route to Siberia 122–138

I.V. Potkina. The Origin of the Northern Sea Route: A Prologue to the Forthcoming Geopolitical Confrontation in the Arctic 139–153

I.A. Rud. The Role of N.I. Yevgenov in Development Scientific and Operational Support for the Kara Expeditions 1925–1928 154–169

Entrepreneurs of the Northern Outskirts

A.D. Vasil'ev. Yakuts or Merchants? Search for Optimal Contractors in Supplying the Northeastern Outskirts of Russia (Late 18th – Early 19th Centuries) 170–179

M.D. Kushnareva. The Problem of the Development of the Fur Trade in the North of the Yakutsk Region in the Essay by V.M. Zenzinov 180–189

T.A. Gafarova. The Heisins, Tonkonogovs and Flyers: Yeniseysk Entrepreneurs and Philanthropists (1830–1910s) 190–205

O.A. Chelpanova. The Economic and Gold Mining Activities of the Yeniseysk Merchant Ivan Dmitrievich Cheremnykh in Terms of Yenisey Taiga Region Development 206–216

N.V. Pozdeeva, E.V. Komleva. The Yeniseysk Merchant Ignatiy Kytmanov: A Choice between Personal and Public 217–225

The Fate of Ideas: The North of Russia in the First Years of Soviet Power

T.I. Troshina. Revolutionary Enthusiasm as a Trigger for the Implementation of Development Projects in Russia's Northern Regions 226–236

D.S. Zaozerskiy, O.V. Minchuk. The Projects of the American Timber Concessions on the North of Russia in the 1920s 237–247

Scientific life

T.V. Panich. The All-Russian Scientific Conference "Actual Problems of National History, Source Studies and Archeography" (Pokrovsky Readings – 2023) 248–257

Congratulations on the Anniversary of Alexander Alekseevich Nikolaev! 258–260

Михаил Константинович Сидоров
(1823–1887)

2023 · № 6 (32)

Тема номера:

РОССИЯ В АРКТИКЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА КОНСТАНТИНОВИЧА СИДОРОВА)

ОТ РЕДАКТОРА

Исторические события часто ассоциируются с конкретной социальной группой или отдельной личностью: например, история освоения Северного морского пути неотъемлемо связана с именем Михаила Константиновича Сидорова, предпринимателя, золотопромышленника, исследователя Севера, а главное, блестящего публициста, проповедовавшего идею активной колонизации Россией своих северных окраин. Его энергичная деятельность заработала ему репутацию «радетеля» и «патриота» Севера. В этом году исполнилось двести лет со дня рождения Михаила Константиновича. На сегодняшний день ни одна научная работа, посвященная истории освоения Российского Севера и Арктики во второй половине XIX – начале XX в., не обходится без упоминания о нем. Даже не искушенные отечественной историографией, зачастую по причине языкового барьера, иностранные исследователи не обходят стороной деятельность М.К. Сидорова. Это, конечно, неслучайно. Среди всех, кто занимался проблемой развития Севера в пореформенную эпоху, больше всего усилий приложил именно М.К. Сидоров. Его деятельность варьировалась от предложений по организации транспортных и инфраструктурных проектов (морское и речное судоходство, гужевой транспорт, каналы), формулировки мероприятий по охране арктических владений России до создания специализированных учебных заведений для подготовки моряков, в том числе для представителей коренных народов Сибири.

Можно по-разному оценивать вклад Михаила Константиновича в развитие Российской Арктики. В историографии он представлен, в основном, как ведущая, даже уникальная фигура, в которой гармонично сочетаются идеалистические образы предпринимателя и патриота. Нетрудно объяснить подобное представление. Изучение документальных источников о биографии и деятельности М.К. Сидорова зачастую сводится к анализу его же наследия, как опубликованного, так и рукописного. Причем объем этих материалов поражает, равно как и то разнообразие тем, которым промышленник уделял внимание. В то же время регулярные жалобы М.К. Сидорова на отсутствие поддержки, а то и открытые конфликты с местным чиновничеством, а также его неоднократные высказывания относительно угрозы иностранного присутствия на Российском Севере снискали М.К. Сидорову популярность даже у советских историков, которые в целом рассматривали купечество как реакционный слой общества. Для них М.К. Сидоров стал исключением, причем его побуждения охотно трактовались его патриотическими чувствами. Интерес к промышленнику не угас и в постсоветскую эпоху: Россия искала свой путь в еще чуждом ей капиталистическом мире, а образ таких личностей, как М.К. Сидоров, позволял создать представление об удачном сочетании частного предпринимательства и патриотизма. И только в последние годы появились работы, авторы которых с бо́льшей долей критики относятся к Михаилу Константиновичу и его деятельности. Осуждается, в частности, его увлечение различными конспирологическими сюжетами – порой совершенно надуманными «сговорами» иностранцев с российским чиновничеством, нацеленными на дискредитацию северных проектов, в частности Северного морского пути. Ставится под сомнение проработанность многих предложений М.К. Сидорова. И действительно, при близком приближении обнаруживается, что большая часть из них абсолютно не реалистична. Это стало одной

из главных причин того, что ни один из масштабных проектов не был доведен им до конца. Наиболее яркий пример – Северный морской путь. Парадоксально, но практически сразу после первых успешных экспедиций М.К. Сидоров как будто теряет всяческий интерес к этому маршруту и переключает свое внимание на фантастические идеи о каналах, соединяющих разные северные реки, постройку гавани в Байдарацкой губе для самого большого в мире парохода. Более того, промышленник начинает открыто заявлять о нецелесообразности и опасности судоходства в Карском море. В 1880-е гг. он практически прекращает делать доклады и писать о морском пути, хотя коммерческие плавания по нему будут продолжаться почти все десятилетие.

Пожалуй, самым главным качеством М.К. Сидорова была его способность мечтать. Он смог вообразить Северный морской путь в виде транспортной артерии, связующей Сибирь с европейскими портами. Конечно, М.К. Сидоров не один думал о таком маршруте, но именно его видение было впоследствии воплощено в жизнь. Однако за способность генерировать идеи приходится платить. Для М.К. Сидорова, как и для многих людей, обладающих схожим складом ума, эта плата заключалась в резкой потере интереса к начатому, зачастую уже реализованному проекту и переключении своего внимания на новый.

Неслучайно в биографической работе замечательного исследователя и краеведа Алексея Александровича Жилинского «Россия на Севере», вышедшей в Архангельске в 1918 г., М.К. Сидоров сравнивается со своим земляком, выдающимся ученым Михаилом Васильевичем Ломоносовым. Как и М.В. Ломоносов, М.К. Сидоров занимался самыми разнообразными проблемами, многие из которых так и не были разрешены. Однако значимость подобных исторических личностей заключается не в практической реализации задач. Подобно живописцу, должно сначала подготовить полотно для будущей картины. Так, прежде чем осваивать Северный морской путь, нужно было подвести к этой идее общественность. М.В. Ломоносов благодаря своим обширным энциклопедическим познаниям заложил интерес к развитию науки в России, а М.К. Сидоров вдохновил многие поколения на исследование и освоение Российского Заполярья. Он был визионером в том, что предвидел ту важную роль, какую Арктика будет играть в развитии страны. Уместно вспомнить слова морского инженера и публициста В.Н. Семенковича из его книги «Север России в военно-морском и коммерческом отношениях» (1894 г.): «Но такие пионеры Севера, как Сидоров М.К., А.К. Беломор – не забудутся потомством, и их патриотические деяния, их пророческие слова должны быть оценены, и не их вина, если нам или нашим потомкам придется горько раскаиваться, что слова их не были приняты во внимание в свое время…»[1].

Михаил Константинович Сидоров – сложная и многогранная личность. В нем сочетались, с одной стороны, предприимчивость, смелость, порой переходящая в дерзость, страсть к исследованию и созиданию, жертвенность и альтруизм. С другой – мы видим в нем дилетантизм, нерешительность, неспособность доводить начатое до конца. Однако самое главная черта его характера, которая зачастую упускается из вида – это его безграничное воображение. Ведь именно благодаря этому он не только смог представить себе морской путь в Сибирь, но и вдохновить многих на воплощение этой мечты в жизнь. До М.К. Сидорова не было Северного морского пути, после него он возник. Еще он был патриотом – патриотом России, патриотом нашей суровой северной природы, которая как будто ожила, когда к ней обратился Михаил Константинович.

Радетель Севера, безусловно, заслуживает серьезного монографического исследования. Он играл и продолжает играть важную роль в истории освоения Российской Арктики, Русского Севера и Сибири, являясь примером для подражания как для предпринимателей, так и ученых и всех, кому небезразличен Север. К сожалению, его 200-летний юбилей не был отмечен какими-то значимыми мероприятиями. Исключение

[1] Цит. по: Тобольск и вся Сибирь. Кн. 28. Северный морской путь: в 4 т. / ред.-сост. Ю.П. Перминов. Тобольск: ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2018. Т. 4. С. 12.

составила специально организованная Всероссийская научная конференция, проведенная на базе Института истории Сибирского отделения Российской академии наук и Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук в Новосибирске под названием «“Замечен по многостороннему уму, предприимчивости, деятельности, неистощимой изобретательности”: предприниматель на русском фронтире (к 200-летию со дня рождения купца, благотворителя, ревнителя Севера Михаила Константиновича Сидорова)». С докладами выступили исследователи со всей России. Эти материалы, а также статьи о Севере, М.К. Сидорове и других связанных с северными регионами купцах, представленные, в том числе, зарубежными учеными, вошли в состав данного номера журнала «Исторический курьер». Тексты разбиты по следующим тематическим блокам: «Михаил Константинович Сидоров: материалы к биографии», «Северный морской путь», «Предприниматели северных окраин», «Судьба идей: Север России в первые годы советской власти». Таким образом, охвачены не только деятельность и биография М.К. Сидорова, но и воплощение многих его инициатив, а также предложений его современников по исследованию, освоению и развитию северных территорий нашей страны.

Выпускающий редактор:
кандидат исторических наук
Александр Евгеньевич Гончаров

Выпускающий редактор	**кандидат исторических наук А.Е. Гончаров**
Ответственный секретарь	**В.В. Введенский**
Корректор	**Т.В. Соболева**
Верстальщик	**В.В. Введенский**
Интернет-верстальщик	**К.А. Васильев**

2023 · No. 6 (32)

The Theme of the Issue:

RUSSIA IN THE ARCTIC: THE HISTORY OF EXPLORATION AND DEVELOPMENT (ON THE 200TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF MIKHAIL KONSTANTINOVICH SIDOROV)

FROM THE EDITOR

As does any historical event become associated with a certain social group or a particular individual, so is the 19th century history of the Northern Sea Route, Russia's Arctic maritime highway, associated with Mikhail Konstantinovich Sidorov. He was a merchant, goldminer and industrialist, philanthropist, and sponsor of numerous projects in the High North of the Russian Empire, especially in the Siberian Arctic. As was typical of the age, he himself participated in a number of voyages around the Arctic and Siberia, at one point noting the immense untapped natural wealth of these lands. Moreover, M.K. Sidorov was a stunt publisher – not less, a public relations expert, who enthusiastically promoted the idea of developing the North for the benefit of Russia and her people. This earned him the sobriquet "custos" or "patriot" of the North. This year we mark the 200th anniversary of his birth. Up to this day, there is not a single serious study on the history of the Northern Sea Route and the Russian Arctic in the latter half of the 19th century that does not address M.K. Sidorov's activities and projects. This applies to both Russian and foreign works, despite the latter oftentimes being deprived of an extensive usage of Russian literature and primary sources due to the existing language barrier. This level of attention and established consensus amongst academics on the important role that M.K. Sidorov played is not surprising. There are few individuals in the entirety of Arctic history that can boast the same level of fostered enthusiasm for exploration and development in this region as could M.K. Sidorov. His interests covered an immense spectrum – from transportation projects and resource extraction to establishing a Russian military presence in the Barents and Kara seas. He also focused on a series of philanthropic projects such as establishing navigation and seamanship schools for the children of Siberian indigenous peoples and the Russian peasantry.

M.K. Sidorov did so many things that it is frustratingly impossible to give him a concrete assessment. When one first becomes acquainted with him through historical literature and his countless reports and publications, one cannot be helped but to experience a surge of emotions. If you are a Russian or have sympathy for that country, you are stunned by patriotic fervor and readily agree to all that M.K. Sidorov says. In comes a feeling of deep awe and devotion, and, as if 150 years have not passed, you begin grumbling about the incompetence and sluggishness of Russian officials – after all, it was they that opposed all of M.K. Sidorov's brilliant ideas. The imagination is flooded with images of foreigners bent on snatching the Arctic and, especially, the Northern Sea Route from the Russians just as it had been proved that navigation in the Kara Sea was possible. This explains why M.K. Sidorov and his line were popular even among Soviet Marxist historians, who despite viewing the pre-revolutionary Russian capitalist class as backward and unprogressive, exploited the case of M.K. Sidorov as an example of an even greater backwardness in the Russian Imperial government. Recently, there has been, however, a reassessment of M.K. Sidorov and his activities. His overemphasis on the harm of foreign involvement in northern projects, especially the commercial expeditions of British and German merchants, has been examined through the lens of conspiracy theories. However, M.K. Sidorov's viewpoint is certainly not baseless. For his generation had first handedly witnessed the takeover of Russian mercantile shipping by foreign companies, moreover the

Crimean War (1853–1856) resulted in many Russians seeing the British as enemies. However, there certainly was noconspiracy of foreign shippers and local Russian officials to ruin the newly established shipping in the Arctic.

Perhaps M.K. Sidorov's greatest quality was his ability to imagine. He not only envisaged the important role that the Arctic would play in the development of the country, he, and this would not be an overstatement, envisaged the entire idea of the Northern Sea Route. This would be his brainchild. Certainly, there were many other of his contemporaries that shared this idea, however, before M.K. Sidorov there was no such concept. It was entirely imagined by him. However, creative thinkers and visionaries are known to be poor executers of their own ideas. Such was M.K. Sidorov. This is another reason for scholars to be critical of him. A look at many of his projects surprises one by their amateurism and haphazardness. It is truly a paradox how a person with such insight and knowledge of the Arctic and Siberia could make such incompetent proposals. On one occasion, M.K. Sidorov suggests chartering the SS Great Eastern to deliver cargoes to and from the Baydaratskaya Bay of the Kara Sea (!); as it turns, the reason for this was his sudden loss of interest in the entire Kara Sea scheme that he had been working on for almost two decades. Thus, instead of taking ships directly to the mouths of the rivers Ob' and Yenisey, he proposes to dig a network of canals in the Arctic and build a haven in the mentioned bay. Likewise, on more than one occasion M.K. Sidorov abandoned earlier projects, some of which, like the Kara Sea route, had already begun functioning.

With all this said, M.K. M.K. Sidorov deserves a special memento in the form of a biography – a proposal I would address to the community of polar historians. It certainly would be beneficial if this book is published in both Russian and English. As for now, the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in Novosibirsk conducted a conference dedicated to the great man in commemoration of his 200th anniversary. The reports presented at this conference have been included into this volume of the Historical Courier journal. The papers, contributed by both Russian and foreign historians cover a wide range of topics, spanning, akin to M.K. Sidorov himself, from the merchant's biography and his projects and expeditions to his legacy in future Arctic projects, including those of the Soviet era.

Executive editor:
Candidate of Historical Sciences
Alexander Evgenievich Goncharov

Executive editor	**Candidate of Historical Sciences A.E. Goncharov**
Executive secretary	**V.V. Vvedenskiy**
Corrector	**T.V. Soboleva**
Layout designer	**V.V. Vvedenskiy**
Web designer	**K.A. Vasil'ev**

Т.А. Санакина*

МАТЕРИАЛЫ К РОДОСЛОВНОЙ М.К. СИДОРОВА И ЕГО СЕМЬИ: ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-1
УДК 093:929.52

Выходные данные для цитирования:
Санакина Т.А. Материалы к родословной М.К. Сидорова и его семьи: по документам Государственного архива Архангельской области // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 13–25. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-01.pdf

T.A. Sanakina*

MATERIALS FOR THE LINEAGE OF M.K. SIDOROV AND HIS FAMILY: ON THE DOCUMENTS FROM THE STATE ARCHIVE OF THE ARKHANGELSK REGION

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-1

How to cite:
Sanakina T.A. Materials for the Lineage of M.K. Sidorov and His Family: On the Documents from The State Archive of the Arkhangelsk Region // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 13–25. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-01.pdf]

Abstract. The article, based on a large complex of archival materials and other sources, traces the biography of one of the pioneers of the study and colonization of the northern and Siberian territories, Mikhail Konstantinovich Sidorov (1823–1887). A native of Arkhangelsk, since childhood he absorbed the spirit of entrepreneurship that reigned in his family. His grandfather Alexander Mefodievich served as a stockbroker in the Arkhangelsk trading port, through which trade took place both with European countries and with residents of the Murmansk outskirts. His father and uncle, who came from the merchant class, also carried out commercial transactions, involving Mikhail in this. Communication with Arkhangelsk resident V.A. Popov gave Mikhail Sidorov direction in search of application of his strength and knowledge, and he leaves for Siberia, where, along with V. Latkin, he achieves material and familial well-being. Brought up on the laws of Orthodoxy (the Sidorov family was deeply religious), Mikhail Konstantinovich preferred to spend his money on good deeds such as charity. In addition, part of the capital earned went towards organizing and supporting activities to explore the natural resources of the North and Siberia. The state archive of the Arkhangelsk region has preserved many files with correspondence from M.K. Sidorov with the local administration on the development of sea and river routes of communication in the North. His discoveries in mining in Siberia pushed for the development of industry and infrastructure in these remote places.

Keywords: North of Russia, Arkhangelsk, M.K. Sidorov, the Sidorovs, genealogy, biographics.

The article has been received by the editor on 03.05.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на большом комплексе архивных материалов и других источников прослеживается биография одного из пионеров изучения и колонизации северных и сибирских территорий Михаила Константиновича Сидорова (1823–1887). Уроженец Архангельска, он с детства впитал дух предпринимательства, царивший в его семье. Его дед Александр Мефодьевич служил биржевым маклером в архангельском торговом порту, через который шла торговля как с европейскими странами,

* **Татьяна Анатольевна Санакина,** кандидат исторических наук, Государственный архив Архангельской области, Архангельск, Россия, e-mail: t_sanakina@mail.ru
Tatyana Anatolyevna Sanakina, Candidate of Historical Sciences, State Archive of the Arkhangelsk Region, Arkhangelsk, Russia, e-mail: t_sanakina@mail.ru

так и с жителями мурманских окраин. Его отец и дядя, выходцы из купеческого сословия, также совершали коммерческие операции, привлекая к этому и Михаила. Общение с архангелогородцем В.А. Поповым дало Михаилу Сидорову направление в поисках приложения своих сил и знаний, – он уезжает в Сибирь, где совместно с В. Латкиным добивается материального и семейного благополучия. Воспитанный на законах православия (семья Сидоровых была глубоко верующая), Михаил Константинович предпочитал тратить свои средства на благие дела и активно занимался благотворительностью. Помимо этого, часть заработанных капиталов шла на организацию и обеспечение мероприятий по исследованию природных богатств Русского Севера и Сибири. В Государственном архиве Архангельской области сохранилось немало дел, относящихся к деятельности М.К. Сидорова, в том числе его переписка с местной администрацией о развитии морских и речных путей сообщения на Севере. Его открытия и разработка полезных ископаемых в Сибири послужили толчком к развитию промышленности и инфраструктуры в отдаленных от центра страны местах.

Ключевые слова: Север России, Архангельск, М.К. Сидоров, Сидоровы, родословие, биографика.

Статья поступила в редакцию 03.05.2023 г.

В досоветской России такое явление, как благотворительность, было хорошо известно и распространено, в том числе и на Архангельском Севере. Состоятельные граждане жертвовали на содержание приютов и богаделен, духовных учреждений и учебных заведений. Благотворительность поощрялась государством и населением, имена благотворителей и меценатов публиковались в местной прессе. В Архангельске среди наиболее известных благотворителей можно назвать купцов Булычевых (построили Кузнечевскую богадельню), П.К. Куйкина (построил Николаевскую богадельню), А.И. Костогорова (построил Андреевскую богадельню), П.П. Амосова (пожертвовал здание для дома трудолюбия), купцов Беляевских (построили здание для Благовещенской церковно-приходской школы) и многих других, кто отличался своим неравнодушным отношением к страданиям и нуждам общества. Однако были среди этих людей и те, кто, помимо удовлетворения местных нужд и потребностей, стремился к реализации более глобальных проектов, касающихся интересов если не всей России, то конкретных ее субъектов.

Среди тех, кто способствовал освоению северных и сибирских просторов, кто делал первые шаги по Северному морскому пути, наиболее известны имена российских предпринимателей Александра Сибирякова и Михаила Сидорова. Имя Александра Михайловича Сибирякова, уроженца Иркутска, хорошо знают в Архангельской области благодаря названному в честь него ледоколу «Александр Сибиряков», затонувшему в августе 1942 г. в Карском море в неравном бою с германским тяжелым крейсером «Адмирал Шеер». Имя же Михаила Сидорова, уроженца Архангельска, к сожалению, не столь популярно среди архангелогородцев. Юбилейные мероприятия в честь его 200-летия со дня рождения всколыхнули интерес историков и краеведов к его родословной и предпринимательской деятельности.

Сведения о жизни Михаила Константиновича Сидорова (1823–1887), мецената, промышленника, исследователя Севера, преимущественно основываются на его автобиографии. В 1916 г. в Санкт-Петербурге издается буклет, посвященный «Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стража интересов Севера России»[1]. Через два года, к 95-летию со дня рождения М.К. Сидорова, в Архангельске выходит наиболее полная по объему информации работа А.А. Жилинского «Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова)», изданная Комитетом по увековечиванию памяти М.К. Сидорова[2]. В ней собраны сведения и документы

[1] *Зенов П.М.* Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стража интересов Севера России. Петроград, 1916.
[2] *Жилинский А.А.* Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск, 1918.

о поистине титанических трудах М.К. Сидорова по изысканию и разработке природных богатств Севера и Сибири. Из изданных в советское время можно назвать статью И.Л. Фрейдина в альманахе «Летопись Севера» и книгу В. Королева, посвященные жизни и деятельности Михаила Сидорова[3]. Серьезное исследование о неизвестных страницах деятельности Сидорова в Сибири опубликовали В.А. Ламин и Г.А. Ноздрин в альманахе «Тобольск и вся Сибирь»[4].

Помимо этого, статьи о М.К. Сидорове публиковались в газетах, журналах, в календаре «Памятные даты Архангельской области» на 2008 г. и других изданиях. Все они посвящены деятельности Михаила Сидорова, его научным и производственным трудам. Что касается его биографии, то в основном все ссылаются на труд А.А. Жилинского, где он дает сведения, полученные, по его словам, из автобиографии Михаила Константиновича[5]. Мы попытались уточнить некоторые сведения из биографии М. Сидорова по архивным источникам. В частности, были использованы метрические и исповедные книги, обывательские списки Архангельска.

Оказалось, что Александр Мефодьевич Сидоров, дед Михаила, появился в Архангельске примерно в 1804–1805 гг. и объявил себя как купец из г. Лальска[6]. Об этом свидетельствует и метрическая запись о бракосочетании его 2 сентября 1805 г. с вдовой умершего купца Николая Прокопьевича Пругавина Матроной Калиничной, урожденной Шубной. Жениху от роду было 29 лет, невесте – 32 года, оба вторым браком. Поручителями выступили: по жениху – вятские купцы Петр Армаулов и Егор Хохряков, по невесте – архангельский купеческий сын Аполоний Никонов[7].

При изучении обывательских книг находим некоторое несоответствие информации, полученной из церковных книг. Так, в обывательской книге за 1805–1807 гг. А.М. Сидоров вообще не значится, в книге же за 1811–1813 гг. записано, что в здешний посад Александр Сидоров записался временно в 1810 г. из лальских мещан[8], женат на вдове Матроне Калиничне Пругавиной[9].

Матрона Калинична происходила из старинной купеческой семьи. Ее отец – архангельский купец Калина Шубный выдал своих дочерей за известных в городе купцов: Матрону – за Николая Прокопьевича Пругавина, купца 3-й гильдии, торговавшего москательными и другими товарами и имевшего дом, доставшийся ему по наследству от отца. В 1782–1790 гг. он избирался в городскую думу от посадских гласных, в 1796 г. служил мещанским старостой[10]. Вторую дочь Аграфену Калина Шубный выдал за купца Якова Андреевича Никонова, который некоторое время был городским головой.

На 1814 г., как записано в обывательской книге, Александр Сидоров «дому не имел», жил в городе, служил при Архангельском порту торговым маклером. В 1815 г. в связи с тем, что Департамент внешней торговли потребовал, чтобы «все торговые маклеры, которые состоят в мещанах, были записаны в купечество»[11], А.М. Сидоров записался в архангельское купечество 3-й гильдии, объявив на 1816 г. капитал в 8 010 руб.[12] Вместе с ним были записаны его сыновья: Константин 17 лет и Ксанфий 16 лет[13].

---

[3] *Фрейдин И.Л.* Михаил Константинович Сидоров // Летопись Севера. М., 1971. Т. V. С. 248–264; *Королев В.* России беспокойный гражданин. Сыктывкар, 1987.

[4] *Ламин В.А., Ноздрин Г.А.* Сибирский купец Михаил Константинович Сидоров // Тобольск и вся Сибирь: Кн. 28. Северный морской путь: в 4 т. Тобольск, 2018. Т. 1. С. 537–547.

[5] *Жилинский А.А.* Россия на Севере… С. 14.

[6] Лальск – с 1780 г. административный центр Лальского уезда Велико-Устюжской области Вологодского наместничества. Ныне в составе Кировской области.

[7] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 29. Оп. 11. Д. 271. Л. 371 об.

[8] В деле о записи в архангельское купечество имеется заявление от лальского 3-й гильдии купца и архангельского временно вписавшегося мещанина А.М. Сидорова (ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1676. Л. 1).

[9] ГААО. Ф. 49. Оп. 4. Д. 25. Л. 237 об. – 238.

[10] Там же. Л. 201 об. – 202.

[11] Там же. Оп. 1. Д. 1725. Л. 5.

[12] Там же. Оп. 4. Д. 25. Л. 237 об. – 238.

[13] Там же. Оп. 1. Д. 1676. Л. 1 об.

У Матроны Калиничны от первого брака было пятеро детей: Федор, Василий, Александра, Елизавета и Марья. У Александра Сидорова в Лальске также остались дети: Константин и Ксанфий, которые впоследствии вместе с матерью Александра Сидорова Гликерией Андреевной и братом Ксенофонтом постепенно перебрались в Архангельск. У Александра Мефодьевича и его жены Матроны родились дети: Александр (1808 г.р.), Нектополион (1810 г.р.), Авенир (1812 г.р.), Аглаида (1813 г.р.), но все они умерли в младенческом возрасте[14].

Семья Александра Мефодиевича Сидорова была приписана к Воскресенской церкви Архангельска. Как свидетельствуют документы, в мае 1824 г. Александр Сидоров был избран церковным старостой этого храма на три года, до 1 января 1827 г.[15] В 1811 г., по исповедной росписи Воскресенской церкви Архангельска, в семье значилось семь человек: сам Александр – 35 лет, его жена Матрона Калинична – 38 лет, и пятеро детей: Константин – 17 лет, Федор – 16, Василий – 9, Александра – 12, Марья – 10 лет[16]. В 1815 г. дети: Федор, Константин, Ксанфий, Василий, Елизавета и Марья. Там же значится мать Гликерия Андреевна 55 лет и ее сын Ксенофонт, брат Александра Сидорова, 30 лет[17].

Рис. 1. Воскресенская церковь в Архангельске. 1902 г. (Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 2015. С. 25)

Ксенофонт Мефодьевич Сидоров подал прошение о включении его во временное мещанство Архангельска в декабре 1817 г. В приложенном к нему паспорте записано, что лальский мещанин К.М. Сидоров «росту немалого, волосом светлорус, лицом шадровит, глаза серые, 31 года»[18]. В ноябре 1819 г. он женился на вдове архангельского мещанина Федора Гоголева Ксении Петровне (дочери мещанина Петра Пашина)[19]. Собственного дома у него не было[20]. Однако с января 1820 г. Ксенофонт Сидоров, уже архангельский купец 3-й гильдии, торгует в городе и Соломбальском селении разным мелочным товаром. Капитал объявил в 8 тыс. руб.[21]

В апреле 1820 г. умерла мать Александра и Ксенофонта Гликерия Андреевна от «водяной болезни», погребена при «городовом кладбище соборне»[22]. Через полгода, 24 октября 1820 г., состоялось венчание архангельского купеческого сына Константина Александровича Сидорова и дочери умершего вологодского купца Николая Митрополова Елены, соответственно 23 и 19 лет, оба первым браком. Поручителями выступили: по жениху – архангельский купец Ксенофонт Сидоров и мещанин Никифор Баженин, по невесте – брат ее родной Денис Митрополов и вологодский купец Никита Бородин[23].

Если в исповедных книгах и при бракосочетании Константин Сидоров значится как купеческий сын, то в обывательской книге Архангельска за 1823–1825 гг. он уже в списке купцов 2-й гильдии[24]. Можно предположить, что, женившись на богатой наследнице, он приобрел необходимую сумму и в 1824–1825 гг. записался сразу во 2-ю гильдию.

[14] ГААО. Ф. 29. Оп. 11. Д. 271. Л. 293, 300, 310, 332 об., 339, 354, 357.
[15] Там же. Ф. 49. Оп. 1. Т. 2. Д. 2301. Л. 1.
[16] Там же. Ф. 29. Оп. 29. Д. 143. Л. 185.
[17] Там же. Д. 171. Л. 53.
[18] Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1884. Л. 3.
[19] Там же. Ф. 29. Оп. 11. Д. 271. Л. 238.
[20] Там же. Ф. 49. Оп. 4. Д. 27. Л. 318 об. – 319.
[21] Там же. Оп. 3. Д. 8105. Л. 16.
[22] Там же. Ф. 29. Оп. 11. Д. 271. Л. 231.
[23] Там же. Л. 230 об.
[24] Там же. Л. 193 об.

Это подтверждает и запись в списке купцов 2-й гильдии, где значится Константин Александрович Сидоров с капиталом в 20 тыс. руб., записавшийся из купеческих детей. В 3-й гильдии значатся Александр Мефодьевич Сидоров и его сын Ксанфий с капиталом 8 040 руб.[25]

Рис. 2. Карта благочиния в Архангельске. 1890 г.
(Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 2015. С. 52)

16 января 1821 г. женится второй сын Александра Сидорова Ксанфий, как следует из метрической книги, на «воспитаннице архангельского гражданского губернатора» девице Екатерине. Из обывательской книги 1823–1825 гг. узнаем более точную информацию: Ксанфий женился на «воспитаннице Императорского воспитательного дома девице Катерине Ивановой»[26]. Жениху было 23 года, невесте – 25 лет, оба первым браком. Поручителями выступили: по жениху – брат его родной Константин Сидоров и помощник Федор Пругавин, по невесте – архангельский гражданский губернатор действительный статский советник Андрей

[25] ГААО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 194. Л. 2–3.
[26] Там же. Ф. 49. Оп. 4. Д. 28. Л. 244 об. – 245.

Перфильев[27] и мичман 14-го флотского экипажа Минстуров[28]. У Ксанфия в феврале 1823 г. родилась дочь Лариса, но через 4 месяца она умерла от родимца. Жена Екатерина умерла 1 сентября 1824 г. от родов и погребена на городском кладбище[29]. Неожиданная смерть опекуна, непринятие устоев купеческой жизни сыграли трагическую роль в судьбе молодой жены Ксанфия[30].

К 1825 г. Александр Сидоров обзавелся собственным домом, состоящим во 2-й части города в 1-м квартале. Дом ранее принадлежал его родственнику по жене купцу Якову Никонову. Вместе с Александром Мефодьевичем в доме проживала семья его сына Константина. 28 ноября 1821 г. у Константина Сидорова родилась дочь Варвара. Крещена 30 ноября в доме «за страхом смерти», крестными стали дед Александр Сидоров и бабушка умершего купца Николая Митрополова вдова Параскева[31]. Через два года родился сын. Метрическую запись о рождении Михаила приводим дословно: «16 марта 1823 г. у купеческого сына Константина Сидорова родился сын Михаил. Крещен 19 марта 1823 г. в церкви. Восприемники – отец его родной Александр Сидоров и умершего вологодского купца Николая Митрополова жена Параскева»[32].

В исповедной книге Воскресенского прихода за 1824 г. среди посадских и их домашних находим семью Александра Сидорова – 48 лет, жену его Матрону – 50 лет, детей ее: Федора – 31 года, Василия – 21 года, Марию – 23 лет. Там же записана семья Константина Сидорова – 28 лет, его жены Елены – 23 лет и их детей: Михаила – 2 лет и дочери Варвары – 3 лет. За ними следуют Ксанфий Сидоров – 27 лет и Ксенофонт Сидоров – 39 лет. У Ксенофонта жена Ксения – 30 лет и сын Севериан – 2 лет[33].

Архангельский купец 2-й гильдии Константин Сидоров, отец Михаила, умер 1 октября 1827 г. в возрасте 31 год от паралича и погребен при городовом кладбище[34]. Таким образом, утверждение, что отец М.К. Сидорова умер, когда тот учился в гимназии, и что это послужило одной из причин его отчисления из учебного заведения, не соответствует действительности. На момент смерти отца Михаилу было 4,5 года. Возможно, это событие оставило негативные воспоминания на всю оставшуюся жизнь Михаила Константиновича.

В этот же год от чахотки умерла жена Ксенофонта Ксения Петровна[35]. Второй раз он женился через год, 24 октября 1828 г., на дочери умершего купца Ивана Алексеева Екатерине. К этому времени он записался в купцы 3-й гильдии, торговал москательными и бумажными товарами[36].

В 1827 г. по церковной книге в состав семьи входили: «Александр Сидоров – 51 год, жена его Матрона – 53 года, дети ее: Федор – 34, Василий – 24, Мария – 26. Сын Александра Сидорова Ксанфий – 30 лет. Умершего купца Константина Сидорова жена Елена – 26 лет, дети ее: Михаил – 5 лет, Варвара – 6 лет»[37]. Таким образом, можно утверждать, что Михаил Сидоров, потеряв отца в раннем детстве, с четырех лет был на воспитании своей матери и родственников отца – деда Александра и дяди Ксанфия.

В мае 1831 г. дядя Ксанфий женился во второй раз на дочери архангельского купца Афанасия Черепанова Екатерине 17 лет[38]. В это время умерла жена Александра Мефодьевича Матрона Калинична. Таким образом, в 1831 г. в семье значились: Александр Сидоров – 55 лет, сын его Ксанфий – 34 лет, жена его Екатерина – 27 лет. Дети умершей Матроны:

[27] А.Я. Перфильев умер в Архангельске 29 июня 1823 г. от апоплексического удара. Похоронен на кладбище Михайло-Архангельского монастыря (ГАОО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 2238. Л. 10).
[28] ГААО. Ф. 29. Оп. 11. Д. 271. Л. 221.
[29] Там же. Л. 193 об.
[30] Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 193.
[31] Там же. Ф. 29. Оп. 11. Д. 271. Л. 220.
[32] Там же. Л. 198 об.
[33] Там же. Ф. 29. Оп. 29. Д. 221. Л. 175.
[34] Там же. Оп. 11. Д. 271. Л. 155 об.
[35] Там же. Л. 138 об., 153 об.
[36] Там же. Ф. 49. Оп. 4. Д. 28. Л. 244 об. – 245.
[37] Там же. Ф. 29. Оп. 29. Д. 238. Л. 65.
[38] Там же. Оп. 11. Д. 271. Л. 103.

Федор – 38, Василий – 28, Марья – 20 лет. Умершего Константина Сидорова жена Елена – 30 лет, дети ее: Михаил – 9 лет, Варвара – 10 лет[39]. На 1832 г. за Александром Сидоровым числился дом, состоящий во 2-й части города Архангельска в 3-м квартале, под № 22[40].

Третью жену Александра Сидорова звали Марья, была она на 25 лет моложе его, у них родилась дочь Евпраксия. Всю свою жизнь в Архангельске Александр Мефодьевич прослужил при Архангельском торговом порту биржевым маклером. Неоднократно избирался на общественные должности. Так, в 1814–1817 гг. был ратманом в городовом магистрате, в 1820–1823 гг. – гласным в городской думе, в 1832–1852 гг. – заседателем в уголовной палате, в 1841–1844 гг. – депутатом в Комитете об устройстве города. Был пожалован золотой медалью на Анненской ленте для ношения на шее с надписью «За усердную службу». Александр Мефодьевич Сидоров умер 27 июля 1856 г. в возрасте 79 лет от «старости». Погребен на городовом кладбище. В отпевании участвовали епископ Архангельский и Холмогорский Антоний и городское духовенство. Известно, что в 1856 г. (возможно, что по завещанию) причт Воскресенской церкви Архангельска получил от господина Сидорова дом.

Жизнь и судьбу дяди Михаила Ксанфия Александровича до конца проследить пока не удалось. По документам, в 1838 г. Ксанфий Александрович значится в списке купцов 2-й гильдии, объявивших за собой капитал в 20 тыс. руб., торгует разными товарами[41]. Однако уже в 1844–1847 гг. он проживал в своем доме в Соломбальском селении, зарабатывал на жизнь «от своих трудов». А в 1861–1865 гг. жил на квартире у своей мачехи Марии Ивановны в доме, оставшемся ей от умершего мужа Александра Мефодьевича Сидорова. Значится как гражданин (бывший купец 2-й гильдии)[42]. Из посемейного списка жителей Архангельска за 1877 г. узнаем, что жена Ксанфия Екатерина Афанасьевна и его дети Кандид, Елизавета и Зинаида выбыли в Лугское купечество[43].

В семье дяди Ксанфия Александровича, скорее всего, и жил Михаил до 1845 г., потому что в обывательской книге, где в семье Ксанфия значится Михаил, записано: «Михайло Константинов Сидоров исключен в 1845 г. по учебной части»[44].

В гимназию Михаил Сидоров поступил в 1835 г.[45], когда ему исполнилось 12 лет. О предыдущих учебных заведениях ничего неизвестно. Среди списков учащихся официальных учебных заведений Архангельска до гимназии он не значится. Учеба в гимназии шла успешно, оценки у Михаила были выше среднего, пока не случилось одно событие.

В феврале 1838 г. из Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов на имя архангельского гражданского губернатора Александра Николаевича Муравьева пришло письмо с предложением направить для «укомплектования положенного по штату числа казенных воспитанников Санкт-Петербургского технологического института одного кандидата из Архангельской губернии»[46]. Там же сообщалось, что в воспитанники могут поступить дети купцов 3-й гильдии, мещан, цеховых и разночинцев, русские подданные без различия вероисповедания, не моложе 13 и не старше 15 лет, «доброй нравственности и крепкого телосложения». Данное сообщение было переадресовано городской думе, которая соответственно дала приказ городовому старосте и его помощникам, чтобы они приискали соответствующих требованиям двух мальчиков, преимущественно сирот из недостаточно обеспеченных больших семейств[47].

30 марта 1838 г. первая полицейская часть объявила обывателям города о поступившем предложении и уже 20 апреля 1838 г. в Архангельскую городскую думу поступает заявление

[39] ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 265. Л. 40 об.
[40] Там же. Ф. 49. Оп. 3. Д. 172. Л. 100.
[41] Там же. Д. 272. Л. 11 об., 24 об., 34 об.
[42] Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 779. Л.6.
[43] Там же. Ф. 50. Оп. 3. Д. 177. Л. 172 об. – 173.
[44] Там же. Ф. 49. Оп. 3. Д. 272. Л. 11 об.
[45] Там же. Ф. 61. Оп. 1. Д. 67. Л. 157.
[46] Там же. Ф. 49. Оп. 1. Т. 2. Д. 2852. Л. 2–2 об.
[47] Там же. Л. 6–7.

от архангельской 2-й гильдии купеческой вдовы Елены Сидоровой, которая пишет: «имея сына именем Михаил, записанного в архангельское мещанство, которому от роду 15 лет, обученному Закону Божию и российской грамоте, знающего первые правила арифметики, находящегося ныне учащимся в Архангельской гимназии в 3-м классе <…> желаю поместить пансионером в означенный институт <…> прошу сына моего назначить кандидатом в пансионеры»[48].

После получения необходимых документов был составлен формулярный список кандидата Михаила Сидорова для поступления в Санкт-Петербургский технологический институт от города Архангельска, в котором врачебный инспектор Клионовский свидетельствовал, что Михаил Сидоров телосложения здорового, не одержим никакой болезнью и не имеет никаких телесных недостатков, «а на руках находятся знаки большей с пользою привитой предохранительной оспы». Также директор училищ Архангельской губернии сообщал, что Михаил во время нахождения в гимназии «вел себя благородно и положенным по уставу предметам учился отлично и вообще оказывал весьма хорошие способности»[49]. В формуляре сообщалось, что после смерти отца Михаил состоял в мещанском сословии, мать, купеческая вдова Елена Сидорова, проживала в доме свекра, архангельского 3-й гильдии купца Александра Сидорова. К наукам имел хорошие способности, под судом не бывал, никакого ремесла не знает, «имения никакого нет». Наследовать может после деда своего архангельского 3-й гильдии купца Александра Сидорова, «если им таковое будет отказано»[50].

Формуляр и все свидетельства были направлены в мае городской думой губернатору, который заявил, что по дошедшим до него сведениям «в здешнем обществе и другие семейства, кроме Сидорова, желают, чтобы дети их были в виду на кандидатство», поэтому приказал известить за подписью все купеческие и мещанские семьи. Появились заявления от вдовы Дарьи Абрамовны Шундер, вдовы Екатерины Ивановны Родде, архангельского 3-й гильдии купца Дионисия Митрополова и архангельского мещанина Федора Ершева.

К этому времени Михаилу Сидорову исполнилось 15 лет и 3 месяца, т.е. на 3 месяца больше, чем требовалось по условиям приема, однако, несмотря на это, дума повторно выбрала кандидатуру Михаила Сидорова как наиболее способного к обучению. Но губернатор А.Н. Муравьев был против такого нарушения правил и предложил кандидатуру иностранца Эдуарда Родде[51], на чем все это дело и закончилось, оставив в душе у Михаила чувство глубокой несправедливости. Он резко меняет свое отношение к учебе: если в 3-м классе его постоянно поощряли за «отличное прилежание, благонравие и успехи», то в 4-м классе его успехи довольно посредственные, а по некоторым предметам и ниже среднего[52]. Имеется итоговая запись о его успехах в 5-м классе: Закон Божий – 4, математика – 1, словесность – 4, история – 4, латинский язык – 4, немецкий – 5, французский – 1, английский – 3. Средний балл – 3. При переводе в 6-й класс необходимо было пересдать математику и немецкий язык. В числе учеников, зачисленных в 6-й класс, Михаил Сидоров не значится. Сведений о конфликте, произошедшем между Михаилом и учителем французского языка Антоном Гутковским, не выявлено, но то, что в 6-м классе (на 1840/1841 учебный год) Михаил Сидоров уже не обучался в гимназии, подтверждается документально[53].

После увольнения из гимназии, согласно сведениям А.А. Жилинского, Михаил Сидоров помогал своему деду А.М. Сидорову и дяде Ксанфию Александровичу в их торговой деятельности. По обывательской книге, Ксанфий в 1838–1841 гг. выбирался гласным в городскую думу от купцов 1-й и 2-й гильдии, но в дальнейшем он уже значился как мещанин. Именно в это время, в 1841 г., состоялась поездка Михаила Сидорова на Соловецкие острова, сыгравшая решающую роль в определении его жизненного пути. Такое же

[48] ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Т. 2. Д. 2852. Л. 10.
[49] Там же. Л. 27, 29.
[50] Там же. Л. 30.
[51] Там же. Л. 89.
[52] Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 17. Л. 74; Д. 21. Л. 264 об., 318 об.
[53] Там же. Д. 17. Л. 94 об., 96–106; Ф. 61. Оп. 1. Д. 110. Л. 124.

значение имела для Михаила встреча с коммерции советником В.А. Поповым, познакомившим его со своими проектами по мореходству и посоветовавшим заняться исследованием естественных богатств Сибири. Но прежде чем устраиваться на работу, Михаилу Сидорову необходимо было получить свидетельство об образовании.

В деле с распоряжениями и объявлениями директора Архангельской гимназии Никольского за 1843 г. имеется следующая запись: «Сего 24 мая в 5 часов по полудни на основании Устава учебных заведений сим имею предложить всем господам преподавателям Архангельской губернской гимназии собраться в зале гимназии для произведения испытания на звание учителя уездного училища по предмету русского языка надзирателю Плотникову и бывшему ученику гимназии Сидорову»[54]. При открытии заседания директор зачитал два прошения – надзирателя гимназии Плотникова и бывшего ученика, но не окончившего гимназического курса купеческого сына Сидорова, желавших подвергнуть себя испытанию на звание учителя русского языка по случаю открывшейся вакансии в Кемском уездном училище. В первый день 24 мая кандидаты ответили на пять устных вопросов, доставшихся им по жребию. На второй день 25 мая они решили в присутствии педагогического совета по два вопроса письменно и написали краткие рассуждения на тему «Для чего нужно обучаться грамматике». На третий день 26 мая кандидаты подготовили «пробные лекции»: Плотников о глаголах, а Сидоров об именах существительных. Педагогический совет отдал преимущество надзирателю Плотникову для определения в Кемское уездное училище, а бывшему ученику гимназии Сидорову пообещал иметь в виду как кандидата на звание надзирателя за вольноприходящими учениками гимназии[55].

Через два года, 5 марта 1845 г., вследствие поданного прошения бывшего ученика Архангельской губернской гимназии Михаила Сидорова, изъявившего желание пройти испытания на звание домашнего учителя по русскому языку, состоялось заседание педагогического совета гимназии. На нем Михаил отвечал на все вопросы, как по русскому языку, так по российской и всеобщей истории, по всеобщей российской географии и арифметике, при том «не только ясно и удовлетворительно, но и показал в оных предметах очень хорошие успехи». Сверх того, был экзаменован по хронологии, в которой также показал очень хорошие знания. Поэтому педагогический совет предложил Сидорову продолжить испытания и написать краткое рассуждение и дать пробную лекцию из русской грамматики. М. Сидоров и эти задания исполнил совершенно удовлетворительно, поэтому педагогический совет определил: «Предоставить право директору училищ ходатайствовать у высшего начальства о выдаче Сидорову законного свидетельства на звание домашнего учителя по предмету русской грамматики»[56]. 30 мая 1845 г. Михаил Сидоров получил свидетельство от управляющего учебным округом, которое дало ему возможность найти место домашнего учителя в семье В.Н. Латкина.

История, связанная с учреждением в Архангельске частного городского банка, чуть не стоила М. Сидорову свободы и репутации. Архангельский губернатор маркиз де Траверсе очень не хотел иметь у себя в губернии такое учреждение и поэтому, когда узнал, что за организацией банка, в том числе, стоит Михаил Сидоров, приказал его арестовать, но опоздал. Михаил Константинович был в это время на пути в Сибирь в г. Красноярск, где занялся обучением детей золотопромышленника В.Н. Латкина и перепиской его бумаг.

В.Н. Латкин, выходец из Вологодской губернии, был видным деятелем Севера, общение с которым дало Михаилу много практических знаний в области добычи золота. Помимо этого, в 1858 г. Михаил женился на дочери Латкина Ольге Васильевне[57], и их отношения стали еще более доверительными и дружественными: оба сходились на том, что ключом для развития Севера является морское и речное судоходство – организация пароходств по всем северным морям и рекам.

[54] ГААО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 18. Л. 41–41 об.
[55] Там же. Ф. 61. Оп. 1. Д. 129. Л. 144–146.
[56] Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 17. Л. 167–167 об.
[57] *Макаров Н.А.* Михаил Константинович Сидоров (К 185-летию со дня рождения) // Памятные даты Архангельской области 2008 год. Архангельск, 2007. С. 42.

Михаил Константинович оказался талантливым изыскателем, использовавшим в поисках золотых приисков знания и опыт многочисленных старателей. В 1850 г. в ходе поисков он вышел на р. Подкаменную Тунгуску, где открыл впервые богатое месторождение россыпного золота[58]. В 1852 г. началась добыча золота на первых приисках Сидорова, что дало ему возможность реализовывать свои планы. Одна из его задумок – организация Сибирского университета – встретила сильнейшее сопротивление местной власти. Против него постоянно возбуждались уголовные дела, возводились многочисленные бюрократические препятствия, но добыча золота продолжала успешно развиваться, что давало ему возможность решать проблемы.

Разбогатев, М.К. Сидоров все средства, получаемые с золотых приисков, обратил на осуществление заветной мечты – освоение Севера и Северного морского пути. В 1859 г. он открыл на р. Нижней Тунгуске месторождение графита, что позволило ему планировать дальнейшее освоение Туруханского края. Ближайшая цель – найти путь с Енисея до устья Печоры. Он снаряжает две экспедиции по исследованию возможных путей сообщения в Сибири.

В Государственном архиве Архангельской области сохранилось немало документов, характеризующих деятельность М.К. Сидорова по преобразованию северных окраин. В феврале 1861 г. начальнику Архангельской губернии Константину Ивановичу Истомину поступает депеша из Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, в которой сообщается, что «Свиты Его Величества» генерал-майор Петр Волков, потомственный почетный гражданин Василий Латкин и временно красноярский 2-й гильдии купец Михаил Сидоров вошли с прошением о выдаче им 10-летней привилегии на учреждение пароходства по реке Печоре и ее притокам, а также и в Печорском лимане. Дело затянулось в связи с потерей самого заявления, и только 15 июля 1863 г. Государственный совет, рассмотрев представление министра финансов, решил предоставить этим лицам исключительное право на учреждение и содержание пароходства, но с условиями: «1. Чтобы правительство имело право на тех же водяных путях в течение срока этой привилегии содержать казенные пароходы для своих надобностей; 2. Чтобы вновь учрежденное пароходство было подчинено всем существующим постановлениям о пароходстве; 3. Чтобы учредители организовали пароходство в течение 3-х первых навигаций, в случае неисполнения этого означенное право признается уничтоженным»[59].

Одно из посланий М.К. Сидорова к архангельскому губернатору Н.А. Качалову пришло в октябре 1869 г. К этому времени он записался в ораниенбаумское купечество 1-й гильдии. В поданном на имя заведующего 2-м Мезенским лесничеством заявлении Сидоров просит о разрешении ему отправить за границу через устье р. Печоры графит, добываемый на р. Нижней Тунгуске, на что получает согласие губернатора, но с условием непременного контроля за каждым приходящим иностранным кораблем, чтобы не было контрабанды[60].

В январе 1870 г. архангельский губернатор получил послание из Лесного департамента Министерства государственных имуществ, в котором сообщалось, что ораниенбаумский купец 1-й гильдии Михаил Сидоров в заявлении, поданном им в августе 1869 г., пишет, что он, заведя ныне пароходство по Северному океану и в Печорском заливе и желая продолжать его по самой реке Печоре, имеет намерение вместо привозимого для того каменного угля из Англии развивать разработку его по системе реки Печоры и на острове «Новая Земля» своими русскими рабочими. Кроме того, он предполагал построить на реке Печоре: 1) завод для добычи и разработки серы по ключу, втекающему с левой стороны в р. Усу в виду горы Адака и 2) ферму для разведения картофеля, огородничества и скотоводства и тут же пристань для склада горной смолы и приходящих с ней судов. Местность для всего этого он выбрал в 40 верстах ниже деревни Куй, на правой стороне реки Печоры <…>, почему и просит об отводе ему означенных мест в вечное и потомственное владение, как удаленных

[58] *Фрейдин И.Л.* Михаил Константинович Сидоров… С. 251.
[59] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 536. Л. 1–11.
[60] Там же. Оп. 5. Д. 994. Л. 1–7.

от обитаемых местностей и не приносящих никакого дохода. Управление госимуществ, рассуждая, что если предприятие купца Сидорова завершится успехом, то это предоставит местному населению хороший заработок и привлечет туда других желающих поселиться в этом безлюдном крае, предоставило Сидорову просимые участки земли. Губернатор Игнатьев писал: «Во всяком случае, если предложение господина Сидорова не может быть принято во всей своей полноте Лесным департаментом, то справедливость требует поддержать человека, предприимчивость которого оживит этот удаленный край правильной деятельностью»[61].

Следующее заявление по этому же вопросу, поступившее от М.К. Сидорова, Лесной департамент направил губернатору 23 ноября 1870 г., в котором сообщил, что отправил «прошение *титулярного советника* [курсив наш. – *Т. С.*] Сидорова об отводе ему участков земли на реке Печоре и на Мурманском берегу для устройства на них торгово-промышленных пунктов, которые бы служили основанием для развития торговли и промышленности в Северном море сроком на 48 лет с тем, чтобы за первую половину этого срока с него не было взимаемо за упомянутые земли оброка в уважение того, что предприятиями его полагается начало развитию торговли и промышленности на Севере в обширных небывалых в том крае размерах. Управление, исходя из того, что: 1) эти участки лежат никем еще не занятые и не приносят казне никакой пользы и что тамошний край весьма нуждается в заселении людьми предприимчивыми; 2) что Сидоров задумал в высшей степени полезное дело, как в видах правительства, так и в частности для местного края, желая положить начало развитию торговли и промышленности на Северном море; 3) что на основании высочайше утвержденного 22 ноября 1869 г. Положения предоставлено право переселяться на Мурманский берег как иностранцам, так и русским подданным; рекомендовало разрешить Сидорову поселиться на Мурмане и колонизировать там наравне с прочими переселенцами»[62].

Следующее прошение от *коллежского асессора* М.К. Сидорова было написано начальнику Архангельской губернии Николаю Павловичу Игнатьеву в 1873 г. Сообщая о том, что с 1871 г. ему было дозволено в течение нескольких лет доставлять в Морское ведомство для нужд флота из реки Печоры в Кронштадтский и Санкт-Петербургский порты лиственницу, которая заготовлялась в верховьях реки Печоры и сплавлялась плотами к устью, где выгружалась с воды на берег и грузилась на корабли. Однако «при узкости рейда, а также невозможности производить погрузку леса через один корабль на другой <…> пристань должна занимать по необходимости от 2 000 до 3 000 сажен берега в длину». Помимо этого, он пишет о необходимости постройки складских помещений для поступающих товаров. В связи с этим он просит разрешения устроить в низовьях Печоры три пристани для кораблей и складов. Кстати, сообщает свое место проживания: «Жительство имею в Санкт-Петербурге <…> по Гагаринской набережной, дом 16, кв. № 5». Из переписки по этому вопросу следует, что в этом деле участвовала и жена Михаила Сидорова Ольга Васильевна, а Сидоров выступал как ее доверенное лицо. Разрешение на отвод земли было получено[63].

Имеется ходатайство купца Сидорова, кемского купца Николая Судовикова и сумского – Ивана Воронина об улучшении промыслов в Северном океане и запрещении норвежцам ловить рыбу у мурманских берегов[64] (1881 г.). Один из его проектов – учреждение в Санкт-Петербурге Северного комитета, в котором бы сосредоточивались дела, касающиеся экономики Севера[65].

В архивном деле с перепиской губернатора Николая Михайловича Баранова за 1881–1882 гг. находится немало писем М.К. Сидорова. Из них мы узнаем, что дела его в это время довольно печальны: у него нет денег, чтобы перевезти на лечение больного

[61] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 1688. Л. 1–11.
[62] Там же. Д. 536. Л. 1–11.
[63] Там же. Т. 1. Д. 1374. Л. 14–15.
[64] Там же. Д. 1688. Л. 1–11.
[65] Там же. Д. 2735. Л. 8–8 об., 16–25 об.

Н. Судовикова из Архангельска в Санкт-Петербург[66]. Потратив все свои средства на изыскания и развитие промышленности на Севере и в Сибири, он оказался в затруднительном положении. Начал страдать сильными головными болями. В 1887 г. отправился в Германию на лечение, где и скончался 12 июля в г. Аахен.

Погребен Михаил Константинович в Санкт-Петербурге на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры. Над могилой был установлен темно-серый мраморный крест на небольшой глыбе гранита с надписью: «Да будет воля Твоя» с указанием дат жизни. На следующий год скончалась его мать игумения Феофания, которую похоронили в ограде Шенкурского монастыря. Жена Ольга Васильевна умерла в начале декабря 1917 г. и была похоронена рядом с мужем. Там же погребен и сын Василий.

Осознавая всю значимость трудов по освоению арктических территорий таких подвижников, как М.К. Сидоров, закончить статью хочется выдержкой из его письма архангельскому губернатору Н.М. Баранову от 14 октября 1881 г.: «Вы сообщаете, что на Севере грустного очень много, что с текущей мертвечиной возиться Вам никогда не было охоты <…>. Но, сколько я понял, то Вы и поехали на Север, не имея в виду удовольствий, кроме желания воскресить его из мертвых и тем оказать еще новую услугу Отечеству! <…> Если мы, не имеющие никаких связей и власти, бьемся десятки лет, истратив свои последние средства для поднятия Севера и в пределах России и Сибири, и понемногу при всех административных препятствиях подвигаемся, то Вам при Ваших отношениях и энергии надлежит затмить всех предместников и доказать, что Север должен занять первое место в империи и до того времени не оставлять Север»[67].

И еще: именно с 1887 г. день 6 сентября (день памяти о чудодейственном явлении св. Архангела Михаила в Хонех) был объявлен в Архангельске неприсутственным, а для учащихся – неучебным.

Литература

Жилинский А.А. Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск: Издание Комитета по увековечению памяти М.К. Сидорова, 1918. 153, [2] с.

Зенов П.М. Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стража интересов Севера России. Петроград: Типография Морского Министерства, в Главном Адмиралтействе, 1916. 16 с.

Королев В. России беспокойный гражданин. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1987. 112 с.

Ламин В.А., Ноздрин Г.А. Сибирский купец Михаил Константинович Сидоров // Тобольск и вся Сибирь. Кн. 28. Северный морской путь: в 4 т. Тобольск, 2018. Т. 1. С. 537–547.

Макаров Н.А. Михаил Константинович Сидоров (К 185-летию со дня рождения) // Памятные даты Архангельской области 2008 год. Архангельск, 2007. С. 42.

Фрейдин И.Л. Михаил Константинович Сидоров // Летопись Севера. М., 1971. Т. V. С. 248–264.

References

Freidin, I.L. (1971). Mikhail Konstantinovich Sidorov [Mikhail Konstantinovich Sidorov]. In *Letopis’ Severa*. Moscow. Vol. 5, pp. 248–264.

Korolev, V.N. (1987). *Rossii bespokoynyy grazhdanin* [Russian Restless Citizen]. Syktyvkar, Komi kn. izd-vo. 110 p.

Lamin, V.A., Nozdrin, G.A. (2018). Sibirskiy kupets Mikhail Konstantinovich Sidorov [Siberian Merchant Mikhail Konstantinovich Sidorov]. In *Tobol’sk i vsya Sibir’. Kn. 28. Severnyy morskoy put’: v 4 t*. Tobol’sk. Vol. 1, pp. 537–547.

[66] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2735. Л. 49–53 об., 54–80, 105–106 об., 109–113, 151–179, 251–252, 328–328 об., 331.
[67] Там же. Л. 45–46 об.

Makarov, N.A. (2007). Mikhail Konstantinovich Sidorov (K 185-letiyu so dnya rozhdeniya) [Mikhail Konstantinovich Sidorov (On the 185th Anniversary)]. In *Pamyatnye daty Arkhangel'skoy oblasti, 2008 god*. Arkhangel'sk, p. 42.

Zenov, P.M. (1916). *Pamyati arkhangel'skogo grazhdanina Mikhaila Konstantinovicha Sidorova, strazha interesov severa Rossii* [In Memory of the Arkhangelsk Citizen Mikhail Konstantinovich Sidorov, Guardian of the Interests of the North of Russia]. Petrograd, Tipografiya Morskogo Ministerstva. 16 p.

Zhilinskiy, A.A. (1918). *Rossiya na Severe (K opisaniyu zhizni i deyatelnosti M.K. Sidorova)* [Russia in the North (To the Description of the Life and Work of M.K. Sidorov)]. Arkhangelsk, Izdanie Komiteta po uvekovecheniyu pamyati M.K. Sidorova. 153, [2] p.

А.Г. Едовин*

ВОЛОГОДСКИЕ КОРНИ М.К. СИДОРОВА

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-2
УДК 347.189.8+323.326(092)

Выходные данные для цитирования:
Едовин А.Г. Вологодские корни М.К. Сидорова // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 26–30. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-02.pdf

A.G. Edovin*

VOLOGDA ROOTS OF THE ORIGIN OF M.K. SIDOROV

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-2

How to cite:
Edovin A.G. Vologda Roots of the Origin of M.K. Sidorov // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 26–30. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-02.pdf]

Abstract. The article tells about two important matters of the biography of the famous Russian entrepreneur M.K. Sidorov: his origin on the maternal side and the geography of his places of residence during his childhood and adolescence in Arkhangelsk. As a result of genealogical research, Sidorov's mother was proven to be coming from the line of the Mitropolovs, a Vologda family of merchants, who played an important role in the local community in the 19th century. The article determines the reasons for the elevation of the Mitropolovs from the Vologda merchant class and their position in the local city government bodies. The economic interests that led Sidorov's maternal ancestors to permanently reside in Arkhangelsk, which was one of the largest international seaports of the Russian Empire, are revealed. Elena Nikolaevna Sidorova (nee Mitropolova) was discovered to have been the abbess of one of the famous monasteries of the North, the Shenkursky Holy Trinity, for more than 20 years, under the name of Feofania. In addition, the lost and preserved objects of cultural heritage, such as the architectural monuments that were directly related to the personality of both Sidorov himself and his relatives, were identified, as well as the estates mentioned in the Arkhangelsk Quarterly Book in 1828 belonging to the Sidorov and Mitropolov families. Currently, a stone mansion which belonged to the grandfather of M.K. Sidorov has been preserved in Arkhangelsk on the waterfront of the Northern Dvina. After the death of her husband, Sidorov's grandmother P.D. Mitropolova submitted the building for the establishment of a nautical school. Now this memorial complex is the building of the Academician N.P. Laverov Arctic Research Center.

Keywords: the North of Russia, Arkhangelsk, M.K. Sidorov, the Mitropolovs, Russian merchants, genealogy, family tree.

The article has been received by the editor on 23.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассказывается о двух проблемах изучения биографии известного российского предпринимателя М.К. Сидорова: его происхождении по материнской линии и выявлении мест его проживания в детские и юношеские годы в Архангельске. В ходе генеалогических исследований было доказано происхождение семьи матери М.К. Сидорова из вологодского рода купцов Митрополовых, сыгравших важную роль в истории местного сообщества в XIX в. Определены причины возвышения Митрополовых из среды вологодского купечества и занимаемые ими должности городского самоуправления. Выявлены экономические интересы, приведшие предков Сидорова по материнской линии к постоянному проживанию в Архангельске – одном из крупнейших между-

* **Алексей Геннадиевич Едовин,** канд. ист. наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск, Россия; президент Северного историко-родословного общества, Архангельск, Россия, e-mail: alexej.edovin@yandex.ru

Alexey Gennadievich Edovin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia; President of the Northern Genealogical Society, Arkhangelsk, Russia, e-mail: alexej.edovin@yandex.ru

народных морских портов Российской империи. Елена Николаевна Сидорова (в девичестве Митрополова), как оказалось, на протяжении более двадцати лет под именем Феофания была игуменьей одного из известных женских монастырей Севера – Шенкурского Свято-Троицкого. Также определены утраченные и сохраненные объекты культурного наследия – памятники архитектуры, имевшие непосредственное отношение к личности как самого М.К. Сидорова, так и его родственников. Выявлены усадьбы, упомянутые в «Поквартальной книге Архангельска» за 1828 г., принадлежавшие семьям Сидоровых и Митрополовых. В настоящее время в Архангельске на набережной Северной Двины сохранился каменный особняк, принадлежавший деду М.К. Сидорова. После смерти супруга бабушка М.К. Сидорова – П.Д. Митрополова передала это здание для устройства в нем мореходной школы. Ныне в этом мемориальном комплексе расположен Центр изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова.

Ключевые слова: Север России, Архангельск, М.К. Сидоров, Митрополовы, русское купечество, генеалогия, родословие.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023 г.

До недавнего времени родословная Михаила Константиновича Сидорова не вызывала особого интереса у исследователей, так как его яркая жизнь затмила, казалось бы, не столь существенные для историка генеалогические аспекты. Тем не менее обращение к теме происхождения рода такой известной личности было делом времени, и это время наступило сейчас, в его юбилейный год. В рамках данной статьи нам бы хотелось осветить два сюжета: происхождение М.К. Сидорова по материнской линии и локализацию тех адресов в Архангельске, которые связаны с его пребыванием в городе.

Отец Михаила – Константин Александрович (1796–1727) был младшим сыном лальского мещанина Александра Мефодьевича Сидорова, записавшегося в 1810 г. во временное мещанство в Архангельске, а в 1815 г. – в местные купцы 3-й гильдии. Александр Мефодьевич имел дом на углу улиц Въезжей (совр. Ломоносова) и Менсендековской (совр. Свободы), купленный у купца Якова Никонова. К 1825 г. он уже отмечен как один из пяти влиятельнейших купцов Архангельска и член 2-й гильдии[1].

Константин Александрович был женат на Елене Николаевне (1800–1888), дочери вологодского купца 1-й гильдии Николая Ивановича Митрополова (1754–1803) и Прасковьи Денисовны (умерла после 1819), проживавших на рубеже XVIII–XIX вв. в Архангельске[2].

Интересующие нас Митрополовы впервые упоминаются в переписной книге Вологды 1678 г., где указаны «Конон, Мишка и Илюшка Ефремовы дети». По одной из версий, Ефрем был митрополичьим кузнецом, переселившимся в Вологду в середине XVII в., – отсюда и происходит фамилия. Его сыновья были не только владельцами кузниц, но и вели торговлю, посылая суда со своей продукцией в Архангельск. Сын Ильи Ефремовича – Илья – в 1702 г. владел уже четырьмя суднами дальнего плавания, осуществлявшими торговлю через Архангельск. В XVIII в. Митрополовы вели оптовую торговлю по Сухоно-Двинскому пути и розничную в Вологде, им также принадлежали кузницы и недвижимость в городе. Внук Ильи Ильича – Степан Васильевич (1704–1761) имел двух сыновей, старший из которых Иван (1730 – после 1775) стал продолжателем дела отца в торговой сфере. Его сыновья Николай и Степан Ивановичи были очень известными людьми не только в Вологде, но и далеко за ее пределами[3].

Младший, Степан (1757 – после 1807), состоял в 1-й купеческой гильдии, в 1794–1800 гг. был арендатором Сереговского солеваренного завода. В Архангельске он владел домом

[1] *Шумилов Н.А.* Архангельский родословец. Архангельск, 2009. С. 264.
[2] Там же.
[3] *Гуслистова А.Н.* Генеалогия вологодской купеческой семьи Митрополовых в XVII–XIX вв. // Некрасовские чтения: сб. мат-лов II Всерос. науч. конф. Вологда, 2016. С. 160–165.

и амбарами в Маймаксе. Вместе со старшим братом Николаем и архангельским купцом Ксенофонтом Алексеевичем Анфилатовым в 1802 г. с разрешения Александра I он учредил торговую контору в Лондоне «на всех правах и преимуществах, каковыми пользуются англичане в России»[4]. В 1799–1807 гг. на два срока избирался вологодским городским головой. В начале XIX в. отмечен как владелец прядильного завода в Вологде (вероятно, унаследованного от брата). Степан и Анисья Ивановна имели сыновей Михаила, Ивана и Антона, которые тоже стали купцами 1-й гильдии[5]. Старший из них, Михаил, 19 сентября 1804 г. женился на наследнице крупного архангельского купца, именитого гражданина Семена Петровича Крылова, – Ульяне Семеновне. Однако спустя год его супруга умерла от родов и наследство Крыловых перешло к Митрополовым[6]. Иван же в дальнейшем продолжал владеть прядильным заводом в Вологде, проживая в доме на Пречистенской набережной (сейчас на этом участке стоит родовой дом Митрополовых начала XX в.). В промежутке между 1835 и 1842 гг. он продает прядильный завод архангельскому купцу Вильгельму Брандту[7].

Дом Митрополовых, начало XIX в.
В настоящее время в здании расположен Центр изучения Арктики им. Н.П. Лаверова.
Фото А.Г. Едовина

Николай Иванович Митрополов, будучи старшим братом, отвечал за торговлю. В 1782 г. указан как владелец расположенного в Вологде прядильного завода, продукция которого шла в Архангельск. Около 1783 г. построил совместно с братом Степаном в Тотемском округе лесопильный завод с двумя амбарами (к началу 1790-х гг. – четыре лесопильные рамы и три амбара), выпускавший брусья и тес на экспорт. С середины 1790-х гг. постоянно проживал в Архангельске, где, помимо прочего, вел и благотворительную деятельность. Например, пожертвовал лиственничный лес для возведения после пожара в 1796 г. Ильинской церкви на Кегострове[8]. Его супруга, а потом вдова Прасковья Денисовна вела торг в Архангельске и также занималась благотворительностью. По некоторым сведениям, в 1819 г., после смерти супруга, она передала один из своих домов – каменный, сохранившийся до наших дней, в пользование Архангельской казенной палате. Этот дом находился в 12-м квартале 2-й части

[4] *Замятин Г.А.* Ксенофонт Алексеевич Анфилатов. Очерк его жизни и деятельности. Киров, 2011. С. 64.
[5] *Гуслистова А.Н.* Генеалогия… С. 164.
[6] *Шумилов Н.А.* Архангельский родословец… С. 201.
[7] Там же. С. 222.
[8] Краткое историческое описание церквей и приходов Архангельской епархии. Архангельск, 2015. С. 54.

Архангельска[9], и сейчас его адрес: Набережная Северной Двины, 109 (там размещается Центр изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова).

Сама Прасковья Денисовна с сыном Денисом и дочерями Аполлинарией и Еленой проживала в деревянном доме (не сохранился) на том же участке, но по Троицкому проспекту, по соседству с известным памятником архитектуры середины XIX в. – домом Ренни-Шарвина. В браке у Прасковьи Денисовны и Николая Ивановича были и старшие девочки – Марья, Прасковья, Настасья и Агриппина, родившиеся в период с 1782 по 1792 г. и оставшиеся на постоянном жительстве в Вологде. Туда же позже перебрался и Денис Николаевич, дом которого располагался на одном участке с домом двоюродного брата Ивана Степановича[10].

Дочь Николая Ивановича и Прасковьи Денисовны – Елена Николаевна Сидорова (в девичестве Митрополова) и стала матерью Михаила Константиновича, родившегося 16 марта 1823 г. Дядя М.К. Сидорова – Денис Николаевич позже женился на дочери санкт-петербургского купца Елизавете Алексеевне Пузиной, а тетя Аполлинария вышла замуж за перемышльского купца Никиту Бородина[11].

Весьма примечательна дальнейшая судьба Елены Николаевны Сидоровой. Овдовев, она много путешествовала и в 1840-х гг. посетила с паломнической поездкой Соловецкий монастырь. Там она отправилась получать благословение от старца Наума, который подал ей несколько хлебных колосьев и сказал буквально следующее: «Возьми и побереги пока, а после, когда нужно будет, сей их от плода, корми своих дочерей». Тогда она не восприняла эти слова всерьез, так как не собиралась вступать в повторный брак. Однако смысл этих слов открылся позже. Около 1860 г. она поступила в Холмогорский женский Успенский монастырь, а через пять лет была пострижена под именем Феофания. Вскоре после этого она была назначена настоятельницей только что преобразованного Шенкурского монастыря, став тем самым матерью тех «дочерей», которых ей напророчил старец Наум. Удивительно, но выбор на Елену Николаевну пал случайно. Архангельский архиепископ Нафанаил, которому принадлежит инициатива возрождения Шенкурского монастыря, поступил в данном случае просто – отдал его на волю Богородицы – положил перед Ее образом карточки с именами монахинь и вытащил первую попавшуюся. Так, 2 января 1866 г. состоялось посвящение инокини Феофании в игуменьи Шенкурского женского Свято-Троицкого монастыря. Игуменьей она была милосердной, кроткой и смиренной, при ней обитель была приведена в цветущее состояние, за что и была награждена двумя наперсными крестами – Св. Синода и Кабинета Его Величества. Пробыв на игуменстве 22 года, Феофания скончалась 28 января 1888 г. в возрасте 88 лет[12].

Как видим, по материнской линии Михаил Константинович Сидоров имел достаточно примечательных родственников: дед – вологодский городской голова, мать – игуменья одного из крупных монастырей, остальные родственники – богатейшие купцы, приумножившие свои богатства и славившиеся благотворительной деятельностью. Теперь мы понимаем, каким образом предпринимательская жилка в Михаиле Константиновиче Сидорове, доставшаяся в наследство от деда по отцу, уживалась с его стремлением к меценатству, столь присущему деду по матери.

Литература

Воронин И.Б. Этюды по вологдоведению [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/Vologda-home/1.html (дата обращения: 10.09.2023).

Гуслистова А.Н. Генеалогия вологодской купеческой семьи Митрополовых в XVII–XIX вв. // Некрасовские чтения: материалы II Всерос. науч. конф. Вологда, 2016. С. 160–165.

[9] Поквартальная книга Архангельска 1828 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pastar.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=110&Itemid=1249 (дата обращения: 10.09.2023.)

[10] *Воронин И.Б.* Этюды по вологдоведению [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/Vologda-home/1.html (дата обращения: 10.09.2023).

[11] *Шумилов Н.А.* Архангельский родословец… С. 223.

[12] Краткое историческое описание церквей и приходов Архангельской епархии… С. 344–345.

Замятин Г.А. Ксенофонт Алексеевич Анфилатов. Очерк его жизни и деятельности. Киров: О-краткое, 2011. 294 с.

Краткое историческое описание церквей и приходов Архангельской епархии / сост. Т.А. Санакина. Архангельск: Архангельская и Холмогорская епархия, 2015. 528 с.

Монастыри Архангельского Севера XIV–XXI вв. / отв. ред. В.К. Ананьин, сост. Т.А. Санакина. Архангельск: Изд-во Гос. арх. Арханг. обл., 2017. 479 с.

Шумилов Н.А. Архангельский родословец. Архангельск: Правда Севера, 2009. 1088 с.

References

Anan'in, V.K. (Ed.), Sanakina, T.A. (Comp.). (2017). *Monastyri Arkhangel'skogo Severa XIV–XXI vv.* [The Monasteries of the Arkhangel'sk North: 14th–21st Centuries]. Arkhangel'sk, Izdate'stvo Gosudarstvennogo arkhiva Arkhangelskoy oblasti. 479 p.

Guslistova, A.N. (2016). Genealogiya vologodskoy kupecheskoy sem'i Mitropolovykh v XVII–XIX vv. [The Genealogy of the Vologda Merchant Family of the Mitropolovs in the 17th–20th Centuries]. In *Nekrasovskie chteniya. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii.* Vologda, pp. 160–165.

Sanakina, T.A. (Comp.). (2015). *Kratkoe istoricheskoe opisanie tserkvey i prikhodov Arkhangel'skoy eparkhii* [The Brief Historical Description of Churches and Parishes of the Arkhangelsk Diocese]. Arkhangel'sk, Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti. 528 p.

Shumilov, N.A. (2009). *Arkhangel'skiy rodoslovets* [The Arkhangelsk Pedigree Book]. Arkhangelsk, Pravda Severa. 1088 p.

Voronin, I.B. *Etyudy po vologdovedeniyu* [The Sketches on Vologda Studies]. Available at: URL: https://www.booksite.ru/Vologda-home/1.html (date of access: 10.09.2023).

Zamyatin, G.A. (2011). *Ksenofont Alekseevich Anfilatov. Ocherk ego zhizni i deyatel'nosti* [Ksenofont Alekseevich Anfilatov. The Sketch of His Life and Work]. Kirov, O-kratkoe. 294 p.

Т.С. Минаева*

«ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР НОВОЙ ЗЕМЛИ» (М.К. СИДОРОВ КАК ВДОХНОВИТЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЗВЕРОБОЙНЫХ ПРОМЫСЛОВ НА СЕВЕРЕ РОССИИ)

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-3
УДК 910.4+339(–05)

Выходные данные для цитирования:
Минаева Т.С. «Генерал-губернатор Новой Земли» (М.К. Сидоров как вдохновитель развития зверобойных промыслов на Севере России) // исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 31–41.
URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-03.pdf

T.S. Minaeva*

"GOVERNOR-GENERAL OF NOVAYA ZEMLYA" (M.K. SIDOROV AS THE INSPIRER OF THE DEVELOPMENT OF THE MARINE MAMMAL HUNTING IN THE NORTH OF RUSSIA)

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-3

How to cite:
Minaeva T.S. "Governor-General of Novaya Zemlya" (M.K. Sidorov as the Inspirer of the Development of the Marine Mammal Hunting in the North of Russia) // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 31–41.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-03.pdf]

Abstract. M.K. Sidorov, a merchant and industrialist of the second half of the 19th century, was originally from the Arkhangelsk province. He knew the peculiarities of the economy of the North of Russia and the traditional occupations of its population, therefore, when the marine mammal hunting started to decline, he began to fight for its revival. This struggle was not easy, as the government did not consider the marine mammal hunting to be promising, and the merchants did not want to support it. M.K. Sidorov used various means to change the situation. He spoke in public organizations, wrote articles, published books, sent projects and proposals to government agencies, organized a mammal hunting expedition, took part in all-Russian and international industrial exhibitions, where he demonstrated the products of the marine mammal hunting. The merchant was particularly concerned about the active marine mammal hunting of Norwegians near the Novaya Zemlya archipelago, so he advocated the creation of permanent settlements on Novaya Zemlya, the inhabitants of which could engage in mining, marine fishing, and hunting. To the great disappointment of the entrepreneur, his works caused almost no positive responses from the Russian administration and representatives of private enterprise, the funds spent by him did not bring profit. In historiography, there is an idea that M.K. Sidorov did not gain support because his ideas were ahead of their time, and he did not know how to build relationships with officials. The article examines the activities of M.K. Sidorov to attract the attention of the state and society to the marine riches of the Arctic and to prove the profitability of their extraction. The author analyzes the proposals and views of M.K. Sidorov, the types of his activities and draws new conclusions about the causes of the entrepreneur's failures and the consequences of his efforts.

Keywords: The North of Russia, M.K. Sidorov, marine mammal hunting, the history of Russia in the second half of the 19th century, Novaya Zemlya.

The article has been received by the editor on 13.09.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Татьяна Станиславовна Минаева,** доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, e-mail: t.minaeva@narfu.ru
Tatiana Stanislavovna Minaeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, e-mail: t.minaeva@narfu.ru

Аннотация. М.К. Сидоров, сибирский купец и промышленник второй половины XIX в., был родом из Архангельской губернии. Он знал особенности экономики Севера России, традиционные занятия его населения, поэтому, когда поморские зверобойные промыслы стали приходить в упадок, он начал бороться за их возрождение. Эта борьба была нелегкой, правительство не рассматривало арктические зверобойные промыслы как перспективные, купечество не желало их поддерживать. М.К. Сидоров использовал разные средства, чтобы изменить сложившуюся ситуацию. Он выступал в общественных организациях, писал статьи, издавал книги, направлял проекты и предложения в правительственные органы, организовал промысловую экспедицию, принимал участие во всероссийских и международных промышленных выставках, где демонстрировал продукцию промыслов. Особую тревогу предпринимателя вызывало активное освоение архипелага Новая Земля норвежскими промышленниками, поэтому он выступал за создание постоянных поселений на Новой Земле, жители которых могли бы заниматься добычей полезных ископаемых, морской рыбы и зверя, охотой. К большому разочарованию предпринимателя, его труды не вызвали почти никаких положительных откликов со стороны российской администрации и представителей частного капитала, затраченные им средства не принесли прибыли. В историографии сложилось представление, что М.К. Сидоров не встречал поддержки, потому что его идеи опережали свое время и он не умел выстраивать отношения с чиновниками. В статье исследуется деятельность М.К. Сидорова по привлечению внимания государства и общества к морским богатствам Арктики и доказательству прибыльности их добычи. Автор анализирует предложения и взгляды М.К. Сидорова, виды его деятельности и делает новые выводы о причинах неудач предпринимателя и последствиях предпринятых им усилий.

Ключевые слова: история России второй половины XIX в., Север России, Новая Земля, зверобойный промысел, М.К. Сидоров.

Статья поступила в редакцию 13.09.2023 г.

Освоение Севера России во все исторические эпохи требовало больших капиталовложений, поэтому как для государственных деятелей, так и для предпринимателей разработка и поддержка инициатив по добыче и использованию природных ресурсов Севера всегда были связаны с вопросом об экономической выгодности подобных проектов. Тем не менее часть предпринимателей использовала свои денежные средства не только с целью получения личной выгоды, но и во благо развития края в целом. Одним из таких российских промышленников XIX в. был М.К. Сидоров. Исследователей больше всего привлекали два направления его деятельности: проекты освоения Сибири[1] и участие в международных и российских выставках[2], предпринятые им усилия по развитию морских

[1] *Жилинский А.А.* Россия на Севере (к описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск, 1918. С. 25–42, 103–109; *Королев В.Н.* России беспокойный гражданин. Сыктывкар, 1987. С. 12–19, 24-43; *Вехов Н.Н.* Ради выгоды России // Московский журнал. История государства Российского. 2001. № 3. С. 33–36; *Ламин В.А., Ноздрин Г.А.* Сибирский купец Михаил Константинович Сидоров // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков. Новосибирск, 2007. С. 113–123; *Гончаров А.Е.* Михаил Константинович Сидоров и неразрешенная проблема сибирского Севера // Енисейский Север: история и современность. Красноярск, 2011. Вып. 1. С. 73–82; *Комлева Е.В.* «Сибирский канал»: проект красноярского купца М.К. Сидорова по соединению низовьев Оби и Енисея (1870-е годы) // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 137–163. [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-11.pdf (дата обращения: 27.03.2023).

[2] *Жилинский А.А.* Россия на Севере… С. 109–115; *Королев В.Н.* России беспокойный гражданин… С. 42–45; *Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А.* Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000. С. 47–104; *Чуракова О.В.* «Произведения полярных стран» – экспонаты коллекций Михаила Константиновича Сидорова, предназначенные для демонстрации на художественно-промышленных выставках 1860–70-х гг. // Полярные чтения – 2021: сб. мат-лов IX Междунар. науч.-практ. конф. М., 2022. С. 561–568; *Макеев А.В.* М.К. Сидоров и опыт экономической выставочной деятельности в интересах регионального развития // Подольский научный вестник. 2020. № 1 (13). С. 46.

зверобойных промыслов специально не изучались. Практически во всех работах М.К. Сидоров характеризуется позитивно, как целеустремленный активный пропагандист интересов своей страны, благотворитель, отдавший все свои средства на изучение и развитие Севера и Сибири, но не получивший поддержки со стороны бюрократической российской администрации[3]. Только в некоторых статьях авторы, объясняя причины неудач предпринимателя, дали характеристику Михаилу Константиновичу как «мечтателю» и «плохому практику»[4]. Цель данной работы – выяснить, каким образом М.К. Сидоров пытался возродить зверобойные промыслы на Севере России и почему его предложения не были поддержаны. Источниками для данного исследования послужили собственные сочинения М.К. Сидорова, материалы периодической печати XIX в. и статистические материалы из коллекции Государственного архива Архангельской области.

Сибирский купец и золотопромышленник М.К. Сидоров больше 20 лет своей жизни старался привлечь внимание общества и представителей власти к проблеме развития морских арктических промыслов и освоения архипелага Новая Земля. Он был уроженцем Архангельской губернии, знал хозяйственную жизнь края, его историю и не мог оставаться равнодушным к тому, что морские промыслы, являвшиеся одним из главных занятий местного населения, стали терять свое былое значение во второй половине XIX в.

Первое знакомство М.К. Сидорова с архипелагом Новая Земля состоялось в 1841 г. По дороге в Соловецкий монастырь буря унесла судно, на котором был Михаил Константинович, на Новую Землю. В результате плавание затянулось на месяц, во время которого 17-летний Михаил познакомился с матросом, рассказавшим ему о своих зимовках на архипелаге во время службы там под командованием офицера С.А. Моисеева[5]. Изучением Новой Земли Михаил Константинович займется позднее, в начале 1860-х гг., и архипелаг первоначально его будет интересовать как место добычи полезных ископаемых[6]. Впервые же внимание морским промыслам он уделил в 1864 г. в своем проекте «Заселение Севера и Сибири путем промышленности и торговли и о развитии внешней торговли Сибири». В этом сочинении он предлагал разрешить свободное занятие морским зверобойным промыслом всем желающим, выдавая премии по 1 руб. за каждый пуд сала, шкуры морских животных и бивни моржей, с тем условием, чтобы ловля производилась между островом Колгуев и Ляховскими островами Новосибирского архипелага и чтобы отпуск этого товара осуществлялся за границу на собственных судах[7]. Уже это предложение свидетельствовало о слабой осведомленности купца об организации зверобойных промыслов, так как добычей морского зверя в основном занимались в то время предприниматели среднего звена, которые не вели внешнюю торговлю и не имели на это средств.

Следующее сочинение М.К. Сидорова «Север России» появилось как реакция на публикацию в 1862 г. Министерством государственных имуществ отчета о работе экспедиции под руководством Н.Я. Данилевского по исследованию промыслов в Белом море и Северном Ледовитом океане. Н.Я. Данилевский сделал вывод о закономерном упадке арктических зверобойных промыслов как не приносящих прибыли, нестабильных и сомнительных предприятиях, участниками которых были маргиналы, не имевшие возможность найти какую-то другую работу. Он также составил список рекомендаций к поддержке только мурманских морских промыслов как наиболее перспективных[8].

---

[3] *Жилинский А.А.* Россия на Севере… С. 48; *Королев В.Н.* России беспокойный гражданин… С. 18.

[4] Сообщения Сибири с Печорой // Восточное обозрение. 1888. № 48. 4 дек. С. 1; *Комлева Е.В.* Предпринимательская и общественная деятельность красноярского купца Михаила Константиновича Сидорова в отражении материалов Российского государственного исторического архива // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 48.

[5] *Жилинский А.А.* Россия на Севере… С. 16.

[6] *Матвейчук А.А., Фукс И.Г.* Истоки российской нефти: исторические очерки. М., 2008. С. 89.

[7] Проект купца Сидорова о заселении Севера и Сибири путем промышленности и торговли и о развитии внешней торговли Сибири. Тобольск, 1864. С. 23; *Данилевский Н.Я.* Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1862. Т. VI. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. Общие отчеты и предположения.

[8] *Данилевский Н.Я.* Исследования о состоянии рыболовства в России… С. 161–163.

Собрав историческую и статистическую информацию, М.К. Сидоров в 1866 г. выступил в Вольном экономическом обществе с докладом, где описал естественные богатства северного края, привел сведения об их значимости для страны и указал в качестве причин упадка морских промыслов разорение Поморья в годы Крымской войны и слабую помощь государства поморам в виде компенсации нанесенному ущербу[9]. Потом он опубликовал статью «Север России» с содержанием своего доклада и отправил ее в Министерство государственных имуществ[10].

Точка зрения Н.Я. Данилевского, несомненно, повлияла на мнение Министерства государственных имуществ, которое в ответ на обращение М.К. Сидорова сообщило, что «поездки за морским звероловством на Новую Землю и Шпицберген были неправильными промыслами. Упадок их свидетельствовал скорее о том, что миновали неестественные условия, которые некогда заставляли северян заниматься рискованным и малоприбыльным делом»[11]. Такое отношение чиновников к северным морским промыслам вызывало возмущение М.К. Сидорова, и он начал кампанию за возрождение промыслов. В этом же году на его средства была издана книга К.Ф. Свенске «Новая земля в географическом, естественно-историческом и промышленном отношениях», где описывались все виды поморских помыслов на архипелаге, высказывались мнения о причинах их упадка и предложение об их возрождении через учреждение государственных премий.

В 1867 г. М.К. Сидоров выступил на заседании Вольного экономического общества с докладом «О китоловстве и звериных промыслах в Северном океане и на Новой Земле». В выступлении он привел отдельные исторические данные об успешной охоте иностранцев на китов и состоянии международной торговли ворванью. Михаил Константинович считал, что в условиях жесткой конкуренции государство должно принять меры для поддержки российского экспорта, но в то же время сам сделал вывод, что благоприятных перспектив на расширение вывоза ворванного сала за рубеж не предвидится. Присутствовавший на заседании полковник С.А. Моисеев скептически отнесся к идее предпринимателя об организации китоловного промысла, так как, по его собственным представлениям, киты появляются в районе Новой Земли не каждый год и за свою двухлетнюю службу на архипелаге он видел китов только один раз. Архангельский губернский статистический комитет прислал в Вольное экономическое общество свою записку «О Новой Земле и о бое морских зверей», где сообщалось, что, несмотря на наличие промысловых зверей, птиц и рыб в районе архипелага, развитие промыслов можно ожидать только при учреждении компании с хорошим капиталом для снаряжения промысловых судов, устройства теплых изб для промышленников и пароходного сообщения, чтобы при необходимости можно было их быстро перевозить к месту скопления морских животных. Итогом обсуждения стало решение отправить доклад М.К. Сидорова архангельскому губернатору и попросить его составить комиссию для рассмотрения вопроса[12].

В 1868 г. правительство решило исследовать экономические условия жителей Крайнего Севера России и ликвидировать препятствия, мешавшие развитию промыслов, обеспечивавших благосостояние населения. Выполнение этой задачи было поручено Н.Я. Данилевскому, который, возвратившись из поездки на Север в 1869 г., представил свой отчет в Министерство государственных имуществ и Министерство внутренних дел. Для рассмотрения отчета была создана особая комиссия, которая предложила провести ряд мероприятий, но ни одно из них не касалось морских промыслов. М.К. Сидоров жестко раскритиковал членов комиссии за то, что они не считали морские промыслы перспективными и комиссия не внесла никаких рекомендаций, чтобы остановить норвежский промысел у российских северных островов и возвратить отданные в аренду норвежцам два Айновых острова,

[9] *Жилинский А.А.* Россия на Севере… С. 24.
[10] *Сидоров М.К.* Север России // Русский Вестник. 1866. № 5. С. 697–741.
[11] *Сидоров М.К.* О китоловстве и звериных промыслах в Северном океане и на Новой Земле // Беседы о Севере России в 3 Отделении Императорского Вольного экономического общества. СПб., 1867. С. 178.
[12] Беседы о Севере России в 3 отделении Императорского Вольного Экономического Общества по докладам В.А. Долинского, В.Н. Латкина и М.К. Сидорова. СПб., 1867. С. 173–216.

где добывались моржи. В качестве доказательств выгодности промыслов он использовал информацию из «Архангельских губернских ведомостей» о добыче моржей и тюленей в 1869 г. в Мезенском заливе[13]. Кроме того, Михаил Константинович составил смету на промысел китов на основании данных норвежских газет о ловле китов промышленником Фойном в 1868 г. Расклад, согласно представлениям М.К. Сидорова, получался следующим: если пароход будет выходить на ловлю китов каждый месяц только по 20 дней, тогда за 4 месяца или 80 дней он сможет поймать 80 китов и выручить по 900 руб. за каждого. Если же киты будут проданы в Норвегию, то доход составит 31 500 руб. Если же завести два парохода, то и доход удвоится. Аналогичным выглядело его предложение об организации добычи белух на Новой Земле: «если в 20 главных заливах Новой Земли заведем поселение, поместим в каждое по 10 человек работников с их семействами, снабдим их на целый год провизией, всякого рода снастями <…> дадим на каждое зимовье в одолжение по 700 руб. сер., то потребуется <…> на 20 поселений только в год 100 000 руб.»[14]. Далее он рассуждал, что если только раз в год поставить всех рабочих к одному заливу и заколоть там всех белух, то это составит 125 тыс. животных. Если затем продать сало норвежцам по 1,5 руб. за пуд, то за вычетом расходов семейство каждого рабочего могло бы получить до 21 875 руб. сер. «А если мы пожелаем сало переработать и отправить на своих кораблях в Гамбург или Бремен, то сумма барыша может составить десятки миллионов»[15]. Подобные расчеты свидетельствуют о полном отсутствии реальных представлений у М.К. Сидорова о зверобойном промысле, финансовом положении северного купечества и состоянии внешней торговли, где цены на товары регулярно менялись в зависимости от спроса и предложений. Кроме того, дефицит капиталов не позволял многим российским купцам иметь свои морские суда, чтобы вести заграничную торговлю. Так, например, в 1864 г. из 480 коммерческих судов, пришедших к портам Архангельской губернии, только 4 были российскими, в 1866 г. из 566 судов только 15 принадлежали российским торговцам[16].

Вероятно, мнение Архангельского губернского статистического комитета о перспективности организации промыслов на Новой Земле только при условии зимовок промышленников и активный интерес норвежцев к промыслам на Новой Земле способствовали появлению в 1870 г. проекта М.К. Сидорова «О пользе поселения на Новой Земле для развития морских и других промыслов». В этом проекте он развивал идеи, высказанные им ранее. Он предлагал поселить для начала в 20 гаванях архипелага по 10 семейств. В каждой гавани для них должны быть приготовлены два промышленных бота и два карбаса, дом с двумя амбарами, запас продуктов и лес для построек. Всем желающим переселиться на Новую Землю должен быть предоставлен бесплатный проезд на пароходе и ссуда в счет будущих промыслов в размере 700 руб. на поселение. Поселенцы должны были заниматься устройством пристаней, ловлей зверей и рыбы, охотой, добычей руды, каменного угля и нефти. «А так как море есть неоскудевающая пашня, на которой всегда бывает урожай», – писал М.К. Сидоров, то правительству следовало выдать предпринимателю, решившему организовать поселения на островах, по 5 тыс. руб. на поселение согласно приложенной смете[17]. Выгодные последствия создания постоянных поселений на Новой Земле, по мнению М.К. Сидорова, состояли в следующем: 1) будут строиться большие суда для перевозки товаров в Балтийское море и за границу; 2) возникнут заводы и фабрики: салотопенные, бочечные, коптильные, поташные, парусные и верфи для постройки судов и пароходов; 3) «заселение острова Новая Земля послужит к открытию новых полярных стран <…> новых островов и новых источников богатства России»[18]. Положения проекта и выводы М.К. Сидорова о выгодах организации постоянных поселений на Новой Земле еще раз демонстрируют,

[13] *Сидоров М.К.* Север России. СПб., 1870. С. 24, 65.
[14] Там же. С. 147.
[15] Там же. С. 148.
[16] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. И-21. Оп. 11. Д. 24. Л. 14; Справочная книжка Архангельской губернии. 1868 г. Архангельск, 1868. С. 171.
[17] *Сидоров М.К.* Север России. СПб., 1870. С. 363–364.
[18] Там же. С. 397, 417.

что его представления о морских промыслах были очень далеки от реальности и базировались на убеждениях, что морских зверей можно постоянно добыть в большом количестве, что на продукцию промыслов всегда существует высокий спрос, что как только государство материально поддержит желающего заняться организацией поселений на Новой Земле, то прибыль и повсеместный рост экономики Севера будут гарантированы.

М.К. Сидоров, вероятно, понимал, что для изменения мнения правительства о значимости зверобойных промыслов на Севере России необходимы новые научные исследования, которые могут опровергнуть выводы Н.Я. Данилевского. В 1870 г. он направил в Русское географическое общество предложения по снаряжению экспедиции по северным морям, в ходе которой предполагалось изучение образа жизни и распространения моржей, тюленей и белух и определение лучших способов и времени их добычи. Специальная комиссия, обсудив проекты Сидорова, А.Е. Воейкова, К.Н. Посьета, Н.Г. Шиллинга, приняла решение о снаряжении такой экспедиции, но не смогла получить ни финансовых средств, ни судов[19].

Более 10 лет М.К. Сидоров активно публиковал свои проекты о развитии зверобойных промыслов, выступал с ними в различных общественных организациях – Вольном экономическом обществе, Обществе для содействия русской промышленности и торговли, Обществе для содействия русскому торговому мореходству, обращался в различные правительственные инстанции и к местной администрации. Он старался подбирать в печати яркие примеры успехов промысловых экспедиций, таких, например, как Семжинской артели в 1869 г., которая, выходя из Мезенского залива, добыла за один раз 750 тюленей[20]. Он не понимал, что это были единичные случаи удачи, что зверобойные промыслы зависели от многих факторов и никогда не давали стабильного дохода. М.К. Сидоров не обращался к Архангельскому губернскому статистическому комитету, который собирал сведения о промыслах и располагал несколько другими, не столь впечатляющими данными, что, например, в 1872 г. в Архангельск с Новой Земли пришло 7 судов с 44 промышленниками, их общая добыча составила сумму всего в 3 044 руб. В 1873 г. в Архангельском уезде промыслами морского зверя занимались 357 человек на сумму всего 817 руб. В 1877 г. из Кемского уезда на Новую Землю отправились три шхуны с 29 членами экипажа, которые получили с промыслов 6 390 руб., и это без вычета расходов на снаряжение судов[21].

Чтобы доказать выгодность промыслов на Новой Земле, в 1871 г. М.К. Сидоров на собственные средства организует промысловую экспедицию с зимовкой. После ее завершения в 1873 г. он сделал доклад о результатах экспедиции на заседании Русского географического общества. Для экспедиции промысловая компания во главе с Иконниковым арендовала у мудьюжского крестьянина шхуну «Св. Николай», наняла 12 рабочих и доверила организацию промысла опытному кольскому мещанину И. Сулю. Судно снабдили белужьим неводом, моржовыми гарпунами и винтовками. За лето они поймали 20 белух, 20 тюленей, 3 акулы, 10 морских зайцев. 6 рабочих остались на зимовку, в ходе которой добыли 250 оленей, 10 белых медведей, 35 песцов, 56 нерп и морских зайцев, 12 лебедей. За весь проданный товар они получили 1 549 руб. Невысокий результат промысла М.К. Сидоров объяснил дефицитом пороха у рабочих и отсутствием опыта в ловле белух[22].

Упорство М.К. Сидорова в стремлении доказать необходимость создания постоянных поселений на Новой Земле, эмоциональность и пафосность его выступлений дали повод журналистам назвать его «генерал-губернатором Новой Земли»[23]. Тем не менее, несмотря на насмешки, звучавшие в его адрес, собранная им информация об истории русских арктиче-

[19] Экспедиция для исследования русских северных морей: доклад комиссии избранной отделением географии физической для разработки плана снаряжения экспедиции. Составлен П.А. Кропоткиным. СПб., 1871; *Сухова Н.Г.* Русское географическое общество и полярные исследования в XIX столетии // Полярные чтения – 2020: сб. мат-лов VIII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2021. С. 527–529.
[20] *Сидоров М.К.* Север России. СПб., 1870. С. 24.
[21] ГААО. Ф. И-1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1557. Л. 93–93 об.; Ф. И-6. Оп. 2. Д. 26. Л. 125; Д. 346. Л. 29.
[22] *Сидоров М.К.* Зимовка на Новой Земле // Известия Императорского Русского географического общества за 1873 год. СПб., 1873. Т. 9. С. 162–167.
[23] *Жилинский А.А.* Россия на Севере… С. 119.

ских промыслов, публичные выступления о русских правах на Шпицберген способствовали отказу российского правительства в признании шведских прав на архипелаг.

Еще одним средством, которым воспользовался М.К. Сидоров для привлечения внимания к зверобойным промыслам в Северном Ледовитом океане, стали всероссийские и международные промышленные выставки.

В 1865 г. при подготовке России к участию во Всемирной промышленной выставке в Париже была создана особая комиссия, которая попросила М.К. Сидорова предоставить для выставки экспонаты, характеризующие северный край. Секретарь Вольного экономического общества А.И. Ходнев, посетивший выставку в 1867 г., отметил в печатном обзоре особой похвалой коллекцию из 111 предметов, подготовленную М.К. Сидоровым[24]. Среди экспонатов, отправленных Михаилом Константиновичем, находились две шкуры белых медведей, гусиный и гагачий пух, шкуры лебедей и гусей, два моржовых клыка, шапка из гагарьих шеек, привезенные с Новой Земли, оленьи шкуры с острова Колгуев[25].

В 1869 г. для устройства Всероссийской мануфактурной выставки генерал-адъютант К.Н. Посьет, попечитель великого князя Алексея Александровича, обратился к М.К. Сидорову с пожеланием получить редкие экспонаты с Крайнего Севера страны[26]. Одна из причин просьбы заключалась в готовящемся визите великого князя на Север России. В 1870 г. на выставке в Санкт-Петербурге «в отдаленном углу на маленьком дворе под парусиным навесом»[27] разместили экспонаты М.К. Сидорова. Здесь были объединены образцы природных богатств с Печоры, Сибири и Новой Земли. С северного архипелага на выставке, кроме полезных ископаемых, были показаны оленья кожа, рога от двух оленей, копченые оленьи языки, шкура белого медведя, гагачий пух, жемчуг и жемчужные раковины, морские звезды. В ходе выставки Северный павильон посетила и осмотрела императорская семья Романовых, всем им позднее М.К. Сидоров доставил свою книгу «Север России», за что получил благодарность. Особую гордость Михаил Константинович испытывал за пожалованный ему бриллиантовый перстень с вензелем великого князя в качестве благодарности за оказанные предпринимателем различные услуги в ходе северного путешествия Алексея Александровича. С великим князем М.К. Сидоров побывал на Новой Земле, где лично вручил ему, генерал-адъютанту К.Н. Посьету и архангельскому губернатору Н.А. Качалову свою книгу «Север России»[28].

В 1872 г. состоялась Политехническая выставка в Москве, посвященная 200-летию Петра Великого. М.К. Сидоров неоднократно писал в своих сочинениях о стремлении Петра I организовать китоловный промысел в северных водах, поэтому для участия в выставке он решил приобрести скелет кита. В этом ему помог норвежский промышленник Фойн. Присланные Михаилом Константиновичем предметы были представлены в разных павильонах. В Зоологическом отделе, например, выставлялись привезенные с Новой Земли скелет и шкура белухи, шкуры морского зайца, нерп, белых медведей, морские раковины и звезды, ящик с гагачьим пухом, кожа оленя, 26 птичьих чучел. Скелет кита в павильон не поместился и размещался на открытой площадке. В обозрении выставки в журнале «Всемирная иллюстрация» размещался похвальный отзыв в адрес сибирского промышленника: «Мы и теперь можем указать на такие почтенные личности, как г. Сидоров, которые не отступают ни перед какими затруднениями, чтобы поднять и оживить промышленность Поморского края, сметливое и отважное население которого представляет благодарную почву для промышленного развития»[29]. За выставленные предметы Севера М.К. Сидоров получил два диплома первой степени и две золотые медали[30].

---

[24] *Ходнев А.И.* Парижская Всемирная выставка. СПб., 1867. С. 6–7, 13.
[25] *Сидоров М.* Труды для ознакомления с Севером России. СПб., 1882. С. 28–53.
[26] Там же. С. 56, 61.
[27] Мануфактурная выставка 1870 г. Приложение к журналу «Всемирная иллюстрация». 1870. № 7–8. С. 26.
[28] *Сидоров М.* Труды для ознакомления… С. 74.
[29] *Каченовский В.* Московская Политехническая Выставка // Всемирная иллюстрация. 1872. № 202. С. 311.
[30] *Сидоров М.* Труды для ознакомления… С. 124.

При организации Венской выставки 1873 г. М.К. Сидоров был также приглашен в качестве участника, но первоначально написал отказ. В письме он объяснял, что использовал выставки для ознакомления общества с богатствами северного края. Он надеялся, что правительство и частные лица оценят его усилия и окажут ему помощь в реализации проектов, но этого не произошло, а собирание коллекций принесло только одни убытки. Несмотря на такой достаточно резкий ответ, при повторном к нему обращении с просьбой об участии в выставке М.К. Сидоров дал согласие[31]. На Венской всемирной выставке в особо устроенном павильоне размещались экспонаты с северных регионов России. При входе в павильон посетитель видел белого медведя на льдине, охотящегося на белуху (чучела были изготовлены из животных, добытых на Новой Земле). С другой стороны от входа находился чум из оленьих шкур с манекенами самоедки с детьми. На стенах внутри чума висели копченые оленьи языки, оленьи рога, острога для ловли рыбы. В павильоне также размещалось чучело морского зайца, кожи громадных моржей с Новой Земли, шкуры тюленей – лысунов и нерп, добытых в Северном Ледовитом океане, искусственная голова оленя с натуральными рогами и оленьи кожи, в том числе с Новой Земли, две шкуры белых медведей с Вайгача. В специальном отделе павильона комплексно размещалась экспозиция о Новой Земле – 6 географических карт, ящик с образцами морской придонной фауны (краб, морские ежи и звезды, раковины), разные сорта мхов и другой флоры, полезных ископаемых, гагачий пух, шкура и рога оленя, белужий жир, чучело гагары, копченые оленьи языки. На главной карте архипелага были отмечены места, откуда поступили экспонаты[32]. Павильон пользовался популярностью у посетителей. Как писал побывавший на выставке публицист Н.К. Михайловский: «Пошел народ любоваться на коллекцию г. Сидорова, помещающуюся близ павильона русского императора. Там есть и белый медведь, и кит, и самоеды, и образцы древесных пород, и модель езды на собаках, вообще много монстров и раритетов»[33]. Интерес к экспонатам проявило и Венское географическое общество. Осведомленный об австро-венгерской экспедиции в Арктику М.К. Сидоров передал обществу после закрытия выставки все экспонаты, получив за это диплом члена-корреспондента общества. Австрийский император в знак благодарности вручил ему командорские знаки ордена Франца Иосифа[34].

В 1876 г. на Брюссельской и Филадельфийской международных выставках М.К. Сидоров представил манекены самоедов в национальных одеждах, типичных для Новой Земли и низовий Печоры, а из других предметов с арктического архипелага – только копченые оленьи языки[35].

В целом на сбор и подготовку экспонатов для выставок в 1860–1870-х гг. М.К. Сидоров потратил более 100 тыс. руб.[36], но ни российское правительство, ни предприниматели не обратили особого внимания на его усилия, признание и благодарности он получал в основном от организаторов выставок и научных обществ.

В начале 1880-х гг. М.К. Сидоров попытался обратиться к министрам внутренних дел. В 1880 г. он составил записку для М.Т. Лорис-Меликова, включавшую среди перечня мер по развитию Севера России: внимание к ходатайствам русских о дозволении развития промыслов, законодательное ограждение русских северных морских промыслов от иностранной конкуренции и прав России на острова Северного Ледовитого океана, поощрение местных промыслов, организацию переселения на Новую Землю русских промышленников. В 1881 г. он отправил также записку графу Н.П. Игнатьеву о стеснении мореходов и звероловов на Севере в течение последних 30 лет министром государственных имуществ[37].

Первые практические результаты просветительской деятельности М.К. Сидорова появились только в 1880-х гг. – две китоловные компании на Мурмане, действовавшие

[31] *Сидоров М.* Труды для ознакомления… С. 124–133.
[32] Там же. С. 137–140.
[33] *Михайловский Н.К.* На венской всемирной выставке // Сочинения Н.К. Михайловского. СПб., 1896. Т. 2. С. 520.
[34] *Сидоров М.* Труды для ознакомления… С. 146–147.
[35] Там же. С. 148–149, 151.
[36] Там же. С. 330.
[37] Там же. С. 324–327.

до 1890 г., и более значимый итог – утверждение в 1881 г. Комитетом министров положения о колонизации Новой Земли и последующее его воплощение в жизнь. Пересмотр позиций российского правительства и предпринимателей в вопросах освоения Арктики был связан с появлением конкурентов в освоении северных рубежей России (Швеции и входящей в ее состав Норвегии, Австро-Венгрии, Англии), успехом других стран в научных исследованиях Арктики, промышленным и технологическим прогрессом, вызвавшим спрос на природные ресурсы и расширившим доступ к этим ресурсам.

Причины отсутствия откликов на проекты М.К. Сидорова о развитии арктических зверобойных промыслов заключались в следующем:

1) крупномасштабность его проектов, требующих значительного финансирования. Как писал сам М.К. Сидоров: «здесь нужно действовать и решительно, и значительным капиталом: мелкими пожертвованиями и капиталами ничего не сделаешь»[38];

2) отсутствие рационально обоснованных предложений о способах достижения цели во многих его сочинениях и выступлениях;

3) идеализированное, порой дилетантское представление о зверобойном промысле, внешнеторговой политике, международной торговле и других экономических явлениях;

4) непонимание, что его экспонаты на выставках воспринимались прежде всего как экзотичные редкости и не могли дать подтверждения выгодности вложения средств в морские промыслы;

5) неосведомленность о приоритетах в политике российского правительства, озабоченного в 1860–1870 гг. внутренними реформами, Кавказской войной, присоединением Средней Азии.

При всех недостатках проектов М.К. Сидорова он, несомненно, сыграл значимую роль в определении позиции российского правительства в связи с предложениями Швеции-Норвегии по Шпицбергену в 1871–1872 гг. и сохранением за Россией возможностей использования природных ресурсов архипелага Шпицберген. Деятельность М.К. Сидорова создала также предпосылки для организации освоения Новой Земли и изучения ресурсов Северного Ледовитого океана в конце XIX в., способствовала формированию общественного представления о природных богатствах Российской Арктики.

Литература

Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. 210, [2] с.

Вехов Н.Н. Ради выгоды России // Московский журнал. История государства Российского. 2001. № 3. С. 33–36.

Гончаров А.Е. Михаил Константинович Сидоров и неразрешенная проблема сибирского Севера // Енисейский Север: история и современность. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2011. Вып. 1. С. 73–82.

Жилинский А.А. Россия на Севере (к описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск: Изд. Ком. по увековечению памяти М.К. Сидорова, 1918. 153 с.

Комлева Е.В. Предпринимательская и общественная деятельность красноярского купца Михаила Константиновича Сидорова в отражении материалов Российского государственного исторического архива // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 45–52.

Комлева Е.В. «Сибирский канал»: проект красноярского купца М.К. Сидорова по соединению низовьев Оби и Енисея (1870-е годы) // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 137–163. [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-11.pdf (дата обращения: 27.03.2023).

Королев В.Н. России беспокойный гражданин. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. 110 с.

[38] *Сидоров М.К.* Север России. СПб., 1870. С. XVI.

Ламин В.А., Ноздрин Г.А. Сибирский купец Михаил Константинович Сидоров // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков. Новосибирск: Сова, 2007. С. 113–123.

Макеев А.В. М.К. Сидоров и опыт экономической выставочной деятельности в интересах регионального развития // Подольский научный вестник. 2020. № 1 (13). С. 40–47.

Матвейчук А.А., Фукс И.Г. Истоки российской нефти: исторические очерки. М.: Древлехранилище, 2008. 416 с.

Сухова Н.Г. Русское географическое общество и полярные исследования в XIX столетии // Полярные чтения – 2020: сб. мат-лов VIII Междунар. науч.-практ. конф. М.: Паулсен, 2021. С. 527–529.

Чуракова О.В. «Произведения полярных стран» – экспонаты коллекций Михаила Константиновича Сидорова, предназначенные для демонстрации на художественно-промышленных выставках 1860–70-х гг. // Полярные чтения – 2021: сб. мат-лов IX Междунар. науч.-практ. конф. М.: Паулсен, 2022. С. 561–568.

References

Bochanova, G.A., Goryushkin, L.M., Nozdrin, G.A. (2000). *Ocherki istorii blagotvoritel'nosti v Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Essays on the History of Charity in Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, filial "Geo", pp. 47–104.

Churakova, O.V. (2022). "Proizvedeniya polyarnykh stran" – eksponaty kollektsiy Mikhaila Konstantinovicha Sidorova, prednaznachennye dlya demonstratsii na khudozhestvenno-promyshlennykh vystavkakh 1860–70-kh gg. ["Products of the Polar Countries" – Exhibits of the Collections of Mikhail Konstantinovich Sidorov, Intended for Demonstration at Art and Industrial Exhibitions of the 1860s–1870s]. In *Polyarnye chteniya – 2021: materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* Moscow, Paulsen, pp. 561–568.

Goncharov, A.E. (2011). Mikhail Konstantinovich Sidorov i nerazreshennaya problema sibirskogo Severa [Mikhail Konstantinovich Sidorov and the Unresolved Problem of the Siberian North]. In *Eniseyskiy Sever: istoriya i sovremennost'*. Krasnoyarsk, Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva. Vol. 1, pp. 73–82.

Komleva, E.V. (2022). Predprinimatel'skaya i obshchestvennaya deyatel'nost' krasnoyarskogo kuptsa Mikhaila Konstantinovicha Sidorova v otrazhenii materialov Rossiyskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva [Entrepreneurial and Social Activity of the Krasnoyarsk Merchant Mikhail K. Sidorov in the Reflection of the Materials of the Russian State Historical Archive]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* No. 75, pp. 45–52. DOI: 10.17223/19988613/75/6.

Komleva, E.V. (2022). "Sibirskiy kanal": proekt krasnoyarskogo kuptsa M.K. Sidorova po soedineniyu nizov'ev Obi i Eniseya (1870-e gody) ["Siberian Canal": the Project of the Krasnoyarsk Merchant M.K. Sidorov to Connect the Lower Reaches of the Ob and Yenisei (1870s)]. In *Istoricheskiy kur'er.* No. 3 (23), pp. 137–163. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-11.pdf (date of access: 27.03.2023).

Korolev, V.N. (1987). *Rossii bespokoynyy grazhdanin* [Russian Restless Citizen]. Syktyvkar, Komi kn. izd-vo. 110 p.

Lamin, V.A., Nozdrin, G.A. (2007). Sibirskiy kupets Mikhail Konstantinovich Sidorov [Siberian Merchant Mikhail Konstantinovich Sidorov]. In *Lichnost' v istorii Sibiri XVIII–XX vekov.* Novosibirsk, Sova, pp. 113–123.

Makeev, A.V. (2020). M.K. Sidorov i opyt ekonomicheskoy vystavochnoy deyatel'nosti v interesakh regional'nogo razvitiya [M.K. Sidorov and the Experience of Economic Exhibition Activities in the Interests of Regional Development]. In *Podol'skiy nauchnyy vestnik.* No. 1 (13), pp. 40–47.

Matveychuk, A.A., Fuks, I.G. (2008). *Istoki rossiyskoy nefti: istoricheskie ocherki* [The Origins of Russian Oil: Historical Essays]. Moscow, Drevlekhranilishche. 416 p.

Sukhova, N.G. (2021). Russkoe geograficheskoe obshchestvo i polyarnye issledovaniya v XIX stoletii [Russian Geographical Society and Polar Research in the 19th Century]. In *Polyarnye chteniya – 2020: materialy VIII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, Paulsen, pp. 527–529.

Vekhov, N.N. (2001). Radi vygody Rossii [For the Benefit of Russia]. In *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. No. 3, pp. 33–36.

Zhilinskiy, A.A. (1918). *Rossiya na Severe (k opisaniyu zhizni i deyatel'nosti M.K. Sidorova)* [Russia in the North (to the Description of the Life and Work of M.K. Sidorov)]. Arkhangelsk, Izd. Kom. po uvekovecheniyu pamyati M.K. Sidorova. 153 p.

Е.Г. Меньшакова*

М.К. СИДОРОВ И ПУСТОЗЕРЬЕ

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-4
УДК 94(47).081/94(98)+908(470+571)

Выходные данные для цитирования:
Меньшакова Е.Г. М.К. Сидоров и Пустозерье // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 42–49. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-04.pdf

E.G. Menshakova*

M.K. SIDOROV AND PUSTOZERYE

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-4

How to cite:
Menshakova E.G. M.K. Sidorov and Pustozerye // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 42–49. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-04.pdf]

Abstract. The article traces the activities of the merchant M.K. Sidorov and the Pechora Company in the lower reaches of the Pechora within the Pustozersk volost of the Mezen uyezd in the 1860s–1870s, based on, among other things, newly identified archival sources. Sidorov's projects are considered such as creating conditions for the development of shipping, the connection of the Pechora Region with Siberia, and the arrangement of the infrastructure of the region for the export of timber by sea, including the construction of port points and harbors. A description of Alexseevka, where the office of the Pechora Company was located, is given. Preparations for the celebration of the anniversary of Peter I, the organization of a visit to Pechora by the chamberlain of the Austro-Hungarian Court Count Wilczek, the relations of M.K. Sidorov with local and county authorities and the peasant community are analyzed as well. The author concludes that the communal management system substantially hindered the industrial development of the region, while the severity of natural and climatic conditions, the insufficient development of many projects of M.K. Sidorov along with the finiteness of his capital led to the termination of the activities of the Pechora Company in the region in general and in Pustozerye in particular.

Keywords: M.K. Sidorov, Pustozerskaya volost, Pechora, Pechora company, Alekseevka, shipping, timber rafting, larch, monument to Peter I.

The article has been received by the editor on 22.09.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе архивных источников, в том числе вновь выявленных, прослеживается деятельность купца М.К. Сидорова и Печорской компании в низовьях Печоры в пределах Пустозерской волости Мезенского уезда в 1860–1870-х гг. Рассматриваются его проекты по созданию условий для развития судоходства, соединения Печорского края с Сибирью, обустройства инфраструктуры региона для вывоза древесины морским путем, предполагавшего, в частности, строительство портопунктов и гаваней. Приводится описание Алексеевки, где располагалась контора Печорской компании, рассказывается о подготовке к празднованию юбилея Петра I, организации визита на Печору камергера австро-венгерского двора графа И. Вильчека, взаимоотношениях М.К. Сидорова с волостными и уездными властями и крестьянской общиной. Сделан вывод о том, что общинная система хозяйствования серьезно тормозила промышленное освоение края, а суровость природно-климатических условий, слабость проработки многих проектов М.К. Сидорова вкупе с истощением его капитала привели к прекращению деятельности Печорской компании в крае в целом и в Пустозерье в частности.

* **Елена Геннадьевна Меньшакова,** директор государственного бюджетного учреждения культуры «Музейное объединение Ненецкого автономного округа», Нарьян-Мар, Россия, e-mail: menschackova.eg@yandex.ru
Elena Gennadievna Menshakova, Director of the State Budget Cultural Institution "Museum Association of the Nenets Autonomous Okrug", Naryan-Mar, Russia, e-mail: menschackova.eg@yandex.ru

Ключевые слова: М.К. Сидоров, Пустозерская волость, Печора, Печорская компания, Алексеевка, судоходство, лесосплав, лиственница, памятник Петру I.

Статья поступила в редакцию 22.09.2023 г.

Михаил Константинович Сидоров обратил свои взоры на богатства европейского северо-востока благодаря купцу Василию Николаевичу Латкину, своему тестю, отчаянно «болевшему» Печорским краем еще с начала 1820-х гг.[1] Подробно рассмотреть его деятельность в этом регионе, лишь отчасти освещенную в историографии, позволяет обращение к материалам Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук и Государственного архива Архангельской области.

К сожалению, мы не знаем, когда впервые М.К. Сидоров посетил Пустозерскую волость (Пустозерье), охватывавшую тогда огромные пространства в нижнем течении р. Печоры – от р. Индиги до кряжа Пай-Хой. Став совладельцем Печорской компании[2] наряду с П.И. Крузенштерном и В.Н. Латкиным, Михаил Константинович уже в 1861 г. печется об открытии морского и речного порта в тундровом печорском устье для доставки со среднего течения реки лиственничного леса в Англию и Францию, при этом просит привилегии товариществу на торговлю лесом в крае, без чего «затраты на строительство порта не окупятся»[3].

В 1864 г. М.К. Сидоров привел на Печору пароход с одноименным названием для буксировки «порожних кораблей от Русского заворота до устья реки, а весной ходить вверх по Печоре за плотами, чтобы буксировать их до устья реки». Михаил Константинович в июле этого года побывал в Пустозерье, куда добрался из-за задержек «Печоры» в верховьях на волоках на шхуне «Рубцов», зафрахтованной для «ведения на Студеном море улучшенных способов рыболовства», дабы успеть «сделать хотя бы поверхностный обзор острова Новая Земля»[4].

В том же году с рек Нижней Тунгуски и Курейки он организовал перевозку на р. Печору добытого в Сибири графита по вновь устроенной им оленьей дороге. Однако транспортировка минерала через Печорский порт властями была воспрещена в связи с отсутствием тарифа на вывоз его за границу. Вся партия была арестована, разрешена к транспортировке только через 7 лет[5].

В 1866 г. М.К. Сидоров планировал устройство железно-конной дороги из Сибири к устью Печоры через Уральские горы и просил для этого разрешение у казны на льготный отпуск леса, а также на аренду в течение 45 лет земельного участка шириною в две версты на всем протяжении дороги. Однако отсутствие четкого проекта (была приложена только карта дороги) и просчета всех рисков, включая возможный экономический ущерб местному оседлому и кочевому населению, послужили важными аргументами для отказа в реализации задуманного со стороны управляющего Архангельской палатой государственных имуществ[6].

В 1867 г., получив государственный заказ на поставку печорской древесины для нужд Адмиралтейства, в своей записке «Об открытии Печорского порта, учреждении торгового морского пути на Печору» М.К. Сидоров, описывая богатства края и сложность входа в устье Печоры с моря, отдает дань мужеству русских жителей волости и указывает одновременно на свои заслуги: «…и смелые пустозерцы не отважились даже и на то, чтобы хотя бы один ничтожный груз через устье реки <…> отправить морем даже в Архангельск»[7]. Здесь же он указывает конкретное место для организации порта в дельте Печоры: «Деревня Куя, отсто-

[1] *Богданов И.А.*« Деятель не из ряда обыкновенных…» // Василий Николаевич Латкин (к 200-летию со дня рождения). Сыктывкар, 2009. С. 83.
[2] Печорская компания была образована в конце 1850-х гг.
[3] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 270. Оп. Б.н. Д. 11. Л. 2 об.
[4] *Канев Ю.В.* Михаил Сидоров – русский человек во всем размахе // Двина. 2019. № 1 (73). С. 39.
[5] *Сидоров М.К.* Австрийцы в Печорском крае // Lib.ru. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/sidorow_m_k/text_1873_01_avstriitzy_oldorfo.shtml (дата обращения: 05.10.2023).
[6] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 5. Д. 842. Л. 7–10.
[7] СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. В.х. Д. 19. Л. 2.

ящая в 150 верстах от Гуляевских кошек, начала залива, есть единственное место на всей реке, где суда могут зимовать с некоторою безопасностью и что все прочие места подвержены весною ледоплавам, кои отрывают и уносят большие части берегов»[8].

В 1873 г. он подает прошение на имя начальника Архангельской губернии разрешить устройство в Пустозерской волости трех пристаней для кораблей различной осадки: 1) на острове Филькине (Алексеевском), где к тому времени уже начаты были постройки, и на противоположном ему берегу «при устье рукава Печоры», у озера Василькова (имеется в виду Василковский залив, названный в честь сына Михаила Константиновича), а также северный берег этого озера напротив мыса Кодол – под склады лесов и их распиловку; 2) второе место – в урочище Белая Щелья (ныне Нарьян-Мар) «по Якушенскому шару <…> между двумя заливами и по противоположному острову, под склады нефти, оленьих рогов, кости и тряпья для погрузки и отправки на кораблях за границу и выгрузки с кораблей балласта»; 3) в Становой Лахте, по правому берегу Печоры от мыса Соколка до р. Большой Бородатой, и напротив урочища Юшино – на острове под названием Глубокий – под склады дров для пароходов, каменного угля, смоляных бочек, сала и пр.[9] (рис. 1).

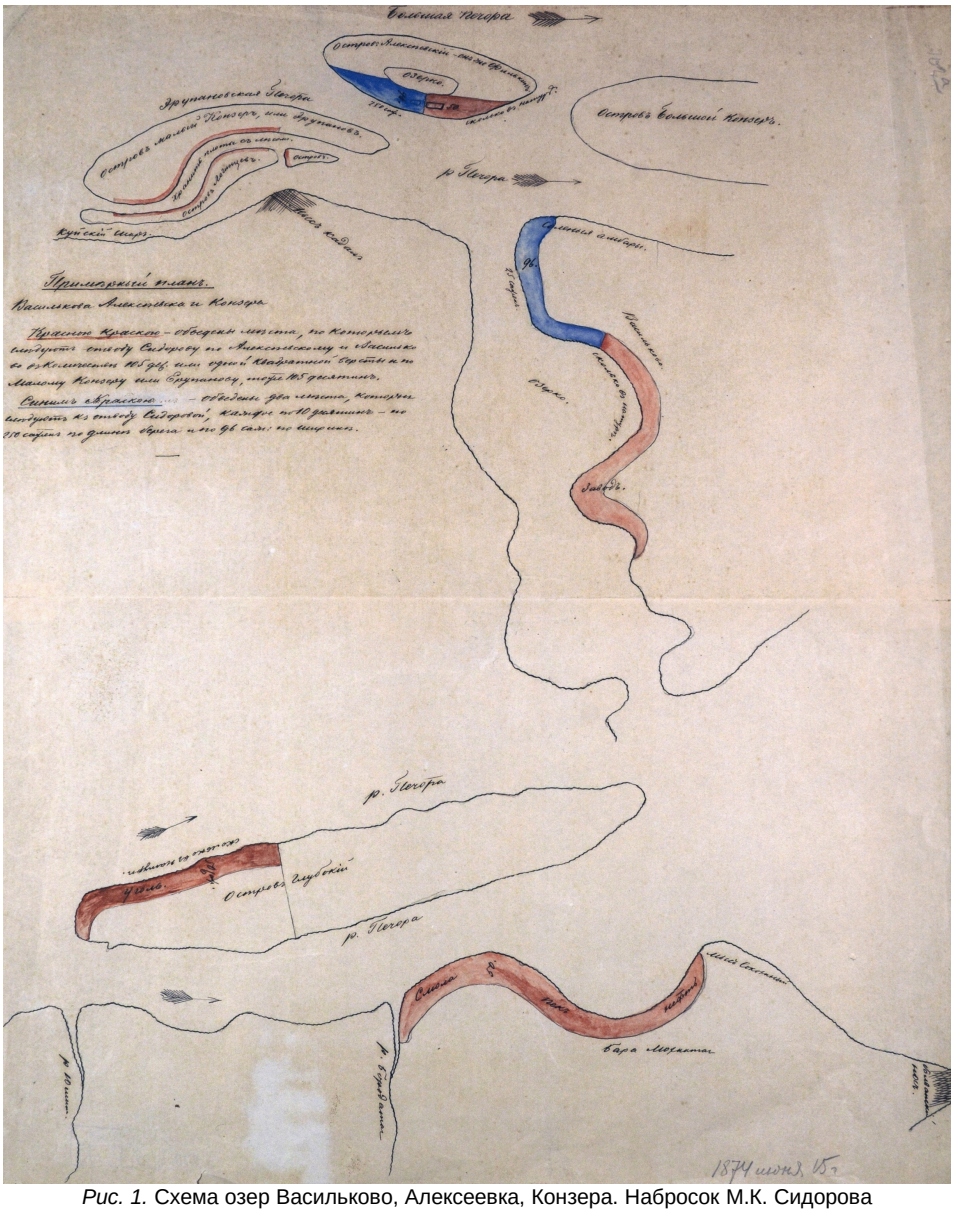


Рис. 1. Схема озер Васильково, Алексеевка, Конзера. Набросок М.К. Сидорова (СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 5. Д. 197. Л. 1)

[8] СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. В.х. Д. 19. Л. 2 об.
[9] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1374. Л. 4 об.

В июле 1869 г. Михаил Константинович вновь посетил Пустозерскую волость. Тогда он решил доказать, что члены Адмиралтейского совета ошибаются, как и известные моряки, считавшие проход с моря в Печору недоступным. Он занял капитал и купил морской пароход «Георгий». Для управления судном М.К. Сидоров приглашает самых опытных мореходов и штурманов и сам плывет на нем морем из Санкт-Петербурга к Печоре, исследуя Печорский залив вдоль и поперек, и, найдя его удобным для плавания, обставляет его прочными башнями, знаками и бакенами. Он вводит в залив большой английский пароход «Соффолк» в 1 022 тонны и парусные корабли. На этих судах было доставлено в Кронштадт все то количество леса, которое М.К. Сидоров обязался туда отправить по подписке[10].

Доверенным Печорского товарищества в устье реки в 1860–1870-х гг. был Николай Сергеевич Аленников[11], но, вероятно, он присутствовал в Пустозерье лишь в период навигации (с мая по октябрь), проживая постоянно в Троицком погосте на Печоре (ныне Троицко-Печорск в Республике Коми). Он и штурман Василий Федорович Матизен[12] решали все вопросы, связанные со сплавом леса с верховий Печоры, погрузкой кораблей в одном из портопунктов (Иевская Лопатка, Юшино, Становая Лахта) в дельте Печоры (у морских судов, зафрахтованных на работы, были разные осадки), распределением рабочих, маркировкой древесины, составлением ее регистров, сопровождением грузов письмами на имя директора лесных доков в Лондоне Ричарда Вильгельма Брандта[13]. За 17 лет Печорской компании удалось на 70 судах вывезти только в Кронштадт 700 тыс. кубических футов (18 тыс. стволов) древесины[14].

Английский орнитолог Г. Сибом, побывавший на Печоре в 1875 г., так описывал картину сплава: «(Лиственницу) сплавляют вниз по Печоре на огромных плотах, бревна которых связаны вместе <…>. На этих плотах работают команды <…> которые помогают направлять их вниз по течению, а другие нанимаются на сезон, чтобы помогать в погрузке судов <…>. Многие мужчины привозят с собой своих жен, чтобы они готовили для них <…> на плотах возводятся хижины и они превращаются в маленькую плавучую деревню, путешествие на которой вниз по реке занимает три месяца. Известно, что на этих плотах заключались браки, иногда приходилось проводить похороны <…>. Все эти сотрудники <…> были зырянами из Ижмы»[15].

Контора Печорской компании располагалась в портопункте Алексеевка, где производилась погрузка на корабли лиственничного леса, в 60 верстах «вверх от переката реки». В 1871 г. в Алексеевке стоял один дом, в котором помещалась контора и рабочие Печорской компании, на берегу была «выстроена и уже освящена маленькая деревянная часовня; набережная, засыпанная привезенным на кораблях балластом и камнем»[16]. Сохранился план поселка. На нем изображены: амбарчик для имущества, каланча, часовня, контора и дом управляющих, кухня, гостиница «Надежда», казармы, кухня и казармы для рабочих, амбар с провизией, коптильня (открыта с 1867 г., в том же году груз копченостей из устья Печоры был отправлен в Нью-Касл, в следующем году – в Санкт-Петербург[17]), баня для рабочих, баня для служащих, теплица с оранжереей, склад каменного угля, склады такелажа, отхожее место для рабочих, скотская, конюшня с сеновалом, ледник[18].

---

[10] СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. В.х. Д. 19. Л. 6 об. – 7.

[11] Н.С. Аленников (ум. 10 октября 1888) – русский предприниматель, служащий волжской пароходной компании «Меркурий» в Нижнем Новгороде. Позже – управляющий компанией в этом городе. Также работал присяжным поверенным, директором Владикавказской железной дороги. Был знакомым Тараса Шевченко.

[12] В.Ф. Матизен – штурман «Ермака», шхуны П.П. Крузенштерна.

[13] СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 4. Д. 44. Л. 2–3, 4173.

[14] *Кашин В.И.* Пути-дороги корабельных лесов // Лоция. 2006. № 2. С. 86.

[15] *Seebom H.* Siberia in Europe: A visit to the valley of Petchora in north-east Russia, with descriptions of the natural history, migration of birds etc. London, 1880. С. 174–175. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/cu31924026995963/page/174/mode/2up?view=theater (дата обращения: 05.10.2023).

[16] *Канев Ю.В.* Михаил Сидоров… С. 41.

[17] Там же. С. 40.

[18] СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 3. Д. 110.

В 1875 г. в Алексеевке базировалась экспедиция английского орнитолога Г. Сибома, который в сопровождении своего друга Дж.Х. Брауна изучал птиц дельты Печоры. Вот как он описывает Печорскую гавань: «Алексеевка является судоходным портом Печорской лесоторговой компании. Это группа домов, построенных на острове в дельте <…> реки, где корабли грузят лиственницу для Кронштадта. Обширный ряд деревянных укреплений защищал дома от сноса льдом. В течение четырех месяцев в году деревня была оживленным местом, полным жизни и активности, но в течение оставшихся восьми месяцев одинокий мужчина и собака охраняли имущество компании <…>. В наше распоряжение были щедро предоставлены три комнаты, и мы постарались устроиться настолько комфортно, насколько позволяли обстоятельства…»[19].

Рис. 2. Эскиз памятника Петру I и пионерам освоения Печорского края, сделанный рукой М.К. Сидорова, 1871 г. (СБбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 3. Д. 110. Л. 3)

К 200-летию со дня рождения Петра I, в 1872 г., М.К. Сидоров планировал установить в Печорской гавани (в Василково или Белой Щелье) памятник царю-реформатору (рис. 2) – поставить башню «вышиною в 10 сажень» (21,34 м), состоящую из пяти этажей. На трех первых предполагалось поставить бюсты в натуральную величину, на первом – круглый стол, обнесенный лавками, и здесь же разместить карты разных стран. Во всех четырех направлениях – пушки для салютов кораблям, приходящим к морю. На втором этаже – бюст П.И. Крузенштерна, портреты моряков; на третьем – бюст В.Н. Латкина, потреты купцов, крестьян, лоцмана, матроса. На четвертом этаже – чугунный бюст Петра Великого. Строительство планировалось поручить А.В. Лебедеву, доверенному М.К. Сидорова, бывшему межевщику, который в 1872 г. активно налаживал добычу нефти на р. Ухте, «согласно его условиям, если он еще в Печорском крае»[20]. В составе музея предполагалась обсерватория, библиотека (читальная комната) с газетами на четырех европейских языках[21]. Любопытно, что к празднованию предполагалось изготовить и фотографические карточки для начальства, в том числе «нашего таможенного начальника» и духовенства, торговых (людей) из крестьян и дворянства[22]. Однако воплощение идеи затянулось.

В мае 1872 г. М.К. Сидоров, получив письмо от барона Ф.Р. Остен-Сакена о планах камергера австро-венгерского двора графа И. Вильчека (рис. 3), учредителя австрийской полярной экспедиции, отправиться к устью Енисея, выразил желание не только оказать содействие экспедиции, но и встретить высокого гостя в устье Печоры. Проведя в пути из Мезени на Печору 21 сутки, М.К. Сидоров прибыл в Печорский порт (Алексеевку). Михаил Константинович встретил иностранных гостей, из-за сложной ледовой обстановки сменивших свой маршрут, на пароходе «Георгий» в Болванской бухте и 24 августа сопроводил яхту «Избъорн» в Печорский порт. Здесь их встречали свыше 100 человек рабочих

[19] *Seebom H.* Siberia in Europe… С. 174–175.
[20] СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 3. Д. 110. Л. 1 об.
[21] *Сидоров М.К.* Австрийцы в Печорском крае [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Австрийцы_в_Печорском_крае_(Сидоров)/ДО (дата обращения: 05.10_2023).
[22] СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 3. Д. 110. Л. 6.

и служащих с женами, в гавани стояли два русских корабля – «Шексна» братьев Мимотиных (капитан Лебедев) и «Днепр», принадлежавший И.А. Иконникову (капитан Аренд). После обеда на корабле «Георгий», за чаем в доме служащих был дан концерт. 25 августа 1872 г. здесь же (не как планировалось ранее, а в Алексеевке) в присутствии гостей была произведена закладка музея в память Петра Великого.

Рис. 3. Граф Иоганн (Ганс) Вильчек.
(С сайта Томского отделения
Русского географического общества)

Въезд путешественников в село Куя (рис. 4) 26 августа выдался очень торжественным по случаю празднования годовщины коронации Александра II: колокольный звон не умолкал до вечера, раздавались выстрелы из пушек, на судах и пароходах развевались праздничные флаги. Граф И. Вильчек пожелал посетить первую на северо-востоке Европейской России православную церковь, подробно осматривал церковное здание и колокольню, любовался видами и нанес визит священнику, отцу Азарию Васильевичу Фирсову, а также сделал фотографию Куи. Потом осматривал находившиеся в селе чумы самоедов, знакомился с бытом этого народа, осматривал скот и хлева, рыболовные и звероловные снасти печорских крестьян. В Куе особенно отличился гостеприимством крестьянин М. Корепанов. Он принял гостей необыкновенно радушно. Путешественников ввели в комнату, в которой стояло четыре больших стола. На первом из них английские тарелки были наполнены шестью сортами пряников, четырьмя сортами «слоений» и восемью сортами орехов; на втором стояли разного рода кушанья из печорских рыб; на третьем – паштеты и жаркое; на четвертом – самовар и кофейники с кренделями. В других комнатах находились духовные лица и почетные крестьяне. Гости пожелали остаться ночевать у М. Корепанова. Хозяин приготовил им ужин из свежих печорских рыб и по желанию путешественников угостил их «молоком во всех видах», получив высшее одобрение. При расставании он подарил гостям самоедского болвана (идола). Австрийцы вместе с М.К. Сидоровым также посетили гавань в Белой Щелье, деревню Бедовую и село Великовисочное, расположенные в пределах Пустозерской волости[23].

Рис. 4. Церковь в селе Куя на р. Печоре.
Фото начала XX в.
(Собрание Музейного объединения Ненецкого автономного округа. НКМ КП № 2779)

14 февраля 1875 г. в связи с окончанием государственного контракта Михаил Константинович передал архангельским губернским властям карты устья Печоры, а также башни и бакены и просил командировать морскую экспедицию для приемки и охраны этих объектов[24].

В 1875 г. англичанин Г. Сибом застал сложный период в истории Печорской компании. Со слов работников, уже тогда было неясно, «будет ли компания принадлежать мистеру Сидорову или мистеру Иконникову, или обоим, или ни одному». Это остается «одной из тех

[23] *Сидоров М.К.* Австрийцы в Печорском крае…
[24] *Канев Ю.В.* Михаил Сидоров… С. 42.

коммерческих тайн, которые так распространены в России и до которых никто и никогда не сможет докопаться»[25].

Конечно, обустройство торгового мореплавания и сложное в гидрографическом отношении для плавания устье Печоры требовали значительных расходов: затрат «на обстановку всего залива башнями, знаками и бакенами, а 35-верстного фарватера вехами по четыре раза в навигацию вследствие уничтожения их бурями и самоедами для топлива; от содержания лоцманской команды и буксирного парохода; от потери 27 судов и пароходов» (тот же Г. Сибом сообщал, что на островах дельты и на берегах лагуны Печоры разбросаны корабли, груженые выброшенными на берег бревнами из лиственницы)[26], которые невозможно было застраховать, так как это отказывались делать до 1875 г. страховые общества.

По всей видимости, непросто у М.К. Сидорова складывались взаимоотношения и с местной пустозерской общиной, которая издавна владела самыми доходными краснорыбными тонями в дельте реки. Как раз в урочищах Юшино и Бородатом находились перво- и второразрядные семужьи участки, за счет которых община существовала на протяжении веков[27]. Массовые сезонные миграции коми-ижемцев в устье Печоры на лесосплав и погрузку не могли не раздражать пустозеров и самоедов, поскольку первые не просто вторгались в пределы волости, но и не могли не пользоваться природными (рыбными и звериными) ресурсами территории, закрепленными за старожилами с древних времен. Отсюда мы видим и противодействие местных полицейских властей. «Местное полицейское начальство не позволяет производить никаких портовых построек на основании закона»[28], в том числе под идею М.К. Сидорова построить в устье Печоры лесопильный завод. Старая общинная система хозяйствования, опиравшаяся на древние акты землепользования, в условиях промышленного освоения Севера становилась серьезным тормозом. Правительство не видело выхода из сложившейся ситуации, поэтому в лице Министерства государственных имуществ неоднократно отказывало М.К. Сидорову в продаже и отводе земли в дельте Печоры.

Все вышеуказанные причины, на наш взгляд, вкупе с истощением капитала предпринимателя привели к прекращению деятельности М.К. Сидорова и Печорской компании в Печорском крае в целом и Пустозерской волости в частности.

Литература

Богданов И.А. «Деятель не из ряда обыкновенных…» // Василий Николаевич Латкин (1809/10–1867): к 200-летию со дня рождения: сб. мат-лов. Сыктывкар, 2009. С. 80–93.

Жилинский А.А. Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск: Издание Комитета по увековечению памяти М.К. Сидорова, 1918. 153, [2] с.

Канев Ю.В. Михаил Сидоров – русский человек во всем размахе // Двина. 2019. № 1 (73). С. 39–48.

Канев Ю.В. Сидоров Михаил Константинович // Ненецкий автономный округ: энциклопедия в 2 т. М., 2019. Т. 2. С. 290–291.

Кашин В.И. Пути-дороги корабельных лесов // Лоция. 2006. № 2. С. 66–87.

Королев В.Н. России беспокойный гражданин: Об исследователе и инициаторе освоения Севера России М.К. Сидорове, 1823–1887 гг. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. 110 с.

Мартынов С.В. Печорский край. Подворно-экономическое обследование селений Печорского уезда. СПб.: Тип. И. Усманова, 1904. Ч. 1–2. 219 с.

Сидоров М.К. Австрийцы в Печорском крае // Живописное обозрение стран света. СПб., 1872. № 1. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Австрийцы_в_Печорском_крае_(Сидоров)/ДО (дата обращения: 05.10.2023).

[25] *Seebom H.* Siberia in Europe… С. 222–223. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/cu31924026995963/page/222/mode/2up?view=theater (дата обращения: 05.10.2023).

[26] Там же.

[27] *Мартынов С.В.* Печорский край. Подворно-экономическое обследование селений Печорского уезда. СПб., 1904. Ч. 1. С. 9.

[28] СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. Вх. Д. 19. Л. 7 об.

Сидоров М.К. Австрийцы в Печорском крае // Живописное обозрение стран света. СПб., 1873. № 1. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/sidorow_m_k/text_1873_01_avstriitzy_oldorfo.shtml (дата обращения: 05.10.2023).

Сидоров М.К. Север России. О горных его богатствах и препятствиях к их разработке. СПб.: Тип. Д.И. Шеметкина, 1881. 557 с.

Сидоров М.К. Север России. СПб.: Тип. Почт. деп., 1870. 557 с.

Seebom H. Siberia in Europe: A visit to the valley of Petchora in north-east Russia, with descriptions of the natural history, migration of birds etc. London: J. Murray, 1880. XV + 311 p. [Электронынй ресурс]. URL: https://archive.org/details/cu31924026995963/page/n7/mode/2up?view=theater (дата обращения: 05.10.2023).

References

Berezina, E.P., Gur'eva, N.V. (Comps.). (2009). *Vasiliy Nikolaevich Latkin (1809/10–1867): k 200-letiyu so dnya rozhdeniya: sb. materialov* [Vasily Nikolaevich Latkin (1809/10–1867): On the 200th Anniversary: A Collection of Materials]. Syktyvkar. 546 p.

Kanev, Yu.V. (2019). Mikhail Sidorov – russkiy chelovek vo vsem razmakhe [Mikhail Sidorov – A Russian Man in All His Range]. In *Dvina*. No. 1 (73), pp. 39–48.

Kanev, Yu.V. (2019). Sidorov Mikhail Konstantinovich [Sidorov Mikhail Konstantinovich]. In *Nenetskiy avtonomnyy okrug: entsiklopediya v 2 t.* Moscow. Vol. 2, pp. 290–291.

Kashin, V.I. (2006). Puti-dorogi korabel'nykh lesov [Paths and Roads of Ship Scaffolding]. In *Lotsiya*. No. 2, pp. 66–87.

Korolev, V.N. (1987). *Rossii bespokoinyy grazhdanin: Ob issledovatele i initsiatore osvoeniya Severa Rossii M.K. Sidorove, 1823–1887 gg.* [Russia's Restless Citizen: On the Researcher and Initiator of the Development of The Russian North M.K. Sidorov, 1823–1887]. Syktyvkar, Komi kn. izd-vo. 110 p.

Martynov, S.V. (1904). *Pechorskiy kray. Podvorno-ekonomicheskoe obsledovanie seleniy Pechorskogo uezda* [Pechora Region. Household Economic Survey of The Village of Pechora District]. St. Petersburg, Tipografiya I. Usmanova. Part 1–2. 219 p.

Seebom, H. (1880). *Siberia in Europe: A visit to the valley of Petchora in north-east Russia, with descriptions of the natural history, migration of birds etc*. London, J. Murray. XV + 311 p. Available at: URL: https://archive.org/details/cu31924026995963/page/n7/mode/2up?view=theater (date of accesses: 05.10.2023).

Sidorov, M.K. (1870). *Sever Rossii* [The North of Russia]. St. Petersburg, Tipografiya Pochtovogo departamenta. 557 p.

Sidorov, M.K. (1872). Avstriytsy v Pechorskom krae [Austrians in the Pechora Region]. In *Zhivopisnoe obozrenie stran sveta*. № 1. Available at: URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Австрийцы_в_Печорском_крае_(Сидоров)/ДО (date of accesses: 05.10.2023).

Sidorov, M.K. (1873). Avstriitsy v Pechorskom krae [Austrians in the Pechora Region]. In *Zhivopisnoe obozrenie stran sveta*. № 1. Available at: URL: http://az.lib.ru/s/sidorow_m_k/text_1873_01_avstriitzy_oldorfo.shtml (date of accesses: 05.10.2023).

Sidorov, M.K. (1881). *Sever Rossii. O gornykh ego bogatstvakh i prepyatstviyakh k ikh razrabotke* [The North of Russia. About Its Mountain Riches and Obstacles to Their Development]. St. Petersburg, Tipografiya D.I. Shemetkina. 557 p.

Zhilinskiy, A.A. (1918). *Rossiya na Severe (K opisaniyu zhizni i deyatelnosti M.K. Sidorova)* [Russia in the North (To the Description of the Life and Work of M.K. Sidorov)]. Arkhangelsk, Izdanie Komiteta po uvekovecheniyu pamyati M.K. Sidorova. 153, [2] p.

А.Е. Гончаров*

КТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ВИНОВАТ В ГИБЕЛИ «ЦАРИЦЫ»? М.К. СИДОРОВ И ЭКСПЕДИЦИЯ 1878 ГОДА НА ЕНИСЕЙ

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-5
УДК 94(323.328)(093)"17/18"

Выходные данные для цитирования:
Гончаров А.Е. Кто же все-таки виноват в гибели «Царицы»? М.К. Сидоров и экспедиция 1878 года на Енисей // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 50–71. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-05.pdf

A.E. Goncharov*

WHO SHIPWRECKED THE SS TSARITSA? M.K. SIDOROV AND THE 1878 POLAR EXPEDITION TO THE YENISEY

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-5

How to cite:
Goncharov A.E. Who Shipwrecked the SS Tsaritsa? M.K. Sidorov and the 1878 Polar Expedition to the Yenisey // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 50–71. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-05.pdf]

Abstract. This article will examine the 1878 expedition to the Yenisey River, organized by Bremen merchant Ludwig von Knoop as one of the episodes in the development of the Northern Sea Route. Unlike traditional historical literature on the Kara Sea expeditions, this article shall focus on the role of public relations in the formation of the very idea of the sea route. The period of the 1870s for the first time in Russian journalism witnessed such close attention to the development of the Arctic. The leading role in this process belonged to the “Works of the St. Petersburg Imperial Society for the Promotion of Russian Mercantile Shipping” and its main authors on the Russian North: Mikhail Konstantinovich Sidorov and Fedor Dmitrievich Studitsky. Both of these figures became closely associated with the problem of the development of the Northern Sea Route, namely its development by foreign rather than domestic actors. The origins of this problem lie much deeper than is usually represented in historical literature. The development of the sea route and the Siberian Arctic began at the moment when the public of most European countries experienced and new heroic awakening. Unlike earlier heroic images, the new hero was now a struggling self-sacrificing martyr. Victory was no longer the objective, however enduring hardships and suffers in the name of an idealistic goal was mandatory. These goals varied across cultures. Thus, the Scandinavians sacrificed themselves in the name of science; the British went on in the name of the triumph of free trade; while the Russians fought on in the name of national interests. M.K. Sidorov became the embodiment of precisely this image. In the public consciousness, he remained as a tireless fighter against foreign attempts to seize the Russian North, taking advantage of the fruits, including his own, of many years of intense labor aimed at making sea voyages to Siberia a reality. He also suffered at the hands of the ignorant and inert local officials, who, according to M.K. Sidorov, also conspired against Russia in the Arctic. And yet, as revealed by the 1878 expedition to the Yenisey, the failures propagated by M.K. Sidorov in order to convince the public of the existence of a foreign conspiracy directed against Russian plans for Arctic exploration turned out to be just accidents, quite typical of sailing on such dangerous waters. However, despite his regular exaggeration of minor incidents, the search for those responsible in the person of foreigners and officials, changeability and inconstancy, and sometimes outright amateurism, M.K. Sidorov was and remains a Russian champion of Arctic exploration.

Keywords: Mikhail Konstantinovich Sidorov, Northern Sea Route, Kara Sea, Yenisey River, baron Ludwig von Knoop, Eduard Dallmann, geographical press.

* **Александр Евгеньевич Гончаров,** кандидат исторических наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия, e-mail: goncharovae@sibsau.ru
Alexander Evgenievich Goncharov, Candidate of Historical Sciences, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: goncharovae@sibsau.ru

The article has been received by the editor on 01.12.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассмотрена экспедиция 1878 г. на реку Енисей, организованная бременским предпринимателем Л.Г. Кнопом в качестве одного из эпизодов освоения Северного морского пути. В отличие от классических работ, посвященных карским экспедициям, мы обратились к такому явлению, как роль общественного мнения в формировании самой идеи морского пути. В 1870-е гг. впервые в отечественной публицистике было уделено столь пристальное внимание освоению Арктики. Ведущую роль в этом процессе играли «Труды Санкт-Петербургского Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству» и основные авторы докладов о Российском Севере – Михаил Константинович Сидоров и Федор Дмитриевич Студитский. Обе эти фигуры стали плотно ассоциироваться с проблемой освоения Северного морского пути, а именно освоением его отечественными, а не иностранными силами. Однако истоки данной проблемы лежат гораздо глубже, чем обычно преподносится в исторических работах. Освоение морского пути и Сибирской Арктики было начато в период, когда общественность большинства европейских стран получила в свое распоряжение новый образ героя. В отличие от ранних героических образов, новый герой должен был быть борцом-мучеником. Он мог не побеждать, однако обязательно должен был терпеть лишения и страдать во имя некой идеальной цели. В разных культурах эти цели отличались. Так, скандинавы жертвовали собой во имя науки, британцы – во имя торжества фритредерства, а русские – во имя интересов Отечества. Воплощением именно такого образа стал М.К. Сидоров. В общественном сознании он остался как неустанный борец с попытками иностранцев захватить Русский Север, воспользовавшись плодами, в том числе, и его многолетней работы по организации морских экспедиций в Сибирь. Не меньше притеснений и лишений ему причиняли инертные местные чиновники, которые, по мнению М.К. Сидорова, также вступали в заговор с иностранцами. Однако, как показывает пример экспедиции 1878 г. на Енисей, неудачи, которые были раскручены М.К. Сидоровым для убеждения публики в существовании иностранного заговора, направленного против российских планов по освоению Арктики, оказались всего лишь несчастными случаями, вполне естественными для плаваний по столь опасному в мореходном отношении маршруту. Несмотря на регулярную гиперболизацию мелких происшествий, поиск виновных в лице иностранцев и чиновничества, переменчивость и непостоянство, а порой и откровенный дилетантизм, М.К. Сидоров был и остается отечественным героем освоения Арктики.

Ключевые слова: Михаил Константинович Сидоров, Северный морской путь, Карское море, Енисей, барон Л.Г. Кноп, Эдуард Дальман, географическая публицистика.

Статья поступила в редакцию 01.12.2023 г.

Введение. Вторая половина XIX в. ознаменовалась всплеском общественного интереса к географическим исследованиям, причем в России это явление проявилось не меньше, чем в других европейских странах. Особое внимание уделялось исследованию высоких широт. Если несколько десятилетий до этого перед экспедициями стояли преимущественно практические задачи – поиск новых морских путей, открытие и исследование новых территорий, поиски ресурсов, то теперь путешествия в полярные страны стали обрастать все более идеалистическими целями. Истоки этой трансформации стоит искать в трагической судьбе экспедиции Джона Франклина (1845–1847), крупнейшей попытки отыскать Северо-Западный проход, и ее беспрецедентными по масштабу поисками. Сопоставимой по размаху стала

развернувшаяся газетная и литературная кампания (к ней подключились, в том числе, и самые выдающиеся писатели эпохи – Чарльз Диккенс и Жюль Верн), в которой Дж. Франклин и его люди представлялись как идеал человечности, достойный всяческого подражания. Однако это был идеал не победителя, а мученика – образ, ставший настолько мощным, что уже не имели значения ни провал экспедиции, ни гибель более сотни ее участников: мощный художественный образ списал бессильность индустриальной мощи Британской империи перед полярной стихией, превратив страдания полярников в своего рода качество. Не следует недооценивать роль мученичества в истории освоения Арктики: возможно, именно в нем крылась причина стремлений многих заняться исследованием и освоением этого региона. Так, Руаль Амундсен, чье имя стало тождественным образу полярного исследователя, объяснял свое решение изучать Арктику желанием переносить лишения во льдах: «…сильнее всего меня притягивали в повествовании сэра Джона [Франклина. – *А. Г.*] страдания, которые он и его люди перенесли <…>. Я тоже хотел страдать во имя цели <…> на замороженном Севере на пути к новым знаниям…»[1].

Таким образом, во второй половине XIX в. от участников полярных экспедиций ожидались альтруизм и самопожертвование во имя идеалистической цели, важнейшей из которых стала наука[2]. Среди первых арктических экспедиций, которые можно охарактеризовать как сугубо научные, – экспедиции шведского геолога Адольфа Эрика Норденшёльда (1832–1901). Среди прочего, под его руководством было совершено два плавания в Карское море (1875 и 1876 гг.), в ходе которых было достигнуто устье Енисея. Несмотря на стремление современников обрисовать вторую экспедицию как коммерческое предприятие[3], следовательно – первую «карскую торговую экспедицию», она, хотя и включала доставку небольшого ассортимента товаров, вряд ли может считаться таковой. А. Норденшёльд слабо интересовался коммерческой стороной своих плаваний, однако с целью сохранения поддержки ряда предпринимателей, которые финансировали его экспедиции, он внешне поддерживал образ коммерческих предприятий для своих путешествий в Восточную Арктику[4]. Естественно, далеко не все разделяли энтузиазм «чистой» науки шведов[5]. Британцы, еще не отошедшие от потери экспедиции Дж. Франклина, теперь сдержаннее относились к открытиям в высоких широтах, поэтому их герой – капитан Джозеф Виггинс (1832–1905) преследовал другой «высокий» идеал – создание международного торгового сотрудничества на основе принципа свободной торговли. Дж. Виггинс был воплощением викторианского идеала – дисциплинированный, целеустремленный, предприимчивый и религиозный. Парадоксально, но, как и в случае с А. Норденшёльдом, Дж. Виггинса мало интересовала непосредственно коммерческая сторона его экспедиций, многие из которых с этой точки зрения полностью провалились. Однако и он ходил в полярные моря, ведомый своей идеалистической картиной мира, где он, как и его далекие предшественники из XVI в., прокладывал новые торговые пути, которые в его представлении служили филантропическим целям[6]. Однако этот образ «купца-путешественника» был слишком сложным и противоречивым, и поэтому к концу века новое поколение полярных исследователей вновь объяло горячее стремление жертвовать собой и другими во имя науки. Наиболее ярким примером

[1] *Amundsen R.* My Life as an Explorer. Garden City; New York, 1927. P. 2 (здесь и далее – перевод автора).

[2] *Wråkberg U.* A.E. Nordenskiöld in Swedish memory: the origin and uses of Arctic heroism // Acta Borealia. 2019. Vol. 36, No. 2. P. 166.

[3] Например, А. Норденшёльд был удостоен благодарности от Александра II «ввиду тех полезных последствий, которые могла иметь ученая попытка для развития русской торговли и промышленности в Сибири» (Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 19. Д. 6144. Л. 21).

[4] Об этом подробнее см.: *Гончаров А.Е.* О шведской экспедиции на Енисей в 1876 г. // Известия Томского политехнического университета: Социально-гуманитарные технологии. 2014. Т. 324, № 6. С. 74–88.

[5] Апофеозом шведского идеала полярного исследователя стал С.А. Андре и его экспедиция на воздушном шаре в 1897 г. (см.: *Wråkberg U.* A.E. Nordenskiöld in Swedish memory… P. 174).

[6] Об этом подробнее см.: *Goncharov A.E., Orel I.V. Thames* meets the Enisei: Captain Joseph Wiggins's expedition to the Kara Sea and Enisei, 1876–1877 // Polar Record. 2019. № 55. P. 425–440.

этого мировоззрения стал участник антарктической экспедиции Роберта Скотта Эпсли Черри-Гаррард[7].

Что же касается русских, то Арктика для них представлялась не столько загадочной и чистой страной, куда отправляются в научные и фритредерские крестовые походы, сколько позабытой окраиной собственной страны. Шумиха же западных соседей вокруг полярной тематики была полезной, так как способствовала привлечению внимания правительства и общественности к необходимость развития этого региона, основу для чего составляли пути сообщения. Так, анонимный автор брошюры о последних высокоширотных исследованиях, изданной Императорской академией наук, писал в 1856 г.: «Все заставляет нас надеяться, что Русскому флоту и вообще Русскому мореплаванию предстоит блестящая будущность. Кто знает: не суждено ли Русским судам впервые рассекать волны таинственного моря, не суждено ли Русскому флагу впервые приосенить недосягаемый доселе полночный полюс»[8]. При этом следует отметить, что именно к зарубежному, а не отечественному опыту освоения Арктики обращались многие российские публицисты в середине XIX в. Так, после открытия Р. Мак-Клуром в 1853 г. Северо-Западного прохода восторженный А.Н. Герцен писал: «Понимаете ли, что теперь можно Северным морем из Атлантического океана ездить в Берингов пролив и в Тихий океан?»[9]

Эту тему продолжила известная статья Г.В. Колмогорова «О морской торговле Сибири прямо с Западною Европой», вышедшая в 1857 г. в «Северной пчеле», в которой автор, уверенный в возможностях современной научной и технической мысли, решает на бумаге проблему судоходства в Карском море[10]. Его призыв создать крупную компанию для решения вопроса о морском сообщении с Сибирью через пару лет найдет отклик у золотопромышленника Михаила Константиновича Сидорова (1823–1887), который подаст записку на имя енисейского губернатора «О возможности морского пути из Европы в Восточную и Западную Сибирь через устья реки Енисей и Обь»[11].

Здесь мы подошли к ключевой особенности раннего периода освоения Северного морского пути в XIX в.: предпосылки этого процесса весьма проблематично аргументировать с модернизационных и иных историко-экономических позиций, представляя его как некий естественный этап социально-экономического развития. В реальности экономическое обоснование необходимости морского пути придумывалось на ходу его энтузиастами; в пореформенное время в Сибири отсутствовала экспортная база, купечество и деловые круги не могли согласовать условия и характер ввоза товаров, напрочь отсутствовала необходимая транспортная инфраструктура[12]. Пароходство, которое местами находилось в зачаточном состоянии, было нацелено исключительно на обслуживание местных нужд и не годилось для произведения масштабных перегрузочных работ на открытых рейдах Обской губы и Енисейского залива. В этом отношении статья Г.В. Колмогорова легла в основу дискурса о Северном морском пути, в котором авторы, полемизируя о целесообразности развития морского пути, изящно уходили от практических вопросов полярного судоходства к описанию природных богатств Сибири. У читателя подобных произведений формировалось впечатление, что морской путь не развивается не в силу объективных обстоятельств, а по причине вмешательства третьих сил, препятствующих его развитию. Со временем таких публикаций становилось все больше, и, как следствие, все больше людей узнавало о проблеме морского пути в Сибирь. Важность прессы прекрасно понимали первые сторонники его развития, равно как и то, что публичность – это палка о двух концах. Печать могла

[7] В заключении своей книги Черри-Гаррард писал: «Есть много причин, заставляющих идти к полюсу <…>. Но единственная из них действительно важная – стремление к познанию ради познания <…>» (*Черри-Гаррард Э.* Самое ужасное путешествие. М., 2014. С. 507).

[8] Северный полюс и арктические открытия с картою новейших открытий на Севере. СПб., 1856. С. 68.

[9] Цит. по: *Пинхенсон Д.М.* Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л., 1962. С. 55.

[10] *Пинхенсон Д.М.* Проблема Северного морского пути… С. 55–56; *Колмогоров Г.В.* О морской торговле Сибири прямо с Западною Европой // Северная пчела. 1857. № 268.

[11] *Пинхенсон Д.М.* Проблема Северного морского пути… С. 63.

[12] Там же. С. 59; ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 731. Л. 10–15.

возбудить общественный интерес к какой-нибудь географической теме, например к полярному судоходству, и она же могла его и погасить. И если экспедиции терпели неудачи, газеты начинали «звонить о великих трудностях и невозможности плавания через Карское море»[13].

Таким образом, как ни парадоксально, именно медийный фактор, а не экономический, оказался краеугольным для возникновения и развития Северного морского пути: ведь пока не была представлена идея о таком маршруте, он не мог существовать. Несмотря на усилия историков показать стадиальность развития этого маршрута, связывая в единый нарратив разрозненные события истории этого маршрута – от средневековых походов новгородцев до мангазейских плаваний и исследований XVIII в., никакого Северного морского пути не существовало. Его придумали во второй половине XIX в. Естественно, как и любой идее, идее о Северном морском пути нужна была твердая почва. Отсюда возник еще один ключевой элемент дискурса – исторический миф. Поэтому неслучайно все поборники морского пути обращались, в частности, к истории Мангазейского морского хода, в закрытии которого проводились параллели с политикой государственных структур XIX в. Критика власти наряду с различного уровня конспирологией – одна из излюбленных медийных тем. Кроме того, аудитории были интересны не столько однообразные научные будни полярников, сколько волнение и желание получать острые ощущения – чувствовать, получать «сенсацию». Публика требовала, а пресса удовлетворяла. В то же самое время пресса сама приручила публику к сенсациям. Поэтому чем больше риска было в экспедиции, чем больше ярких событий и интриг, тем лучше. Нужно было достигать условные точки, ставить рекорды, преодолевать препятствия. Для этого требовался герой. В мифе героя присутствуют два элемента – одиночество и борьба, причем в XIX в. к образу героя добавляются самопожертвование и страдание во имя идеальной цели[14].

В данной работе мы обратимся к одному из создателей идеи Северного морского пути – вышеупомянутому М.К. Сидорову, и разберем на примере нашумевшего эпизода эпохи первых коммерческих плаваний – экспедиции 1878 г. на Енисей – роль и место прессы и генерируемого ею общественного мнения в этом транспортном проекте.

Герой и издание. Пожалуй, ни одно другое периодическое издание не освещало начальный этап (70–80-е гг. XIX в.) коммерческих плаваний по Северному морскому пути, как «Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству». Причины этого лежат в так называемом «открытии» морского пути в Сибирь в 1870-х гг. Доселе представлявшимся невозможным судоходство через Карское море внезапно оказалось, по мнению общественности, не только возможным, но и возможным на регулярной основе[15]. «Труды» подробно освещали все первые экспедиции, публиковали доклады и сообщения руководителей и организаторов плаваний, а также мнения различных авторитетных фигур. Необходимо отметить, что, несмотря на широту представленной полемики, издание придерживалось строгих протекционистских взглядов, резко обличая любое мнение, которое могло сойти за противоположное. Среди наиболее громких протекционистских голосов, выступавших против иностранного участия в освоении морского пути, был Федор Дмитриевич Студитский (1814–1893), выдающийся педагог и секретарь-делопроизводитель Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству (ИОСРТМ). Доклады Ф.Д. Студитского

[13] *Моисеев С.А.* Предложение об учреждении торговой компании для снаряжения парохода в Енисей // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1878 год (с 31 января 1878 по 1 марта 1879 г.). СПб., 1879. С. 129.

[14] *Wråkberg U.* A.E. Nordenskiöld in Swedish memory… P. 168.

[15] Непроходимость Карского моря для судов часто приписывают выдающемуся ученому и полярному исследователю академику Карлу Максимовичу (Карл Эрнст Риттер фон) Бэру (1792–1876 гг.) за его характеристику Карского моря как «ледового погреба». Однако это неверно. Хотя Бэр не дал четкого определения термину «Eiskeller», он нигде не упоминал о непроходимости моря, скорее указывая на его более холодный климат. Судоходство с ледовым погребом связал немецкий географ Август Петерман после неудачной экспедиции П.П. Крузенштерна в 1862 г. (см.: *Визе В.Ю.* Моря Советской Арктики. Очерки по истории исследования. Л., 1936. С. 94, 98; *Tammiksaar E., Stone I.R.* Karl Ernst von Baer and the Kara Sea ‘Eiskellar’ // Polar Record. 1997. № 33 (186). P. 239, 241).

часто публиковались вместе с сообщениями М.К. Сидорова. Публикации Ф.Д. Студитского не столько дополняли доклады М.К. Сидорова фактологическим материалом, сколько, с присущим их автору рвением, нападали как на членов Общества, посмевших высказаться в пользу иностранного участия в освоении Российского Севера, так и на отечественные правительственные круги, упрекая их в нерешительности и безынициативности в части решения проблем Севера. Многие из докладов как самого Ф.Д. Студитского, так и других участников освоения Северного морского пути (включая М.К. Сидорова, Дж. Виггинса, А. Норденшёльда) были собраны им в вышедшем в 1883 г. двухтомном издании[16].

Конечно, опасения М.К. Сидорова, Ф.Д. Студитского и других поборников идеи освоения Севера отечественными силами были небезосновательными. С возобновлением интереса к полярным странам в десятилетия после окончания наполеоновских войн англичане открыто называли русских своими конкурентами в Арктике[17]. В 1830-е гг. морская торговля архангельского и других портов на Русском Севере практически целиком перешла под контроль иностранного капитала[18]. Затем отечественный северный торговый и промысловый флот сильно пострадал во время Крымской войны 1853–1856 гг.[19] Память об этих событиях не могла не служить отрезвляющим фактором, и когда иностранные корабли начали ежегодно проникать в Карское море, протекционистская фракция ИОСРТМ стала бурно осуждать стремление иностранного капитала прибрать к рукам богатство Русского Севера. Однако проблема заключалась в том, что все экспедиции 1870-х гг., за исключением плавания шхуны «Утренняя заря» в 1877 г., были иностранными. С проблемой нехватки отечественных моряков, готовых совершать плавания в неизученных полярных морях, был хорошо знаком М.К. Сидоров, пытавшийся с 1860-х гг. организовать экспедицию к устьям Оби и Енисея. Очень точно эту ситуацию подметил исследователь Новой Земли, участник экспедиции 1838–1839 гг. А.К. Циволька, С.А. Моисеев: «В 1859 году начал заботиться о мореходстве на севере член нашего Общества [ИОСРТМ. – *А. Г.*], г. Сидоров. Он призывал к этому делу и отыскивал русских мореходов, но никто из них не откликнулся. Да и откуда им взяться? И потому адмирал граф Литке так утвердительно сказал г. Сидорову, что из русских мореходов, знакомых с ледяными морями, не найдется ни одного человека…»[20].

В итоге М.К. Сидорову пришлось искать моряков сначала в Великобритании, а затем в Норвегии, обещая им многочисленные коммерческие преференции, премии, а также значительно преувеличивая доступность сибирских богатств, занижая при этом риски плавания по Карскому морю. В конце концов, блестящая рекламная кампания М.К. Сидорова дала свои плоды, и первые норвежские промысловики на утлых парусных судах смогли пробиться в Карское море и исследовать его западную часть, прилегающую к новоземельскому архипелагу. Правда, как только плавания норвежских зверобоев стали сенсацией в мировом научном сообществе, опровергнув устоявшееся мнение относительно непроходимости Карского моря, М.К. Сидоров незамедлительно накинулся на деятельность норвежцев в его водах, требуя от правительства решительных шагов по ограждению охотничьих ресурсов

[16] *Студитский Ф.Д.* История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива: в 2 ч. СПб., 1883. Ч. 1; Ч. 2.

[17] См., например, вводную статью к обзору К.М. Бэра, опубликованную в «Журнале Королевского географического общества в Лондоне» (*Baer K.E.* On the recent Russian Expeditions to Novaia Zemlia // The Journal of the Royal Geographical Society of London. 1838. Vol. 8. P. 411).

[18] *Сидоров М.К.* О русском торговом мореходстве на севере // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1877 год (с 8 февраля 1877 по 1 января 1878 г.). СПб., 1877. С. 44–55. Уже в 1830 г. из 562 судов, прибывших в Архангельск, 362 были английскими, и лишь 32 ходили под российским флагом. В 1840-е гг. архангельский порт пришел в окончательный упадок (*Истомина Э.Г.* Водный транспорт России в дореформенный период. М., 1991. С. 220–221).

[19] *Сидоров М.К.* О необходимости крейсера на Северном океане // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1877 год (с 8 февраля 1877 по 1 января 1878 г.). СПб., 1877. С. 276.

[20] *Моисеев С.А.* О принятии мер для плавания через Карское море в Енисей // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1877 год (с 8 февраля 1877 по 1 января 1878 г.). СПб., 1877. С. 140.

региона от иностранной эксплуатации[21]. Точно такая же ситуация произошла и с коммерческими плаваниями в Карском море. Разовые плавания англичанина Дж. Виггинса признавались важным и даже героическим поступком, покуда их организация и финансирование могли быть приписаны отечественному купечеству в лице А.М. Сибирякова и М.К. Сидорова, однако любые самостоятельные плавания англичан (именно этой нации отводилась роль главного противника[22]) представлялись угрозой отечественному судоходству в Арктике, поэтому подвергались безжалостной дискредитации. Ф.Д. Студитский писал: «Мы обязаны защитить право нашего соотечественника на открытие торгового морского пути в Енисей и Обь и потребить все усилия, чтобы торговля Сибири с Европой находилась в руках русских промышленников. Вам известно, что в других наших портах хозяйничают иностранные промышленники. Вступить с ними в соперничество трудная задача!»[23]

В сложившейся ситуации иностранные организаторы карских экспедиций были поделены на два класса – «свои» и «чужие». Парадоксально, но А. Норденшёльд был записан в первую группу, хотя он нигде не высказывался о своей причастности к российским организациям. Судя по всему, в нем как ученом не видели конкурента: напротив, он был весьма удобен для сплочения скептиков, сомневающихся в перспективах арктического судоходства. Как уже отмечалось выше, и М.К. Сидоров, и Ф.Д. Студитский вели неустанную публицистическую борьбу с любым инакомыслием в отношении северных проектов, а также с любыми потенциальными конкурентами, и если сторонников они консолидировали риторическими рассуждениями о национальном благе, то оппонентов подвергали безжалостной дискредитации[24]. Так, Дж. Виггинс пером Ф.Д. Студитского был превращен из вполне самостоятельного мореплавателя, преследовавшего свои интересы и цели, в наемного работника М.К. Сидорова и А.М. Сибирякова, устремления которого сводились исключительно к получению премии, обещанной М.К. Сидоровым. И хотя финансирование его экспедиций частично осуществлялось за счет этих промышленников, не в меньшей степени в этом участвовал и английский капитал, привлеченный самим капитаном. По сегодняшний день, невзирая даже на появление новых публикаций, анализирующих мотивы Дж. Виггинса, представление о нем как об искателе материального вознаграждения прочно закрепилось в историографии.

Среди иностранцев, которых М.К. Сидоров и Ф.Д. Студитский относили к «своим», был бременский текстильный магнат барон Лев Герасимович (Иоганн Людвиг) Кноп (1821–1894). Промышленник стоял у истоков десятков хлопчатобумажных предприятий на территории Российской империи, где он обосновался в конце 1830-х гг. первоначально в качестве торгового представителя английской текстильной фирмы, а затем организовав собственные предприятия с использованием привезенного английского оборудования. Успехи «ситцевого короля» были настолько значительными, что в 1877 г. Александром II ему был дарован баронский титул. Имя промышленника даже вошло в бытовавшую в пореформенный период поговорку (существовали разные варианты): «Где церковь, там и поп, где казарма, там и клоп, а где фабрика – там и Кноп»[25]. Несмотря на возвращение в 1861 г. Л.Г. Кнопа в Бремен, размах его текстильной империи на территории России давал повод

[21] *Сидоров М.К.* О принятии мер для плавания через Карское море в Енисей // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1877 год (с 8 февраля 1877 по 1 января 1878 г.). СПб., 1877. С. 274–283; *Сидоров М.К.* О необходимости крейсера на Северном океане // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1877 год (с 8 февраля 1877 по 1 января 1878 г.). СПб., 1877. С. 278–279.

[22] *Вальдемар Х.М.* Сибирское дело, паевое судостроение, поощрительные меры и премии. Открытие морского пути в Сибирь и русский торговый флот // Известия Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству. М., 1879. Вып. 2. С. 52; *Агапов М.Г.* «Заговор» против Севера России: национализация предпринимательского дискурса в 60-е гг. XIX в. // Ab Imperio. 2019. Т. 2019, № 4. С. 83.

[23] *Студитский Ф.Д.* По поводу сообщения М.К. Сидорова о клипере «Северное Сияние», яхты «Заря» и парохода «Темза» // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1877 год (с 8 февраля 1877 по 1 января 1878 г.). СПб., 1877. С. 198.

[24] *Агапов М.Г.* «Заговор» против Севера России… С. 78.

[25] *Петров Ю.А.* Немцы-предприниматели в экономической жизни Москвы XIX – начала XX в. // Вестник РГНФ. 2003. № 3. С. 18.

поборникам развития Сибирского морского пути причислить обрусевшего Л.Г. Кнопа к отечественным предпринимателям, тем более что, помимо гражданства ганзейского города Бремен, он обладал российским подданством, позволявшим ему беспрепятственно вести торговые дела в обеих странах[26].

Однако интерес Л.Г. Кнопа к торговым операциям в Карском море был вызван отнюдь не активной агитационной работой М.К. Сидорова. Как уже отмечалось, вторая половина XIX в. ознаменовалась повышенным интересом к исследованию, а также освоению географических «белых пятен». Престиж мировых держав зависел не только от колонизации новых территорий и наличия современных вооруженных сил, но и от количества и качества научных исследований, организованных ими, что, кстати, вполне актуально и поныне. В практическом отношении научные исследования имели непосредственное прикладное значение для решения научно-технических проблем, создания новых видов вооружений, а также улучшения социально-экономической ситуации в промышленных странах. Географические открытия здесь не были исключением, поскольку давали возможность государствам заявлять свои права на новые территории, а также осваивать торговые пути и рынки сбыта. Германская империя, в отличие от многих других держав, существенно отставала в данном направлении, поэтому сосредоточила свое внимание на двух основных регионах – Африке и Арктике. Немаловажным фактором был престиж самих исследований. Ведь только сильные в научном плане страны могли позволить себе организацию исследовательских экспедиций в полярные регионы. В 1870 г. в Бремене было создано Бременское общество полярных исследователей, которое в 1877 г. было преобразовано в Бременское географическое общество. Был организован ряд полярных экспедиций, некоторые из которых преследовали, помимо строго научных, коммерческие цели и как таковые финансировались местным купечеством и судовладельцами[27]. Вдохновителем германских полярных проектов был выдающийся географ Август Петерман (1822–1878). Движимый желанием доказать состоятельность своей теории «открытого полярного моря», а также тем, чтобы его открывателем выступил именно немец, А. Петерман смог заручиться не только поддержкой немецкой общественности, но даже и самого Отто фон Бисмарка для организации серии полярных экспедиций[28]. Однако они не принесли желаемого результата, и постепенно интерес к арктическим проектам в Германии стал спадать.

Следующий всплеск внимания Арктике в Бремене уже был более меркантильным: неслучайно среди целей Бременского географического общества было заявлено о поиске новых маршрутов для немецкой торговли, а его членами стали представители бременских судоходных компаний[29]. За финансовую деятельность общества отвечал Георг Александр Альбрехт (1834–1898), управляющий директор древней бременской торговой фирмы Johann Lange Sohn's Wwe. & C°, а также соучредитель и член Дойче Банка в Бремене и, что самое главное, зять барона Л.Г. Кнопа, женатый на его дочери Луизе Доротее[30]. Еще одним важным членом Бременского географического общества стал сибирский золотопромышленник Александр Михайлович Сибиряков. В 1876 г. еще Бременским обществом полярных исследователей была организована небольшая экспедиция на север Западной Сибири с целью изучения местной природы, а также для выяснения возможности нового морского пути в Сибирь[31]. Эту экспедицию возглавляли выдающиеся немецкие зоологи Альфред Брем

[26] *Nielsen J.P.* Historical and Current Uses of the Northern Sea Route. Part III: The Period 1855–1917. Oslo, 1996. INSROP working paper. No. 61, IV.1.1. P. 42.

[27] *Дальманн Д.* Торговое судоходство за Полярным кругом во второй половине XIX века // Отечественная история. 2001. № 5. С. 23.

[28] *McCanonn J.* A History of Arctic Nature Exploration… P. 167–168.

[29] *Дальманн Д.* Торговое судоходство… С. 23–24.

[30] Там же. С. 23; *Barr W.* German paddle-steamers on the Yenisey 1878–84 // The Journal of the Hakluyt Society. 2014. August. P. 1–38. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hakluyt.com/downloadable_files/Journal/Barr_Yenisey.pdf (дата обращения: 21.10.2023).

[31] *Дальманн Д.* Торговое судоходство… С. 25; *Студитский Ф.Д.* О 12-ти экспедициях на Северо-восток России. Отчего пробудилось стремление к исследованию нашего севера // Труды Санкт-Петербургского отделения ИОСРТМ за 1876 г. (15 марта 1876 по 8 февраля 1876 г.). СПб., 1877. С. 68.

и этнолог Отто Финш, которые после исследования Сибири продолжили свое путешествие в Центральную Азию[32]. В свой работе О. Финш коснулся ряда аспектов судоходства по Карскому морю: в частности, он полагал, что проекты по строительству каналов из Байдарацкой губы в Обскую, равно как и различные гужевые маршруты, бесперспективны и что реалистично только непосредственное использование морского пути[33].

В 1877 г. А.М. Сибиряков совместно с фирмой Г. Альбрехта организовал коммерческое плавание на Енисей парохода «Fraser» («Фразер»). Обращение А.М. Сибирякова напрямую в географическое общество с просьбой организовать экспедицию в Сибирь не принесло результатов и ему пришлось самостоятельно искать моряка, готового совершить подобное плавание. Ему удалось заинтересовать одного из наиболее опытных капитанов на Везере, к тому же обладавшего уникальным опытом плавания в Чукотском и Восточно-Сибирском морях, Эдуарда Дальмана (1830–1896). Экспедиция была тщательно спланирована во всех отношениях. Были получены все необходимые разрешительные документы; енисейские губернские власти и туруханский отдел приставов были уведомлены Министерством внутренних дел о том, что в навигацию 1877 г. на Енисей прибудет пароход «Frazer» [Fraser. – *А. Г.*] с грузом масла и машин для золотых приисков на сумму 50 тыс. руб. под командованием капитана Э. Дальмана[34]. Это сильно отличает данную экспедицию от, например, плавания Дж. Виггинса, совершенного годом ранее, которое, несмотря на хорошее техническое и материальное оснащение, было организовано по принципу экспедиций купцов-путешественников эпохи Тюдоров.

У шведской компании «Motala Mek. Verkstads A/B» был зафрахтован железный пароход «Fraser» (30 л.с.). В Бремерхафене на борт взяли груз, состоявший из российского табака, сахара и парового насоса. Выйдя в плавание 25 июля, пароход достиг устья Енисея 20 августа. Ожидалось, что пароход примет на борт груз зерна, который должен был быть доставлен в зимовье Кореповское, однако из-за сильных северных ветров баржи с экспортным зерном не смогли прийти вовремя к назначенному месту. Выгрузив привезенные товары в Кореповском, Э. Дальман направил пароход в обратный рейс[35]. Экспедиция была признана успешной, и барон Л.Г. Кноп решил организовать более амбициозную операцию на следующий год.

Здесь представляется удачный момент перейти к непосредственной теме нашей работы – экспедиции 1878 г. на Енисей, поскольку история о ней тоже оказалась одним из мифов, созданных на страницах «Трудов Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для развития русского торгового мореходства» и впоследствии прочно укоренившихся даже в фундаментальных научных работах[36].

Сообщение М.К. Сидорова и доклад Ф.Д. Студитского. В конце октября 1878 г. на заседании правления Санкт-Петербургского отделения ИОСРТМ М.К. Сидоров выступил с сообщением об авариях пароходов «Царица» и «Луиза» (рис. 1) во время рейса из Кронштадта в устье Енисея, организованного Л.Г. Кнопом. Хотя от М.К. Сидорова можно было ожидать сведения из более надежного источника, учитывая его вовлеченность в полярную тематику, он строил свои размышления на основе газетной статьи («Голос» от 17 октября 1878 г. № 287)[37]. Причины, по которым золотопромышленник выбрал именно этот источник, а не отчеты, например, таможенного чиновника А.А. Элерца, опубликованные в 1879 г.[38],

[32] По итогу этой поездки были издана книга: *Finsch O.* Reisen ach West-Sibirien im Jahre 1876. Berlin, 1879.
[33] *Finsch O.* Reisen ach West-Sibirien… S. 583–585.
[34] ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 5–6.
[35] *Barr W., Krause R., Pawlik P.-M.* Chukchi Sea, Southern Ocean, Kara Sea: The polar voyages of Captain Eduard Dallmann, whaler, trader, explorer 1830–96 // Polar Record. 2004. № 40 (212). P. 10–11.
[36] Например, в своей работе советский исследователь Д.М. Пинхенсон приводит крушение обоих пароходов Кнопа как пример происков иностранных фирм, желавших «заработать на страховке» (*Пинхенсон Д.М.* Проблема Северного морского пути… С. 302–303).
[37] *Сидоров М.К.* О крушении пароходов «Луиза» и «Царица» // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1878 год (31 янв. 1878 – 1 марта 1879 г.). СПб., 1879. С. 380–385.
[38] *Элерц А.А.* Описание плавания экспедиции барона Л. Кноп и К° к устью реки Енисея в 1878 году. СПб., 1879; *Элерц А.А.* Доклад о поездке причисленного к Департаменту таможенных сборов коллежского регистратора

Рис. 1. Пароход «Луиза» в Карском море, 1882 г. (*Snellen M.* De Nederlandsche Pool-Expeditie 1882–83. Utrecht, 1886)

или статьи, описывающие экспедицию и напечатанные в географическом ежегоднике А. Петермана («Petermann's Geographische Mitteilungen»)[39], остаются неизвестными. Как мы покажем ниже, ничего необычного, на чем можно было бы заострить внимание, в плавании судов Л.Г. Кнопа в 1878 г. на Енисей не было. С другой стороны, нет ничего, что отличало бы это сообщение Сидорова от других в части предоставления непроверенной, недостоверной или неполной информации. По сути, доклад, представленный М.К. Сидоровым, как и дополнявший его доклад Ф.Д. Студитского[40], можно отнести к такому виду публицистической статьи, как op-ed (англ. opposite the editorial), возникшей в первой половине XX в. и нацеленной на донесение до публики интересующих ее мыслей и мнений, а не фактов. Мы видим, что М.К. Сидоров использует именно такой жанр. В своих работах, большая часть из которых носит обзорный характер, он апеллирует к эмоциям читателя, строя при этом свои доводы на неполных или попросту недостоверных сведениях, избирательно подбирая факты. Незначительные происшествия, ошибки, недопонимания, несчастные случаи он гиперболизирует, превращая их в сложный клубок интриг: «… в Гольчихе живут люди круглый год – чего не мог не знать Дальман и что знал Крафт – значит, было бы кому присмотреть за пароходом и если, несмотря на все это, "Царица" была брошена во второй раз, то тут уже больше чем грубое нерадение – *это преступление!*»[41].

В докладе четко обозначен конспирологический мотив, ставший к тому времени типичным для Сидорова и его единомышленников, объяснявших любые препятствия и неудачи различными заговорами и «тайными происками»[42]. При этом, естественно, «свое» (что формировало образ самостоятельности русской торговли[43]) и «чужое» противопоставляется с помощью использования таких словосочетаний, как «русские товары», «московский фабрикант», «иностранный капитан Бурмейстер», «три иностранных капитана». В то же самое время использование М.К. Сидоровым сочетания «русский чиновник» намекает на соучастие чиновничества в иностранном заговоре, т.е. на предательство российских интересов. В то же самое время в нарративе М.К. Сидорова присутствует обязательный элемент – герой, в качестве которого выбран управляющий А.М. Сибирякова Семен Иванович Серебрянников (М.К. Сидоров специально полностью прописал его имя и фамилию; антагонисты этой чести не удостоены, поэтому они называются только по фамилиям – Бурмейстер, Дальман, Брюн, Крафт, Гундерсон, Шмидт, Эллерс [Элерц. – *А. Г.*]). У читателя должно сложиться четкое впечатление, что, если бы не С.И. Серебрянников, который представлен как герой-защитник интересов отечественного мореплавания в Арктике, общественность могла бы разочароваться в проекте, поставив тем самым крест на начинаниях того же самого М.К. Сидорова.

За докладом М.К. Сидорова сразу следует доклад Ф.Д. Студитского, автор которого с еще большим рвением обличает иностранцев, российских сторонников сотрудничества

Эллерца к устью реки Енисея, для определения пункта таможенного надзора // О торговых сношениях Сибири морским путем с иностранными портами. СПб., 1879. С. 51–67.

[39] Reisenachriehten aus Sibirien. Fahrt auf dem Jenissej von der Mündung bis Jenissejsk im Sommer 1878 // Dr. A. Petermann's Mitteilungen aus Justus Perthes' geographischer Anstalt. 1879. B. 25. S. 81–89.

[40] *Студитский Ф.Д.* Мысли по поводу крушения пароходов: «Луиза» и «Царица» // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1878 год (31 янв. 1878 – 1 марта 1879 г.). СПб., 1879. С. 385–389.

[41] *Сидоров М.К.* О крушении пароходов «Луиза» и «Царица»… С. 384–385.

[42] *Агапов М.Г.* «Заговор» против Севера России… С. 92–93.

[43] Там же. С. 90.

с иностранными грузоперевозчиками, а также осуждает инертность отечественного предпринимательства: «Иностранцы давно уже ведут тайно промышленную борьбу с Россией, а теперь открыто вызывают на промышленный бой. Наши войска храбро сражались с неприятелем. Неужели наши промышленники испугаются иностранных и уступят им выгоды и свои, и своего отечества»[44].

Необходимо отметить, что оба доклада выполнены с использованием настоящего исторического времени (описание прошлых событий с употреблением глаголов в настоящем времени) – формы, достаточно редкой для русского языка, используемой преимущественно при публицистическом стиле изложения. Так, в обоих докладах встречаются конструкции типа: «пароход “Луиза” вскоре заменяется пароходом “Царица”», «открывается как бы общий план заговора», «входит в Енисейский залив», «экипаж “Царицы” бросает ее и плывет на “Москве”», «Нильсон хочет попробовать спасти». Таким образом, оба автора не только намеренно придают живость и наглядность тексту, но и превращают читателя в свидетеля происходящих событий.

Возвратившись к теме экспедиции 1878 г. спустя несколько лет, М.К. Сидоров продолжал высказывать сомнения относительно того, что Э. Дальман был непричастен к каким-либо заговорам (особенно после неудачи экспедиции 1880 г.) и что крушение пароходов Л.Г. Кнопа за два года до этого было всего лишь несчастным случаем: «…некоторые лица находят выгоду представить нашему правительству затруднения к плаванию на Енисей. Они надеются получить от него субсидию и концессию для ввода беспошлинно всяких товаров»[45].

Если судить по докладам М.К. Сидорова, он весьма поверхностно разбирался в физической географии Карского моря и его бассейне. Так, Дж. Виггинс, по сообщению М.К. Сидорова, находит «превосходный лиман» протяженностью тысячу верст на Енисее[46]. Год спустя М.К. Сидоров заявляет, что единственной «природной гаванью» на Енисее является Гольчиха и что морские суда вообще не могут подниматься по реке выше Бреховских островов, а речные, наоборот, спускаться ниже[47]. Он предлагает устроить морские гавани в совершенно необследованных местах, например в Байдарацкой губе, куда, по его мнению, может даже заходить крупнейший пассажирский пароход того времени – британский «Great Eastern», который М.К. Сидоров предлагает фрахтовать по 20 коп. за пуд (!)[48]. Затем в этом же докладе он высказывает идею вместо дорогостоящих гаваней для перегрузки морских и речных судов строить более дешевые (по его мнению) каналы. От морского судоходства он предлагает отказаться как от слишком опасного лишь из-за того, что в 1877 г. на Енисее при разных обстоятельствах погибли два судна[49]. Зимовать пароходы, по мнению М.К. Сидорова, тоже не могут из-за опасности погибнуть во время ледохода.

Неудивительно, что при такой непостоянности в собственных взглядах ни один более или менее осведомленный чиновник не воспринимал М.К. Сидорова всерьез. Так, в 1863 г., согласно жалобе самого промышленника, ему отказал в реализации проекта канала для соединения рек Турухана и Таза генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков[50].

---

[44] *Студитский Ф.Д.* Мысли по поводу крушения пароходов… С. 389.

[45] *Сидоров М.К.* Об экспедициях на север в 1878 г. // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1880 год (с 10 марта 1880 по 9 января 1881 г.). СПб., 1881. С. 133.

[46] *Сидоров М.К.* Об экспедиции Виггинса // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1876 год (с 15 марта 1876 по 8 февраля 1877 г.). СПб., 1877. С. 162.

[47] *Сидоров М.К.* О проектах каналов в Сибири // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1877 год (с 8 февраля 1877 по 1 января 1878 г.). СПб., 1877. С. 264.

[48] Там же. С. 260. Британский пароход «Great Eastern» являлся крупнейшим судном, построенным в XIX в., и имел водоизмещение более 32 тыс. т.

[49] Там же. С. 261.

[50] Там же. С. 265; *Сидоров М.К.* О каналах в низовьях реки Енисея и Оби и о гаванях в Обском и Енисейском заливах // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1878 год (с 31 января 1878 по 1 марта 1879 г.). СПб., 1879. С. 116–117.

Это преподносится как непрогрессивность взглядов чиновничества на реализацию транспортной инфраструктуры Сибири. При этом М.С. Корсаков в 1866 г. финансировал и всячески поддерживал туруханскую экспедицию геолога И.А. Лопатина, одним из результатов которой стало составление самой точной на тот период карты устья Енисея[51]. Проблема проектов М.К. Сидорова заключалась в их непоследовательности, а также порой полной утопичности.

Экспедиция 1878 г. барона Л.Г. Кнопа. Не будем подробно останавливаться на ходе экспедиции 1878 г., поскольку она подробно описана в исторической литературе[52]. После успешных экспедиций 1877 г. плавания в Карское море продолжились. С 1878 г. немецкие торговые операции возглавил Л.Г. Кноп. Капитан Э. Дальман был назначен ответственным за морское судоходство, кроме того, вследствие провала речной части экспедиции 1877 г. было решено приобрести речной пароход для перевозки грузов по Енисею без участия посредников. Был куплен пароход, которому дали название «Москва». Для морских плаваний был построен пароход «Луиза». Кроме того, на Енисей должны были доставить три лихтера.

Нарастающая активность торговли на Обь-Енисейском Севере вынудила правительство заняться организацией таможенного контроля, тем более что ряд товаров подлежал обложению пошлиной[53]. Эта задача была поручена коллежскому регистратору Александру Александровичу Элерцу: он должен был изучить маршрут, по которому будет осуществлена доставка товаров в устье Енисея, а также определить место расположения таможенного пункта. Функционал А.А. Элерца был четко прописан, включая требования к организации таможенных досмотров, обеспечивающих не только предотвращения нарушений и контрабанды, но и удобство для самих судоводителей[54].

Отправным пунктом экспедиции являлся Гамбург, однако часть груза была принята «Луизой» еще в Кронштадте. Таким образом, часть груза имела российское происхождение, не облагалась ввозными пошлинами по определению и, возможно, находилась в числе первых крупных партий российских товаров, доставленных по Северному морскому пути. Помимо этого, часть груза, поднятого на борт в Гамбурге, была ввезена беспошлинно, а часть – с уплатой положенных сборов (табл. 1).

Таблица 1

Список товаров, отправленных из Кронштадта в Сибирь по реке Енисей на российском пароходе «Луиза» (шкипер Е. Бурмейстер)

Число мест	Название товара	Количество товаров	Количество адресатов
30 бочек	Сахар	1 021 п. 24 ф.	Роберту Крафту в Енисейск
147 бочек	То же	3 870 п. 2ф.	
135 бочек	То же	4 394 п. 35 ф.	
400 кулей	Табак	2 128 п. 24 ф.	

Составлено по: ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 513. Л. 17.

[51] Высокое качество карты, составленной топографом И.Е. Андреевым, отмечал выдающийся отечественный гидрограф А.И. Вилькицкий (см.: Атлас реки Енисей: от Енисейска до Енисейского залива. Факсимильное издание 1900 г. СПб., 2009).

[52] *Элерц А.А.* Доклад о поездке причисленного к Департаменту таможенных сборов…; *Элерц А.А.* Описание плавания экспедиции барона Л. Кноп и К°…; *Дальманн Д.* Торговое судоходство за Полярным круго во второй половине XIX века // Отечественная история. 2001. № 5. С. 21–32; *Barr W., Krause R., Pawlik P.-M.* Chukchi Sea, Southern Ocean, Kara Sea: the polar voyages of Captain Eduard Dallmann, whaler, trader, explorer 1830–96 // Polar Record. 2004. № 40 (212). P. 1–18; *Barr W.* German paddle-steamers on the Yenisey 1878–84…; *Медников Д.М., Гончаров А.Е., Карелин Н.М.* «Замечательное» арктическое предприятие: о деятельности компании барона Людвига Кнопа по развитию торговли по Северному морскому пути (1878–1884) // Клио. 2017. № 1 (121). С. 176–183.

[53] ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 7; Ф. 595. Оп. 19. Д. 513. Л. 10 об.

[54] Там же. Ф. 595. Оп. 19. Д. 513. Л. 13–14 об. Подробнее о деятельности Элерца см.: *Медников Д.М., Гончаров А.Е., Карелин Н.М.* «Замечательное» арктическое предприятие: о деятельности компании барона Людвига Кнопа… С. 176–183.

Список иностранных товаров, дозволенных министром финансов к беспошлинному привозу в Сибири в навигацию 1878 г. морским путем и по Енисею, составил: 1 тыс. ящиков петролеума (керосина) по 2 пуда общим весом 2 тыс. пудов; 200 бочек деревянного (оливкового) масла по 9 пудов общим весом 1 800 пудов; 2 тыс. штук холщовых мешков для ссыпки хлеба, 574 штуки керосиновых ламп в 9 ящиках, 1 ящик образцов стеклянных изделий[55]. Помимо упомянутых выше товаров, в Гамбурге на борт были приняты 1 050 бутылок шампанского (с уплатой ввозной пошлины) и 2 веялки (беспошлинно)[56].

Море встретило экспедицию недружелюбно. К северу от Тронхейма «Луиза» села на мель, после снятия судно дало сильную течь, и Э. Дальман отправил его на ремонт в ближайший порт. Л.Г. Кнопу в срочном порядке пришлось нанять другое судно – норвежский деревянный пароход «Царица». А.А. Элерц зафиксировал количество товара, перегруженного на «Царицу»: 4 345 голов (2 907 пудов) кронштадтского сахара, 95 кулей табака, 1 тыс. ящиков петролеума, 197 бочек деревянного масла, 1 700 штук холщовых мешков, 9 ящиков керосиновых ламп, ящик образцов стеклянной посуды, 19 ящиков шипучего виноградного вина, 2 веялки. Из-за нехватки места на пароходе «Царица» 190 кулей табака оставили на «Луизе». Остальное же количество сахара и табака оказалось повреждено «подмочкою» и надлежало продаже с аукциона в Норвегии[57].

Как известно, неудачи плавания на этом не закончились: «Царица» села на каменную скалу у Корсаковских островов в Енисейском заливе[58] (рис. 2). После безуспешных попыток снять корабль со скалы на «Москву» было перегружено все возможное количество товаров и судно было оставлено. Из имевшегося на пароходе груза было спасено на баржу 19 ящиков с 1 050 бутылками шампанского, 9 ящиков с 574 лампами, ящик образцов стеклянной посуды, 75 пудов табака в 35 кулях, 2 000 голов сахара рафинада весом около 1 200 пудов и 150 бочек деревянного масла весом около 1 350 пудов[59]. Весь груз на баржах, буксируемых речным пароходом, принадлежащим Л.Г. Кнопу, под управлением доверенного Роберта Крафта был отправлен в Енисейск. Вследствие невозможности вывоза заготовленных для этого товаров в текущую навигацию они были помещены на склад, построенный Р. Крафтом недалеко от Караульного мыса (рис. 3)[60].

Разберем, каким образом произошло крушение парохода «Царица», обратившись к свидетельству непосредственного участника плавания, а именно к описанию экспедиции, составленному А.А. Элерцом. Необходимо отметить, что его описания не вызывают никакого сомнения в части своей достоверности не только тем, что факты, приведенные в нем, находят подтверждение в архивных документах, но и качеством и подробностью самих изложений: например, в его работе представлена редчайшая карта устья Енисея топографа И.А. Андреева, что свидетельствует о детальнейшей проработке географической темы Элерцом[61]. Итак, перед нами открывается картина, имеющая мало общего с оценкой ситуации российскими протекционистами. Так, таможенный чиновник упоминает о том, что «Царица» терпела ряд происшествий в ходе плавания к устью Енисея: например, судно село на грунт недалеко от о. Вайгач, т.е. в самом начале плавания. Попытки стянуть «Царицу» с мели оказались тщетными, пока уровень воды не поднялся настолько, что корабль сам смог сойти с мели[62].

---

[55] ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 513. Л. 16.
[56] Там же. Л. 1–5.
[57] Там же. Л. 20–20 об.
[58] Корсаковские острова были нанесены на карту топографом И.Е. Андреевым в 1866–1867 гг. и названы в честь М.С. Корсакова замечательным исследователем нижнего Енисея И.А. Лопатиным за помощь в организации экспедиции.
[59] ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 513. Л. 24.
[60] Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.
[61] *Элерц А.А.* Доклад о поездке причисленного к Департаменту таможенных сборов… С. 51–67; *Гончаров А.Е.* Где ты, «Северное сияние»? Поиски полярного судна Д.И. Шваненберга и история картографирования дельты Енисея во второй половине XIX в. // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 3. С. 164.
[62] *Элерц А.А.* Описание плавания экспедиции барона Л. Кноп и К°… С. 8.

Рис. 2. Карта, составленная А.А. Элерцем, указывающая место посадки на скалу у Корсаковских островов парохода «Царица» (*Элерц А.А.* Доклад о поездке причисленного к Департаменту таможенных сборов…)

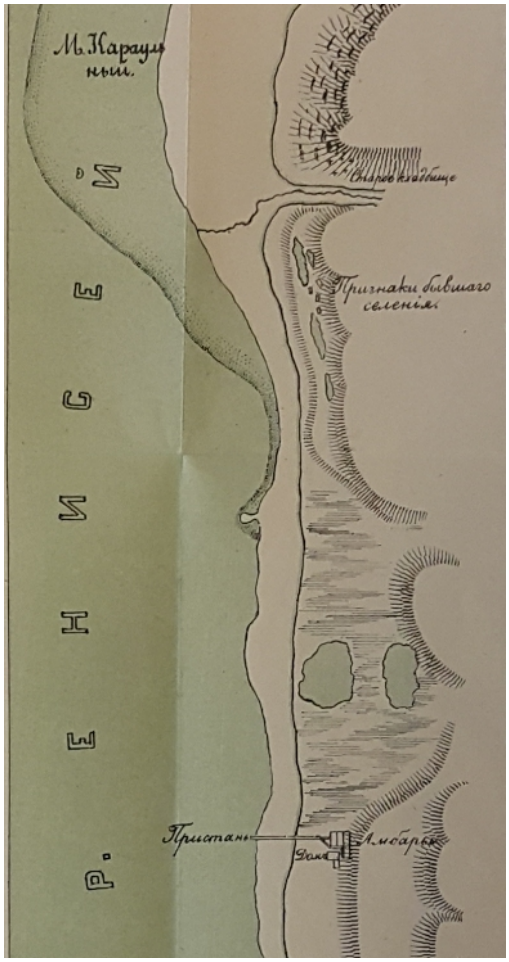


Рис. 3. Склад и пристань для перегрузки товаров фирмы Кнопа в устье Енисея (Караул). (*Элерц А.А.* Доклад о поездке причисленного к Департаменту таможенных сборов…)

Таким образом, вся версия М.К. Сидорова, построенная на основании одного известного ему крушения, не является убедительной. Аварийные случаи при эксплуатации новых недостаточно изученных маршрутов считаются нормальным явлением. Неверно также утверждение о том, что ничего не было предпринято, чтобы снять «Царицу» с мели у Корсаковских островов. Так, А.А. Элерц сообщает, что пытались использовать задний ход, а также стянуть «Царицу» с камней пароходом «Москва», однако, несмотря на все эти меры, а также с учетом сильного северо-западного течения, судно снять не удалось. Из носовой части парохода груз был перегружен на баржу, однако спасательной операции препятствовала и ухудшившаяся погода, которая значительно усугубила положение: поднявшийся северный ветер развернул корпус парохода, в результате чего судно оказалось полностью на мели. Волны начали бить пароход о грунт, что привело к поломке некоторых узлов паровой машины. Повторные попытки стянуть судно с мели не увенчались успехом. В таких условиях было принято решение об оставлении «Царицы»[63].

Пришлось пожертвовать частью ранее погруженного на баржу товара, выбросив его за борт, чтобы вместо него загрузить продовольствие, уголь, некоторые корабельные принадлежности. Имущество экипажа было размещено на «Москве». Описывая встречу с судами А.М. Сибирякова «Fraser» и «Express», А.А. Элерц не сообщает ни о каких спорах относительно судьбы потерпевшей крушение «Царицы», говоря лишь о том, что ее команда пересела на направлявшийся в Норвегию «Fraser», после чего все три судна направились в устье Енисея. На месте обнаружили, что «Царица» из-за сильного южного ветра снялась с банки, была частично затоплена, хотя и имела небольшую течь. С помощью специально нанятых ранее в Карауле местных работников на баржу было перегружено столько груза, сколько возможно, после чего «Москва» вновь отправилась вверх по реке[64]. Капитан «Fraser» Э. Нильсен после этого откачал воду из трюма и исправил повреждения двигателя, затем «Царица» была отбуксирована в Норвегию.

В целом торговая операция 1878 г., несмотря на все происшествия, оказалась вполне успешной. По оценке туруханского пристава, стоимость ввезенных товаров была равна на «Москве» 150 тыс. руб., а на «Луизе» – 20 тыс. руб. Экспорт в 1878 г. составил 30 тыс. пудов товаров стоимостью 36 487 руб. 50 коп. (табл. 2), однако предприятие Л.Г. Кнопа не участвовало в этом ввиду аварий морских пароходов[65]. Интересно, что сибирские власти заняли вполне трезвую позицию относительно причины крушения парохода, называя основной проблемой морского пути его неустроенность, в частности неоснащенность знаками береговой остановки[66]. Проблему безопасности судоходства в Обь-Енисейском районе Карского моря удастся решить только в советское время с организацией здесь крупномасштабных гидрографических и картографических изысканий. Так, например, Корсаковские острова были тщательно изучены и картированы только в 1925 г. советскими гидрографами: «Съемка островов и привязка их <…> дала возможность правильно положить их на карту и тем в значительной степени обезопасить плавание в этом опасном районе»[67].

Предприятие барона Л.Г. Кнопа продолжило снаряжать коммерческие рейсы на Енисей под руководством капитана Э. Дальмана вплоть до 1884 г. После ряда неудачных экспедиций, а также гибели части построенной на Енисее инфраструктуры, Л.Г. Кноп решил прекратить свои попытки освоить морской путь. Интересно, что среди наиболее ярых сторонников продолжения экспедиций был сам капитан Э. Дальман, который видел проблему, в том числе, в некомпетентном личном составе экспедиций. Нерешительность капитана Э. Бурмейстра, например, по мнению Э. Дальмана, привела к неудаче экспедиции 1883 г., что поставило крест на «славных арктических плаваниях» Л.Г. Кнопа[68].

---

[63] *Элерц А.А.* Описание плавания экспедиции барона Л. Кноп и К°… С. 11.
[64] Там же. С. 13.
[65] ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 1, 6.
[66] Там же. Л. 8.
[67] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 117. Л. 60 об.
[68] *Barr W.* German paddle-steamers on the Yenisey 1878–84… P. 22.

Таблица 2

Опись товаров, доставленных пароходами А.М. Сибирякова «Fraser» и «Express» в 1878 г. на Енисей

Наименование товара	Вес в пудах	Стоимость в британских фунтах и (через запятую) шиллингах
Табак украинский (428 кулей)	2 020	1 353
Соль (572 бочки)	3 547	163
Гвозди (ассортимент)	992	327,6
Подковы	496	184,10
Гвозди подковные	248	281,14
Железо листовое	248,5	54
Железо разное	780	130,8
Резиновая непромокаемая материя (18 шт. 18×15 футов)	–	97,4
Части парохода (якорь и инструменты для сборки)	1 100	930
Пустые бочки для керосина (24 шт.)	–	7,4
Прочих товаров	–	20,9
Итого	–	3 548,15 (35 487 руб.)

Составлено по: ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.

Заключение. Подводя итог настоящей работы, необходимо ответить на поставленный в ее заголовке вопрос – кто же виноват в крушении двух пароходов? Ответ прост. Никто. Очевидно, что плавания даже по самым изученным водным путям не могут быть полностью безопасными, а что говорить об одном из сложнейших в навигационном отношении районов – Северном Ледовитом океане. Не было никакого заговора иностранных предпринимателей и российского чиновничества, нацеленного на подрыв отечественного судоходства в Карском море. Необходимо отметить, что освоение Северного морского пути в XIX в. было многосторонним предприятием, включавшим в себя разные элементы российского общества, а также иностранных предпринимателей и моряков. Умение установить выгодное для всех задействованных сторон сотрудничество являлось ключом к успеху этих предприятий. Можно согласиться с Йенсом Петтером Нильсоном, что проблема М.К. Сидорова заключалась в неумении (нежелании) установить такое партнерство. Это наряду с его неспособностью принимать решения в критических ситуациях не позволило ему эффективно продолжить освоение Северного морского пути в тот момент, когда дело было сдвинуто с мертвой точки[69].

Главным образом благодаря активным публикациям Ф.Д. Студитского, в историографии о М.К. Сидорове сложилось устойчивое мнение, что он обрек себя на разорение, ревностно и, что самое главное, самоотверженно преследуя цели освоения и развития северных окраин, в частности Северного морского пути. Это, конечно, было не так. М.К. Сидоров, равно как и другие предприниматели-«ревнители» Севера – В.Н. Латкин, А.К. Трапезников, А.М. Сибиряков, преследовали в первую очередь собственные коммерческие интересы[70]. В отличие от, например, романтика Дж. Виггинса, готового совершать полярные рейсы с заведомо сомнительной коммерческой отдачей[71], М.К. Сидорова всегда интересовал реальный результат организованных им экспедиций в Карское море. Причем

[69] The Opening Up of the Northern Sea Route to Siberia (Mid Nineteenth Century until 1917) / Nielsen J.P., Goncharov A.Ye., Krasnikova O.A. From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia / Volume Editors: Jens Petter Nielsen and Edwin Okhuizen. Boston and Leiden, 2022. Ch. IV. P. 185.
[70] *Агапов М.Г.* «Заговор» против Севера России… С. 76.
[71] Об этом см. подробнее: *Goncharov A.E., Orel I.V.* Thames meets the Enisei…

этот результат требовался незамедлительно. Казалось бы, когда после стольких лет работы, нацеленной на открытие морского пути через Карское море, он наконец был открыт, должны были проявиться равнозначные усилия по его развитию. Однако ничего подобного не произошло. После успешного плавания в 1877 г. из устья Енисея в Санкт-Петербург импровизированной шхуны «Заря» – бывшей баржи «Ибис» с парусным вооружением погибшей английской паровой шхуны «Темза», М.К. Сидоров прекращает организацию дальнейших экспедиций в Карское море. Интересно, что любые попытки современников указать на тот факт, что он был вполне заинтересован в получении выгоды от своих предприятий, подвергались безжалостной критике[72].

И если отбросить иллюзорное представление о промышленнике, сформированное ореолом северной героизации, которое постоянно наблюдается не только в научно-популярной, но и в научной литературе, перед нами предстанет реальный человек, чьи стремления и страсти, ошибки и желания, мечты и заблуждения как раз были теми факторами, которые оказали такое мощное влияние на историю Российской Арктики. М.К. Сидоров был готов рисковать, но когда риск становился чрезмерным, он бросал начатое, порой меняя собственное мнение относительно той или иной идеи на диаметрально противоположное. Так, например, случилось с Северным морским путем. Всего несколько успешных экспедиций потребовалось, чтобы породить миф о полной доступности Карского моря для судоходства, и столько же неудачных плаваний этот миф разрушили, переключив внимание промышленника на фантастические проекты о северных каналах и пр.[73] М.К. Сидоров был далеко не единственным, кто пал жертвой этой «северной проблемы». Всего несколько неудач потребовалось, чтобы от идеи морского пути отошли все промышленники, пытавшиеся организовать торговлю через Карское море в 1870–1880-е гг. Аналогичная участь постигла британские фирмы, занимавшиеся плаваниями в последующее десятилетие. Даже в 1920-е и 1930-е гг. несколько неудачных рейсов порой приводили к судорожному метанию некоторых общественных деятелей в сторону альтернативных транспортный путей. Так или иначе, самым преданным сторонником Сибирского морского пути оказался Дж. Виггинс, который вплоть до своей смерти в 1905 г. верил в потенциал этого маршрута.

Харизматичная личность М.К. Сидорова, его деятельность, были столь обширны и многоплановы, что их нельзя оценить однозначно. Михаил Константинович являлся гораздо более сложным человеком, чем представляется сторонникам противоположных взглядов на его деяния. Был ли он национальным патриотом, стремившимся через развитие отечественного предпринимательства вывести Россию на уровень мировых промышленных держав, или все-таки северным фантазером, оторванным от реальности и оправдывавшим любые неудачи происками сторонних сил – реакционного российского чиновничества и иностранных капиталистов? Нельзя дать однозначного определения. Однако что упускается исследователями при оценке личности Михаила Константиновича, так это его публичность и «медийность». Ведь при детальном разборе практически всех его северных проектов раскрывается их несостоятельность. Порой поражает та дилетантская непосредственность, с которой он предлагал подойти к решению сложнейших транспортных задач.

В то же самое время М.К. Сидоров сам был узником своего публичного образа – этакого северного Дон Кихота, ведущего неустанную борьбу с безликим равнодушием чиновничества и происками иностранного капитала. Однако как и герой бессмертного классического произведения, М.К. Сидоров одновременно восхищал своей решительностью к действиям и приводил в недоумение бессмысленностью этих действий. Впрочем, именно такой образ был нужен целевой аудитории – от ученых обществ до рядовой публики. М.К. Сидоров вполне соответствовал представлению о герое-исследователе своей эпохи.

[72] См., например: *Акулов В.И.* По поводу заявления г. Вальдемара // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1878 год (с 31 января 1878 по 1 марта 1879 г.). СПб., 1879. С. 133–139.

[73] Об этом см. подробнее: «Сибирский канал»: проект красноярского купца М.К. Сидорова по соединению низовьев Оби и Енисея (1870-е годы) // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 137–163. [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-11.pdf (дата обращения: 21.10.2023).

Ведь именно образ борца-мученика оказался более устойчивым и влиятельным, нежели образ победителя. К нему всегда было больше интереса и внимания. Для британцев таковыми оказались Дж. Франклин и Р. Скотт, для норвежцев – Р. Амундсен, который своим трагическим исчезновением в Арктике в 1928 г. смог превзойти в знаменитости даже Ф. Нансена, для шведов – воздухоплаватель С. Андре, а для русских в пантеон мучеников во имя освоения Севера вошли печально известные экспедиции 1912 г., сведенные воедино в романе В.А. Каверина. Однако на самом пьедестале этого полярного пантеона мы видим еще одного человека – М.К. Сидорова. Он, как и другие мученики, прославился не своими успехами, а своими неудачами, большая часть из которых произошла исключительно по его вине. Однако неудачи всегда дают плодородную почву для размышлений, поиска альтернатив и могут служить источником вдохновения для новых поколений. Таким образом, М.К. Сидоров своими поражениями обеспечил узнаваемость не только себе, но и самой идее СМП, в отличие от более успешных и упорных сторонников его освоения.

Литература

Агапов М.Г. «Заговор» против Севера России: национализация предпринимательского дискурса в 60-е гг. XIX в. // Ab Imperio. 2019. Т. 2019, № 4. С. 73–96.

Акулов В.И. По поводу заявления г. Вальдемара // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1878 год (с 31 января 1878 по 1 марта 1879 г.). СПб.: Типолитография Д.И. Шеметкина, 1879. С. 133–139.

Атлас реки Енисей: от Енисейска до Енисейского залива / сост. Гидрографической экспедицией под начальством подполковника А.И. Вилькицкого. Факсимильное издание 1900 г. СПб.: Альфарет, 2009. 14 с.; 10 л. карт.

Вальдемар Х.М. Сибирское дело, паевое судостроение, поощрительные меры и премии. Открытие морского пути в Сибирь и русский торговый флот // Известия Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству. М.: Тип. Н.И. Куманина, 1879. Вып. 2. С. 51–59.

Визе В.Ю. Моря Советской Арктики. Очерки по истории исследования. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936. 494 с.

Гончаров А.Е. О шведской экспедиции на Енисей в 1876 г. // Известия Томского политехнического университета: Социально-гуманитарные технологии. 2014. Т. 324, № 6. С. 74–88.

Гончаров А.Е. Где ты, «Северное сияние»? Поиски полярного судна Д.И. Шваненберга и история картографирования дельты Енисея во второй половине XIX в. // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 3. С. 152–167.

Дальманн Д. Торговое судоходство за Полярным кругом во второй половине XIX в. // Отечественная история. 2001. № 5. С. 21–32.

Истомина Э.Г. Водный транспорт России в дореформенный период. М.: Наука, 1991. 263 с.

Клеопов И.Л. И.А. Лопатин. Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1964. 198 с.

Колмогоров Г.В. О морской торговле Сибири прямо с Западною Европою // Северная пчела. 1857. № 268.

Комлева Е.В. «Сибирский канал»: проект красноярского купца М.К. Сидорова по соединению низовьев Оби и Енисея (1870-е годы) // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 137–163. [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-11.pdf (дата обращения: 21.10.2023).

Медников Д.М., Гончаров А.Е., Карелин Н.М. «Замечательное» арктическое предприятие: о деятельности компании барона Людвига Кнопа по развитию торговли по Северному морскому пути (1878–1884) // Клио. 2017. № 1 (121). С. 176–183.

Моисеев С.А. Предложение об учреждении торговой компании для снаряжения парохода в Енисей // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1878 год (с 31 января 1878 по 1 марта 1879 г.). СПб.: Типолитография Д.И. Шеметкина, 1879. С. 128–131.

Пинхенсон Д.М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л.: Морской транспорт, 1962. 892 с.

Северный полюс и арктические открытия с картою новейших открытий на Севере. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1856. 68 с.

Сидоров М.К. О каналах в низовьях реки Енисея и Оби и о гаванях в Обском и Енисейском заливах // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1878 год (с 31 января 1878 по 1 марта 1879 г.). СПб.: Типолитография Д.И. Шеметкина, 1879. С. 116–127.

Сидоров М.К. О крушении пароходов «Луиза» и «Царица» // Тр. С.-Петерб. отд-ния Император. о-ва для содействия рус. торг. мореходству за 1878 год (31 янв. 1878 – 1 марта 1879 г.). СПб.: Типолитография Д.И. Шеметкина, 1879. С. 380–385.

Сидоров М.К. О необходимости крейсера на Северном океане // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1877 год (с 8 февраля 1877 по 1 января 1878 г.). СПб.: Типолитография Д.И. Шеметкина, 1877. С. 274–283.

Сидоров М.К. О проектах каналов в Сибири // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1877 год (с 8 февраля 1877 по 1 января 1878 г.). СПб.: Типолитография Д.И. Шеметкина, 1877. С. 257–267.

Сидоров М.К. О русском торговом мореходстве на севере // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1877 год (с 8 февраля 1877 по 1 января 1878 г.). СПб.: Типолитография Д.И. Шеметкина, 1877. С. 44–55.

Сидоров М.К. Об экспедиции Виггинса // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1876 год (с 15 марта 1876 по 8 февраля 1877 г.). СПб.: Типолитография Д.И. Шеметкина, 1877. С. 162–164.

Сидоров М.К. Об экспедициях на север в 1878 г. // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1880 год (с 10 марта 1880 по 9 января 1881 г.). СПб.: Типолитография Д.И. Шеметкина, 1881. С. 127–141.

Студитский Ф.Д. Мысли по поводу крушения пароходов: «Луиза» и «Царица» // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1878 год (31 янв. 1878 – 1 марта 1879 г.). СПб.: Типолитография Д.И. Шеметкина, 1879. С. 385–389.

Студитский Ф.Д. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива: в 2 ч. СПб.: Тип. Д.И. Шеметкина, 1883. Ч. 1. 320 с.

Студитский Ф.Д. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива: в 2 ч. СПб.: Тип. Д.И. Шеметкина, 1883. Ч. 2. 288 с.

Черри-Гаррард Э. Самое ужасное путешествие. М.: Paulsen, 2014. 528 с.

Элерц А.А. Доклад о поездке причисленного к Департаменту таможенных сборов коллежского регистратора Эллерца к устью реки Енисея, для определения пункта таможенного надзора // О торговых сношениях Сибири морским путем с иностранными портами. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1879. С. 51–67.

Элерц А.А. Описание плавания экспедиции барона Л. Кноп и К° к устью реки Енисея в 1878 году. СПб., 1879. 37 с.

Amundsen R. My Life as an Explorer. Garden City; New York: Doubleday, Page & C°, 1927. 282 p.

Baer K.E. On the recent Russian Expeditions to Novaia Zemlia // The Journal of the Royal Geographical Society of London. 1838. Vol. 8. P. 411–415.

Barr W., Krause R., Pawlik P.-M. Chukchi Sea, Southern Ocean, Kara Sea: the polar voyages of Captain Eduard Dallmann, whaler, trader, explorer 1830–96 // Polar Record. 2004. № 40 (212). P. 1–18.

Barr W. German paddle-steamers on the Yenisey 1878–84 // The Journal of the Hakluyt Society. 2014. August. P. 1–38. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hakluyt.com/downloadable_files/Journal/Barr_Yenisey.pdf (дата обращения: 21.10.2023).

Goncharov A.E., Orel I.V. Thames meets the Enisei: Captain Joseph Wiggins's expedition to the Kara Sea and Yenisey, 1876–1877 // Polar Record. 2019. № 55. P. 425–440.

Nielsen J.P. Historical and Current Uses of the Northern Sea Route. Part III: The Period 1855–1917. Oslo. 1996. INSROP working paper. № 61, IV.1.1. 90 p.

Reisenachriehten aus Sibirien. Fahrt auf dem Jenissej von der Mündung bis Jenissejsk im Sommer 1878 // Dr. A. Petermann's Mitteilungen aus Justus Perthes' geographischer Anstalt. 1879. B. 25. S. 81–89.

Riffenburgh B. The Myth of the Explorer. The Press, Sensationalism, and Geographical Discovery. London; New York: Belhaven Press, 1993.

Snellen M. De Nederlandsche Pool-Expeditie 1882–83. Utrecht: L.E. Bosch en Zoon, 1886. 164 b.

Tammiksaar E., Stone I.R. Karl Ernst von Baer and the Kara Sea 'Eiskellar' // Polar Record. 1997. № 33 (186). P. 239–242.

The Opening Up of the Northern Sea Route to Siberia (Mid Nineteenth Century until 1917) / Nielsen J.P., Goncharov A.Ye., Krasnikova O.A. From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia / Volume Editors: Jens Petter Nielsen and Edwin Okhuizen. Boston and Leiden: Brill, 2022. Ch. IV. P. 181–268.

Wråkberg U. A.E. Nordenskiöld in Swedish memory: The Oorigin and Uses of Arctic Heroism // Acta Borealia. 2019. Vol. 36, № 2. P. 166–182.

References

(1856). *Severnyy polyus i arkticheskie otkrytiya s kartoyu noveyshikh otkrytiy na Severe* [The North Pole and Arctic Discoveries with a Map of the Latest Discoveries in the North]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk. 18 p.

(1879). Reisenachriehten aus Sibirien. Fahrt auf dem Jenissej von der Mündung bis Jenissejsk im Sommer 1878. In *Dr. A. Petermann's Mitteilungen aus Justus Perthes' geographischer Anstalt.* B. 25, ss. 81–89.

Agapov, M. (2019). "Zagovor" protiv Severa Rossii: natsionalizatsiya predprinimatel'skogo diskursa v 60-e gg. XIX v. [The "Conspiracy" against the North of Russia: The Nationalization of Entrepreneurial Discourse in the 60s of the 19th Century]. In *Ab Imperio.* No. 4, pp. 73–96.

Akulov, V.I. (1879). Po povodu zayavleniya g. Valdemara [On the Statement of M. Val'demar]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Imperatorskogo obshchestva dlya sodeystviya russkomu torgovomu morekhodstvu za 1878 god (31 yanvar' 1878 – 1 marta 1879).* St. Petersburg, Tipolitografiya D.I. Shemetkina, pp. 133–139.

Amundsen, R. (1927). *My Life as an Explorer.* Garden City; New York, Doubleday, Page & C°. 282 p.

Baer, K.E. (1838). On the Recent Russian Expeditions to Novaia Zemlia. In *The Journal of the Royal Geographical Society of London.* Vol. 8, pp. 411–415.

Barr, W. (2014). German Paddle-Steamers on the Yenisey 1878–84. In *The Journal of the Hakluyt Society*, August, pp. 1–28. Available at: URL: http://www.hakluyt.com/PDF/Barr_Yenisey.pdf (date of access 21.10.2023).

Barr, W., Krause, R., Pawlik. P.-M. (2004). Chukchi Sea, Southern Ocean, Kara Sea: The Polar Voyages of Captain Eduard Dallmann, Whaler, Trader, Explorer 1830–96. In *Polar Record.* No. 40 (212), pp. 1–18.

Cherry-Garrard, A. (2014). *Samoe uzhasnoe puteshestvie* [The Worst Journey in the World]. Moscow, Paulsen. 528 p.

Dal'mann, D. (2001). Torgovoe sudokhodstvo za Polyarnym krugom vo vtoroy polovine XIX veka [Commercial Shipping beyond the Arctic Circle in the Second Half of the 19th Century]. In *Otechestvennaya istoriya.* No. 5, pp. 21–32.

Elerts, A.A. (1879). Doklad o poezdke prichislennogo k Departamentu tamozhennykh sborov kollezhskogo registratora Ellertsa k ust'yu reki Eniseya, dlya opredeleniya punkta tamozhennogo nadzora [Report of Customs Department Collegial Register Elerts on His Trip to the Mouth of the Enisey to Determine the Location of the Customs Office]. In *O torgovykh snosheniyakh Sibiri morskim putem s inostrannymi portami*. St. Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma, pp. 51–67.

Elerts, A.A. (1879). *Opisanie plavaniya ekspeditsii barona L. Knop i K° k ust'yu reki Eniseya v 1878 godu* [Description of a Voyage of an Expedition of Baron L. Knoop to the Mouth of the Enisey]. St. Petersburg. 37 p.

Goncharov, A.E. (2014). O shvedskoy ekspeditsii na Enisey v 1876 g. [The 1876 Swedish Expedition to the Yenisei]. In *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta: Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. Vol. 324, No. 6, pp. 74–88.

Goncharov, A.E. (2018). Gde ty, "Severnoe siyanie"? Poiski polyarnogo sudna D.I. Shvanenberga i istoriya kartografirovaniya del'ty Eniseya vo vtoroy polovine XIX v. [Where is the Aurora Borealis? Mapping the Delta of the Yenisey in the Latter Half of the 19th Century and the Search for D.I. Shvanenberg's Polar Vessel]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki.* No. 3, pp. 152–167.

Goncharov, A.E., Orel, I.V. (2019). Thames Meets the Enisey: Captain Joseph Wiggins's Expedition to the Kara Sea and Enisei, 1876–1877. In *Polar Record.* No. 55, pp. 425–440.

Istomina, E.G. (1991). *Vodnyy transport Rossii v doreformennyy period* [Russian Water Transportation before the Reforms]. Moscow, Nauka. 263 p.

Kleopov, I.L. (1964). *I.A. Lopatin* [I.A. Lopatin]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Kolmogorov, G.V. (1857). O morskoy torgovle Sibiri pryamo s Zapadnoyu Evropoyu [Concerning the Direct Marine Trade Between Siberia and Western Europe]. In *Severnaya pchela.* No. 268.

Komleva, E.V. (2022). "Sibirskiy kanal": proekt krasnoyarskogo kuptsa M.K. Sidorova po soedineniyu nizov'ev Obi i Eniseya (1870-e gody) ["Siberian Canal": The Project of the Krasnoyarsk Merchant M.K. Sidorov to Connect the Ob and Yenisey Lower Reaches (1870s)]. In *Istoricheskiy Kurier.* No. 3 (23), pp. 137–163. Available online at: URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-11.pdf (date of access 21.10.2023).

Mednikov, D.M., Goncharov, A.E., Karelin, N.M. (2017). "Zamechatelnoe arkticheskoe predpriyatie": o deyatelnosti kompanii barona Liudviga Knopa po razvitiyu torgovli po Severnomu morskomu puti (1878–1884) [A Fine Arctic Enterprise. Baron Ludwig von Knoop's Company and Developing Trade Along the Northern Sea Route]. In *Klio.* No. 1 (121), pp. 176–183.

Moiseev, S.A. (1879). Predlozhenie ob uchrezhdenii torgovoy kompanii dlya snaryazheniya parokhoda v Enisey [A Proposal to Establish a Commercial Company for Chartering a Steamer to the Yenisey]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo otdela Imperatorskogo obshestva dlya sodeystviya russkomu torgovomu morekhodstvu za 1878 god* (31 Jan. 1878 – 1 Mar. 1879). St. Petersburg, Tipolitografiya D.I. Shemetkin, pp. 128–131.

Nielsen, J.P. (1996). *Historical and Current Uses of the Northern Sea Route. Part III: The Period 1855–1917.* Oslo, INSROP working paper. No. 61, IV.1.1. 90 p.

Nielsen, J.P., Goncharov, A.Ye., Krasnikova, O.A. (2022). The Opening Up of the Northern Sea Route to Siberia (Mid Nineteenth Century until 1917). In *From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia*. Boston and Leiden, Brill. Ch. IV, pp. 181–268.

Pinkhenson, D.M. (1962). *Problema Severnogo morskogo puti v epokhu kapitalizma* [The Problem of the Northern Sea Route in the Era of Capitalism]. Leningrad, Morskoy transport. 766 p.

Riffenburgh, B. (1993). *The Myth of the Explorer. The Press, Sensationalism, and Geographical Discovery.* London, New York, Belhaven Press. 226 p.

Snellen, M. (1886). *De Nederlandsche Pool-Expeditie 1882–83.* Utrecht, L.E. Bosch en Zoon. 164 b.

Sidorov, M.K. (1879). O krushenii parokhodov “Luiza” i “Tsaritsa” [On the Shipwreck of the *Tsaritsa* and *Louise*]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo otdela Imperatorskogo obshestva dlya sodeystviya russkomu torgovomu morekhodstvu za 1878 god (31 janvarya. 1878 – 1 marta 1879)*. St. Petersburg, Tipolitografiya D.I. Shemetkina, pp. 380–385.

Sidorov, M.K. (1877). O neobkhodimosti kreysera na Severnom okeane [On the Necessity of a Cruiser in the Arctic Ocean]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo otdela Imperatorskogo obshestva dlya sodeystviya russkomu torgovomu morekhodstvu za 1877 god (8 fevralya 1877 – 1 yanvarya 1878)*. St. Petersburg, Tipolitografiya D.I. Shemetkina, pp. 274–283.

Sidorov, M.K. (1877). O proektakh kanalov v Sibiri [About Canal Projects in Siberia]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Imperatorskogo obshchestva dlya sodeystviya russkomu torgovomu morekhodstvu za 1877 god (*8 fevralya 1877 – 1 yanvarya 1878*)*. St. Petersburg, Tipolitografiya D.I. Shemetkina, pp. 257–267.

Sidorov, M.K. (1877). O russkom torgovom morekhodstve na severe [On Russian Commercial Shipping in the North]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Imperatorskogo obshchestva dlya sodeystviya russkomu torgovomu morekhodstvu za 1877 god (8 fevralya 1877 – 1 yanvarya 1878)*. St. Petersburg, Tipolitografiya D.I. Shemetkina, pp. 44–55.

Sidorov, M.K. (1877). Ob ekspeditsii Vigginsa [On Joseph Wiggin’s Expedition]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Imperatorskogo obshchestva dlya sodeystviya russkomu torgovomu morekhodstvu za 1876 god (15 marta 1876 – 8 fevralya 1877)*. St. Petersburg, Tipolitografiya D.I. Shemetkina, pp. 162–164.

Sidorov, M.K. (1879). O kanalakh v nizov’yakh reki Eniseya i Obi i o gavanyakh v Obskom i Eniseyskom zalivakh [On the Canals in the Lower Reaches of the Enisey and about Harbors Ain the Ob and Enisei Gulfs]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo otdela Imperatorskogo obshchestva dlya sodeystviya russkomu torgovomu morekhodstvu za 1878 god (31 yanvarya 1878 – 1 marta 1879)*. St. Petersburg, Tipolitografiya D.I. Shemetkina, pp. 116–127.

Sidorov, M.K. (1881). Ob ekspeditsiyakh na sever v 1878 g. [On the 1878 Northern Expeditions]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Imperatorskogo obshchestva dlya sodeystviya russkomu torgovomu morekhodstvu za 1880 god (10 marta 1880 – 9 yanvarya 1881)*. St. Petersburg, Tipolitografiya D.I. Shemetkina, pp. 127–141.

Studitskiy, F.D. (1879). Mysli po povodu krusheniya parokhodov: “Luiza” i “Tsaritsa” [Thoughts on the Shipwrecked *Tsaritsa* and *Louise*]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo otdela Imperatorskogo obshestva dlya sodeystviya russkomu torgovomu morekhodstvu za 1878 god (31 yanvarya 1878 – 1 marta 1879)*. St. Petersburg, Tipolitografiya D.I. Shemetkina, pp. 385–389.

Studitskiy, F.D. (1883). *Istoriya otkrytiya morskogo puti iz Evropy v sibirskie reki i do Beringova proliva* [The History of the Discovery of the Sea Route from Europe to the Siberian Rivers and to the Bering Strait]. St. Petersburg, Tipolitografiya D.I. Shemetkina. Part 2. 288 p.

Studitskiy, F.D. (1883). *Istoriya otkrytiya morskogo puti iz Evropy v sibirskie reki i do Beringova proliva* [The History of the Discovery of the Sea Route from Europe to the Siberian Rivers and to the Bering Strait]. St. Petersburg, Tipolitografiya D.I. Shemetkina. Part 1. 320 p.

Tammiksaar, E., Stone, I.R. (1997). Karl Ernst von Baer and the Kara Sea ‘Eiskellar’. In *Polar Record*. No. 33 (186), pp. 239–242.

Val’demar, Kh.M. (1879). Sibirskoe delo, paevoe sudostroenie, pooshchritel’nye mery i premii. Otkrytie morskogo puti v Sibir’ i russkiy torgovyy flot [Siberian Commerce, Shareholding and Shipbuilding, Stimulating Measures and Prizes. Opening up the Sea Route to Siberia]. In *Izvestiya Imperatorskogo obshchestva dlya sodeystviya russkomy torgovomu morekhodstvu*. Moscow, Tipografiya N.I. Kumanina. No. 2, pp. 51–59.

Vilkitskiy, A.I. (Ed.). (2009). *Atlas reki Enisey: ot Yeniseyska do Yeniseyskogo zaliva* [Atlas of the Yenisey River from Eniseysk to the Gulf]. St. Petersburg, Al’faret. 14 p., 10 maps.

Vize, V.Yu. (1936). *Morya Sovetskoy Arktiki. Ocherki po istorii issledovaniya* [Seas of the Soviet Arctic. Notes of Exploration History]. Leningrad, Glavsevmorput’. 494 p.

Wråkberg, U. (2019). A.E. Nordenskiöld in Swedish Memory: The Origin and Uses of Arctic Heroism. In *Acta Borealia*. Vol. 36, No. 2, pp. 166–182.

Р.А. Давыдов*

ОБВИНЕНИЕ М.К. СИДОРОВЫМ АРХАНГЕЛЬСКОГО ВОЕННОГО ГУБЕРНАТОРА Р.П. БОИЛЯ В ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ: БЫЛО ЛИ ОНО СПРАВЕДЛИВЫМ?

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-6
УДК 352.07(-05)

Выходные данные для цитирования:
Давыдов Р.А. Обвинение М.К. Сидоровым архангельского военного губернатора Р.П. Боиля в предательстве: было ли оно справедливым? // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 72–94. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-06.pdf

R.A. Davydov*

M.K. SIDOROV'S ACCUSATION OF THE ARKHANGELSK MILITARY GOVERNOR R.P. BOYLE OF TREASON: WAS IT FAIR?

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-6

How to cite:
Davydov R.A. M.K. Sidorov's Accusation of the Arkhangelsk Military Governor R.P. Boyle of Treason: Was It Fair? // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 72–94. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-06.pdf]

Abstract. The article is devoted to the activities of the Arkhangelsk military governor, chief commander of the Arkhangelsk port, Vice Admiral R.P. Boyle during the Crimean War on organizing the defense of the Arkhangelsk province – the largest province in the European part of the empire, with a long sea coast, vulnerable to enemy squadrons. In Russian pre-revolutionary historiography, the personality and activities of R.P. Boyle in 1854 were evaluated diametrically opposite. According to the first (official) point of view, R.P. Boyle did everything possible to defend the northern outskirts of Russia. According to the second, which became widespread thanks to the merchant M.K. Sidorov, R.P. Boyle treated his duties either formally or was at one with the enemy. Soviet historians shared exactly this point of view. Those who accused R.P. Boil of betrayal believed that his origin (R.P. Boil's father was accepted in Russia as a lieutenant in the Navy "from the British service") prevented him from fulfilling his official duty in the war against former compatriots. As an argument, supposedly confirming the guilt of R.P. Boyle, his conflict with bishop of Arkhangelsk and Kholmogy Varlaam was usually indicated. In 1854 this conflict became known in the War Ministry, the Holy Synod, even Emperor Nicholas I was notified about it. The article cited sources from the funds of the State Archives of the Arkhangelsk Region. It was concluded that suspicions and accusations against R.P. Boyle's betrayal is not confirmed by available documents.

Keywords: the Crimean War, the Russian North, Arkhangelsk, Governor R.P. Boyle, merchant M.K. Sidorov.

The article has been received by the editor on 03.12.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена деятельности во время Крымской войны архангельского военного губернатора, главного командира архангельского порта вице-адмирала Р.П. Боиля по организации обороны Архангельской губернии – крупнейшей в европейской части империи с протяженным морским побережьем, уязвимым для эскадр неприятеля. В российской дореволюционной историографии личность и деятельность Р.П. Боиля в 1854 г. оценивались диаметрально противоположно. Согласно первой (офици-

* **Руслан Александрович Давыдов,** кандидат исторических наук, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук, Архангельск, Россия, e-mail: nordhistory@mail.ru
Ruslan Aleksandrovich Davydov, Candidate of Historical Sciences, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russia, e-mail: nordhistory@mail.ru

альной) точке зрения, Р.П. Боиль сделал все возможное для обороны северной окраины России. Согласно второй, получившей распространение благодаря купцу М.К. Сидорову, Р.П. Боиль к своим обязанностям относился либо формально, либо был заодно с врагом. Советские историки разделяли именно эту точку зрения. Те, кто обвинял Р.П. Боиля в предательстве, считали, что его происхождение (отец Р.П. Боиля был принят в России лейтенантом на флот «из английской службы») мешало ему выполнять служебный долг в войне против бывших соотечественников. В качестве довода, будто бы подтверждавшего вину Р.П. Боиля, обычно указывали его конфликт с епископом архангельским и холмогорским Варлаамом, который еще в 1854 г. стал известен в Военном министерстве, Святейшем Синоде и о котором был извещен даже император Николай I. В статье процитированы источники из фондов Государственного архива Архангельской области. Сделан вывод о том, что подозрения и обвинения в отношении Р.П. Боиля в предательстве не подтверждаются имеющимися документами.

Ключевые слова: Крымская война, Русский Север, Архангельск, губернатор Р.П. Боиль, купец М.К. Сидоров.

Статья поступила в редакцию 03.12.2023 г.

Архангельский военный губернатор Р.П. Боиль и его «сношения с неприятелем» во время Крымской войны: историография вопроса[1]. В марте 1854 г. Великобритания и Франция объявили войну России. В Белое море были направлены британская и французская эскадры, каждая из которых состояла из парусного фрегата и двух пароходов. Россия не имела возможности вступить в бой с противником в открытом море и выиграть его. Поэтому местной военной и гражданской администрации пришлось сосредоточиться главным образом на организации обороны города-порта Архангельска – административного, экономического и культурного центра губернии, ограничившись минимальной помощью тем населенным пунктам, на которые можно было ожидать нападения с моря.

Вся полнота власти в Архангельской губернии – крупнейшей в европейской части империи[2], была сосредоточена тогда в руках архангельского военного губернатора, управляющего гражданской частью, главного командира архангельского порта вице-адмирала Романа Платоновича Боиля (1794–1854)[3]. Он был сыном Платона Алексеевича Боиля, принятого «из английской службы» в лейтенанты в 1783 г. и посвятившего большую часть своей жизни служению России. В 1790 г. П.А. Боиль в звании капитан-лейтенанта на корабле «Ростислав» участвовал в войне со Швецией – в Ревельском и Выборгском сражениях. В период 1797–1805 гг. командовал в разное время фрегатами «Патрикий», «Надежда Благополучия», «Рафаил» и линейным кораблем «Изяслав». Межгосударственные отношения начала XIX в. не могли не отразиться на карьере принятого «из английской службы» П.А. Боиля. В 1808–1812 гг. он «по случаю разрыва между Россией и Англией находился в

[1] Автор настоящей статьи ранее уже писал об этом, но сейчас вынужден кратко повторить историографический обзор для лучшего понимания вопроса в целом. Предыдущие публикации см. по следующим ссылкам: *Давыдов Р.А.* «Сношения с неприятелем» архангельского военного губернатора Р.П. Боиля во время Крымской войны: историография вопроса // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С.И. Ворошилова): мат-лы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, декабрь 2009 г.). СПб., 2011. С. 265–269; *Давыдов Р.А.* Архангельский военный губернатор Роман Платонович Боиль и его «сношения с неприятелем» во время Крымской войны: краткий обзор историографии // Защитники Отечества: общественно-научные чтения по военно-исторической тематике: мат-лы науч. конф. Архангельск, 2014. Вып. 13. С. 130–134.

[2] В состав Архангельской губернии входили тогда полностью или частично территории пяти современных субъектов Российской Федерации: Архангельской и Мурманской областей, республик Карелии и Коми, Ненецкого автономного округа.

[3] В источниках и литературе встречаются два варианта написания фамилия губернатора – *Бойль* и *Боиль*. Сам Роман Платонович под документами всегда ставил подпись *Боиль*, поэтому этот вариант написания используется в тексте данной статьи. Эта фамилия (Boyle) довольно распространена в Великобритании и особенно в Ирландии.

городе Боровичах». Зато в годы войны с наполеоновской Францией в 1812–1814 гг. линейные корабли «Благодать» и «Юпитер» под командованием П.А. Боиля в составе эскадры адмирала Е.Е. Тета[4], перевозившей десантные войска, совершили плавания к берегам Англии и Франции. В 1815–1820 гг. П.А. Боиль находился преимущественно в Кронштадте. В 1816 г. был произведен в контр-адмиралы; умер в 1825 г.[5]

Роман Платонович Боиль родился в Ревеле[6] в 1794 г., в 1801 г. поступил в Морской корпус кадетом, в 1808 г. произведен в гардемарины. В 1812–1814 гг. в должности флаг-офицера при вице-адмирале Р.В. Кроуне[7] участвовал в плаваниях к берегам Франции и в десантной высадке в Голландии. В 1819–1822 гг. Р.П. Боиль, будучи лейтенантом, на шлюпе «Открытие» совершил кругосветное плавание[8]. В 1830 г., будучи командиром фрегата «Александра», на кронштадтском рейде «за отличный судовой порядок при Высочайшем посещении фрегата удостоен от Государя Императора поцелуем». В 1831–1842 гг. командовал линейным кораблем «Император Александр I», позже – 3-й бригадой 3-й флотской дивизии в Балтийском море; в 1842 г. произведен в контр-адмиралы. 22 марта (3 апреля) 1850 г.[9] Р.П. Боиль был назначен архангельским военным губернатором, управляющим и гражданской частью, главным командиром архангельского порта. 8 (20) апреля 1851 г. произведен в вице-адмиралы с утверждением в должности[10]. Именно на период губернаторства Р.П. Боиля пришлось широко отмечаемое в Архангельске в 1853 г. празднование 300-летия «открытия» английскими мореплавателями морского пути в Россию[11].

Административная деятельность Р.П. Боиля в период Крымской войны (Роман Платонович скоропостижно умер в Санкт-Петербурге 15 (27) декабря 1854 г., не дожив до ее окончания) – возможно, самая яркая страница в его биографии. Однако в отечественной литературе за прошедшие более чем полтора века сформировались две не просто различные, но

---

[4] Егор Егорович Тет (1745–1821) – ирландец, сын морского офицера. На русской службе с 1770 г. Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., в том числе в Чесменском сражении; в Русско-шведской войне 1788–1790 гг., в том числе в Ревельском и Выборгском сражениях. В 1802 г. произведен в адмиралы, командовал Ревельской и Кронштадтской эскадрами. В 1808–1812 гг. из-за своего происхождения в условиях разрыва отношений с Англией был отстранен от службы; в 1812–1814 гг. участвовал в войне с наполеоновской Францией (Морской энциклопедический словарь: в 3 т. СПб., 1994. Т. 3. С. 248).

[5] Боиль, Брединг (Брининг), Платон Алексеевич // Общий морской список. СПб., 1890. Ч. III. Царствование Екатерины II. А–К. С. 191–192.

[6] В настоящее время – Таллин, столица Эстонии.

[7] Роман Васильевич Кроун (1754–1841) – шотландец, на русской службе с 1788 г. Участвовал в Русско-шведской войне 1788–1790 гг., в том числе в Ревельском и Выборгском сражениях. В 1808–1812 гг. из-за своего происхождения в условиях разрыва отношений с Англией был отстранен от службы; в 1812–1814 гг. участвовал в войне с наполеоновской Францией. В 1824 г. произведен в адмиралы (Морской энциклопедический словарь: в 3 т. СПб., 1993. Т. 2. С. 152).

[8] В 1819 г. две русские экспедиции, каждая на двух шлюпах, отправились в направлении Северного и Южного полюсов. Об экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева на «Востоке» и «Мирном» широко известно, поскольку в России именно она ассоциируется с открытием Антарктиды. Целью экспедиции М.Н. Васильева и Г.С. Шишмарева на «Открытии» и «Благонамеренном» был проход из Тихого океана в Атлантический через Ледовитый океан. Осуществить задуманное оказалось невозможным, однако экспедиция выполнила описания островов и берегов Берингова и Чукотских морей, побережья Аляски.

[9] Здесь и далее даты в авторском тексте указываются вначале по юлианскому календарю и далее в скобках по привычному для нас григорианскому календарю. При цитировании даты приводятся согласно источнику.

[10] Подробнее о службе Р.П. Боиля см.: Формулярный список о службе и достоинстве <…> Романа Боиля за 1852 год // Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 5151. Л. 33–50 об. (Опубликован в кн.: Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Русский Север. 1769–1901. Архангельск, 2007. С. 164–190; Боиль Роман Платонович // Общий морской список. СПб., 1892. Ч. VI. Царствование Павла I и Александра I. А–Г. С. 428–430).

[11] «Открытие» морского пути в Россию было драматичным и во многом случайным. Экспедиция под командованием сэра Хью Уиллоби (Hugh Willoughby) должна была найти северо-восточный проход из Европы в Китай. Суда эскадры разлучились у севера Норвегии; два судна зазимовали у Мурманского берега, их команды погибли при загадочных обстоятельствах. Третье судно под командованием Ричарда Ченслера (Richard Chancellor) в 1553 г. вошло в Белое море, достигло дельты реки Северной Двины и Николо-Корельского монастыря. Официально начавшаяся торговля с Англией и Голландией обусловила строительство по указу Ивана IV Грозного 1583 г. города, названного впоследствии Архангельском.

даже взаимоисключающие оценки этой деятельности. Согласно одной из них, Р.П. Боиль – способный администратор, профессиональный военный моряк, человек чести, сделавший в 1854 г. все возможное для обороны края[12]. Согласно другой оценке, Р.П. Боиль в силу своего национального происхождения и вероисповедания просто не мог быть патриотом Российской империи; достоинства его как человека военного были ниже всякой критики; к должностным обязанностям он относился в лучшем случае формально, в худшем – был заодно с врагом.

Официальных обвинений в измене Р.П. Боилю никто и никогда не предъявлял. Слухи же об его измене циркулировали еще при жизни Р.П. Боиля.

Представить архангельского военного губернатора предателем впервые в печати решился известный купец-золотопромышленник, миллионер, вложивший бо́льшую часть своих капиталов в изучение, хозяйственное освоение и популяризацию Севера России, Михаил Константинович Сидоров (1823–1887), публикации которого обычно отличались резкостью и эмоциональностью стиля. В своей книге «Север России» он написал: «Неужели мы забыли верноподданнейшего из англичан же, русского начальника Архангельского порта генерала Бойля [так у М.К. Сидорова. – *Р. Д.*], которого Архангельский епископ Варлаам уличил во время последней войны в тайных сношениях с неприятелем и в том, что он перевез на казенном пароходе английского консула Вайтеда из Архангельска на пароход “Миранду”, громивший Соловецкий монастырь? Разве не сознал этого и сам адмирал Бойль? Он прекратил свою жизнь в тот самый день, когда государь император назначил ему аудиенцию; а епископа Варлаама за его услугу возвели в сан архиепископа»[13]. Эта одиозная оценка Р.П. Боиля, за исключением намека на его самоубийство (в официальном некрологе сообщалось, что смерть наступила вследствие заболевания холерой), впоследствии стала, за редкими исключениями, господствующей в советской историографии[14].

Архангельский историк Г.Г. Фруменков писал: «Понукаемый из столицы, самоуверенный и кичливый сибарит Бойль, англичанин по национальности, вынужден был по долгу службы начать торопливую подготовку к встрече неприятеля, хотя сама идея защиты Русского Севера от англо-французской интервенции была непонятной и чуждой ему»[15]. В другом издании, посвященном 400-летию основания Архангельска, Г.Г. Фруменков и Ю.К. Новожилов высказываются еще жестче и категоричнее: «Высшее военное начальство губернии было бездеятельным и продажным»[16]. И еще: «Можно было и следовало сделать для обеспечения безопасности края значительно больше, но военный губернатор Бойль, англичанин по национальности, проявил крайнюю беспечность в укреплении Соловецкого монастыря, Колы, Кеми, Онеги, Пушлахты и других уязвимых пунктов и подозрительную заботу, чтобы не сказать большего, о своих сородичах, в том числе о великобританском консуле в Архангельске Вайтеде, которого вместе с семьей переправил в начале сентября 1854 года на английскую эскадру, блокировавшую Архангельск»[17]. Схожих взглядов придерживался и мурманский историк Иван Федорович Ушаков, дословно повторивший в своей книге «Кольская земля» фразу о губернаторе, «уличенном в тайных сношениях с неприятелем»[18].

---

[12] *N.N.* Некролог. Вице-адмирал Роман Платонович Боиль // Морской сборник. 1855. № 6. Отдел учено-литературный. С. 335–342; *Манн К.* Письмо к издателю // Русский архив. 1871. № 6. Стлб. 244–246; *Огородников С.* История Архангельского порта. СПб., 1875. С. 357–359.

[13] *Сидоров М.К.* Север России. СПб., 1890. С. 13.

[14] См., например: Русские мореплаватели. М., 1953. С. 483–484. В этой книге биографическая справка о Р.П. Боиле обрывается 1828–1829 г. Образ моряка-исследователя и защитника России остался не испорченным поздними слухами и подозрениями.

[15] *Фруменков Г.Г.* Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1975. С. 114–115.

[16] *Фруменков Г., Новожилов Ю.* Поморы, сыны Отечества // Архангельск 1584–1984: Фрагменты истории. Архангельск, 1984. С. 49.

[17] *Фруменков Г., Новожилов Ю.* Поморы, сыны Отечества… С. 50.

[18] *Ушаков И.Ф.* Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. С. 247.

Обвинение в измене – очень серьезное обвинение и нуждается в соответствующих доказательствах. Тем более повторим, что речь идет о человеке, в условиях военного времени обладавшем всей полнотой власти во вверенной ему губернии. Автору настоящей статьи известны по сути лишь три дореволюционные публикации (1871, 1875 и 1905 гг.), авторы которых на основе доступных им документов пытались ответить на вопрос, действовал Р.П. Боиль в интересах неприятеля или нет?

Первая из этих публикаций, помещенная под неприметным заголовком «Письмо к издателю», появилась в «Русском архиве», т.е. менее чем через год после выхода в свет книги М.К. Сидорова «Север России». Автор ее, К. Манн, опровергая утверждения М.К. Сидорова, ссылался на документы архива Морского министерства и цитировал их. Сама же публикация была подготовлена «с разрешения государя великого князя генерала-адмирала», а возможно и по его прямому указанию, на что косвенно указывает последний абзац письма: «Морское министерство убеждено, что напечатание этих сведений в Вашем издании послужит лучшим средством для опровержения помещенного в книге Сидорова отзыва о покойном архангельском главном командире Боиле, потому что сведения эти, будучи напечатаны в “Русском архиве”, не ускользнут от внимания будущего историка того края и того времени»[19].

Большую часть «Письма к издателю» К. Манна воспроизвел авторитетный исследователь истории Русского Севера и флота России Степан Федорович Огородников[20] в книге «История Архангельского порта». Действия Р.П. Боиля по обороне края он назвал предусмотрительными и благоразумными, а слухи об его измене – обусловленными лишь нерусским именем губернатора. «Над ним (Боилем. – *Р. Д.*) повторилось то же, что случилось с именем Барклая-де-Толли в Отечественную войну. Этим уподоблением мы все сказали», – кратко заключил свои рассуждения о Р.П. Боиле С.Ф. Огородников[21].

С. Артоболевский, пытавшийся разобраться в «виновности» или «невиновности» Р.П. Боиля в 1905 г., т.е. спустя полвека после его смерти[22], в отличие от К. Манна и С.Ф. Огородникова, не стал защищать честь бывшего архангельского губернатора. Рассмотрев обстоятельства конфликта между Р.П. Боилем и епископом архангельским и холмогорским Варлаамом – конфликта, играющего ключевую роль в запутанной и неприятной истории обвинения Р.П. Боиля в измене, С. Артоболевский до последних строк не решался сделать категоричный вывод: «Дать положительный ответ в настоящее время <…> совершенно невозможно»[23]. Но в самом конце статьи он сравнивал мнение архиепископа олонецкого Аркадия, командированного в Архангельск Святейшим Синодом для рассмотрения конфликта между епископом Варлаамом и губернатором Р.П. Боилем, с мнением некоего протоирея Т. – сослуживца Варлаама. Эти мнения были полностью различны. Если преосвященный Аркадий явно и недвусмысленно поддержал в конфликте сторону Р.П. Боиля, то протоиерей Т. был уверен: Р.П. Боиль – «враг», сумевший «прельстить» преосвященного Аркадия.

«То обстоятельство, что преосвященный Варлаам после личного доклада о своем деле государю императору Николаю Первому был совершенно им оправдан, а рапорт преосвящ. Аркадия положен Синодом под сукно, говорит, кажется, нам также за правдивость слов протоиерея Т-а, следовательно – и преосвящ. Варлаама», – писал С. Артоболевский[24]. Согласимся с ним в той части, что однозначный ответ дать действительно непросто. И заметим

[19] *Манн К.* Письмо к издателю… Стлб. 246

[20] С.Ф. Огородников (1835–1909) после многолетней службы в Архангельске работал в ученом отделе Морского технического комитета в Санкт-Петербурге; в 1886 г. вошел в Комиссию по разбору и описанию дел архива Морского министерства, в 1900 г. возглавил ее. Участвовал в работе по составлению «Общего морского списка», опубликовал более 30 статей в «Русском биографическом словаре», посвященных выдающимся морякам России.

[21] *Огородников С.* История Архангельского порта… С. 357–359.

[22] *Артоболевский С.* Вице-адмирал Боиль и преосвященный Варлаам епископ архангельский (Эпизод из истории русско-турецкой войны 1853–1856 гг.) // Русская старина. 1905. Т. 122. С. 671–680.

[23] Там же. С. 679.

[24] Там же. С. 680.

еще, что в доступной, известной специалистам англоязычной литературе, где описаны события Крымской войны на Русском Севере[25], фамилия архангельского военного губернатора, как правило, не упоминается или упоминается походя. Чем это объяснить – незнанием ли зарубежных авторов, что главным организатором обороны Русского Севера против Royal Navy в 1854 г. был человек, чьи предки являлись подданными Великобритании? Или нежеланием авторов вызвать у своих читателей ненужные вопросы? Исключение составляет сравнительно недавно опубликованная монография, автор которой неоднократно упоминал фамилию и имя Р.П. Боиля (ссылаясь на российские публикации, в том числе и публикации автора настоящей статьи)[26], но не касался спорного вопроса о его реальном или мнимом предательстве России в интересах родины его предков.

Между тем в Государственном архиве Архангельской области (ГААО) содержится значительный объем источников – не менее полусотни дел, каждое из которых включает десятки документов, относящихся к 1854 г., которые не только характеризуют мероприятия Р.П. Боиля по обороне вверенной ему губернии, но и во многих случаях подписаны им лично. Именно в 1854 г. России объявили войну Великобритания и Франция, а к морским побережьям Архангельской губернии пришли английская и французские эскадры. Именно в этом году Р.П. Боиль занимался решением множества не только военных, но и множеством сугубо гражданских вопросов, связанных с повседневной социально-экономической жизнью губернии в условиях военного времени. И именно в конце этого года жизнь Р.П. Боиля оборвалась. Будучи ограничены рамками статьи, обратимся лишь к некоторым из этих документов.

Р.П. Боиль и подготовка губернии к обороне зимой и весной 1854 г. В январе 1854 г. Р.П. Боиль предложил[27] подчиненным доставить ему «в непродолжительном времени» сведения о современном состоянии войск и вооружений губернии, справки о том, какие мероприятия по защите Архангельского порта проводились в 1808–1811 гг. (в эпоху наполеоновских войн), в том числе и о количестве отпускаемого тогда войскам провианта. Он не стал мотивировать свои запросы ничем, кроме «встретившейся надобности»[28]. Получив необходимые сведения, он распорядился составить ведомости о войсках, находящихся в Архангельске, и об артиллерийском имуществе Новодвинской крепости[29]. 16 (28) января он отправил их военному министру. В коротком сопроводительном письме под грифом «секретно» Р.П. Боиль просил министра «сделать распоряжение к усилению расположенных в Архангельске сухопутных войск и к приведению в оборонительное положение Новодвинской крепости и Соловецкого монастыря, равно и к построению в необходимых пунктах временных укреплений». По словам Р.П. Боиля, это было необходимо «на случай могущего быть ныне разрыва с какою-нибудь из морских держав». Он отметил, что такого рода меры уже принимались ранее в 1800–1801 и 1807–1811 гг. «по случаю разрыва с Англией». Р.П. Боиль обращал внимание на то, что «приморские города и селения Архангельской губернии остаются безо всякой обороны на случай неприятельского нападения». Архангельск, по его мнению, также был под угрозой, поскольку даже в защищавшей подходы к нему с моря Новодвинской крепости «нет ни станков, ни лафетов» для орудий[30].

---

[25] *Dodd G.* Pictorial History of the Russian War, 1854-5-6 With Maps, Plans, and Wood Engravings. Edinburgh and London, 1856. P. 184–188, 483–484; *Nolan E.H.* The Illustrated History of the War Against Russia. In two volumes. London, 1857. Vol. I. P. 343–349; *Yonge C.D.* The History of the British Navy from the Earliest Period to the Present Time. Second edition. In 3 vol. London, 1866. Vol. III. P. 318–322; *Clowes Wm.* The Royal Navy. A History From the Earliest Times to the Present. In VII Vol. London, 1901. Vol. VI. P. 428–429, 474–475, 457; *Stone I.R.* The Crimean War in the Arctic // Polar Record. 1983. № 21 (135). P. 577–581; *Barr W.* The Crimean War in the Arctic: The Russian Viewpoint // Polar Record. 1984. № 22 (137). P. 194–197; и др.

[26] *Ruth A.C.* The Crimean War in Imperial Context, 1854–1856. New York, 2015. P. 25, 80, 84–86, 96, 98.

[27] Формально не приказал, а именно «предложил», согласно формулировкам документов: «Предлагаю Вашему Высокоблагородию…».

[28] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5580. Л. 1.

[29] Там же. Л. 4–9 об.

[30] Там же. Л. 2–3 об.

Иначе говоря, есть документальные подтверждения тому, что как минимум за два с половиной месяца *до* объявления Великобританией и Францией войны России Р.П. Боиль предполагал такое развитие событий. И есть документальные подтверждения того, что именно Р.П. Боиль, проведя инвентаризацию военного имущества, проверку списочного и фактического количества офицеров и нижних чинов, инициировал «усиление расположенных в Архангельске сухопутных войск», обратившись к военному министру.

И «торопливую подготовку к встрече неприятеля» «самоуверенный и кичливый сибарит Бойль» (как писали о нем советские историки) начал вовсе не после «понуканий из столицы». А наоборот, как видно из документов, именно Р.П. Боиль указывал военному министру на имеющиеся проблемы в организации обороны губернии и просил об усилении войск, расположенных в Архангельске.

В январе 1854 г. Р.П. Боиль никак не мог знать наверняка о том, что Франция и Великобритания выступят в поддержку Османской империи и объявят войну России 27–28 марта 1854 г. Тем не менее еще в январе он начал готовить губернию к обороне. У архангельской администрации, гражданской и военной, оставалось на эту работу менее четырех месяцев. В силу особенностей географического положения губернии появления сухопутных войск неприятеля можно было не опасаться. Зато появления эскадр неприятеля с десантом у приморских уездных городов, небольших селений, монастырей, а также у Новодвинской крепости, защищавшей подход к Архангельску со стороны Белого моря, можно было ожидать уже в мае[31].

Какие силы находились в распоряжении Р.П. Боиля для обороны Архангельской губернии и Архангельска по состоянию на январь-февраль 1854 г.? Логично было бы предположить, что Р.П. Боиль, как опытный военный моряк, приоритетное внимание уделит подготовке к ведению военных действий на море, чтобы не дать эскадрам неприятеля даже приблизиться к протяженным побережьям губернии. Но, увы, в середине XIX в. на Белом море состояние военно-морских сил России было удручающим. Несмотря на то, что Архангельское адмиралтейство в те годы было крупнейшим центром военно-морского судостроения России[32], сам город находился в положении «сапожника без сапог»: подавляющее большинство построенных здесь линейных кораблей, фрегатов, военных транспортов вскоре после спуска на воду каждый год отправлялось вокруг Скандинавии на Балтику, в Кронштадт – к месту своего постоянного базирования. В 1854 г. в Архангельске оставалось лишь несколько судов сравнительно небольшого водоизмещения, со слабым артиллерийским вооружением или вообще не вооруженных, использовавшихся для нужд порта, снабжения и т.п. С открытием навигации главный командир Архангельского порта вице-адмирал Р.П. Боиль теоретически мог отправить навстречу неприятельским эскадрам парусный брандвахтенный бриг «Новая Земля», обычно большую часть навигации стоящий на якоре, парусную шхуну «Полярная Звезда»[33], чья основная функция сводилась к снабжению маяков, и небольшой портовый пароход, используемый в качестве буксира. С такими силами шансов победить было крайне мало. Это понимал сам Р.П. Боиль, это понимали и в морском ведомстве. Поэтому возможность морского боя с неприятелем в переписке Р.П. Боиля со столичным начальством даже не обсуждалась.

В малочисленных гарнизонах четырех приморских уездных городов – Онеги, Кеми, Колы и Мезени – не было ни одного орудия, только ружья. На начало 1854 г. на вооружении

[31] Дело в том, что река Северная Двина вплоть до начала мая (по григорианскому календарю или «новому стилю») обычно покрыта льдом; сложная ледовая обстановка до этого времени сохраняется и в Белом море. Продолжительность навигационного периода в Архангельске и других портах Белого моря (до начала работы ледоколов в XX в.) составляла около пяти-шести месяцев в году – от ледохода в мае до ледостава в октябре.

[32] В 1734–1852 гг. в Архангельском адмиралтействе было построено 225 линейных кораблей и фрегатов, а в адмиралтействах и на верфях Санкт-Петербурга за тот же период – лишь 148 (См.: Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872; *Пальмин В.А.* Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота. Архангельск, 2008. С. 174).

[33] *Давыдов Р.А.* «Полярные Звезды» Архангельского адмиралтейства // Архангельск – колыбель государственного морского судостроения: сб. мат-лов II науч. конф. (15 октября 2014 г.). Архангельск, 2015. С. 56–62.

инвалидных команд в Онеге имелось 74 кремневых ружья, в Кеми – 73, в Коле – 82. На каждое полагалось по 35 боевых патронов[34]. Из упомянутого количества часть ружей была признана непригодной для ведения прицельной стрельбы (зимой 1854 г. в Коле таких ружей было около половины), а некоторые ружья вообще не стреляли. Как сравнительно недавно удалось выяснить автору настоящей статьи, численность команды на любом из неприятельских пароходов и фрегатов, отправленных к берегам Архангельской губернии, превосходила численность инвалидной команды любого из вышеупомянутых приморских городов Архангельской губернии![35] И это при том, что командиры эскадр неприятеля могли объединять и перераспределять свои силы как угодно, а русским гарнизонам, удаленным друг от друга и от губернского города на сотни верст, не оставалось никакой надежды на помощь. Так что фраза Р.П. Боиля из письма военному министру о том, что «приморские города и селения Архангельской губернии остаются безо всякой обороны на случай неприятельского нападения», – это просто констатация очевидного. Ему было ясно, что малочисленным инвалидным командам приморских уездных городов, вооруженным кремневыми гладкоствольными ружьями, почти невозможно противостоять десантам неприятеля, поддерживаемым корабельной артиллерией.

Согласно поданной Р.П. Боилю ведомости, численность Архангельского гарнизона по состоянию на февраль 1854 г. состояла всего из 3 577 человек: 10 штаб-офицеров, 83 обер-офицера и 3 484 человека нижних чинов. В это число входили офицеры и нижние чины как сухопутного, так и морского ведомства, с учетом двух военно-рабочих рот, инвалидной команды при военном госпитале, жандармской команды[36]. (Заметим, что в издаваемой позже зарубежной литературе указывалась в разы большая численность архангельского гарнизона, «усиленного» еще несколькими тысячами казаков, которых в реальности не было.)

С артиллерией, которую можно было задействовать для защиты Архангельска, ситуация была непростая и неоднозначная. В Новодвинской крепости по состоянию на январь-февраль 1854 г. находилось 112 орудий (24-фунтовых пушек – 14; 18-фунтовых пушек – 16; 12-фунтовых пушек – 34; шестифунтовых пушек – 22; трехфунтовых пушек – 6; пудовых «коротких единорогов» – 4; полупудовых «коротких единорогов» – 3; пятипудовых мортир – 6; двухпудовых мортир – 7). Все они были в исправном состоянии, но почти все старой конструкции, т.е. изготовлены в 1799–1806 гг.[37], еще в эпоху наполеоновских войн. При этом большая часть орудий находилась на хранении отдельно от старых станков и лафетов, которые «признавались неблагонадежными», «требовали исправления». Станков и лафетов насчитывалось примерно в два раза меньше, чем орудий: на 112 орудий приходилось 52 станка и лафета. Так что, сообщая военному министру о том, что в крепости нет «ни станков, ни лафетов», Р.П. Боиль лишь отчасти исказил действительность, притом не приукрасил ее, а наоборот, представил ее в более мрачном виде, чем она была на самом деле. Видимо для того, чтобы ускорить процесс принятия решений по доставке в Архангельск недостающего военного имущества.

Гарнизон Новодвинской крепости не испытывал недостатка в боеприпасах для орудий (ядра, картечь, порох, фитиль, материал для изготовления картузов, готовые картузы и пр.)[38]. Эта крепость была не единственным местом в окрестностях Архангельска, где находилось артиллерийское вооружение. На наличие орудий и боеприпасов, предназначенных для береговых батарей, и вооружение строящихся в адмиралтействе судов (учет этих орудий

[34] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5578. Л. 8–8 об. 16 (28) марта по распоряжению Р.П. Боиля из Архангельска в Онегу, Кемь, Мезень и Колу были отправлены грузы с дополнительными боеприпасами – еще по 25 патронов на каждое ружье.

[35] Точные сведения о технических характеристиках, вооружении и командах фрегатов и пароходов Royal Navy, участвовавших в боевых действиях у побережий Архангельской губернии, по состоянию на 1854 и 1855 гг. были выявлены автором настоящей статьи в фондах The National Archives в 2012 г.

[36] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5580. Л. 23.

[37] Там же. Л. 4.

[38] Подробные данные в таблицах см.: *Гостев И.М., Давыдов Р.А.* Русский Север в войнах XVI–XIX вв. Архангельск, 2014. С. 118–120.

обычно велся отдельно, документация проходила в основном по Морскому министерству) историки как-то не обращали внимания. По состоянию на начало января 1854 г. уже существовали две артиллерийские береговые батареи: адмиралтейская и учебная. Адмиралтейская береговая батарея состояла из 17-ти 12-фунтовых чугунных «длинных» пушек. Шесть из них были на станках, «со всем прибором», остальные 11 – без станков. Учебная батарея состояла из четырех чугунных длинных орудий на станках, приспособленных для стрельбы трехфунтовыми ядрами; ядер чугунных «нового литья» имелось для этих орудий 1 355[39]. Также имелось немалое количество орудий «морской артиллерии» – медные и чугунные карронады, чугунные фальконеты; 18-фунтовые «чугунные длинные» пушки, предназначавшиеся для установки на строящихся в Архангельском адмиралтействе судах[40]. Не надо, наконец, забывать, что, помимо войск и орудий с боеприпасами, в распоряжении Р.П. Боиля находились производственные мощности Архангельского адмиралтейства – с оборудованием, материалом, опытными рабочими, чем можно было воспользоваться.

Для разработки мер по защите Архангельска в неотвратимо приближавшейся войне в Санкт-Петербурге был высочайше учрежден комитет, который к 14 (26) февраля подготовил и представил императору Николаю I всеподданнейший доклад. На основании доклада и с учетом собственноручных Его Величества отметок были утверждены «Меры, предполагаемые для защиты г. Архангельска и его окрестностей»[41] и «Меры, предположенные для усиления обороны Новодвинской крепости»[42]. 15 (27) февраля эти документы были отправлены в Архангельск с сопроводительным письмом под грифом «секретно» за подписью военного министра князя Долгорукова на имя Р.П. Боиля. Роман Платонович получил их 23 февраля (7 марта).

Даже из заглавий документов видно, что в них рассматривалась только и исключительно оборона Архангельска, для защиты которого и предназначалась Новодвинская крепость. Вкратце, «меры», рекомендованные Р.П. Боилю, сводились к следующему: увеличить численность гарнизона Архангельска с 3 577 до 5 тыс. человек; построить 20 канонерских лодок для защиты фарватеров; отправить в Архангельск 3 тыс. ружей и раздать их жителям островов «впереди Архангельска находящихся». Для архангельского военного губернатора комитет предлагал открыть кредит на 150 тыс. руб. Император Николай I оставил короткие отметки напротив основных пунктов доклада. Увеличение численности архангельского гарнизона, по мнению императора, было «невозможно»; денег архангельскому губернатору «довольно и 50 т[ыс.] р[уб.]». С другими предложениями император согласился.

Таким образом, именно представители военного руководства России и лично император Николай I сформулировали «меры» для защиты и обороны Архангельска, четко определив приоритеты деятельности военного губернатора Р.П. Боиля, ограничив их только губернским городом и его ближайшими окрестностями и предоставив сравнительно небольшие финансовые средства. Соответственно, подозревать и обвинять Р.П. Боиля в том, что по его инициативе вся деятельность по обороне Архангельской губернии ограничилась преимущественно Архангельском, нельзя. За него все было решено в столице.

18 февраля (2 марта) военный министр генерал-адъютант князь В.А. Долгоруков сообщил Р.П. Боилю о том, что император повелел объявить Новодвинскую крепость на военном положении[43]. Р.П. Боиль сделал это сразу по получении письма из Санкт-Петербурга – 26 февраля (10 марта). 21 февраля (5 марта) последовал высочайший указ Сенату «Об объявлении в военном положении Архангельской губернии»; в Архангельске он был получен 2 (14) марта[44]. Письмо о высочайшем повелении от 5 (17) марта об объявлении Новодвин-

[39] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5580. Л. 40.
[40] Подробные данные в таблице см.: *Гостев И.М., Давыдов Р.А.* Русский Север в войнах… С. 121.
[41] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5580. Л. 20–22 об. (Документ был опубликован: *Гостев И.М., Давыдов Р.А.* Русский Север в войнах… С. 122, 136).
[42] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5580. Л. 24–27 об.
[43] Там же. Д. 5579. Л. 7–7 об.
[44] Архангельские губернские ведомости. 1854. 27 февр.

ской крепости на осадном положении за подписью военного министра Р.П. Боиль получил 12 (24) марта; 20 марта (1 апреля) это высочайшее повеление было опубликовано в «Архангельских губернских ведомостях» – всего через несколько дней после того, как Франция и Великобритания объявили России войну.

Что же было сделано по приказам, распоряжениям или с ведома Р.П. Боиля менее чем за четыре месяца, с середины января по начало мая 1854 г. – до открытия навигации и прихода английской и французской эскадр в Белое море?

Канонерские лодки. Напомним, что Р.П. Боиль получил документы о необходимых к обороне «мерах» из Санкт-Петербурга 23 февраля (7 марта) 1854 г. Через четыре дня, 27 февраля (11 марта), Р.П. Боиль приказал конторе над портом немедленно приступить к постройке лодок, а начальнику морской артиллерии – распорядиться о заготовке восьми 24-фунтовых и 32-х 18-фунтовых орудийных станков для них[45]. Судя по документам, постройка лодок началась в Архангельском адмиралтействе не позднее 6 (18) марта. Работы велись под наблюдением корабельного инженера полковника Федора Тимофеевича Загуляева[46] по имевшимся при порту чертежам. Набор и наружная их обшивка делались из лиственничного и соснового леса, а бимсы, палубы и все внутреннее устройство – из соснового. Скрепление выполнялось из железа[47]. На каждой канонерской лодке устанавливалось по две пушки. Движение осуществлялось при помощи весел. Для лучшей маневренности предусматривалась установка не одного, а двух рулей – в носовой и кормовой частях лодки. Команда – 40 человек. Размеры были небольшими: длина через штевни – 62 фута, ширина без обшивки – 15 футов, глубина от верхней грани киля по борт – 5 футов 6 дюймов[48].

Вооружение лодок, составивших гребную флотилию, фактически оказалось несколько отличным от первоначально запланированного в Архангельске. Согласно рапорту Р.П. Боиля управляющему Морским министерством, на 20 лодок установили 16 орудий 24-фунтового калибра и 24 орудия 18-фунтового калибра[49] (предполагалось 8 орудий 24-фунтовых и 32 орудия 18-фунтовых).

В мае 1854 г. главный командир Архангельского порта приказом № 161 утвердил «Расписание отряда гребной флотилии, состоящей из 20-ти канонерских лодок». Командование флотилией было поручено капитану 1-го ранга Егору Николаевичу Броуну (иногда в документах встречается «Браун»). Согласно расписанию, были сформированы 4 дивизиона по 5 лодок каждый. В каждом дивизионе находилось 2 обер-офицера, 12 унтер-офицеров, 200 рядовых, 5 музыкантов и 3 нестроевых (писарь, фельдшер и повар). Общая численность личного состава гребной флотилии составляла 925 человек[50]. Флотилия была укомплектована офицерами и нижними чинами преимущественно 21-го флотского экипажа, часть которого была назначена на батареи и новый, только что построенный в Архангельском адмиралтействе военный транспорт «Гапсаль». К 25 мая (6 июня), т.е. менее чем за три месяца (!), все канонерские лодки были построены и спущены на воду[51]. Дивизионы флотилии с самого начала были рассредоточены по дельте Северной Двины для прикрытия Новодвинской крепости и береговых батарей.

Береговые батареи. Устройство береговых батарей было обусловлено тем, что Новодвинская крепость прикрывала подход со стороны моря лишь по одному из нескольких фарватеров; между Архангельском и Белым морем располагались тогда и располагаются сейчас многочисленные острова дельты Северной Двины с протоками между ними.

[45] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5580. Л. 42.

[46] Федор Тимофеевич Загуляев (1792–1858) – сын корабельного плотника; окончил морскую школу при Архангельском адмиралтействе и проработал при нем более 50 лет, начав трудовой путь мачтовым учеником и став со временем известным кораблестроителем. Под его руководством построено около 60 военных судов. Подробнее о нем см.: *Огородников С.Ф.* История Архангельского порта… С. 349–352; Соломбальская верфь, 1693–1862. Архангельск, 1993. С. 82–93.

[47] Морской сборник. 1854. № 7. Официальные статьи и известия. С. 192–193.

[48] Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 327. Оп. 1. Д. 4150.

[49] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т.5. Д. 5580. Л. 167.

[50] Там же. Л. 115–116 об.

[51] Морской сборник. 1854. № 7. Официальные статьи и известия. С. 192–193.

Это не было большой проблемой: временные батареи на островах устраивались и до Крымской войны, и в последующие годы. К 2 (14) июня 1854 г. для защиты Архангельска были оборудованы и вооружены шесть батарей, на трех из которых находилось по восемь, на двух – по 10 орудий калибром от 12, 18 и 36 фунтов[52].

Новодвинская крепость. Еще 14 (26) февраля 1854 г. в Новодвинскую крепость прибыл транспорт с 10 новыми железными крепостными лафетами и поворотными платформами, добиравшийся из Санкт-Петербурга ровно месяц[53] (последний транспорт с 23 железными лафетами и поворотными платформами прибыл в Новодвинскую крепость из Калужской губернии с завода Мальцева 9 (21) мая[54]). Тем самым решилась проблема с заменой старых и «неблагонадежных» станков и лафетов, на которую ранее неоднократно обращал внимание Р.П. Боиль.

Как это ни покажется странным, в рамках «усиления обороны» крепости количество находившихся в ней орудий уменьшилось почти ровно в три раза – было 112, стало 37, а именно: 24-фунтовых пушек – 14; 12-фунтовых пушек – 16; единорогов полупудовых коротких – 3; мортир пятипудовых – 4. Однако теперь все эти орудия были установлены на новейшие станки и платформы и действительно подготовлены к стрельбе. Ядер, бомб, гранат и готовых зарядов теперь назначалось по 40 на каждое орудие; еще столько же имелось в запасе, в крепости. Картечных зарядов – по 10 на каждое орудие. Запасы пороха в крепости не должны были превышать 541 пуда[55]. Оказавшиеся «лишними» 75 орудий и боеприпасы к ним частично были вывезены из крепости и распределены на шесть береговых батарей, о чем писалось чуть выше.

Вооружение жителей островов дельты Северной Двины. Пехотные ружья, доставленные в Архангельск, были розданы по спискам жителям островных сел и деревень. Они должны были при необходимости прикрывать расположенные поблизости береговые батареи и быть готовыми при необходимости выдвинуться к тем местностям, где противник будет высаживать десант. Проведенная в ночь с 12 (24) на 13 (25) сентября по распоряжению Р.П. Боиля проверка системы оповещения о неприятеле и готовности крестьян дельты Северной Двины к отражению неприятеля показала удовлетворительные результаты. По условному сигналу в течение нескольких часов в деревне Хвосты собралось 2 116 вооруженных крестьян, причем некоторые из них прибыли к месту сбора, пройдя на карбасах до 25 верст по реке. Большинство крестьян не знали о том, что сбор был «учебным»; некоторые даже выказали разочарование тем, что не нашли неприятеля на месте и путь оказался проделанным напрасно. Смотр собравшегося отряда произвел на военных и самого Р.П. Боиля благоприятное впечатление: ружья крестьяне держали в исправности[56].

Отправка дополнительных боеприпасов в приморские уездные города. Начальство Р.П. Боиля по военному и морскому ведомствам не требовало от него никаких действий для защиты приморских уездных городов. Тем не менее по приказу Р.П. Боиля 16 (28) марта 1854 г. из Архангельска в Онегу, Кемь, Мезень и Колу были отправлены грузы с боеприпасами – из расчета по 25 дополнительных патронов на каждое ружье[57]. Да, немного. Но Р.П. Боиля не обязывали делать даже это.

Кроме того, по прибрежным селениям в течение 1854 г. были командированы офицеры, объяснявшие жителям, как следует реагировать на появление кораблей неприятеля и высадку десантов. В 1854 и особенно в 1855 г. десанты неприятеля неожиданно для себя стали вступать в бои в тех местах, где не ждали никакого сопротивления из-за отсутствия войск. При этом наиболее ожесточенное и упорное сопротивление оказывали жители уже ограбленных врагом сел и деревень, которые отступали, только расстреляв все боеприпасы или же, наоборот, сами вынуждали отступать врага.

[52] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5580. Л. 167.
[53] Там же. Л. 1–1 об.
[54] Там же. Л. 235.
[55] Там же. Л. 26.
[56] Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 182. Л. 103.
[57] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5578. Л. 8–8 об.

2 (14) июня Р.П. Боиль написал управляющему Морским министерством великому князю Константину Николаевичу о том, что все высочайше утвержденные оборонные мероприятия реализованы[58]. 5 (17) июня в Горле Белого моря, между мысом Святой Нос и островом Сосновец, появились суда неприятеля[59]. 14 (26) июня около полудня они были уже у бара Северной Двины[60]. Но ни в 1854 г., ни в 1855 г. английские и французские военные суда не рискнули углубиться в устья Северной Двины и двинуться по направлению к Архангельску. Попытки проведения ими промерных работ, установки навигационных знаков, высадки на о. Мудьюг решительно пресекались силой оружия. Архангельское адмиралтейство, правительственные учреждения и частные предприятия исправно работали в условиях блокады, в нескольких десятках верст от фрегатов и пароходов неприятеля. Задача по подготовке Архангельска к обороне в 1854 г. военным губернатором и главным командиром Архангельского порта Р.П. Боилем была выполнена. В сохранившихся документах не усматривается никаких признаков саботажа или «вредительства» со стороны Р.П. Боиля, на что недвусмысленно намекал М.К. Сидоров и в чем его открыто обвиняли советские историки.

Задач же по организации обороны всего побережья Архангельской губернии, в том числе даже приморских уездных городов (Колы, Кеми, Онеги, Мезени), перед Р.П. Боилем не ставилось. Столичное начальство Р.П. Боиля по военному и морскому ведомствам понимало невозможность выполнения их в короткое время. Р.П. Боиля едва ли можно обвинять в том, что уездные города и селения на морских побережьях губернии оказались слабозащищенными. Численность и вооружение войск в Архангельской губернии определялись не Р.П. Боилем. Недальновидные ошибочные мероприятия по демилитаризации фортификационных сооружений губернии (в Коле, на Соловецких островах и др.) были осуществлены по решениям из столицы империи – Санкт-Петербурга – еще в конце XVIII – начале XIX в., т.е. примерно за полвека до Крымской войны[61]. Р.П. Боилю пришлось налаживать оборону губернии почти исключительно своими весьма ограниченными силами и средствами.

Конфликт Р.П. Боиля с епископом архангельским и холмогорским Варлаамом. Вспомним еще раз, как М.К. Сидоров в тексте его книги мимоходом написал о Р.П. Боиле, что его «архангельский епископ Варлаам уличил во время последней войны в тайных сношениях с неприятелем»[62]. Мы не будем здесь разбирать обстоятельства этого конфликта во всех подробностях. Тем более что этому вопросу так или иначе были посвящены две публикации в «Русской старине» в 1905 и 1909 гг.[63] Обозначим лишь основные причины этого конфликта, опираясь главным образом на документы ГААО.

Одной из причин конфликта между епископом архангельским и холмогорским Варлаамом и архангельским военным губернатором, управляющим и гражданскою частью, главным командиром Архангельского порта Р.П. Боилем стала их разница во взглядах на эвакуацию имущества приморских монастырей и церквей Архангельской губернии в 1854 г. Из сохранившихся документов видно, что именно не нравилось епископу Варлааму. В секретном письме от Р.П. Боиля на имя епископа Варлаама от 15 (27) апреля 1854 г. содержалась рекомендация не афишировать эвакуационные мероприятия и ограничить их масштаб: «Имею честь Ваше Преосвященство уведомить, что для избежания могущего произойти в народе уныния и беспокойства, я полагал бы перевозку всего церковного имущества из приморских мест без всякой к тому надобности не делать, а дозволить пере-

[58] ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5580. Л. 166–169.
[59] Там же. Л. 182–183; Морской сборник. 1854. № 7. С. 195–196.
[60] Морской сборник. 1854. № 7. С. 196.
[61] Подробнее см.: *Гостев И.М., Давыдов Р.А.* Демилитаризация Русского Севера в конце XVIII – начале XX в. // Международные отношения на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и современность: мат-лы междунар. науч. конф. «Государственная политика по защите национального суверенитета и урегулированию спорных проблем международных отношений на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и уроки для современности» (Архангельск, 6–10 сентября 2015 г.). Архангельск, 2015. С. 39–70.
[62] *Сидоров М.К.* Север России… С. 13.
[63] *Артоболевский С.* Вице-адмирал Боиль и преосвященный Варлаам епископ архангельский… С. 671–680; *Сергеев А.Н.* Английская эскадра в Белом море в 1854 году // Русская старина. 1909. Т. 140. С. 567–575.

весть такие только вещи и манускрипты, которые по древности своей, ценности и другим каким-либо причинам заслуживают названия драгоценных, и как этих вещей, по бедности здешних монастырей и церквей, вероятно, немного, то перевозку их произвесть с крайнею осторожностью и негласно, не возбуждая тем в народе волнения, что можно сделать посредством высылки помянутых вещей в Архангельск морем, тотчас же по вскрытии заливов»[64].

Епископа Варлаама наверняка обидела безапелляционная мимоходом брошенная фраза Р.П. Боиля о бедности монастырей и церквей епархии. Настораживающе выглядела и рекомендация эвакуировать наиболее ценное имущество морским путем: ведь именно в море, а не на суше оно могло стать легкой добычей противника! Но письмо Р.П. Боиля на этом не заканчивалось. «Покорнейше прошу Ваше Преосвященство, – писал он, – обратить внимание на то, что военные действия не могут быть без жертвы, и что если допустить гласную перевозку церковного имущества, не составляющего большой ценности, то пример этот может заставить и всех жителей и крестьян прибегнуть к сбережению своего имущества, что непременно повлечет за собою большие беспорядки, страх между жителями и упадок общественного духа в пользу неприятеля»[65].

Фразу о том, что «военные действия не могут быть без жертвы», епископ Варлаам подчеркнул карандашом и напротив нее на полях поставил два больших вопросительных знака. После чего он сразу же отдал распоряжения об эвакуации монастырских и церковных ценностей по всему побережью Архангельской губернии. При этом, вопреки совету Р.П. Боиля, решено было увозить их в Архангельск не «морем», а наоборот: отправлять только по дорогам и по рекам подальше от морского берега – «в секретные места и с надежными людьми». Тем не менее архангельскому епископу Варлааму удалось заручиться согласием Р.П. Боиля на вывоз в случае крайней необходимости в сопровождении вооруженной охраны денег и имущества архангельских церквей и монастырей в собор села Холмогоры.

Вторая причина роста неприязненных и конфликтных отношений между епископом и военным губернатором – стремление первого знать все об актуальных «военных обстоятельствах» и открытое нежелание второго делиться секретами с несведущими в военном деле лицами.

Процитируем письмо Р.П. Боиля преосвященнейшему Варлааму от 16 (28) июня 1854 г.:

«Ваше Преосвященство, милостивый Государь.

Отношением от 15 сего июня № 171 Вы просите уведомления моего о носящихся теперь слухах касательно действий появившегося на водах Белого моря неприятеля и чтобы впредь извещать Вас о всех важных случаях и событиях по военным обстоятельствам, а также сообщать Вам мои мысли и предположения на достижение общего блага губернии. Вследствие этого, в настоящее время могу уведомить Ваше Преосвященство только в том, что за баром стоят на якоре три английских фрегата и впредь буду сообщать Вам то, о чем за нужное сочту известить; слухам же, какие до меня доходят, я не всем верю. При этом нахожу необходимым объяснить, что военные дела составляют секрет и не могут быть передаваемы никому кроме лиц, указанных законом; впрочем, я буду очень рад чаще видеть Ваше Преосвященство у себя, если эти посещения не будут Вам в тягость, и в беседе передавать Вам, что можно; сам же я никуда не могу теперь отлучаться, кроме как по делам службы, и потому лишен удовольствия посещать Ваше Преосвященство.

Покорнейше прошу принять уверение в истинном почтении и преданности»[66].

Еще одна причина конфликта Р.П. Боиля и епископа архангельского и холмогорского Варлаама – отказ Р.П. Боиля предпринимать какие-либо меры для вооруженной защиты приморских монастырей, за исключением Соловецкого. Категоричные заявления Р.П. Боиля

[64] ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 583. Л. 20.
[65] Там же. Л. 20 об.
[66] Там же. Л. 100–100 об.

о том, что «совершенно бесполезно» защищать бедные монастыри, «в которых по два человека монахов»[67], что они не представляют интереса для неприятеля, который при высадке лишь осмотрит их, «нальется водой, заберет скот и этим ограничится все дело», не успокаивали, а лишь еще больше раздражали преосвященного. Епископ Варлаам попытался в Архангельске «усилить молитву через крестные ходы и пост», но Р.П. Боиль, верный своему убеждению в том, что «возбуждать» обывателей не только нежелательно, но и опасно, отсоветовал ему предпринимать какую-либо деятельность в этом направлении[68]. Отказ Р.П. Боиля от отправки воинских команд и орудий для защиты других монастырей, кроме Соловецкого, перевел конфликт на уровень столичного начальства. О нем стало известно военному министерству, Святейшему Синоду и даже императору Николаю I.

В августе 1854 г. Р.П. Боиль писал военному министру:

> «Преосвященный Варлаам, как мне известно из моих с ним разговоров, расстраивает себя тем, что, предаваясь напрасной и непомерной боязни неприятельского нападения, верит происходящим от этого страха тревожным снам и вступает в откровенную беседу о настоящих политических делах с людьми до такой степени боязливыми и также мало понимающими военное и морское дело, как и сам преосвященный. В этих беседах епископ Варлаам и со своей стороны высказывает свои ни на чем не основанные опасения и даже в произносимых в церквях проповедях, увлекаясь своими ошибочными убеждениями; бывает так неосторожен, что словами своими не ободряет слушателей, как бы следовало пастырю, но, напротив, приводит в уныние и внушает недоверие к начальству, как передано мне об этом некоторыми из почтеннейших лиц Архангельска, заслуживающими полное доверие. Я всеми силами стараюсь урезонить и успокоить преосвященного, прошу его чаще видеться со мною и сам бываю у него; причем объясняю ему, какие меры приняты к защите края от неприятелей и как эти меры надежны. Но все это для него недостаточно»[69].

В то же же время епископ Варлаам уже почти не скрывал сомнений в верноподданнических чувствах Р.П. Боиля, «англичанина» и человека неправославного, вынужденного руководить обороной вверенной ему российской губернии в войне против англичан и их союзников. Для изучения обстоятельств дела и разрешения конфликта Синод в августе 1854 г. направил в Архангельск преосвященного Аркадия, архиепископа Олонецкого, дав ему полномочие вступить в управление Архангельской епархией в том случае, если конфликт разрешить не удастся. В сентябре Аркадий, так и не сумев помирить архангельского епископа с архангельским военным губернатором, вступил во временное управление Архангельской епархией. Преосвященный Варлаам отправился в столицу для объяснений в Святейший Синод. В своей переписке преосвященный Аркадий хотя и не дал категоричного указания на то, кто именно виновен в конфликте, отметил, что бывший епископ не соблюдал порядок сношений с военным губернатором, указанный Синодом, требования свои доводил до чрезмерности, не сохранял военной тайны и т.п.[70] Однако письма преосвященного Аркадия положили «под сукно»…

В делах ГААО также сохранилась переписка военного губернатора с епископом архангельским и холмогорским Варлаамом, о которой не знали или которую намеренно обошли вниманием авторы статей в «Русской старине» С. Артоболевский и А.Н. Сергеев. Это переписка о неподобающем, по мнению военного губернатора, поведении отдельных священнослужителей при высадке неприятельских десантов. Процитируем лишь одно из писем Р.П. Боиля от 21 августа (2 сентября) 1854 г. В нем речь идет о неприятельских десантах в селениях Ковде и Кереть 22 и 23 июля (3 и 4 августа) 1854 г.: «Командированный

[67] ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 583. Л. 37.
[68] Цит. по: *Сергеев А.Н.* Английская эскадра в Белом море… С. 571, 573.
[69] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5582. Л. 36–37.
[70] Подробнее см.: ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5582. Л. 36–37; Д. 5583. Л. 303–304; *Артоболевский С.* Вице-адмирал Бойль и преосвященный Варлаам, епископ Архангельский… С. 671–680.

в приморские места Архангельской губернии адъютант мой лейтенант Бруннер донес мне, <…> что священник Ковдского селения накануне еще прихода неприятеля удалился с имуществом из деревни в лес, и это произвело неприятное на местных жителей впечатление, а священник Керетской церкви был приглашен неприятелем на пароход, откуда, возвратившись на своей лодке, он рассказывал, что его хорошо угощали и даже подарили бутылку вина. О каковых неблаговидных поступках ковдского и керетского священников обязанностью поставляю сообщить Вашему Преосвященству на усмотрение»[71].

Описанные случаи, судя по сохранившимся документам, были не единичными. Тем не менее у Р.П. Боиля какой-то особой личной неприязни к Русской православной церкви не было. Неоднократно указывавший в переписке и в печати на то, что жителям края следует избегать уныния, Р.П. Боиль всячески поддерживал начинания и инициативы, которые укрепляли уверенность военных и населения в своих силах и победе над неприятелем. Так, например, он с пониманием и одобрением отнесся к желаниям жертвователей разместить списки чудотворных икон на позициях береговых батарей и Новодвинской крепости[72]. Также в своих донесениях Р.П. Боиль неоднократно и с большим уважением отзывался о настоятеле Соловецкого монастыря архимандрите Александре, фактически ставшим вдохновителем и организатором его обороны.

«Сношения с неприятелем» Р.П. Боиля и отъезд английского консула из Архангельска. Напомним об обвинении М.К. Сидоровым Р.П. Боиля, «которого Архангельский епископ Варлаам уличил во время последней войны в тайных сношениях с неприятелем и в том, что он перевез на казенном пароходе английского консула Вайтеда из Архангельска»[73], и разберем его подробнее.

Р.П. Боиль действительно «входил в сношения» с неприятелем, как писал М.К. Сидоров. Его офицеры под белым «переговорным» флагом выезжали к неприятельским эскадрам, стоящим на якоре у острова Мудьюг при входе в Северную Двину. Они принимали и доставляли корреспонденцию. Действительно, консул Великобритании, в условиях войны ставший «бывшим консулом», вместе с семьей отбыл морским путем из Архангельска. Но не «тайно», а совершенно официально! Надо также учесть и то обстоятельство, что хотя переписка об отъезде из Архангельска консула Великобритании началась еще в апреле (по старому стилю), то фактический отъезд его состоялся спустя почти три месяца – лишь 3 (15) сентября 1854 г., после того, как эскадры неприятеля появились вблизи акватории Архангельского порта[74].

Соответствующие документы сохранились как в российских архивах (РГАВМФ, ГААО), так и Национальном архиве Великобритании (The National Archives, или сокращенно – TNA). Материалы данной переписки по большей части дублируют друг друга. То есть если в одном из архивов находится на хранении черновик, «отпуск» письма, то в другом – это же самое письмо, только проделавшее путь от отправителя до адресата и получившее при доставке входящие номер и дату. Переписка Р.П. Боиля как главного командира Архангельского порта сохранилась в РГАВМФ. Часть ее была процитирована в «Русском архиве» еще в 1871 г. – вскоре после выхода в свет книги М.К. Сидорова «Север России» с обвинениями Р.П. Боиля в измене[75].

В ГААО сохранилось дело объемом 98 листов с первоначальным названием «Об английских и французских консулах и подданных, находящихся в Архангельской губернии и двух английских бригах, зазимовавших в Архангельском порту». Современное название дела по описи: «Переписка с министерствами внутренних дел, иностранных дел, с инспекторским департаментом морского министерства и другими об английских и французских консулах и подданных, находящихся в Архангельской губернии и двух английских

[71] ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 583. Л. 184–184 об.
[72] Подробнее см.: *Давыдов Р.А.* «И источник чудес поможет против врагов…». О списках с икон, пожертвованных защитникам Архангельска в годы Крымской войны 1853–1856 гг. // Защитники Отечества: мат-лы науч. конф. Архангельск, 2019. Вып. 15. С. 130–138.
[73] *Сидоров М.К.* Север России… С. 13.
[74] *Манн К.* Письмо к издателю… Стлб. 245.
[75] Там же. Стлб. 244–246.

бригах, зазимовавших в Архангельском порту»[76]. Основное содержание этого дела связано с выяснением статуса в Архангельске иностранных консулов стран, которые объявили России войну в 1854 г., с решением организационных вопросов по отъезду консула Великобритании из Архангельска. Кроме того, значительный объем занимает переписка о двух английских торговых судах с их командами, вынужденно зазимовавших в Архангельске в 1853–1854 гг. и, соответственно, заставших здесь начало войны.

Из обширной содержащейся в нем переписки мы ограничимся цитированием лишь отдельных документов, показывающих, что буквально по каждому вопросу, связанному с пребыванием дипломатов и подданных воюющих с Россией стран, Р.П. Боиль писал в министерства: военное, морское, внутренних дел, архангельскому гражданскому губернатору В.Ф. Фрибесу. Представители министерств, в свою очередь, доводили содержание «отношений» Р.П. Боиля во «всеподданнейших докладах» императору Николаю I. А уже император «высочайше соизволял» принимать решения, которые Р.П. Боиль потом просто исполнял.

Архангельский военный губернатор вице-адмирал Р.П. Боиль – министру внутренних дел. 27 февраля (11 марта) 1854 г. № 36. Гриф «секретно»:

«Вашему Высокопревосходительству, от 24 сего февраля, № 20, я имел честь сообщить, что по Высочайшему Государя Императора повелению, весь приморский край Архангельской губернии объявлен в военном положении. Как в черту приморского края, находящегося таким образом в военном положении, входят, в числе прочих мест, город Архангельск и Онега, то имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство почтить меня уведомлением: могут ли после этого проживать в Архангельске и Онеге английские подданные, имеющие здесь оседлость и торговые дела. При сем обязанностью поставляю Вашему Высокопревосходительству доложить, что в прочих городах Архангельской губернии английских подданных нет, а из французских подданных никто во всей губернии не проживает»[77].

Министерство внутренних дел. Департамент полиции исполнительной. Временное отделение. Стол 2. Министр внутренних дел – господину архангельскому военному губернатору. 22 марта (3 апреля) 1854 г. № 2545. Гриф «секретно». Получено в Архангельске 30 марта (11 апреля) 1854 г.:

«Государь Император по всеподданнейшему докладу отношения Вашего Превосходительства от 27 февраля за № 36 о дозволении оставить в Архангельской губернии проживающих там англичан и французов, Высочайше соизволил разрешить: во всех губерниях, объявленных в военном положении, оставить проживающих там английских и французских подданных, и в особенности тех, которые занимаются торговлею или промыслами. Исключение из сего общего правила может быть допущено только в отношении тех иностранцев, которые навлекают на себя подозрение во вредных заграничных сношениях. Что же касается до преступлений, совершенных иностранцами против государственной безопасности, то оные должны быть наказываемы по нашим законам, наравне с преступлениями, учиненными российскими подданными.

О таковом Высочайшем повелении имею честь сообщить Вашему Превосходительству для надлежащих распоряжений»[78].

Министерство иностранных дел. Департамент внутренних сношений. Отделение 1. Стол 2. 9 (21) апреля 1854 г. № 3244. Товарищ министра иностранных дел – архангельскому военному губернатору Р.П. Боилю. Получено 18 (30) апреля 1854 г.:

«По случаю войны с Англиею и Франциею, Государь Император Высочайше повелеть соизволил: не признавать более находящихся в России великобританских и фран-

[76] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5630.
[77] Там же. Л. 1–1 об.
[78] Там же. Л. 5–5 об.

цузских консулов в настоящих их званиях. Вместе с тем Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы английские консулы, состоящие на службе Великобританского правительства, были приглашены выехать из России; тем же английским консулам, которые принадлежат к купеческому сословию или имеют здесь оседлость, занимаясь торговлею, промышленностью и т[ому] под[добным], – дозволить остаться <…>.

Во исполнение таковой монаршей воли покорнейше прошу Ваше превосходительство приказать объявить находящимся в Архангельской губернии великобританским: консулу Джону Вейтгеду[79] и вице-консулу Томасу Джеллибранту, а также французским: вице-консулу Александру Джону Форсману и консульскому агенту Амбургеру, что они не признаются более в сих званиях, и снабдить первых двух надлежащими паспортами на выезд из России, если он не принадлежат к числу лиц, коим, по изъясненному Высочайшему повелению, пребывание в наших пределах может быть дозволено…»[80].

Великобританское консульство при Архангельском и прочих беломорских портах – архангельскому гражданскому губернатору В.Ф. Фрибесу. 23 апреля (5 мая) 1854 г. 1854 г. № 6. Получено 24 апреля (6 мая) 1854 г.

«Ваше Превосходительство желает знать от меня, намерен ли я выехать из России и не состою ли на службе великобританскому правительству. В ответ на сии вопросы я имею честь известить Ваше Превосходительство, что я состою в службе своему правительству только в звании консула, которое место я занимаю здесь в Архангельске с 1838 года, а в 1834-м году я открыл здесь торговый дом под фирмою Гладстон и Вайтед, который существует и поныне; но касательно вопроса, желаю ли я здесь остаться во время войны, я имею честь объяснить, что так как официальные мои обязанности ныне кончаются и торговые сношения между обеими державами прекращены, и часть моего семейства, состоящая из 4-х старших детей, отправлены были в Англию после бывшего в 1851-м году пожара, лишившего меня прежнего дома, то я намерен ехать с женою и 3-мя состоящими при себе детьми и племянником – соединиться с ними…»[81].

Великобританское консульство при Архангельском и прочих беломорских портах – архангельскому военному губернатору Р.П. Боилю. 23 апреля (5 мая) 1854 г. № 7. Получено 25 апреля (7 мая) 1854 г.

«…При таковом прекращении официальных моих сношений продолжавших[ся] 16 лет при здешнем порте, я не могу не изъявить искреннюю благодарность мою всем присутственным местам и лицам Вашему Превосходительству подведомственным, и наипаче Вашему Превосходительству за всегдашнее благорасположение, много мне облегчавшее в исполнении моих обязанностей; я же всегда поставлял себе правилом никогда не прибегать к Вашему Превосходительству, не быв убежденным в справедливости моего ходатайства. Я буду надеяться, что в недолгое время обстоятельства позволят мне возобновить столь для меня лестные и приятные сношения; но между тем, не имея теперь официальных обязанностей, и не предвидя для восстановления мира случая заняться торговыми своими делами, я намерен ехать с женою и 3-мя меньшими детьми и племянником к 4-м старшим нашим детям, отправленным в Англию в 1851-м году после опустошительного пожара, лишившего меня прежнего своего дома, оставя (уповательно на короткое только время) новопостроенный каменный дом мой[82].

[79] Фонетически правильнее было бы «Джон Уайтхед» (John Whitehead). В российских документах, справочных изданиях середины XIX в. консула Великобритании в Архангельске обычно называли Иваном Матвеевичем Вайтедом (см., например: Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 год. Архангельск, 1852. С. 253). Изредка, как в процитированном документе, написание фамилии консула подвергалось еще большим искажениям.

[80] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5630. Л. 15–16.

[81] Там же. Л. 24–25.

[82] Дом этот сохранился до настоящего времени.

При сем честь имею известить Ваше Превосходительство, что я получил такового же содержания отношение от господина Архангельского Гражданского Губернатора от 22 ч[исла] сего м[еся]ца за № 2414, на которое и имел честь отвечать.

Бывший великобританский консул при Архангельском и прочих беломорских портах Джон Вайтед»[83].

Архангельский военный губернатор – бывшему великобританскому консулу при Архангельском и прочих беломорских портах И.М. Вайтеду. 26 апреля (8 мая) 1854 г. № 1112.

«Милостивый государь, Иван Матвеевич.

По случаю оставления Вами звания великобританского консула при Архангельском и прочих беломорских портах и выезда из России, вменяю себе в приятную обязанность изъявить Вам мою искреннюю благодарность за примерную распорядительность и успешное окончание дел, по которым губернское начальство имело с Вами, как консулом, сношение, и вместе с тем засвидетельствовать Вам о общем уважении, которое, как мне известно, приобрели Вы в долговременное пребывание Вашего в г. Архангельске.

Покорнейше прошу принять уверение в истинном почтении и совершенной преданности.

Роман Боиль»[84].

Инспекторский департамент морского министерства – архангельскому военному губернатору Р.П. Боилю. 31 марта (12 апреля) 1854 г. № 521. Получено 10 (22) апреля 1854 г.

«Государь Император Высочайше повелеть соизволил: зимующие при Архангельском порте английские коммерческие бриги: “Чес” и “Ошеан-Брейд” отпустить. Высочайшую волю сию Инспекторский департамент имеет честь сообщить Вашему Превосходительству к надлежащему исполнению, вследствие представления Вашего от 27-го минувшего февраля № 469»[85].

Отъезд Р.П. Боиля в Санкт-Петербург и его внезапная смерть. Напомним, что дословно писал М.К. Сидоров в своей книге о смерти Р.П. Боиля, намекая на его самоубийство из опасения позора и открытого обвинения в предательстве: «Он прекратил свою жизнь в тот самый день, когда Государь Император назначил ему аудиенцию»[86].

В ГААО сохранилась переписка, связанная с подготовкой Р.П. Боиля осенью 1854 г. к поездке «по делам службы» в Санкт-Петербург. Там и расчеты необходимых погонных денег с учетом верст и количества лошадей, и распоряжения Р.П. Боиля по канцелярии, в том числе кому вручать для исполнения бумаги, требующие безотлагательного исполнения[87].

Скажем честно – мы не знаем (и, наверное, никогда не узнаем) достоверно причину и обстоятельства смерти Р.П. Боиля. С одной стороны, есть мимоходом сделанное резкое и голословное, не подкрепленное ссылками на источники обвинение военного губернатора в суициде, выдвинутое М.К. Сидоровым и растиражированное вместе с его книгой спустя 17 лет после смерти Р.П. Боиля. С другой – есть официальный некролог, опубликованный в «Морском сборнике» и перепечатанный позже в «Архангельских губернских ведомостях», где о смерти Р.П. Боиля написано следующее:

[83] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5630. Л. 19–20.
[84] Там же. Л. 21; The National Archives. Foreign Office: Consulate, Archangel, Russian Empire: General Correspondence. FO. 264/3.
[85] Там же. Л. 7–7 об.
[86] *Сидоров М.К.* Север России… С. 13.
[87] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5440.

«По приезде в Петербург он, пренебрегая своим больным состоянием, не позволяя себе отдохнуть после долгой дороги, заботясь только о пользе службы и своих подчиненных, немедленно явился к начальству, в самое короткое время успел сообщить все о делах служебных и исходатайствовать некоторые милости людям, заслуживавшим внимание начальства.

Довольный этим первым успехом в деле, которое так горячо принимал к сердцу, Р.П. Боиль, возвратясь домой, 14 декабря, приказал адъютантам своим приготовить к подписанию все бумаги и представления, на которые уже получил предварительное согласие. В 9 часов утра 15 декабря он почувствовал первые припадки холеры, и, несмотря на все медицинские пособия, в 3 часа пополудни его не стало»[88].

Для тех, кто с сомнением отнесется к диагнозу «холера» (ставшему в XXI в. очень редким), заметим, что холера действительно свирепствовала в Российской империи в конце 1840-х – начале 1850-х гг. В Архангельске же наибольшее число жертв этой болезни пришлось на 1848 и 1853 гг. Только в Архангельске (не в губернии!) за эти два года умерло от холеры 1 038 человек[89]. Цифры огромные, если учесть, что все население Архангельска тогда немногим превышало 20 тыс. человек[90].

К. Манн в своем «Письме к издателю» историко-литературного журнала «Русский архив», ссылаясь на документы Морского министерства, писал, что «министр внутренних дел Д.Г. Бибиков 18 (30) декабря 1854 г. уведомил Его Императорское Высочество генерал-адмирала, что на всеподданнейшей его записке о последовавшей 15 декабря кончине архангельского военного губернатора вице-адмирала Боиля Государю Императору благоугодно было начертать следующую Высочайшую резолюцию: “Крайне жаль! Не знаю, кем его заменить, теперь важнее чем когда”»[91]. И еще из некролога: «Все знавшие Р.П. с любовью и уважением вспомнят этого вполне прямого и благородного человека, этого безукоризненного офицера, для которого слово “долг” стояло превыше всего. Милости Государя Императора и высокое внимание Его Высочества генерал-адмирала к семейству покойного лучше всего доказывают, как ценилась полезная служба Р.П.»[92].

Действительно, через месяц после кончины Романа Платоновича вышло предписание его императорского высочества управляющего Морским министерством директору Морского кадетского корпуса: «В уважение особых заслуг вице-адмирала Боиля предписываю принять немедленно в Морской корпус его сыновей Платона и Егора»[93]. В настоящее время историкам известно о целой династии морских офицеров – потомков Романа Платоновича Боиля, служивших России во второй половине XIX – начале XX в., но это уже тема для отдельного исследования.

* * *

Обобщим вышеизложенное. Купец Михаил Константинович Сидоров в своей книге «Север России» выступил с обвинением архангельского военного губернатора, управляющего гражданской частью и главного командира Архангельского порта Романа Платоновича Боиля в предательстве во время Крымской войны. Непредвзятый анализ источников, как опубликованных, так и находящихся на хранении в российских архивах и не публиковавшихся ранее, не дает оснований для этого обвинения. Наоборот, эти источники, вместе взятые, указывают на то, что Р.П. Боиль с честью выполнял свой служебный долг.

Выявленные нами в Национальном архиве (The National Archives) Великобритании документы, относящиеся к действиям Королевского флота (Royal Navy) у северных побережий Российской империи, содержат лишь официальную переписку с Р.П. Боилем консула

[88] *N.N.* Некролог. Вице-адмирал Роман Платонович Боиль… С. 341–342.
[89] Отчет о холерной эпидемии в Архангельской губернии в 1909 году. Архангельск, 1910. С. 31.
[90] По состоянию на 1 января 1848 г. – 20 710 человек (*Попов Г.П.* Старый Архангельск. Архангельск, 2003. С. 555).
[91] *Манн К.* Письмо к издателю… Стлб. 244–246; *Огородников С.* История Архангельского порта… С. 357–359.
[92] *N.N.* Некролог. Вице-адмирал Роман Платонович Боиль… С. 342.
[93] Морской сборник. 1855. № 1. Официальные сообщения. С. XVI.

Великобритании в Архангельске и документы, связанные с информированием Р.П. Боиля о блокаде беломорских портов. Никаких источников, подтверждающих «тайные сношения» Р.П. Боиля с противником в годы войны, пока не выявлено. И вряд ли они будут выявлены в дальнейшем. На настоящее время никаких явных признаков саботажа или «вредительства» со стороны Р.П. Боиля при руководстве им оборонными мероприятиями в Архангельской губернии в 1854 г. во время Крымской войны не усматривается.

Литература

Артоболевский С. Вице-адмирал Боиль и преосвященный Варлаам епископ архангельский (Эпизод из истории русско-турецкой войны 1853–1856 гг.) // Русская старина. 1905. Т. 122. С. 671–680.

Боиль, Брединг (Брининг), Платон Алексеевич // Общий морской список. Ч. III. Царствование Екатерины II. А–К. СПб., 1890. С. 191–192.

Боиль, Роман Платонович // Общий морской список. СПб., 1892. Ч. VI. Царствование Павла I и Александра I. А–Г. С. 428–430.

Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Русский Север. 1769–1901 / сост. В.В. Брызгалов, Е.Ф. Котловой, О.И. Корнеева; отв. ред. В.В. Брызгалов. Архангельск: Лодия, 2007. 246 с.

Гостев И.М., Давыдов Р.А. Русский Север в войнах XVI–XIX вв. Архангельск: Фонд развития Соловецкого архипелага, 2014. 261 с.

Гостев И.М., Давыдов Р.А. Демилитаризация Русского Севера в конце XVIII – начале XX в. // Международные отношения на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и современность: материалы междунар. науч. конф. «Государственная политика по защите национального суверенитета и урегулированию спорных проблем международных отношений на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и уроки для современности» (Архангельск, 6–10 сентября 2015 г.). Архангельск, 2015. С. 39–70.

Давыдов Р.А. «Сношения с неприятелем» архангельского военного губернатора Р.П. Боиля во время Крымской войны: историография вопроса // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С.И. Ворошилова): мат-лы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, декабрь 2009 г.). СПб., 2011. С. 265–269.

Давыдов Р.А. Архангельский военный губернатор Роман Платонович Боиль и его «сношения с неприятелем» во время Крымской войны: краткий обзор историографии // Защитники Отечества: мат-лы научн. конф. Архангельск, 2014. Вып. 13: Мат-лы XXX, XXXI, XXXII общественно-науч. чт. по военно-исторической тематике. С. 130–134.

Давыдов Р.А. «Полярные Звезды» Архангельского адмиралтейства // Архангельск – колыбель государственного морского судостроения: сб. мат-лов II науч. конф. (15 октября 2014 г.). Архангельск, 2015. С. 56–62.

Давыдов Р.А. «И источник чудес поможет против врагов…». О списках с икон, пожертвованных защитникам Архангельска в годы Крымской войны 1853–1856 гг. // Защитники Отечества: мат-лы научн. конф. Архангельск, 2019. Вып. 15: Мат-лы XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXVIII общественно-науч. чт. по военно-исторической тематике. С. 130–138.

Манн К. Письмо к издателю // Русский архив. 1871. № 6. Стлб. 244–246.

Морской энциклопедический словарь: в 3 т. / под ред. В.В. Дмитриева. СПб.: Судостроение, 1993. Т. 2. 582 с.

Морской энциклопедический словарь: в 3 т. / под ред. В.В. Дмитриева. СПб.: Судостроение, 1994. Т. 3. 487 с.

N.N. Некролог. Вице-адмирал Роман Платонович Боиль // Морской сборник. 1855. № 6. Отдел учено-литературный. С. 335–342.

Огородников С. История Архангельского порта. СПб.: Тип. Морского министерства, 1875. 377 с.

Отчет о холерной эпидемии в Архангельской губернии в 1909 году. Архангельск, 1910.

Пальмин В.А. Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота. Архангельск: Поморский ун-т, 2008. 188 с.

Попов Г.П. Старый Архангельск. Архангельск: Правда Севера, 2003. 578 с.

Русские мореплаватели: сб. ст. / ред. В.С. Лупач. М.: Военное изд-во МО СССР, 1953. 672 с.

Сергеев А.Н. Английская эскадра в Белом море в 1854 году // Русская старина. 1909. Т. 140. С. 567–575.

Сидоров М.К. Север России. СПб.: Тип. Почтового дела, 1870. 557 с.

Список русских военных судов с 1668 по 1860 год / под ред. Ф.Ф. Веселаго. СПб.: Тип. Морского министерства, 1872. XXX, 799, [4] с.

Ушаков И.Ф. Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1972. 672 с.

Фрименков Г., Новожилов Ю. Поморы, сыны Отечества // Архангельск 1584–1984: Фрагменты истории. Архангельск, 1984. С. 38–53.

Фрименков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. 184 с.

Barr W. The Crimean War in the Arctic: the Russian viewpoint // Polar Record. 1984. № 22 (137). P. 194–197.

Clowes, Wm. The Royal Navy. A History From the Earliest Times to the Present. In VII volumes. Vol. VI. London: Sampson Low, Marston and Company, 1901. 592 p.

Dodd G. Pictorial history of the Russian War, 1854-5-6 with maps, plans, and wood engravings. Edinburgh and London: W. and R. Chambers, 1856. 584 p.

Lambert A. The Royal Navy's White Sea Campaign of 1854 // Naval Power and Expeditionary Wars: Peripheral Campaigns and New Theatres of Naval Warfare. New York: Routledge, 2011. P. 31–43.

Nolan E.H. The Illustrated History of the War Against Russia. In II volumes. Vol. I. London: J.S. Virtue, 1857. 812 p.

Ruth A.C. The Crimean War in Imperial Context, 1854–1856. New York: Palgrave Macmillian, 2015. 301 p.

Stone I.R. The Crimean War in the Arctic // Polar Record, 1983. № 21 (135). P. 577–581.

Yonge C.D. The History of the British Navy from the Earliest Period to the Present Time. Second edition: in 3 vol. London, 1866. Vol. III.

References

Bryzgalov, V.V., Kotlovoy, E.F., Korneeva, O.I. (Comp.)., Bryzgalov, V.V. (Ed.). (2007). *Voennyy orden Svyatogo Velikomuchenika i Pobedonostsa Georgiya. Russkiy Sever. 1769–1901* [Military Order of St. Great Martyr and Victorious George. Russian North. 1769–1901]. Arkhangelsk, Lodiya. 246 p.

Dmitriev, V.V. (Ed.). (1993) *Morskoy entsiklopedicheskiy slovar': v 3 tomakh* [Marine Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, Sudostroenie. Vol. 2. 582 p.

Dmitriev, V.V. (Ed.). (1994) *Morskoy entsiklopedicheskiy slovar': v 3 tomakh* [Marine Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, Sudostroenie. Vol. 3. 487 p.

Artobolevskiy, S. (1905). Vitse-admiral Boil' i preosvyashchennyy Varlaam episkop arkhangel'skiy (Ehpizod iz istorii russko-turetskoy voyny 1853–1856 gg.) [Vice Admiral Boyle and Barlaam Bishop of Arkhangelsk (An Episode from the History of the Russian-Turkish War of 1853–1856)]. In *Russkaya starina.* Vol. 122, pp. 671–680.

Barr, W. (1984). The Crimean War in the Arctic: the Russian viewpoint. In *Polar Record*. No. 22 (137), pp. 194–197.

(1890). Boyle, Breding (Brining), Platon Alekseevich . In *Obshchiy morskoy spisok*. Part III. Tsarstvovanie Ekateriny II. A–K, pp. 191–192.

(1892). Boyle, Roman Platonovich. In *Obshchiy morskoy spisok*. Part VI. Tsarstvovanie Pavla i Aleksandra I. A–G, pp. 428–430.

Clowes, Wm. (1901). The Royal Navy. *A History From the Earliest Times to the Present.* In VII volumes. Vol. VI. London, Sampson Low, Marston and Company. 592 p.

Davydov, R.A. (2011). "Snosheniya s nepriyatelem" arkhangel'skogo voennogo gubernatora R.P. Boilya vo vremya Krymskoy voyny: istoriografiya voprosa ["Relations with the Enemy" by the Arkhangelsk Military Governor R.P. Boyle during the Crimean War: Historiography]. In *Lichnost' v istorii v ehpokhu novogo i noveyshego vremeni (pamyati professora S.I. Voroshilova). Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. S.-Peterburg, dekabr' 2009 g.* St. Petersburg, pp. 265–269.

Davydov, R.A. (2014). *A*rkhangel'skiy voennyy gubernator Roman Platonovich Boil' i ego "snosheniya s nepriyatelem" vo vremya Krymskoy voyny: kratkiy obzor istoriografii [Military Governor of Arkhangelsk region Roman Platonovich Boyle and His "Relations with the Enemy" during the Crimean War: A Brief Overview of Historiography]. In *Zashchitniki Otechestva.* Iss. 13. Arkhangelsk, pp. 130–134.

Davydov, R.A. (2015). "Polyarnye Zvezdy" Arkhangel'skogo admiralteystva ["Polar Stars" of the Arkhangelsk Admiralty]. In *Arkhangel'sk – kolybel' gosudarstvennogo morskogo sudostroeniya: sbornik materialov II nauchnoy konferentsii, 15 oktyabrya 2014 goda*. Arkhangelsk, pp. 56–62.

Davydov, R.A. (2019). "I istochnik chudes pomozhet protiv vragov…". O spiskakh s ikon, pozhertvovannykh zashchitnikam Arkhangel'ska v gody Krymskoy voyny 1853–1856 gg. ["And the Source of Miracles will Help against Enemies…". About the Icons Donated to the Defenders of Arkhangelsk during the Crimean War of 1853–1856]. In *Zashchitniki Otechestva. Iss. 15.* Arkhangelsk, pp. 130–138.

Dodd, G. (1856). *Pictorial History of the Russian War, 1854-5-6 with Maps, Plans, and Wood Engravings.* Edinburgh and London, W. and R. Chambers. 584 p.

Frumenkov, G., Novozhilov, Yu. (1984). Pomory, syny Otechestva [Pomors, Sons of the Fatherland]. In *Arkhangel'sk 1584–1984: Fragmenty istorii*. Arkhangelsk, pp. 38–53.

Frumenkov, G.G. (1975). *Solovetskiy monastyr' i oborona Belomor'ya v XVI–XIX vv*. [Solovetsky Monastery and the Defense of the White Sea in the XVI–XIX Centuries]. Arkhangelsk. 184 p.

Gostev, I.M., Davydov, R.A. (2014) *Russkiy Sever v voynakh XVI–XIX vv*. [The Russian North in the Wars of the XVI–XIX Centuries]. Arkhangelsk. 261 p.

Gostev, I.M., Davydov, R.A. (2015). Demilitarizatsiya Russkogo Severa v kontse XVIII – nachale XX v. [Demilitarization of the Russian North in the Late XVIII – Early XX Centuries]. In *Mezhdunarodnye otnosheniya na Evropeyskom Severe i v Arktike v pervoy chetverti XX veka: istoricheskiy opyt i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf. "Gosudarstvennaya politika po zashchite natsional'nogo suvereniteta i uregulirovaniyu spornykh problem mezhdunarodnykh otnosheniy na Evropeyskom Severe i v Arktike v pervoy chetverti XX veka: istoricheskiy opyt i uroki dlya sovremennosti" (Arkhangel'sk, 6–10 sentyabrya 2015 g.).* Arkhangel'sk, pp. 39–70.

Lambert, A. (2011). The Royal Navy's White Sea Campaign of 1854. In *Naval Power and Expeditionary Warfare. Peripheral Campaigns and New Theaters of Naval Warfare.* New York, Routledge. P. 31–43.

Lupach, V.S. (Ed.). (1953). *Russkie moreplavateli*: sbornik statey [Russian Sailors]. Moscow. 672 p.

Mann, K. (1871). Pis'mo k izdatelyu [Letter to the Publisher]. In *Russkiy arkhiv*. No. 6, columns 244–246.

N.N. (1855). Nekrolog. Vitse-admiral Roman Platonovich Boil' [Obituary. Vice Admiral Roman Platonovich Boyle]. In *Morskoy sbornik. Otdel ucheno-literaturnyy.* No. 6, pp. 335–342.

Nolan, E.H. (1857). *The Illustrated History of the War Against Russia.* In 2 volumes. Vol. I. London, J.S. Virtue. 812 p.

Ogorodnikov, S. (1875). *Istoriya Arkhangel'skogo porta* [The History of the Arkhangelsk Port]. St. Petersburg. 377 p.

(1910). *Otchet o kholernoy epidemii v Arkhangel'skoy gubernii v 1909 godu* [Report on the Cholera Epidemic in Arkhangelsk Province in 1909]. Arkhangelsk. 42 p.

Pal'min, V.A. (2008). *Voenno-morskoe sudostroenie na Severe Rossii v ehpokhu parusnogo flota* [Naval Shipbuilding in the North of Russia in the Era of the Sailing Fleet]. Arkhangelsk. 188 p.

Popov, G.P. (2003). *Staryy Arkhangel'sk* [Old Arkhangelsk]. Arkhangelsk, Pravda Severa. 578 p.

Ruth, A.C. (2015). *The Crimean War in Imperial Context, 1854–1856.* New York, Palgrave Macmillian. 301 p.

Sergeev, A.N. (1909). Angliyskaya ehskadra v Belom more v 1854 godu [The British Squadron in the White Sea in 1854]. In *Russkaya starina*. Vol. 140, pp. 567–575.

Sidorov, M.K. (1870). *Sever Rossii* [The North of Russia]. St. Petersburg, Tipografiya Pochtovogo dela. 557 p.

Stone, I.R. (1983). The Crimean War in the Arctic. In *Polar Record*. No. 21 (135), pp. 577–581.

Ushakov, I.F. (1972). *Kol'skaya zemlya. Ocherki istorii Murmanskoy oblasti v dooktyabr'skiy period* [Kola Land. Essays on the History of the Murmansk Region in the Pre-October Period]. Murmansk, Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 672 p.

Veselago, F.F. (Ed.). (1872). *Spisok russkikh voennykh sudov s 1668 po 1860 god* [List of Russian Warships from 1668 to 1860]. St. Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva. XXX, 799, [4] p.

Yonge, C.D. (1866). The History of the British Navy from the Earliest Period to the Present Time. Second edition. In III vol. London. Vol. III.

Е.В. Комлева*

«ПОД СУДОМ БЫЛ И СОСТОЮ»: М.К. СИДОРОВ И РЕГИОНАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ (1840–1870-Е ГОДЫ)**

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-7
УДК 352.07(–05)

Выходные данные для цитирования:
Комлева Е.В. «Под судом был и состою»: М.К. Сидоров и региональная администрация (1840–1870-е годы) // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 95–106. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-07.pdf

E.V. Komleva*

"I WAS AND REMAIN ON TRIAL": M.K. SIDOROV AND THE REGIONAL ADMINISTRATION (1840S–1870S)

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-7

How to cite:
Komleva E.V. "I Was and Remain on Trial": M.K. Sidorov and the Regional Administration (1840s–1870s) // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 95–106. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-07.pdf]

Abstract. The article, based on the biography of the outstanding Russian merchant M.K. Sidorov (1823–1887), characterizes the interaction of representatives of private capital with regional authorities in remote, inaccessible and sparsely populated territories of the Russian Empire: in Arkhangelsk province, Western and Eastern Siberia. About a dozen cases of conflicts between M.K. Sidorov and high-ranking officials have been revealed. His opinion on the goals of the administrative apparatus and the productive, from his point of view, attitude of the authorities to private (primarily merchant) initiative has been considered. The examples of M.K. Sidorov's positive assessment of administrators, including N.P. Rumyantsev, Minister of Commerce of the first quarter of the 19th century, and Prince A.B. Lobanov-Rostovsky, Deputy Minister of Internal Affairs in the 1870s, have been given. The presented material testifies not only to the personal qualities of a particular person – M.K. Sidorov, who undoubtedly had a difficult character, but also in general about how public-private partnership developed during the 1840s – 1870s – in many ways, a transitional period in the economic, cultural and socio-political development of Russia, when new trends in a variety of areas became more noticeable. The success of the development of the northern outskirts of the country was largely determined by how successfully it was possible to establish cooperation between regional authorities and private entrepreneurs, whose activities, ultimately, were aimed at achieving a common goal – the involvement of hard-to-reach territories with harsh climatic conditions into a single economic and socio-cultural space of the empire. However, the revealed facts from the life of M.K. Sidorov allow us to illustrate how the mutual interest of the management staff and merchants in combining efforts and capital for various reasons often led to serious conflicts, and sometimes to open confrontation.

Keywords: public-private partnership, Russian North, Siberia, regional administration, merchants, M.K. Sidorov.

The article has been received by the editor on 07.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе биографии выдающегося русского купца Михаила Константиновича Сидорова (1823–1887) характеризуется взаимодействие представителей частного капитала с региональными властями на отдаленных от

* **Евгения Владиславовна Комлева,** доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: feodal@history.nsc.ru
Evgeniya Vladislavovna Komleva, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: feodal@history.nsc.ru
** Статья выполнена по теме госзадания «Сибирь в XVII – начале XX в.: освоение и интеграция в социально-экономическое и культурное пространство России» (FWZM-2021-0002).

центра, труднодоступных и малонаселенных территориях Российской империи: в Архангельской губернии, Западной и Восточной Сибири. Приводится около десятка случаев конфликтов М.К. Сидорова с высокопоставленными чиновниками. Раскрывается его мнение о целях работы административного аппарата и правильном, с его точки зрения, отношении властей к частной (прежде всего купеческой) инициативе. Выявлены примеры положительной оценки М.К. Сидоровым администраторов, в том числе министра коммерции первой четверти XIX в. Н.П. Румянцева, товарища министра внутренних дел в 1870-х гг. князя А.Б. Лобанова-Ростовского. Представленный материал свидетельствует не только о личностных качествах конкретного человека – М.К. Сидорова, бесспорно, обладавшего непростым характером, но и в целом о том, как складывалось государственно-частное партнерство на протяжении 1840–1870-х гг. – во многом переходного периода в экономическом, культурном и общественно-политическом развитии России, когда все заметнее стали проявляться новые тенденции в самых разных сферах. Успех освоения северных окраин страны во многом определялся именно тем, насколько удачно удавалось наладить сотрудничество региональных органов власти и частных предпринимателей, чья деятельность в конечном счете была направлена на достижение общей цели – инкорпорации труднодоступных территорий с суровыми климатическими условиями в единое хозяйственное и социокультурное пространство империи. Однако выявленные факты из жизни М.К. Сидорова позволяют проиллюстрировать, как взаимная заинтересованность управленческого аппарата и купцов в объединении усилий и капиталов в силу разных причин зачастую приводила к серьезным конфликтам, а порой и к открытому противостоянию.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, Русский Север, Сибирь, региональная администрация, купечество, М.К. Сидоров.

Статья поступила в редакцию 07.10.2023 г.

На протяжении всей истории нашей страны одним из важнейших факторов развития удаленных, труднодоступных и малонаселенных территорий, включая северные и северо-восточные регионы, выступало сочетание усилий властных структур и частной инициативы, сотрудничество государственного аппарата и представителей частного капитала, прежде всего купцов. В последнее время эта проблема все чаще публично озвучивается и вновь остро встает в повестку дня, а обращение к историческому опыту приобретает все бо́льшую актуальность. На материалах дореволюционных Сибири и Поморья изучением данного вопроса в той или иной степени занимались В.Н. Разгон[1], Н.П. Матханова[2], В.П. Шахеров[3], А.В. Ремнёв[4], Л.М. Дамешек и И.Л. Дамешек, А.В. Гимельштейн, Н.И. Гаврилова[5], М.М. Плотникова[6], М.К. Чуркин[7], А.Е. Гончаров[8], В.В. Ефимова[9] и многие другие авторы. Согласно упоминающимся в источниках и литературе сведениям, в XVIII–XIX вв. государ-

[1] *Разгон В. Н.* Сибирское купечество в XVIII – половине XIX вв. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1998.

[2] *Матханова Н.П.* Власть и чиновники в мемуарах сибирского купечества XIX в. // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 58–75; *Матханова Н.П.* Образ М.М. Сперанского в сибирской мемуаристике // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2022. Т. 40. С. 14–21.

[3] *Шахеров В.П.* Предпринимательство и власть в Сибири XVIII – первой половины XIX в.: от конфронтации к партнерству // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 12. С. 57–69.

[4] *Ремнёв А.В.* Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск, 2015.

[5] *Дамешек И.Л.* Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.). Иркутск, 2005; *Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Даниленко А.В.* Региональная власть и общественность Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 2007; *Гаврилова Н.И., Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., Иванов А.А, Шахеров В.П.* Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков. Иркутск, 2019.

ственно-частное партнерство в северных и северо-восточных регионах складывалось далеко неоднозначно. Известен целый ряд серьезных конфликтов между купцами и чиновниками, иногда переходивших в открытую конфронтацию. Часть этих инцидентов связана с именем выдающегося сибирского предпринимателя Михаила Константиновича Сидорова (1823–1887), который в наброске своей автобиографии выделил крупным шрифтом, да еще и подчеркнул одну из начальных фраз: «В штрафах и под судом был и состою»[10]. Инициативы этого энергичнейшего человека, автора многочисленных проектов по развитию экономики и народного просвещения, неоднократно наталкивались на неприятие как со стороны других крупных купцов, так и региональных властей[11]. Цель данной статьи – представить целостный взгляд на отношения М.К. Сидорова с представителями администрации Архангельской губернии, Западной и Восточной Сибири.

Рис. 1. Михаил Константинович Сидоров. Фото 1879 г. из фондов Красноярского краевого краеведческого музея

Одно из первых столкновений, в результате которого М.К. Сидоров (рис. 1), собственно, и осел на долгие годы за Уралом, относится к середине 1840-х гг. Ему предшествовало стремление части архангельского купечества учредить в Архангельске частный общественный банк «из сумм, принадлежащих городу». Рассмотрение этого дела тянулось с 1825 по 1846 г., а главным его противником выступил архангельский военный губернатор маркиз А.И. де Траверсе (занимал пост в 1842–1850 гг.). Последний даже распорядился об отправке за уже уехавшим в Сибирь М.К. Сидоровым «нарочного, чтобы схватить его и доставить к нему в Архангельск» для заключения в тюрьму[12]. Так началось противостояние М.К. Сидорова с региональной администрацией, не прекращавшееся, по словам его биографа А.А. Жилинского, «почти всю жизнь» и выливавшееся «временами в самые грубые и невероятные формы»[13].

Почти с самого начала пребывания в Сибири у М.К. Сидорова проявились разногласия с властями Енисейской губернии, центр которой – Красноярск – он избрал для проживания. Известно о его конфликтах с енисейскими гражданскими губернаторами В.К. Падалкой (занимал должность в 1845–1861 гг.) и П.Н. Замятниным (губернатор

[6] *Плотникова М.М.* Формирование и развитие бюджетной политики городов Восточной Сибири в первой половине XIX в. (на примере Иркутска, Красноярска, Енисейска). Иркутск, 2018.

[7] *Чуркин М.К.* Сибирь в имперской географии власти: паттерны общественно-политического дискурса XVI–XX вв. // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 4. С. 147–159.

[8] *Гончаров А.Е.* Северный морской путь: коммерческие экспедиции. Красноярск, 2016.

[9] *Ефимова В.В.* Из истории создания общественного банка в Архангельске в первой половине XIX века // Актуальные проблемы экономики и права: сб. тр. Киров, 2020. С. 116–123; *Ефимова В.В.* Специфика государственного регулирования предпринимательской деятельности в г. Архангельске в 1820–1840-е гг. // История российской государственности. Доклады Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина. М., 2021. С. 128–136; *Ефимова В.В.* Конкуренция в судьбе провинциального купца: штрихи к портрету архангелогородца Василия Попова (1767–1847) // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 166–174.

[10] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбфАРАН). Ф. 270. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

[11] *Ламин В.А., Ноздрин Г.А.* Сибирский купец Михаил Константинович Сидоров // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков: сб. биографических очерков. Новосибирск, 2007. С. 116–117.

[12] *Сидоров М.К.* Север России. СПб., 1870. С. 188–192.

[13] *Жилинский А.А.* Россия на Севере (к описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск, 1918. С. 18.

Рис. 2. В.И. Суриков.
Портрет губернатора П.Н. Замятнина, 1860-е гг.

Рис. 3. К.Е. Маковский.
Портрет Н.Н. Муравьева-Амурского, 1863 г.

в 1861–1868 гг.; рис. 2). Это и отказ всерьез рассматривать проекты М.К. Сидорова[14], и оскорбление в 1862 г. англичанина Банистера (Бонистера), которого тот хотел привлечь «для исследования фарватера» в устье Енисея, а П.Н. Замятнин наперекор этому составил «официальную бумагу <…> в которой употреблены неприличные слова и шутки, относящиеся [к] благополучно ныне царствующей Английской Королевы»[15], и множество прочих затруднений, создаваемых ему местными чиновниками разного уровня. Когда красноярское городское общество избрало М.К. Сидорова на трехлетие (с 1863 по 1865 г.) городским головой, П.Н. Замятнин не утвердил это решение на том основании, что «Сидоров по качествам его неблагонадежен»[16]. Про М.К. Сидорова стали распространяться ложные слухи, а полицией было заведено на него несколько уголовных дел[17]. Дошло до того, что Михаил Константинович запирал ставни, когда к нему приходили знакомые: «…а то, – говорит, – увидят Вас у меня, и Вам будут неприятности, потому что везде и всюду у губ(ернатора) агенты…», а как-то «по секрету сказал, что уезжает в Петербург, проживаться здесь боится, потому что могут в сад подбросить мертвое тело – вот де меня и цап-царап»[18]. Все эти разногласия дали повод очевидцу событий красноярскому стряпчему и мемуаристу И.Ф. Парфентьеву заключить: «Мих(аил) Кон(стантинович) был благодетель для всех, кроме высших»[19]. (Между прочим заметим, что того же П.Н. Замятнина И.Ф. Парфентьев вовсе не воспринимал как некую однозначно негативную фигуру – в его воспоминаниях, например, можно встретить и такие слова о губернаторе: «Этот начальник, при всей доброй душе его…»[20]).

Настороженно и даже враждебно к М.К. Сидорову относились и генерал-губернаторы Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский (занимал должность в 1848–1861 гг.; рис. 3) и М.С. Корсаков (в 1861–1871 гг.; рис. 4). Н.Н. Муравьев-Амурский «просил министра финансов убрать Сидорова из Сибири, как беспокойного и вредящего развитию золотопромышленности человека»[21]. М.С. Корсаков, которого М.К. Сидоров с горькой усмешкой назвал «мудрый правитель Сибири», в 1863 г. отказал тому в просьбе рассмотреть возможность проведения за счет собственных средств просителя канала между

[14] *Гончаров А.Е.* Северный морской путь… С. 24–25.
[15] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1050. Оп. 1. Д. 9. Л. 4 об.
[16] Воспоминания Парфентьева Ивана Фёдоровича (1777–1898): рукопись из фондов Красноярского краевого краеведческого музея. Красноярск, 2016. С. 191.
[17] *Сидоров М.К.* Север России… С. 197–198.
[18] Воспоминания Парфентьева Ивана Фёдоровича… С. 163–164.
[19] Там же. С. 193.
[20] Там же. С. 200.
[21] *Сидоров М.К.* Север России… С. 193.

реками Туруханом и Тазом, мотивируя свое решение тем, что «если бы канал был нужен, то он сделан был бы и без Сидорова»[22].

Взаимная неприязнь порой приобретала весьма одиозные формы. В литературе приводится вопиющий случай унижения М.К. Сидорова енисейскими чиновниками, когда в 1863 г. он «стоял раздетый донага пред чиновниками Енисейского губернского совета, которые выполняли приказ “хозяина” – генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского узнать, “принадлежит ли Сидоров к скопческим сектам?”»[23]. (Михаил Константинович об этом эпизоде упоминает с возмущением, но кратко, без каких бы то ни было подробностей[24]).

Рис. 4. Михаил Семёнович Корсаков (Фото из фондов Государственного архива Иркутской области)

Однако М.К. Сидоров и сам не церемонился: в воспоминаниях И.Ф. Парфентьева описывается целый ряд его выходок по отношению к начальству Енисейской губернии, находившихся на грани шутки и дерзости. Например, в 1848 г. М.К. Сидоров по подложному приглашению, написанному якобы от лица губернатора В.К. Падалки, пригласил к тому незваного гостя – томского купца 1-й гильдии Хаймовича («Губернатор, рассердившись <…> без производства следствия приказал взять Сидорова на гауптвахту и продержать на хлебе и воде 3 дня, что и было исполнено»). В 1868 г. направил к губернатору П.Н. Замятнину служащего-заику, который не мог связать двух слов («Губернатор взбесился, признав все это за насмешку <…>. Пошли жалобы в Сенат и к м(инист)ру в(нутренних) д(ел); после этого заику засвидетельствовали во Врачебной управе и нашли действительно косноязычным; кончилось смехом, и в Петербурге знали, что все проказит шут Сидоров»). Когда М.К. Сидоров, находясь в Санкт-Петербурге, услышал о награждении П.Н. Замятнина «орденом Св. Станислава I степени и лентою, то дал об этом извещение по телеграфу награжденному; конечно, не от себя телеграмма. Губернатор возрадовался, ждет-пождет, нет награды <…> слухи были, что М(ихаил) К(онстантинови)ч попросил там кого-то, чтобы подольше не посылать, и г(убернатор) Замятнин совсем уже отчаивался, как, к счастию его, получает с восторгом ожидавшееся, но Сидорова при первом удобном случае хотел стереть в порошок»[25].

И подобное М.К. Сидоров устраивал не только по отношению к руководству Енисейской губернии, не особенно считался он и с более высокопоставленными лицами. Так, во время проезда через Красноярск в Санкт-Петербург генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова «была подписка на обед. Пристав заявился к М(ихаилу) К(онстантиновичу) – этот притворился казанским сиротой и хотел подписать один рубль, но в уважение просьбы пристава подписал 5 рубл(ей) и, конечно, на обеде не был»[26]. Однажды служивший у М.К. Сидорова выписанный им из Санкт-Петербурга «правовед» сочинил в ответ на деловое письмо М.С. Корсакова: «Сию бумагу читал, и так как у какого-нибудь

[22] РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 14. Л. 8–8 об.; об этом случае упоминают также Ф.Д. Студитский (*Студитский Ф.Д.* История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. СПб., 1883. Ч. I. С. 74) и А.И. Кытманов (*Кытманов А.И.* Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год. Красноярск, 2016. С. 415).

[23] *Бердников Л.П.* Вся красноярская власть: Очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916). Факты, события, люди. Красноярск, 1995. С. 69.

[24] *Сидоров М.К.* Север России… С. 194–195.

[25] Воспоминания Парфентьева Ивана Фёдоровича… С. 200.

[26] Там же. С. 192.

генерала голова соломою набита, то он ей подчиняться не намерен, а будет жаловаться». М.С. Корсаков «рассвирепел и нарядил строжайшее следствие, по которому правовед подтвердил свои слова с тем, что тут обидного ничего нет: во 1-х – солома есть хлеб, а хлеб дает здоровье и жизнь питающемуся им, во 2-х – эти слова в подписке отнюдь не относились к начальнику края, и если им обидится, то должно от тысячей генералов поступить жалобы, однако ж, ни от кого ничего нет»[27].

С переездом в Сибирь продолжились конфликты М.К. Сидорова и с администрацией Архангельской губернии. Он неоднократно описывал всевозможные препятствия для развития деятельности в низовьях Печоры, чинимые архангельским гражданским губернатором и Архангельской палатой государственных имуществ: то ему под неоправданными предлогами не давали разрабатывать рудные месторождения в Чердынском и Кемском уездах, то не позволяли закрепить за собой открытые им впервые золотые россыпи, то завозить морем хлеб в низовья Печоры[28]. По поводу создававшихся трудностей для Печорской компании М.К. Сидоров с иронией писал: «Придя в обессиление чрез все сии покровительствованные отечественной промышленности местными властями меры…»[29]. Насколько далеко мог пойти Михаил Константинович в отстаивании своей точки зрения, можно судить хотя бы по тому факту, что он первый осмелился публично обвинить архангельского военного губернатора Р.П. Бойля в измене (сношениях с неприятелем) во время Крымской войны[30].

Жесткость, уверенность, чувство собственной правоты во многом основывались на высокой оценке М.К. Сидоровым своей деятельности, которую он считал глубоко патриотичной, направленной на благо государства. Он полагал, что «если частный человек для казны не щадит <…> значительного пожертвования», то казна «для собственной своей же громадной пользы» должна идти навстречу[31]. Однако у чиновников на этот счет были свои соображения. Будучи несомненно заинтересованными в привлечении частного капитала для развития вверенных им территорий, они тем не менее не могли позволить себе участвовать в сомнительных проектах, успех которых был неочевиден. Вот, например, реакция одного из администраторов на высказанное в 1857 г. мнение М.К. Сидорова о ненужности в Сибири ремесленной школы, вместо которой, по его мнению, целесообразнее было бы учредить горнотехнический университет: «Прочитывая несколько раз “Ответ” [т.е. записку М.К. Сидорова об учебном заведении технического профиля. – *Е. К.*], каждый раз все более и более недоумеваешь то от того, то от другого, то от третьего и, наконец, доходишь до того, что каждое слово в нем стоит каким-то чудом, диковинкой. Кажется, в нем и нет ничего – слово как слово, а подумаешь… <…> Диковинка!!…»[32]

Сам М.К. Сидоров причину неудачных контактов с сибирскими и поморскими управленцами объяснял их незаинтересованностью, недальновидностью – и это самые мягкие слова. В своей книге «Русский Север» он писал: «У нас обыкновенно упрекают купцов и вообще промышленников и в необразованности, и в недостатке предприимчивости. Но виноваты ли промышленники, что те лица, которым вверяются значительные государственные суммы, не содействуют развитию русской промышленности?»[33]. В рукописях М.К. Сидоров без обиняков делал заключения о «совершенном безлюдии, тупости и негодности административного элемента»[34]. Между тем, по его мнению, «поднять на Севере торговлю и мореходство» – «администрации в этих делах приходится только стараться не мешать и порою помогать»[35]. Говоря о Печорском крае, он часто подчеркивал,

[27] Воспоминания Парфентьева Ивана Фёдоровича… С. 193.
[28] РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 2 об. – 3, 4.
[29] Там же. Л. 6.
[30] *Давыдов Р.А.* «Сношения с неприятелем» архангельского военного губернатора Р.П. Боиля во время Крымской войны: историография вопроса // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С.И. Ворошилова): мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2011. С. 266.
[31] РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об. – 19.
[32] Там же. Д. 3. Л. 5 об. – 6.
[33] *Сидоров М.К.* Север России… С. XXI.
[34] СПбФ АРАН. Ф. 270. Д. 19. Л. 10.
[35] Там же.

что осуществляет свои планы «при полном противодействии местного начальства и жителей»[36] и выражал обеспокоенность, что «все его труды и пожертвования пропадут без пользы для государства»[37].

Однако справедливы ли упреки М.К. Сидорова в адрес региональных властей в полной мере? Ведь в задачу администрации входила забота о развитии региона, но, как уже отмечалось, она никак не могла позволить себе выкидывать крупные суммы из казны на ветер, потакая сомнительным задумкам купца-«авантюриста». Дело, несомненно, усугублялось и чересчур категоричной позицией Михаила Константиновича при отстаивании собственных взглядов. Показательна характеристика, данная ему в жандармском донесении: «…замечателен по многостороннему уму, предприимчивости, деятельности, неистощимой изобретательности, благотворительный до расточительности, истощающий все свои средства для разведки и открытия новых отраслей отечественной промышленности в видах не столько собственной, как общественной пользы. Мог сделаться человеком замечательным, даже историческим в государстве, если бы все эти достоинства не были парализированы [так в тексте. – *Е. К.*] отчасти его страстью к спорам, тяжбам и процессам, причем он не останавливается ни перед какими средствами для поражения и даже оскорбления противников, что и сделало ему многих непримиримыми врагами, в том числе и начальника губернии»[38]. И это, похоже, не было преувеличением. «Енисейский летописец» А.И. Кытманов отмечал: «Сидоров Михаил Константинович прославился в тайге многочисленными тяжбами…»[39].

М.К. Сидоров действительно неоднократно обращался с разными жалобами, причем часто в обход нижестоящих инстанций, искал поддержки на стороне – например, у чиновников других регионов и обладавших более широкими полномочиями должностных лиц. По словам А.И. Кытманова, «Сидоров обвинял во всех неудачах местную администрацию, енисейского губернатора Замятнина, чиновников-поляков, стремившихся во время польского восстания не допустить графит Сидорова на Златоустовский завод. Громадной перепиской и просьбами, подаваемыми по поводу “графитного разорения”, Сидоров и его доверенные буквально завалили все присутственные места»[40]. Вспомним и вышеупомянутый случай, когда П.Н. Замятнин не утвердил его в должности красноярского городского головы. В результате ходатайств «обиженного», которые поддержал и доверенный городского общества, состоялось «ровно семь собраний, равнявшихся 7-ми вселенским соборам; наконец, Сенат вырешил, что уже если Сидоров не желает служить, то его насильно утверждать нельзя; губернатору же замечено неправильное обвинение Сидорова, не подтвердившееся по произведенному следствию»[41].

И все же, несмотря на сложный характер и конфликты М.К. Сидорова с целым рядом крупных представителей сибирской администрации, среди нее находились и те, кто его поддерживал. Хорошие, деловые отношения сложились у Михаила Константиновича с властями Западной Сибири. Прежде всего речь идет о тобольском гражданском губернаторе А.И. Деспоте-Зеновиче (занимал пост в 1862–1867 гг.; рис. 5), который в 1863 г. даже попытался вмешаться в спор между М.К. Сидоровым и П.Н. Замятниным, за что получил выговор из Министерства внутренних дел «за принятие на себя [права] судить действия себе равного»[42]. Поддержку М.К. Сидорову оказывали также генерал-губернаторы Западной Сибири А.О. Дюгамель (пребывал в должности в 1861–1866 гг.; рис. 6) и Н.Г. Казнаков (в 1875–1881 гг.). В июне 1864 г., когда М.К. Сидоров выразил готовность «вносить ежегодно в течение 10 лет на устройство и поддержание народных школ в Западной Сибири по 5 000 р.», А.О. Дюгамель «ходатайствовал, с своей стороны, во уважение его услуг краю и значительных до сего пожертвований о награждении орденом Св. Владимира 4 сте-

[36] СПбФ АРАН. Ф. 270. Д. 19. Л. 9 об. – 10.
[37] Там же. Л. 9.
[38] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 3 отд. 1 эксп. 1844. Д. 247. Ч. 14. Л. 17–17 об.
[39] *Кытманов А.И.* Краткая летопись… С. 303.
[40] Там же. С. 414.
[41] Воспоминания Парфентьева Ивана Фёдоровича… С. 193–194.
[42] РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

п[ени]»[43]. В 1878 г. по распоряжению Н.Г. Казнакова М.К. Сидорову из Главного управления Западной Сибири была отправлена копия донесения березовского окружного исправника Н. Попова «о местностях, занимаемых остяками и самоедами» в низовьях Оби и Енисея и список с приложенной к нему карты[44].

Рис. 5. Александр Иванович Деспот-Зенович (*Talko-Hryncewicz J.* Aleksander Despota Zenowicz (ur. w r. 1829 zm. 1897 r.). Lwów, 1913)

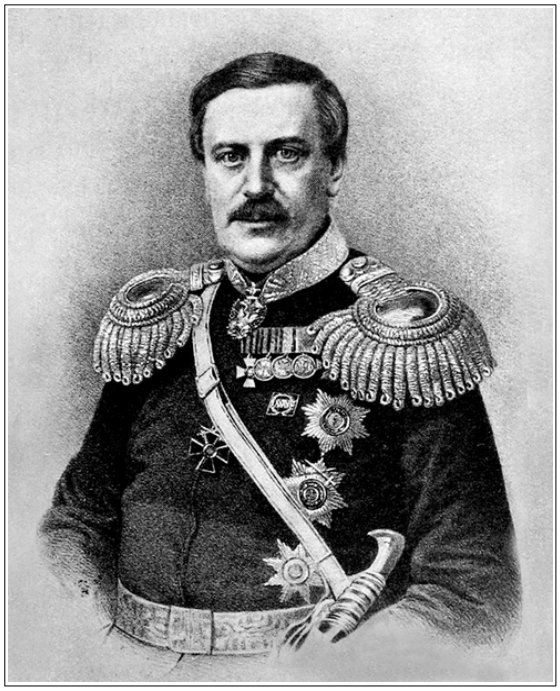


Рис. 6. Александр Осипович Дюгамель. Литография Л. Козлова

Образцом государственного деятеля в глазах М.К. Сидорова выступал граф Н.П. Румянцев (рис. 7), занимавший несколько ответственных постов в царствование Александра I, в том числе министра коммерции. М.К. Сидоров неоднократно упоминал Н.П. Румянцева, особенно ценя его заслуги в области освоения северных территорий России и отмечая его заботу о развитии промышленности в Западной Сибири. По мнению Михаила Константиновича, Н.П. Румянцев «всех ближе подошел к цели осуществления этого благого намерения. Он предположил произведения Западной Сибири сплавлять вниз по водам системы реки Оби к ее устью и оттуда чрез канал на р. Усу, втекающую в р. Печору, а с Печоры по устраиванию портов отпускать в таковые за границу, а иностранные товары, в которых нуждается Сибирь, привозить на тех кораблях, которые будут приходить на устье Печоры за сибирскими товарами»[45]. Из современных ему высокопоставленных лиц М.К. Сидоров выделял товарища министра внутренних дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского (рис. 8), про которого писал: «Давай лишь Бог нам поболее таких государственных деятелей, как князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский, и давай Бог, чтобы деятельность нашего Департамента мануфактур и торговли утвердилась в том патриотическом направлении, какое она приняла в настоящее время»[46]. Данный пассаж был написан под влиянием речи А.Б. Лобанова-Ростовского о русском купечестве, свидетелем которой М.К. Сидоров стал в 1878 г. «По смыслу этих слов, – вспоминал он, – купечество наше всегда было передовым двигателем в разработке отечественных интересов. Его практическая деятельность дала более точек опоры, нежели официальные распоряжения администрации, и в настоящее время оно предъявляет более самостоятельности в общеполезных предприятиях всякого рода, в том числе и в построении железных дорог»[47].

[43] РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
[44] Там же. Д. 25. Л. 6.
[45] Там же. Л. 1 об.
[46] Там же. Л. 2 об.
[47] Там же. Д. 18. Л. 1–1 об.

Рис. 7. Дж. Доу.
Граф Николай Петрович Румянцев, 1828 г.

Рис. 8. Алексей Борисович Лобанов-Ростовский

Таким образом, как показывает изложенный материал, практически на протяжении всей жизни М.К. Сидорова его активная предпринимательская деятельность сочеталась с частыми и порой очень серьезными конфликтами с представителями региональной администрации Русского Севера и Сибири. В этом, несомненно, проявились и личностные качества Михаила Константиновича, и присущие в целом сибирскому купечеству, в составе которого он длительное время находился, независимость и умение отстаивать собственные интересы. Обладая четкими представлениями о задачах, стоявших перед чиновниками, М.К. Сидоров считал, что их долг не чинить препятствия, но, напротив, оказывать поддержку или хотя бы не мешать частным лицам развивать инициативу, плоды которой могли бы принести пользу всему государству. Несомненно, что непростые взаимоотношения М.К. Сидорова с региональным управленческим аппаратом характеризуют не только его как личность, но и свидетельствуют о сложных процессах в области освоения северных территорий Российской империи, протекавших, с одной стороны, в условиях взаимодействия, с другой – конфронтации двух важнейших участвовавших в этом движущих сил: государственной власти и частного капитала.

Литература

Бердников Л.П. Вся красноярская власть: Очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916). Факты, события, люди. Красноярск: Кн. изд-во, 1995. 320 с.

Воспоминания Парфентьева Ивана Фёдоровича (1777–1898): рукопись из фондов Красноярского краевого краеведческого музея / под ред. Т.С. Комаровой, предисл. В.И. Федоровой. Красноярск: Поликор, 2016. 359 с.

Гаврилова Н.И., Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., Иванов А.А, Шахеров В.П. Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков. Иркутск: Оттиск, 2019. 612 с.

Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Даниленко А.В. Региональная власть и общественность Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2007. 256 с. (Азиатская Россия).

Гончаров А.Е. Северный морской путь: коммерческие экспедиции. Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т, 2016. 168 с.

Давыдов Р.А. «Сношения с неприятелем» архангельского военного губернатора Р.П. Боиля во время Крымской войны: историография вопроса // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С.И. Ворошилова): мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2011. С. 265–169.

Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.). Иркутск: ИГПУ, 2005. 264 с.

Ефимова В.В. Из истории создания общественного банка в Архангельске в первой половине XIX века // Актуальные проблемы экономики и права. Сборник трудов. Киров, 2020. С. 116–123.

Ефимова В.В. Специфика государственного регулирования предпринимательской деятельности в г. Архангельске в 1820–1840-е гг. // История российской государственности. Доклады Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина. М., 2021. С. 128–136.

Ефимова В.В. Конкуренция в судьбе провинциального купца: штрихи к портрету архангелогородца Василия Попова (1767–1847) // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 166–174.

Жилинский А.А. Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск: Издание Комитета по увековечению памяти М.К. Сидорова, 1918. 153, [2] с.

Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год / вступ. ст. Л.П. Бердникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 888 с.

Ламин В.А., Ноздрин Г.А. Сибирский купец Михаил Константинович Сидоров // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков: сб. биографических очерков. Новосибирск, 2007. С. 113–123.

Матханова Н.П. Власть и чиновники в мемуарах сибирского купечества XIX в. // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 58–75.

Матханова Н.П. Образ М.М. Сперанского в сибирской мемуаристике // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2022. Т. 40. С. 14–21.

Плотникова М.М. Формирование и развитие бюджетной политики городов Восточной Сибири в первой половине XIX в. (на примере Иркутска, Красноярска, Енисесйка). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. 251 с.

Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – половине XIX вв. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 1998. 660 с.

Ремнёв А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2015. 577 с.

Сидоров М.К. Север России. СПб.: В тип. Почтового департамента, 1870. [2], XXIV, 557 с.

Студитский Ф.Д. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. СПб.: Типография Д.И. Шеметкина, 1883. Ч. I. [2], XVI, 320 с.

Чуркин М.К. Сибирь в имперской географии власти: паттерны общественно-политического дискурса XVI–XX вв. // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 4. С. 147–159.

Шахеров В.П. Предпринимательство и власть в Сибири XVIII – первой половины XIX в.: от конфронтации к партнерству // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 12. С. 57–69.

Talko-Hryncewicz J. Aleksander Despota Zenowicz (ur. w r. 1829 zm. 1897 r.). Lwów, 1913.

References

Berdnikov, L.P. (1995). *Vsya krasnoyarskaya vlast': Ocherki istorii mestnogo upravleniya i samoupravleniya (1822–1916). Fakty, sobytiya, lyudi* [All Krasnoyarsk Power: Essays on the History of Local Government and Self-Government (1822–1916). Facts, Events, People]. Krasnoyarsk, Kn. izd-vo. 320 p.

Churkin, M.K. (2021). Sibir' v imperskoy geografii vlasti: patterny obshchestvenno-politicheskogo diskursa XVI–XX vv. [Siberia in the Imperial Geography of Power: Patterns of Socio-Political Discourse of the 16th–20th Centuries]. In *Filologicheskiy vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* No. 4, pp. 147–159.

Dameshek, I. L. (2005). *Rossiyskie okrainy v imperskoy strategii vlasti (nachalo XIX – nachalo XX v.)* [Russian Suburbs in the Imperial Strategy of Power (Early 19th – Early 20th Century). Irkutsk, IGP. 264 p.

Davydov, R.A. (2011). "Snosheniya s nepriyatelem" arkhangel'skogo voennogo gubernatora R.P. Boilya vo vremya Krymskoy voyny: istoriografiya voprosa ["Relations with the Enemy" by the Arkhangelsk Military Governor R.P. Boil during the Crimean War: Historiography of the Issue]. In *Lichnost' v istorii v epokhu novogo i noveyshego vremeni (pamyati professora S.I. Voroshilova): Mat-ly mezhdunar. nauch. konf.* St. Petersburg, pp. 265–169.

Efimova, V.V. (2020). Iz istorii sozdaniya obshchestvennogo banka v Arkhangel'ske v pervoy polovine XIX veka [From the History of the Creation of a Public Bank in Arkhangelsk in the First Half of the 19th Century]. In *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. Sbornik trudov.* Kirov, pp. 116–123.

Efimova, V.V. (2021). Spetsifika gosudarstvennogo regulirovaniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti v g. Arhangel'ske v 1820–1840-e gg. [The Specifics of State Regulation of Entrepreneurial Activity in Arkhangelsk in the 1820s–1840s]. In *Istoriya rossiyskoy gosudarstvennosti. Doklady Mezhdunar. nauch. konf., posvysch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora N.P. Eroshkina*. Moscow, pp. 128–136.

Efimova, V.V. (2023). Konkurentsiya v sud'be provintsial'nogo kuptsa: shtrikhi k portretu arkhangelogorodtsa Vasiliya Popova (1767–1847) [Competition in the Fate of a Provincial Merchant: Touches to the Portrait of the Archangelsk Inhabitant Vasily Popov (1767–1847)]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 3 (80), pp. 166–174.

Gavrilova, N. I., Dameshek, I. L., Dameshek, L.M., Ivanov, A.A., Shakherov, V.P. (2019). *Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoy gubernii XIX – nachala XX vekov* [State Power and Society: Based on the Materials of the Cities of the Irkutsk Province of the 19th – Early 20th Centuries]. Irkutsk, Ottisk. 612 p.

Gimelstein, A.V., Dameshek, L.M., Dameshek, I.L., Danilenko, A.V. (2007). *Regional'naya vlast' i obshchestvennost' Sibiri (XIX – nachalo XX v.)* [Regional Power and the Society of Siberia (19th – Early 20th Century)]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya. 256 p.

Goncharov, A.E. (2016). *Severnyy morskoy put': kommercheskie ekspeditsii* [The Northern Sea Route: Commercial Expeditions]. Krasnoyarsk, Sib. gos. aerokosmich. un-t. 168 p.

Komarova, T.S., Fedorova V.I. (Eds.) (2016). *Vospominaniya Parfent'eva Ivana Fyodorovicha (1777–1898): rukopis' iz fondov Krasnoyarskogo kraevogo kraevedcheskogo muzeya* [Memoirs of Ivan Fedorovich Parfentiev (1777–1898): A Manuscript from the Collections of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore]. Krasnoyarsk, Polikor. 359 p.

Kytmanov, A.I. (2016). *Kratkaya letopis' Eniseyskogo uyezda i Turukhanskogo kraya Eniseyskoy gubernii. 1594–1893 god* [A Brief Chronicle of the Yeniseisk Uyezd and Turukhansk Region of the Yeniseysk Province. 1594–1893]. Krasnoyarsk, Sibirskiy federal'nyy universitet. 888 p.

Lamin, V.A., Nozdrin, G.A. (2007). Sibirskiy kupets Mikhail Konstantinovich Sidorov [Siberian Merchant Mikhail Konstantinovich Sidorov]. In *Lichnost' v istorii Sibiri XVIII–XX vekov: sbornik biograficheskikh ocherkov*. Novosibirsk, pp. 113–123.

Matkhanova, N.P. (2016). Vlast' i chinovniki v memuarakh sibirskogo kupechestva XIX v. [Power and Officials in the Memoirs of the Siberian Merchants of the 19th Century.]. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 58–75.

Matkhanova, N.P. (2022). Obraz M.M. Speranskogo v sibirskoy memuaristike [The Image of M.M. Speransky in Siberian Memoiristics]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya"*. Vol. 40, pp. 14–21.

Plotnikova, M.M. (2018). Formirovanie i razvitie byudzhetnoy politiki gorodov Vostochnoy Sibiri v pervoy polovine XIX v. (na primere Irkutska, Krasnoyarska, Eniseyska) [Formation and Development of the Budgetary Policy in the Cities of Eastern Siberia in the First Half of the 19th Century. (Using the Example of Irkutsk, Krasnoyarsk, Yeniseysk)]. Irkutsk, Izdatelstvo IGU. 251 p.

Razgon, V.N. (1998). Sibirskoe kupechestvo v XVIII – pervoy polovine XIX vv. Regional'nyy aspekt predprinimatel'stva traditsionnogo tipa [Siberian Merchants in the 18th – First Half of the 19th Century. The Regional Aspect of the Traditional Type of Entrepreneurship]. Barnaul, Izdatel'stvo Altayskogo universiteta. 660 p.

Remnev, A.V. (2015). Sibir' v imperskoy geografii vlasti XIX – nachala XX vekov [Siberia in the Imperial Geography of Power of the 19th – Early 20th Centuries]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. 577 p.

Shakherov, V.P. (2015). Predprinimatel'stvo i vlast' v Sibiri XVIII – pervoy poloviny XIX v.: ot konfrontatsii k partnerstvu [Entrepreneurship and Power in Siberia of the 18th – First Half of the 19th Century: From Confrontation to Partnership]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"*. Vol. 12, pp. 57–69.

Sidorov, M.K. (1870). *Sever Rossii* [The North of Russia]. St Petersburg, V tipografii Pochtovogo Departamenta. XXIII, 556 p.

Studitskiy, F.D. (1883). *Istoriya otkrytiya morskogo puti iz Evropy v sibirskie reki i do Beringova proliva* [The History of the Discovery of the Sea Route from Europe to the Siberian Rivers and to the Bering Strait]. St Petersburg, Tipografiya D.I. Shemetkina, Part I. XV. [2], XVI, 320 p.

Talko-Hryncewicz, J. (1913). Aleksander Despota Zenowicz (ur. w r. 1829 zm. 1897 r.). Lwów.

Zhilinskiy, A.A. (1918). *Rossiya na Severe (K opisaniyu zhizni i deyatelnosti M.K. Sidorova)* [Russia in the North (To the Description of the Life and Work of M.K. Sidorov)]. Arkhangelsk, Izdanie Komiteta po uvekovecheniyu pamyati M.K. Sidorova. 153, [2] p.

О.В. Чуракова*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРА РОССИИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ МИХАИЛА КОНСТАНТИНОВИЧА СИДОРОВА

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-8
УДК 082:911.3(–05)"18/189"

Выходные данные для цитирования:
Чуракова О.В. Проблемы развития Севера России в творческом наследии Михаила Константиновича Сидорова // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 107–121. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-08.pdf

O.V. Churakova*

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE NORTH OF RUSSIA IN THE CREATIVE HERITAGE OF MIKHAIL KONSTANTINOVICH SIDOROV

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-8

How to cite:
Churakova O.V. Problems of Development of the North of Russia in the Creative Heritage of Mikhail Konstantinovich Sidorov // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 107–121. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-08.pdf]

Abstract. Mikhail Konstantinovich Sidorov (03.16.1823–07.12.1887) – a Siberian merchant, successful gold miner, active public figure, champion of the development of communications in Russia, researcher and publicist. The article examines the works of M.K. Sidorov, related to the problems of development of the Russian North in 1860–1870s. It is important to note that the variety of creative heritage of M.K. Sidorov's work is unusually wide: it is not limited only to projects, books and articles, but also includes texts of reports and notes submitted to various scientific societies and public organizations, catalogs of exhibitions in which he was an exhibitor, letters to newspaper editors, and correspondence with public figures. The main problems of the development of the North of Russia, highlighted in the works of the merchant Sidorov, have been identified. They include industrial development of the outskirts of the country (shipbuilding, timber industry, oil and mineral extraction), organization of communications in the North of Russia, development of maritime industries, improvement of "material and the moral life of northern foreigners". Contents of the works of M.K. Sidorov can serve as a source for research by historians, ethnographers, ethnologists, and Arctic scientists. A lot of his works are dedicated to the memory of the Russian monarchs Peter I and Catherine II, because in his activities M.K. Sidorov followed their policy of protectionism. "A restless citizen of Russia", Sidorov advocates for the revival of Pomor crafts and shipbuilding, opposes the dominance of foreign capital in the North, and participates in the struggle of Russian industrialists with entrepreneurs from neighboring countries for the development of the natural resources of the Arctic. M.K. Sidirov's main interests as a researcher and a publicist included the Arctic territories (Murman, Spitsbergen, Novaya Zemlya). Therefore, in the context of the growth of attention for the Arctic, research conducted by M.K. Sidorov and his experience can be applied to solving problems of regional development of the Far North of Russia.

Keywords: M.K. Sidorov, creative heritage, North of Russia, Northern Sea Route, Pomors, maritime industries, Arctic peoples.

The article has been received by the editor on 16.11.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Ольга Владимировна Чуракова,** кандидат исторических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, e-mail: ochurakova@yandex.ru
Olga Vladimirovna Churakova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, e-mail: ochurakova@yandex.ru

Аннотация. Михаил Константинович Сидоров (16.03.1823–12.07.1887) – купец, предприниматель, подвижник развития путей сообщения на Севере европейской части России и в Сибири, инициатор освоения Северного морского пути, автор ряда проектов по улучшению положения северян, исследователь и публицист. В статье рассматриваются труды М.К. Сидорова, связанные с проблемами развития Севера России в 1860–1870-е гг. Отмечено, что диапазон творческого наследия М.К. Сидорова необычайно широк: это не только проекты, книги и статьи, но и тексты докладов и записки, представленные в различные научные общества и общественные организации, каталоги выставок, на которых он был экспонентом, письма редакторам газет, переписка с общественными деятелями. Выявлено, что основные проблемы развития Севера России, освещенные в трудах купца Сидорова, это промышленное освоение северных окраин России (кораблестроение, лесопромышленность, добыча нефти и полезных ископаемых), организация там путей сообщения, развитие морских промыслов, улучшение «материального и нравственного быта северных инородцев». Материалы трудов М.К. Сидорова могут служить источником для исследований историков, этнографов, этнологов, арктиковедов. Многие его работы посвящены памяти российских монархов Петра I и Екатерины II, так как деятельность М.К. Сидорова – это продолжение их политики протекционизма. «России беспокойный гражданин», Сидоров ратует за возрождение поморских промыслов и судостроения, выступает против засилья иностранного капитала на Севере, участвует в борьбе российских промышленников с предпринимателями из соседних стран за освоение природных богатств Арктики. Поскольку в круг интересов М.К. Сидорова как исследователя и публициста входили арктические территории (Мурман, Шпицберген, Новая Земля), то в условиях обострения внимания к Арктике его труды и опыт деятельности могут быть применимы для решения задач регионального развития Крайнего Севера России.

Ключевые слова: М.К. Сидоров, творческое наследие, Север России, Северный морской путь, поморы, морские промыслы, народы Арктики.

Статья поступила в редакцию 16.11.2023 г.

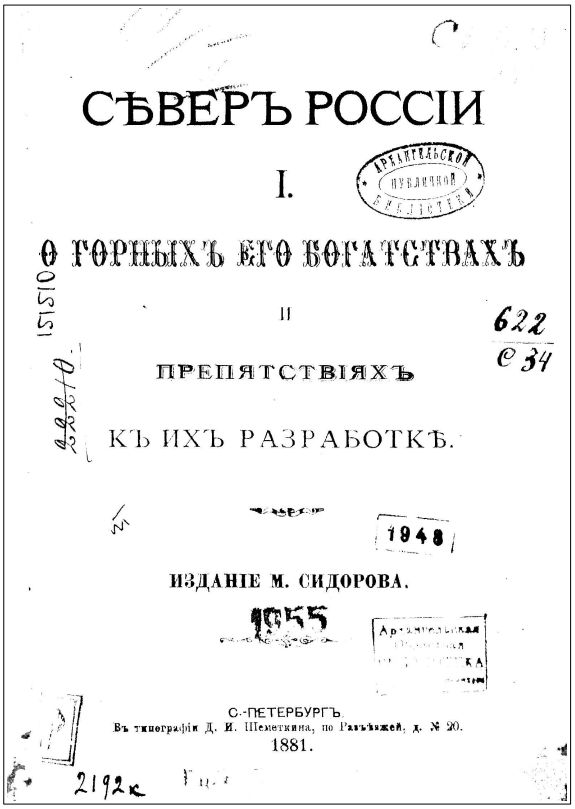
Михаил Константинович Сидоров известен исследователям предпринимательской деятельности российского купечества не только как успешный золотопромышленник и активный общественный деятель, но и как автор проектов по развитию сухопутных и морских магистралей в Сибири и на Европейском Севере России, ученый и публицист. И если подвижническая деятельность Михаила Константиновича по продвижению сибирских ресурсов и промыслов на рынки Европы и мира достаточно хорошо изучена, как и его общественная активность, то многие из его трудов еще не стали предметом специального рассмотрения.

Как известно, формирование творческого наследия ученого – это сложный процесс, занимающий порой всю его сознательную жизнь: здесь важны и этапы его становления как исследователя, и пики творческой активности, и степень влияния на него тех или иных личностей, и возможность публиковаться и озвучивать свои достижения и размышления.

Необходимо отметить, что выступления с докладами, подача записок и проектов, публикации работ Михаила Константиновича всегда шли параллельно с его предпринимательской деятельностью, поэтому условно можно выделить несколько периодов в его творчестве, связанном с этапами его участия в освоении Севера России.

Начало творческого пути Михаила Константиновича – первая половина 1860-х гг., когда он уже состоявшийся промышленник и купец (в 1861–1862 гг. – купец 2-й гильдии, в 1863 г. – купец 1-й гильдии)[1]. Первый период его творчества можно назвать сибирским,

[1] *Комлева Е.В.* Предпринимательская и общественная деятельность красноярского купца Михаила Константиновича Сидорова в отражении материалов Российского государственного исторического архива // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 45.


СѢВЕРЪ РОССІИ

I.

О ГОРНЫХЪ ЕГО БОГАТСТВАХЪ

И

ПРЕПЯТСТВІЯХЪ

КЪ ИХЪ РАЗРАБОТКѢ.

ИЗДАНІЕ М. СИДОРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Д. И. Шеметкина, по Разъѣзжей, д. № 20.
1881.

а далее вектор интересов предпринимателя смещался географически с востока на запад – в европейскую часть Российской империи. В первой половине 1860-х гг. Михаил Константинович публикует несколько проектов, касающихся золотых приисков в Сибири, торговли и промышленности[2]. Так, в 1864 г. появляется в печати его «Проект о заселении севера путем промышленности и торговли и о развитии внешней торговли Сибири»[3]. Впрочем, к теме развития Сибири Сидоров возвращался в своих работах постоянно. Например, в книге «Север России», изданной в 1870 г., помещены очерки «Западная Сибирь. Туруханский край и его разорение», «Енисейский край и его разорение», «Об уничтожении графитного промысла в Сибири»[4]. В 1873 г. выходит в свет работа М.К. Сидорова, посвященная проблемам жителей Крайнего Севера, «О богатствах северных окраин Сибири и народах там кочующих»[5]. В 1878 г. М.К. Сидоров создает проект водных коммуникаций (каналов) в Сибири[6]. Данные проекты достаточно хорошо изучены исследователями[7].

С попытками наладить пути сообщения на Севере России связан второй этап деятельности предпринимателя – это вторая половина 1860-х гг. Сфера его интересов в это время переместилась уже на европейскую часть страны, которую, по мысли Михаила Константиновича, надлежало связать с восточной морским или сухопутным путем. Еще в 1859 г. М.К. Сидоровым была подана записка енисейскому губернатору о возможности транспортировки грузов морским путем из Енисея в Европу и обратно, что позволило бы наладить поставки из европейских стран «всякого рода водяных и паровых машин» для золотопромышленников[8]. Увы, данный проект не встретил тогда сочувствия сибирских властей.

Во второй половине 1860-х – 1870-е перед М.К. Сидоровым, преуспевшим уже в добыче графита и других полезных ископаемых, стояла задача наладить сообщение для поставки ресурсов Сибири на рынки сбыта в европейскую часть страны. На этот раз речь шла о возможности комбинированной коммуникации: часть пути следовало преодолеть по суше через Уральский хребет, затем везти груз по рекам, расположенным с западной стороны Уральских гор (например, по Печоре), до моря, а дальше уже открывался путь в Европу. Предшественником Михаила Константиновича в этом вопросе был Владимир Николаевич Латкин – купец, подвижник изучения северных окраин страны, человек, оказавший наиболее сильное влияние на формирование мировоззрения «радетеля Севера» Михаила Сидорова[9]. В 1860-х гг. М.К. Сидоров и В.Н. Латкин занимаются проектом устройства дороги через

[2] *Сидоров М.К.* Записка Красноярского временного 1-й гильдии купца М. Сидорова о необходимости введения посаженной подати с золотых промыслов. СПб., 1865.
[3] *Сидоров М.К.* Проект купца Сидорова о заселении Севера Сибири путем промышленности и торговли и о развитии внешней торговли Сибири. Тобольск, 1864.
[4] *Сидоров М.К.* Север России. СПб., 1870. С. 282–336, 449–498.
[5] *Сидоров М.К.* О богатствах северных окраин Сибири и народах там кочующих. СПб., 1873.
[6] *Сидоров М.К.* О проектах каналов в Сибири. СПб., 1878.
[7] *Комлева Е.В.* «Сибирский канал»: проект красноярского купца М.К. Сидорова по соединению низовьев Оби и Енисея (1870-е годы) // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 137–163. [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-11.pdf (дата обращения: 27.09.2023).
[8] *Сидоров М. К.* О развитии мореходства в Северном море. М., 1870.
[9] *Рощевская Л.П.* Архивные документы о предпринимателе XIX в. В.Н. Латкине и его семье // Отечественные архивы. 2011. № 1. С. 35–44.

Уральский хребет. Ценой невероятных усилий им удалось проложить 150 верст тракта. М.К. Сидоров признавался, что «продал лучшие свои паи в золотых приисках, чтобы вырученные деньги употребить на исследование <…> путей, для найма землемеров, топографов, ученых, межевщиков и местных опытных крестьян»[10]. Однако по большей части данный проект остался «на бумаге», в черновиках, о чем свидетельствуют находки в архивах сибирских ученых. Вот строки из записок Михаила Константиновича, введенных в научный оборот исследователем Е.В. Комлевой: «Чем скорее будет устроена с Оби на Печеру дорога, тем скорее она выведет из затруднительного положения не только множество жителей Западной Сибири и воскресит упадающую древнюю столицу Сибирского царства – город Тобольск, но и оживит 26-тысячное население самой р. Печоры, большею частию которое вместо хлеба питается корою из хвойных деревьев, листьями рябины <…> и соломою…»[11].

Река Печора была выбрана предпринимателями как наиболее выгодно расположенная (самая восточная на североевропейской части континента) и, следовательно, в Печорском устье необходимо было построить порт. Идею «отыскания ближайшего <…> сообщения Сибири с Европой посредством Оби и Печоры» В.Н. Латкин обосновал еще в 1840-е гг. в издании «Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах»[12], отчетах Вольному экономическому обществу и проекте «Об образовании компании для открытия входа с моря в устье р. Печоры и вывоза из нее драгоценного лиственничного леса в русские военные порты по самой дешевой цене, а избыток за границу»[13]. Проекты В.Н. Латкина предполагали «вывоз соснового леса в Англию, подготовку бревен из лиственницы для строительства казенных кораблей», открытие порта в устье Печоры и учреждение пароходства[14]. Однако, по свидетельству М.К. Сидорова, проект В.Н. Латкина был подан в 1839 г., а «утвержден только в 1862 году, в крайне ограниченном размере»[15].

Еще одним соратником Сидорова в печорский период стал Павел Иванович Крузенштерн, сын знаменитого мореплавателя И.Ф. Крузенштерна и отец руководителя арктических экспедиций П.П. Крузенштерна. Павел Иванович был исследователем земли Коми, участником девяти экспедиций по Печорскому краю. В начале 1860-х гг. В.Н. Латкин, П.И. Крузенштерн и М.К. Сидоров основывают в Санкт-Петербурге Печорскую компанию и фрахтуют морские суда, которые приходят на Печору за лесом. Печорская компания получила в 1863 г. привилегию на 10 лет на организацию на р. Печора речного пароходства. П.И. Крузенштерну удалось получить разрешение на вырубку лиственницы («капитану Крузенштерну» была дана «25-летняя привилегия на вырубку леса»[16]) для отправки его за границу. М.К. Сидоров становится поставщиком Морского министерства – он привозит на Балтику «для кораблестроения из Архангельской губернии с р. Печоры» лиственницу, которая, «по отзыву Главного командира Кронштадтского порта, отличается доброкачественностью»[17]. Ранее при строительстве российских военных кораблей использовали тик, который доставляли из Америки.

Несмотря на очевидные успехи в начале пути, организация порта в устье Печоры, стоившая Михаилу Константиновичу Сидорову больших трудов (и огромных вложений капиталов), закончилась банкротством предприятия. Михаил Константинович объясняет это несколькими причинами: во-первых, им не выделили подходящие земли по берегам Печоры. Прения по данному вопросу продолжались несколько лет, документы «бумажной волокиты» составили дело «Переписка с Архангельским губернским управлением госимуществ о разре-

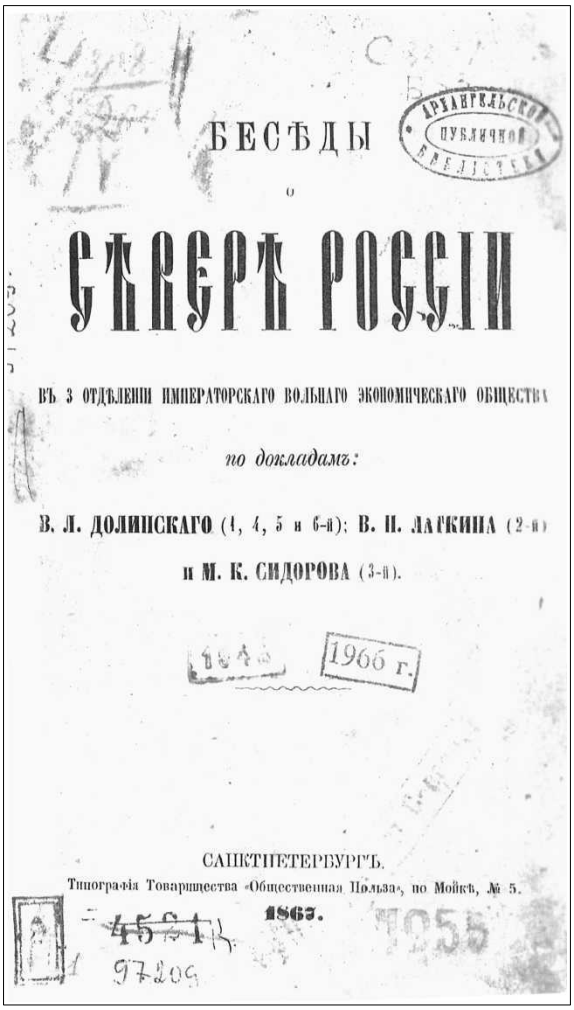
[10] «Беседы о Севере России» в 3-м отделении Императорского Вольного экономического общества по докладам: В.Л. Долинского, В.Н. Латкина и М.К. Сидорова. СПб., 1867. С. 445.
[11] *Комлева Е.В.* Предпринимательская и общественная деятельность… С. 46.
[12] *Латкин В.Н.* Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах: в 2 ч. СПб., 1853.
[13] *Сидоров М.К.* Север России… С.207.
[14] *Рощевская Л.П.* Архивные документы о предпринимателе XIX в. В.Н. Латкине и его семье… С. 35–44.
[15] *Сидоров М.К.* Север России… С. 186.
[16] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2735. Л. 163.
[17] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1374. Л. 2.

шении коллежскому асессору Сидорову устроить в низовьях Печоры три пристани для кораблей», хранящееся в Государственном архиве Архангельской области[18]. Михаил Константинович просил отвести им достаточный для оборудования пристаней участок берега, так как в гавани встречались «от 10 до 15 кораблей, которые по случаю кратковременности навигации приходят одновременно», и предприниматель надеялся, что «число их в скором времени может удесятериться». Кроме того, на пристанях должны были быть построены склады, так как вначале предполагалась с речных судов «выгрузка товаров, как то: оленьих рогов, костей и шерсти, и нефти», а затем должны были производиться «погрузки упомянутых товаров на корабли», уходящие в морское плавание[19]. К многочисленным ходатайствам Сидорова присовокуплялись для убедительности карты и схемы местности, предпринимателям даже удалось получить одобрение архангельского губернатора графа Н.П. Игнатьева[20]. Однако местные власти соглашались лишь на отвод узкой полоски берега, а остальные участки шли «на 300 сажен внутрь болот»[21]. После «15-летнего ходатайства Сидорова об уступке земли в устьях Печоры под лесопильные заводы, молы, доки, гавани и для кораблестроения»[22] дело так и не было решено. И потому М.К. Сидоров с грустью пишет в своих трудах: «С 1876 года не существует Печорского порта <…> вывоз леса прекращен из-за неотвода места для устройства гаваней»[23].

Кроме того, промышленникам не дали возможность организовать базу на берегу Кольского полуострова, а без дозаправки топливом (углем) и продовольствием дойти судам до Европы было невозможно. Сидоров намеревался «устроить на Мурмане склад нефти, каменного угля и горючего сланца»[24]. Интересно, что с подобными просьбами – отвести место под базы для дозаправки судов – к местным властям обращался не только Сидоров. Среди соискателей была даже одна дама – вдова коллежского асессора Ольга Петровна Ламанова, которая тоже безуспешно с 1874 по 1881 г. пыталась получить «землю на Мурманском берегу»[25]. Наиболее обстоятельно все перипетии Печорского предприятия изложены в книге «Север России», а кроме того, отражены в записке М.К. Сидорова «О препятствиях со стороны архангельского губернатора разработкам новых месторождений нефти, золота и меди на Печоре и открытию нового морского пути вокруг Новой Земли в устье р. Енисея, об усилении влияния иностранных купцов», находящейся в Российском государственном историческом архиве[26].

В этот же период М.К. Сидоров сам исследует северные побережья европейской части страны и в 1864–1869 гг. совершает арктический поход на пароходе «Георгий» из Петербурга к Нордкапу, на Кильдин, Колгуев и в устье Печоры. После этого путешествия в своих работах при описании северных территорий Михаил Сидоров демонстрирует удивительное знание географических, климатических, экономических особенностей поморского края, а главное – «нужд» местных жителей. Например, его очень волновало падение промысловой деятельности поморов. В вышедшем в 1867 г. сборнике «Беседы о Севере России» была опубликована его статья «О китоловстве и звериных промыслах в Северном океане и на Новой Земле»[27]. Это одна из первых его работ по проблемам Севера европейской части России. В этом же сборнике помещены публикации предшественников Сидорова по изучению северного края. Это статьи В.Л. Долинского «О судостроении в Северном крае и образовании там русского торгового флота» и В.Н. Латкина о развитии торгового флота на

[18] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1374.
[19] Там же. Л. 4–4 об.
[20] *Санакина Т.А.* Архивные документы о жизни и деятельности Михаила Константиновича Сидорова (к 200-летию со дня рождения) // Памятные даты Архангельской области. Архангельск, 2022. С. 78.
[21] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1374. Л. 14 об.
[22] Там же. Д. 2735. Л. 165–168 об.
[23] Там же. Л. 327.
[24] Там же. Л. 326 об.
[25] Там же. Л. 324.
[26] *Комлева Е.В.* Предпринимательская и общественная деятельность… С. 46.
[27] *Сидоров М.К.* «Беседы о Севере России» в 3-м отделении Императорского Вольного экономического общества по докладам: В.Л. Долинского (1, 4, 5 и 6-й), В.Н. Латкина (2-й) и М.К. Сидорова (3-й). СПб., 1867.


БЕСѢДЫ
о
СѢВЕРѢ РОССІИ
ВЪ 3 ОТДѢЛЕНІИ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
по докладамъ:
В. Л. ДОЛИНСКАГО (1, 4, 5 и 6-й); В. Н. ЛАГКИНА (2-й)
и М. К. СИДОРОВА (3-й).
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ, № 5.
1863.

Севере. Что очень важно, в приложении к статьям составителями сборника были опубликованы материалы, позволяющие судить о состоянии лесов на Севере России, торговых оборотах, передвижении грузов по северным морям и пр. Кроме того, в приложении к книге была помещена «Записка красноярского 1-й гильдии купца М.К. Сидорова о промышленных и торговых предприятиях на Севере России», где Михаил Константинович описывал свои открытия полезных ископаемых на севере Сибири, жаловался на отношение к нему сибирских властей[28]. Таким образом, М.К. Сидоров вошел в круг исследователей Севера полноправным участником сообщества радетелей развития северных территорий страны.

Новый этап в творчестве М.К. Сидорова приходится на 1870-е гг. и ознаменован созданием его самостоятельных изданий. В 1870 г. выходит в свет его работа «Север России», подготовленная Михаилом Константиновичем на основании поездки по окраинам империи. Книга была издана Сидоровым после его посещения родного города – Архангельска, и в ней Михаил Константинович высказал прежде всего свою боль за состояние своей «малой родины». Для усиления впечатления он обращается к образу Петра Великого: «Я уроженец Севера <…>. Я сожалею о закрытии созданной Тобой в г. Архангельске русской биржи <…>. Я оплакиваю уничтожение всех русских эллингов, созданных Тобою, упадок судостроения <…> и разорение северного русского купечества»[29]. Сидоров рисует печальную картину положения русского купечества: «Никто уже из русского купечества и не думает о внешней торговле, там все в руках пяти иностранных контор»[30]. В черновых записях Михаила Константиновича встречается еще более эмоциональная рефлексия на увиденное им в родном городе: «В Архангельске, как на кладбище, виднеются там и сям памятники о его старом значении, о его прежней широкой и полезной для государства деятельности. Опустевшие дома так недавно еще работавших торговых форм, разваливающиеся заводы и набережные, фундаменты эллингов и верфей, <…> теперь мы видим иностранные суда, приходящие обогащаться в наших водах китовым и речным промыслам»[31].

Как и его кумиры – Петр I и Екатерина II, М.К. Сидоров выступал приверженцем политики протекционизма. Михаил Константинович в своих работах приводит доводы против того, чтобы вырубка северных лесов была отдана в руки иностранцам. В качестве примера он демонстрирует деятельность «господина Кларка, <…> лесная компания которого разорила жителей Онежского уезда»[32]. Сидоров припоминает и давнюю историю о том, как при посещении Архангельска императором Александром I губернатор в угоду иностранцам не дал пообщаться главе государства с русскими купцами и промышленниками. Дело было так: купец В.А. Попов пригласил на обед на свой корабль императора и местных промышленников, чтобы они могли изложить свои «нужды» государю для «спасения всего северного

[28] *Сидоров М.К.* «Беседы о Севере России»… С. 442–459.
[29] *Сидоров М.К.* Север России… С. V–VI.
[30] Там же. С. 171.
[31] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2735. Л. 92–92 об.
[32] *Сидоров М.К.* Север России… С. 12–13.

края от гибели». Однако губернатор, дабы избежать встречи Александра I с купцами, ожидавшими императора на корабле в акватории порта, «отвлек внимание Государя от корабля Попова расставленными по берегу противу корабля и далее девицами в русских нарядах, которые собраны были из окрестных деревень»[33]. А на последовавшем затем приеме у губернатора иностранные предприниматели выпросили у российского правителя льготы для себя.

В середине и второй половине XIX в. борьба с засильем иностранного капитала на Русском Севере продолжалась. Особенное соперничество между российскими и европейскими предпринимателями развернулось за освоение побережья Кольского полуострова, архипелагов Шпицберген и Новая Земля. На страницах своих изданий М.К. Сидоров «возражает против колонизации <…> морских прибрежий, в особенности Мурманского берега, его бухт и заливов людьми, не дорожащими своим отечеством, людьми, меняющими свое родное подданство на иноземное только для получения денежных ссуд»[34]. Важно, что Сидоров в книге «Север России» приводит не только свое мнение, но и доводы оппонентов (норвежских и русских специалистов по Северу) по поводу пограничных территорий на Кольском побережье и освоения природных ресурсов Арктики. Этому посвящены главы книги «Мнение о Варангерском поморье и отмежеванных трех незамерзающих заливах, о городе Коле, Мурманском береге и вообще и морских прибрежьях от Носа Канина до р. Пясиной, о климате, рыбах и морских зверях», «Мнение о наших северных рыбных и звериных промыслах генерального консула в Христиании г. Мехелина и бывшего товарища Министра Финансов г. Небольсина»[35]. В главе «О стремлении иностранных держав и торговых людей в северное поморье России» М.К. Сидоров описывает состояние дел в Онежском, Кемском, Мезенском уездах и Печорском крае. Кроме того, в круг его забот входят арктические территории: Шпицберген, Новая Земля. Его беспокоит то, что «деятельные и трудолюбивые норвежцы» обратились «с ходатайством к правительству России о даровании им прав на поиски металлов и минералов на Новой Земле»[36], и предлагает самим россиянам вести освоение архипелага.

Показательно, что М.К. Сидорова тревожит не просто экономическая составляющая промысловой деятельности северян в водах Арктики, а вопрос, как «воскресить упадший дух поморов от подавления их норвежскими промыслами». Автор книги «Север России» приводит описания бедственного положения края на примере добычи трески, которую все больше ввозят в Россию, а не ловят сами поморы, и потому цена на треску растет год от года[37]. Михаил Сидоров ратует за возрождение поморского трескового промысла в надежде, чтобы он «развился сообразно с потребностями нынешнего народонаселения»[38], и задается вопросом: «Неужели в видах России и далее развивать морские промыслы и силы соседней нации – и притом в своем же собственном море, в ущерб коренному населению?»[39].

Следует отметить, что язык публикаций М.К. Сидорова в 1870-е гг. очень эмоционален, в нем много патетики, что было присуще скорее стилю газетных и журнальных, но не научных статей. И именно цитаты из газет (как российских, так и зарубежных) в большом количестве приводит Михаил Константинович в подтверждение своих рассуждений. Например, описывая бедственное положение населения Севера (имелись в виду «голодные годы» – период неурожаев конца 1850-х гг.), М.К. Сидоров дает выдержку из газеты «Голос»: «Если бы составить карту, на которой темной краской обозначить места, постигнутые бедствием, то представилось бы следующее: все побережье Европейской России, то есть Архангельская губерния и Печорский край, покрыты бы были темною краскою»[40]. Михаил Сидоров горестно заключает: «Жить у моря и быть бедным – это неестественно»,

[33] *Сидоров М.К.* Север России… С. 185.
[34] Там же. С. V.
[35] Там же. С. 71–86, 149–153.
[36] Там же. С. XIII.
[37] Там же. С. 241.
[38] Там же. С. 62.
[39] Там же. С. 7.
[40] Там же. С. 256.

так как не земля, а море было основным кормильцем северян. Предприниматель ставит вопрос: как помочь северянам? И сам же на него отвечает: единственным выходом из создавшейся катастрофической ситуации ему видится создание Северной компании промышленников. Он не просто мечтает, чтобы «скорее образовалась Северная компания с большим капиталом и оживила весь Северный край»[41], но и предлагает конкретные меры по освоению Севера. Михаил Константинович «составил подробный проект, как поднять <…> северный край до того положения, чтобы там разлилось благосостояние, чтобы там возник могучий торговый флот», и опубликовал его в книге «Север России»[42].

Проект включал целый ряд мероприятий, которые подразумевали развитие на Севере пароходства и судоходства, устройство телеграфных линий и почтовых отделений, оживление торговли и банковского дела, кораблестроение, добычу полезных ископаемых («металлы и минералы») и многое другое. Михаил Сидоров с присущим ему романтизмом рисовал в мечтах самые радужные картины будущего для Севера России. Прежде всего, это касалось дела народного просвещения, в котором Михаил Константинович видел залог успеха процветания края. По его мнению, дела на Севере в недалеком будущем будут обстоять так: «В училищах должны быть преподаваемы языки <…> и естественные науки», «откроется высшее училище, в котором будут сообщать сведения: для исследования морей, губ и заливов, их рыбных историй и породы рыб для составления карт побережий, для промера глубины банок, приготовления штормовых сигналов, <…> для постройки судов и пароходов <…> и обо всем, что касается нашей промышленности», «учредятся технологические институты» и «желанный для севера университет <…> с факультетами наук естественных и медицинских. На медицинском факультете преимущественно будут находиться для слушания лекций женщины, и тогда появятся на севере ученые оспопрививательницы и акушерки». Это представлялось Михаилу Сидорову крайне важным, так как «смертность младенцев на севере слишком велика»[43]. По мысли Сидорова, «образование даст стране опытных и искусных мореходов, промышленников, ремесленников, техников, людей грамотных»[44]. Взгляд мечтателя летел через века: он предвидел, что «возникнут на севере обсерватории, музеи, библиотеки, богадельни, приюты, больницы и всякого рода благотворительные заведения». И с даром провидца Сидоров предвещал, что, например, «заселение острова Новая Земля послужит к открытию новых полярных стран, <…> островов и новых источников богатства России». Такая прекрасная новая жизнь, по убеждению М.К. Сидорова, «воскресит дух русского народа и поднимет его от праздности и уныния к бодрости и твердости <…> народ превратится из праздношатающегося в самый трудолюбивый»[45].

Что касается реального развития событий, то в 1870 г. единомышленниками Сидорова был действительно составлен проект устава «товарищества на паях Архангельской компании по промыслам: китов, акул, белух, дельфинов и других морских зверей», причем организаторами предполагалось провести модернизацию промысла с помощью использования пушек и других улучшенных снарядов для ловли морского зверя и китов. Однако в 1871 г. проект создания китоловной компании российскими властями был отклонен. Как полагал М.К. Сидоров, входивший в оргкомитет компании, это был сделано «в угоду иностранцам». Как раз в это время скандинавские капиталисты просили разрешения получить концессии для занятия морскими промыслами. Собранные Архангельской компанией деньги были возвращены подписчикам, а в местной прессе стали появляться статьи о невыгодности китоловства. Сидоров в ответ пишет статьи о китоловном промысле, где подробно излагает суть вопроса.

Забегая вперед, отметим, что в 1878–1879 гг. Михаил Сидоров выиграл «сражение» со шведским подданным Германом Сандебергом за промысловое освоение северных морей. Шведский лейтенант Г. Сандеберг пытался получить у российского правительства в 1878 г.

[41] *Сидоров М.К.* Север России… С. XXIII.
[42] Там же. С. 396–423.
[43] Там же. С. 415.
[44] Там же. С. 416.
[45] Там же. С. 417.

исключительные права на промысел китов в Баренцевом море, вырубку лесов в Кеми, возведение на морском побережье построек, а кроме того, право беспошлинно ввозить из-за границы оборудование, приглашать соотечественников в компаньоны для организации акционерных обществ и продавать ресурсы России за границу. Защитить национальные интересы на Севере России смог Михаил Константинович Сидоров – «страж интересов Севера»: его поддержала общественность, и министерским чиновникам пришлось отклонить притязания шведа[46]. Доклады М.К. Сидорова Обществу для содействия русскому торговому мореходству по данному вопросу опубликованы в изданной в Санкт-Петербурге в 1879 г. книге «О китоловстве и влиянии его на рыбную ловлю у берегов Архангельской губернии»[47].

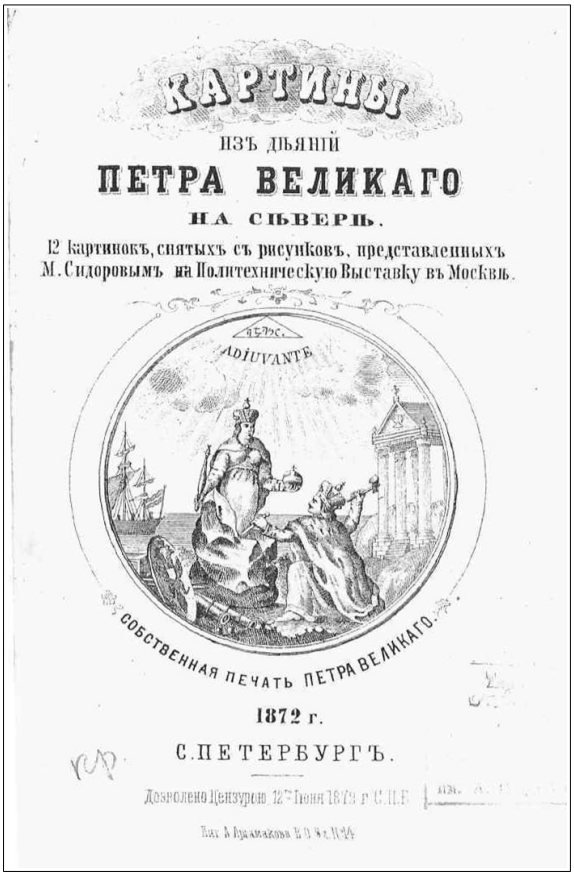
Однако в начале 1870-х гг. у М.К. Сидорова и его соратников еще не было такой сильной поддержки в среде общественных деятелей и в правительственных кругах, а потому попытка создать «северную компанию» обернулась неудачей. Представляется, что для Михаила Константиновича особенно горестным был тот факт, что это происходило в канун 200-летнего юбилея императора Петра I, который весьма сочувственно относился к развитию, например, китоловного промысла в морях Арктики.

М.К. Сидоров за несколько лет до юбилейных торжеств начинает готовить мероприятия, чтобы достойно почтить память императора, которого в своих публикациях он именует не иначе как «Великий преобразователь России». Самым интересным (и несколько курьезным) пунктом плана в подготовке к юбилею Петра Алексеевича была задумка Сидорова создать в пустынном Печорском крае очаг культуры – своеобразный мемориал памяти Петра и его последователей – подвижников развития Севера. В приложении к книге «Север России» М.К. Сидорова раскрывает свои планы о подготовке к юбилею Петра Великого. В Печорской гавани Сидоровым предполагалось сделать «следующие устройства» к 30 мая 1872 г.: построить в часовню во имя святых Пантелеймона, Николая и Стефана Великопермского, а рядом с часовнею предполагалось возвести башню в виде усеченной пирамиды «вышиною в 10-ть сажен, состоящую из пяти этажей». По замыслу автора проекта, планировалось в трех средних этажах поставить «бюсты в естественную величину». В верхнем этаже в центре зала должен был быть водружен бюст «Великого преобразователя России, как главного деятеля на севере», а стены предполагалось украсить «изображением подвигов и благодеяний Великого Государя, преимущественно относящихся к северному краю и попечению его о нем». Интересно, что, по задумке Михаила Константиновича, царь Петр Алексеевич должен был быть непременно изображен «в матросском платье, опирающемся правою ногою на бревно, приготовленное им для корабельной мачты», в левой руке царь должен держать топор, а правой указывать «путь к Новой Земле». На четвертом этаже предполагалось разместить бюст почетного гражданина Василия Николаевича Латкина как пионера «торговой деятельности на Печорском заливе» и «портреты всех купцов, крестьян, лоцманов и матросов, любимых Петром Великим». Бюст (точнее, скульптура) В.Н. Латкина должен был быть водружен на «тумбу из лиственничного дерева с кораблем в руках». На третьем (втором снизу) этаже помещался бы бюст «вице-адмирала Павла Ивановича Крузенштерна, указавшего путь между Печорой и Вычегдой для сплава леса на Двину и <…> за границу»[48]. Этого героя Сидоров видел «стоящим на пьедестале, с картою Печоры в руках, на которой ясно видно с одной стороны соединение Печоры с Вычегдой, а с другой стороны – залив». В нижнем этаже башни должна была быть устроена «комната в виде приемной» с глобусом, «картами всех стран света», а также находиться циркуль, астрономические инструменты, картины из истории Печорского края и портреты членов императорской семьи, «пославших хлеб печорцам» в голодные годы. Кроме того, в башне должен быть размещен «первообраз публичной библиотеки в тундре» с «русскими и иностранными сочинениями». На крыше предполагалось сделать площадку с пушками «для салютов кораблям, приходящим с моря»,

[46] *Зенов П.М.* Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стража интересов севера России. Петроград, 1916.

[47] *Сидоров М.К.* О китоловстве и влиянии его на рыбную ловлю у берегов Архангельской губернии. СПб., 1879.

[48] *Сидоров М.К.* Север России… С. 554.


КАРТИНЫ
ИЗЪ ДѢЯНІЙ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
НА СѢВЕРѢ.
12 Картинокъ, снятыхъ съ рисунковъ, представленныхъ М. Сидоровымъ на Политехническую Выставку въ Москвѣ.
ADIUVANTE
СОБСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО
1872 г.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

и мачту, чтобы можно было вести «сигнальные переговоры <…> через телеграфные станции». Вокруг башни Сидоров мечтал разместить заводы и поселок. Михаил Константинович даже придумал название будущему портовому городку – Югорск и надеялся, что он станет «со временем одним из не последних в империи»[49].

Из данного проекта в жизнь воплотилось лишь издание серии картин из жизни Петра Великого, и этому была посвящена следующая книга М.К. Сидорова, публикация которой была приурочена к 200-летию со дня рождения первого российского императора. Михаил Константинович задумал серию картин о жизни Петра I Алексеевича и его деятельности на Севере России за несколько лет до юбилея монарха, а в 1872 г. инициировал создание полотен и их иллюстраций в книге «Картины из деяний Петра Великого на Севере»[50]. В этом году по всей стране проходили юбилейные торжества, но центральным событием стало открытие в Москве Политехнической выставки, призванной продемонстрировать все самые передовые достижения народного хозяйства и науки. Собранные экспонаты выставки послужили затем основой для создания Политехнического музея в Москве. М.К. Сидоров был одним из главных экспонентов в лесном и геологическом отделах, где он сумел продемонстрировать ресурсы северных окраин страны и проекты по развитию Сибири и Севера европейской части России. Были на выставке и художественные произведения, выполненные по заказу Михаила Константиновича. В их числе – картины из жизни царя Петра I. Авторами картин стали студенты Академии художеств Павел Андреевич Ивачев и Василий Иванович Суриков. Из столицы картины отправились в Москву на Политехническую выставку, а литографские копии с них были изданы отдельной книжкой. В предисловии к изданию Сидоров писал: «Желая по мере сил своих почтить память великого преобразователя России, я представляю на Политехническую выставку двенадцать рисунков, которые, по мысли моей, исполнены П.А. Ивачевым и В. Суриковым»[51]. Книгу «Картины из деяний Петра Великого на Севере» можно было купить на выставке за 50 копеек, а издатель вручал их в подарок именитым гостям выставки (лично или через секретарей): императору Александру II (и получил через министра двора «высочайшую благодарность Его Величества»), наследнику трона цесаревичу Александру Александровичу, великому князю Константину Николаевичу, министрам (военному, морскому, путей сообщения), а также ученым, промышленникам и пр. Это был своего рода «маркетинговый ход», так как в приложении к изданию «Картины из деяний Петра Великого на Севере» были размещены статьи М.К. Сидорова, касающиеся проблем промышленного освоения Севера России, развития промыслов и мореплавания в Арктике, т.е. тех вопросов, к которым он пытался привлечь внимание общественности и «власть предержащих». Интересно, что в книге содержались очень нелицеприятные отзывы в отношении некоторых ведомств и министерских чиновников, но Михаил Константинович Сидоров намеренно сделал такое издание, чтобы озвучить проблемы развития Севера и «назвать» тех, кто препятствует этом процессу.

[49] *Сидоров М.К.* Север России… С. 553–555.
[50] *Сидоров М.К.* Картины из деяний Петра Великого на Севере. СПб., 1872.
[51] Там же. С. V.

Кроме того, в 1870-е гг. Михаил Константинович публикует книги, статьи в журналах и готовит многочисленные доклады в общественных организациях о перспективах развития северных окраин страны. Так, в Императорском техническом обществе М.К. Сидоров представил в эти годы более 100 докладов и еще 65 – в Императорском обществе для содействия русскому торговому мореходству[52]. Таким образом, на 1870-е гг. пришелся пик творческой активности М.К. Сидорова, и этот же период был наиболее успешен в деле освоения им Северного морского пути и продвижения ресурсов Севера России за границу.

Последний период творчества М.К. Сидорова – начало 1880-х гг., когда Михаил Константинович подводит итоги своей деятельности, – это нашло отражение в его книге «Труды для ознакомления с Севером России»[53]. Можно сказать, что название издания «Труды» подразумевает под собой не только материалы, изложенные на бумаге, но и дело всей жизни предпринимателя. Он признается, что отдал «всю свою жизнь на изыскание средств к развитию промышленности Севера»[54], и в последнем наиболее «весомом» издании, насчитывающем 349 страниц текста, подробно описывает свой вклад в дело развития северных территорий. Прежде всего, М.К. Сидоров публикует перечень представленных им на выставке экспонатов (он принял участие в 16 международных и большом количестве российских выставок). Приводит Сидоров и переписку с организаторами экспозиций, так как важно было не только собрать коллекции, но и доставить их к месту размещения. Чего стоила, например, одна только транспортировка скелета кита из Норвегии на Политехническую выставку в Москве! Кроме того, после окончания работы выставок зачастую происходили потери экспонатов, и работу по собиранию коллекций приходилось проделывать заново. Коллеги Сидорова по экспозиционной деятельности, члены Общества коллекционеров, писали: «Неутомимый борец за Север к следующей выставке снова собирал коллекцию, изумлял ими [т.е. экспонатами. – *О. Ч.*] собирателей», и уверяли, что «собрания Сидорова <…>, по признанию лучших представителей русской науки того времени, могли бы составить украшение отечественного музея»[55]. В книге «Труды для ознакомления с Севером России» со скрупулезностью купца Михаил Константинович приводит подсчеты средств, которые шли на финансирование того или иного дела.

Показательно, что за прошедшие два десятилетия публикационной активности М.К. Сидорова произошли большие изменения в стиле его работ. Превращаясь из «Бесед» и «Общедоступных чтений» в «Труды», исследования его приобретали все более научную направленность. Вне сомнения, подобная эволюция стиля – результат общения Михаила Константиновича с учеными, так как он направлял свои коллекции в университетские музеи и собрания научных обществ: Петербургский университет, Медико-хирургическую академию, Российскую академию наук, Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей и пр.

Таким образом, творческое наследие Михаила Константиновича Сидорова – это более десятка его книг[56], около трехсот проектов, двести с лишним докладов различным обществам и значительное количество записок и писем в различные ведомства страны. Произведения М.К. Сидорова касаются, прежде всего, разработки природных ресурсов Севера России, возможностей организаций путей сообщения в российской глубинке, судостроения, лесопромышленности. Он мечтал об устройстве на Севере России удобных гаваней для кораблей, развитии маячной и спасательных служб на море, телеграфной связи и фабриках, о народном просвещении и образовании «опытных и искусных моряков», в которых тогда остро чувствовался недостаток. Одним из первых на Севере России М.К. Сидоров пытался заняться добычей нефти и видел в разработке недр залог будущего процветания Севера[57].

В круг интересов М.К. Сидорова как исследователя входили и арктические территории: Шпицберген, Новая Земля, побережье Кольского полуострова. Особенно

[52] Труды для ознакомления с Севером России. СПб., 1882. С. 304–319.
[53] Там же.
[54] *Сидоров М.К.* Север России… С. IX.
[55] *Попов А.Н.* Памяти М. К. Сидорова // Журнал коллекционеров и корреспондентов. 1918. № 7–10. С. 2.
[56] *Сидоров М.К.* Север России… С. 321–322.
[57] *Сидоров М.К.* О нефти на Севере России: Доклад М.К. Сидорова. СПб., 1882.

М.К. Сидорова тревожило «бремя жизни скитальцев тундр»[58], он мечтал об улучшении быта коренных народов Севера и возможности дать образование их детям. Материалы книг М.К. Сидорова, касающиеся особенностей жизни северных губерний России, могут служить вполне информативным источником для исследований этнографов, этнологов и историков-краеведов. Между тем, труды Михаила Константиновича Сидорова – это не записки кабинетного ученого, а работы практика, да еще и бунтаря-«непокорника» (так называли в XVII в. староверов) по духу, подвижника развития Севера, чьи взгляды опережали свое время. Следует согласиться с мнением исследователей деятельности Михаила Сидорова, что он «был предпринимателем нового типа, для <…> которого характерны новаторский характер деятельности, умение пойти на экономические риски, ориентация на отложенный спрос»[59]. Действительно, большинство проектов купца Сидорова не были поддержаны российскими властями (и это несмотря на то, что Михаил Константинович жил в период пореформенной России и в стране шла экономическая модернизация!), однако «аввакумовское непреклонное упорство и вера в Россию»[60] помогали «радетелю Севера» не оставлять своих намерений улучшить положение Севера и северян.

Творческие идеи и проекты М.К. Сидорова получили развития спустя годы. Вне сомнения, именно проект Сидорова по переустройству жизни северян был использован при составлении планов действий, созданных в 1895 г. Комитетом помощи поморам, и ряд «сидоровских» пунктов был воплощен в жизнь: создание промыслового телеграфа, устройство навигационных знаков, организация спасательных станций у берегов Мурмана и пр. Кроме того, как отмечают современные исследователи, «многие новации М.К. Сидорова были успешно применены и развиты в новых исторических условиях: в 1930–1950, 1990-х гг. <…> в рамках <…> решения задач экономического характера, а значит, могут быть использованы и в настоящее время»[61]. Действительно, к началу XXI в. большинство проектов Михаила Сидорова воплощены в жизнь. Северный морской путь еще в XX в. стал одной из главных морских магистралей страны, а с появлением атомных ледоколов Карское море перестало быть «ледяным погребом» (так называли его в XVIII–XIX вв.), непреодолимым для российских судов. Сбылись и чаяния купца Сидорова относительно архипелага Новая Земля: она освоена россиянами (не стоит забывать, однако, что в истории ее колонизации есть не только героические, но и трагические страницы). Успешно развивается промышленность на Кольском полуострове. На Европейском Севере страны действуют несколько центров судо- и кораблестроения, в том числе атомного. В каждом северном городе есть образовательные учреждения, а в областных центрах – университеты. Специальные национальные проекты посвящены различным сторонам жизни малых народов Севера. Однако по сию пору существуют не до конца решенные проблемы, о которых писал Сидоров. Прежде всего, это развитие сухопутных коммуникаций и промысловой деятельности северян. Таким образом, труды М.К. Сидорова представляются актуальными и в наши дни, когда создаются проекты развития приарктических регионов страны и Арктики, и хочется верить, что творческое наследие Михаила Константиновича Сидорова будет востребовано в полной мере и в дальнейшем.

[58] *Сидоров М.К.* Север России… С. XVIII.

[59] *Туман-Никифорова И.О.* Открытие северного морского пути: М.К. Сидоров // Арктика 2018: международное сотрудничество, экология и безопасность, инновационные технологии и логистика, правовое регулирование, история и современность. Красноярск, 2018. С. 115.

[60] *Жилинский А.А.* Россия на Севере (к описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск, 1918. С. 4.

[61] *Макеев А.В.* М.К. Сидоров и опыт экономической выставочной деятельности в интересах регионального развития // Подільський науковий вісник. 2020. № 1 (13). С. 41.

Литература

«Беседы о Севере России» в 3-м отделении Императорского Вольного экономического общества по докладам: В.Л. Долинского (1, 4, 5 и 6-й), В.Н. Латкина (2-й) и М.К. Сидорова (3-й). СПб.: Общественная польза, 1867. 459 с.

Жилинский А.А. Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск: Издание Комитета по увековечению памяти М.К. Сидорова, 1918. 153, [2] с.

Зенов П.М. Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стража интересов Севера России. К столетию со дня рождения. Петроград: Тип. Мор. м-ва, 1916. [2], 16 с.

Комлева Е.В. Предпринимательская и общественная деятельность красноярского купца Михаила Константиновича Сидорова в отражении материалов Российского государственного исторического архива // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 45–52.

Комлева Е.В. «Сибирский канал»: проект красноярского купца М.К. Сидорова по соединению низовьев Оби и Енисея (1870-е годы) // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 137–163. [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-11.pdf (дата обращения: 27.09.2023).

Латкин В.Н. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах: в 2 ч. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1853. 305 с.

Макеев А.В. М.К. Сидоров и опыт экономической выставочной деятельности в интересах регионального развития // Подільський науковий вісник. 2020. № 1 (13). С. 40–47.

Попов А.Н. Памяти М.К. Сидорова // Журнал коллекционеров и корреспондентов. 1918. № 7–10. С. 1–2.

Рощевская Л.П. Архивные документы о предпринимателе XIX в. В.Н. Латкине и его семье // Отечественные архивы. 2011. № 1. С. 35–44.

Санакина Т.А. Архивные документы о жизни и деятельности Михаила Константиновича Сидорова (к 200-летию со дня рождения) // Памятные даты Архангельской области. 2023: календарь. Архангельск: Гос. архив Архангельской обл., 2022. С. 69–82.

Сидоров М.К. Проект купца Сидорова о заселении Севера Сибири путем промышленности и торговли и о развитии внешней торговли Сибири. Тобольск: Тип. Губ. правл., 1864. [2], 41 с.

Сидоров М. Записка Красноярского временного 1-й гильдии купца М. Сидорова о необходимости введения посаженной подати с золотых промыслов. СПб.: [б.и.], 1865. 7 с.

Сидоров М.К. О развитии мореходства в Северном море. М.: Тип. И.Н. Кушнерева, 1870. 8 с.

Сидоров М.К. Север России. СПб. : Тип. Почтового деп., 1870. XXIV, 557 с.

Сидоров М.К. Картины из деяний Петра Великого на Севере. СПб.: Изд. М. Сидорова; Тип. Якова Трея, 1872. 175 с.

Сидоров М.К. О богатствах северных окраин Сибири и народах там кочующих: Общедоступ. чтение: Сост. по материалам, собр. М.К. Сидоровым. СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1873. 19 с., 6 л. ил.; 22 с.

Сидоров М.К. О проектах каналов в Сибири [Докл. М.К. Сидорова, чит. в заседании Правл. 6 дек.]. СПб.: Тип. и лит. Д.И. Шеметкина, 1878. [2], 11 с.

Сидоров М.К. О китоловстве и влиянии его на рыбную ловлю у берегов Архангельской губернии. СПб.: тип. и литография Д.И. Шеметкина, 1879. 164, [4] с.

Сидоров М.К. Труды для ознакомления с Севером России. СПб.: Тип. и лит. Д.И. Шеметкина, 1882. IV, 343 с.

Сидоров М.К. О нефти на севере России. СПб., 1882. 12 с.

Терюков А.И. В.М. Флоринский и М.К. Сидоров // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 199–202.

Туман-Никифорова И.О. Открытие Северного морского пути: М.К. Сидоров // Арктика 2018: международное сотрудничество, экология и безопасность, инновационные технологии и логистика, правовое регулирование, история и современность (Красноярск, 16–17 мая 2018 г.): мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2018. С. 113–117.

References

Dolinsky, V.L., Latkin, V.N., Sidorov, M.K. (1867). *Besedy o Severe Rossii v 3-m otdelenii Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva po dokladam: V.L. Dolinskogo (1, 4, 5 I 6-y), V.N. Latkina (2-y) i M.K. Sidorova (3-y)* [Conversations about the North of Russia in the 3rd Department of the Imperial Free Economic Society According to the Reports of: V.L. Dolinsky (1st, 4th, 5th and 6th), V.N. Latkin (2nd) and M.K. Sidorov (3rd)]. St. Petersburg, Obshchestvennaya pol'za. 459 p.

Komleva, E.V. (2022). "Sibirskiy kanal": proekt krasnoyarskogo kuptsa M.K. Sidorova po soedineniyu nizov'ev Obi i Eniseya (1870-e gody) ["Siberian Canal": Project of Krasnoyarsk Merchant M.K. Sidorov on Connecting the Lower Reaches of the Ob and Yenisei (1870s)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 23 (3), pp. 137–163. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-11.pdf (date of access: 27.09.2023).

Komleva, E.V. (2022). Predprinimatel'skaya i obshchestvennaya deyatel'nost' krasnoyarskogo kuptsa Mikhaila Konstantinovicha Sidorova v otrazhenii materialov Rossiyskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva [Entrepreneurial and Social Activities of the Krasnoyarsk Merchant Mikhail Konstantinovich Sidorov as Reflected in the Materials of the Russian State Historical Archive]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istoriya*. No. 75, pp. 45–52.

Latkin, V.N. (1853). *Dnevnik Vasiliya Nikolaevicha Latkina, vo vremya puteshestviya na Pechoru, v 1840 i 1843 godakh* [The Diary of Vasiliy Nikolaevich Latkin, during a Trip to Pechora, in 1840 and 1843]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk. 305 p.

Makeev, A.B. (2020). M.K. Sidorov i opyt ekonomicheskoy vystavochnoy deyatel'nosti v interesakh regional'nogo razvitiya [M.K. Sidorov and the Experience of Economic Exhibition Activities in the Interests of Regional Development]. In *Podil's'kiy naukoviy visnik*. No. 1 (13), pp. 40–47.

Popov, A.N. (1918). Pamyati M.K. Sidorova [In Memory of M.K. Sidorov]. In *Zhurnal kollektsionerov i korrespondentov*. No. 7-10, pp. 1–2.

Roshchevskaya, L.P. (2011). Arkhivnye dokumenty o predprinimatele XIX v. V.N. Latkine i ego sem'e [Archival Documents About an Entrepreneur of the 19th Century, V.N. Latkin, and His Family]. In *Otechestvennye arkhivy*. No. 1, pp. 35–44.

Sanakina, T.A. (2022). Arkhivnye dokumenty o zhizni i deyatel'nosti Mikhaila Konstantinovicha Sidorova (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya) [Archival Documents about the Life and Work of Mikhail Konstantinovich Sidorov (On the 200th Anniversary of His Birth)]. In *Pamyatnye daty Arkhangel'skoy oblasti. 2023: kalendar'*. Arkhangelsk, pp. 69–82.

Sidorov, M.K. (1864). *Proekt kuptsa Sidorova o zaselenii Severa Sibiri putem promyshlennosti i torgovli i o razvitii vneshney torgovli Sibiri* [Project of Merchant Sidorov on the Settlement of the North of Siberia through Industry and Trade and on the Development of Foreign Trade in Siberia]. Tobolsk, Tip. Gub. Pravl. 41 p.

Sidorov, M.K. (1865). *Zapiska Krasnoyarskogo vremennogo 1-i gil'dii kuptsa M. Sidorova o neobkhodimosti vvedeniya posazhennoy podati s zolotykh promyslov* [A Note from the Krasnoyarsk Temporary 1st Guild Merchant M. Sidorov on the Need to Introduce a Planted Tax From Gold Mining]. St. Petersburg. 7 p.

Sidorov, M.K. (1870). *O razvitii morekhodstva v Severnom more* [On the Development of Navigation in the North Sea]. Moscow, I.N. Kushnerev. 8 p.

Sidorov, M.K. (1870). *Sever Rossii* [The North of Russia]. St. Petersburg, Postal Department. 557 p.

Sidorov, M.K. (1872). *Kartiny iz deyaniy Petra Velikogo na Severe* [Pictures from the Deeds of Peter the Great in the North]. St. Petersburg, Tip. Ya. Treya. 175 p.

Sidorov, M.K. (1873). *O bogatstvakh severnykh okrain Sibiri i narodakh, tam kochuyushchikh* [On the Riches of the Northern Outskirts of Siberia and the Nomadic Peoples There]. St. Petersburg, P.P. Merkul'ev. 22 p.

Sidorov, M.K. (1878). *O proektakh kanalov v Sibiri* [On Canal Projects in Siberia]. St. Petersburg, D.I. Shemetkin. 11 p.

Sidorov, M.K. (1879). *O kitolovstve i vliyanii ego na rybnuyu lovlyu u beregov Arkhangel'skoy gubernii* [On Whaling and Its Influence on Fishing Off the Coast of the Arkhangelsk Province]. St. Petersburg, D.I. Shemetkin. 164 p.

Sidorov, M.K. (1882). *O nefti na severe Rossii* [About Oil in the North of Russia]. St. Petersburg, [s.n.]. 12 p.

Sidorov, M.K. (1882b). *Trudy dlya oznakomleniya s severom Rossii* [Works about the North of Russia]. St. Petersburg, D.I. Shemetkin. 343 p.

Teryukov, A.I. (2013). V.M. Florinskiy i M.K. Sidorov [V.M. Florinsky and M.K. Sidorov]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 22 (2), pp. 199–202.

Tuman-Nikiforova, I.O. (2018). Otkrytie Severnogo morskogo puti: M.K. Sidorov [Discovery of the Northern Sea Route: M.K. Sidorov]. In *Arktika 2018: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo, ekologiya i bezopasnost', innovatsionnye tekhnologii i logistika, pravovoe regulirovanie, istoriya i sovremennost*'. Krasnoyarsk, pp. 113–117.

Zenov, P.M. (1916). *Pamyati arkhangel'skogo grazhdanina Mikhaila Konstantinovicha Sidorova, strazha interesov severa Rossii* [In Memory of the Arkhangelsk Citizen Mikhail Konstantinovich Sidorov, Guardian of the Interests of the North of Russia]. Petrograd, Tipografia Morskogo Ministerstva. [2]. 16 p.

Zhilinskiy, A.A. (1918). *Rossiya na Severe (K opisaniyu zhizni i deyatelnosti M.K. Sidorova)* [Russia in the North (To the Description of the Life and Work of M.K. Sidorov)]. Arkhangelsk, Izdanie Komiteta po uvekovecheniyu pamyati M.K. Sidorova. 153, [2] p.

Й.П. Нильсен
В.В. Тевлина*

МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ СИДОРОВ И РОЛЬ НОРВЕЖЦЕВ В ОСВОЕНИИ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ В СИБИРЬ**

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-9
УДК 332.1(571)

Выходные данные для цитирования:
Нильсен Й.П., Тевлина В.В. Михаил Константинович Сидоров и роль норвежцев в освоении Северного морского пути в Сибирь // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 122–138. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-09.pdf

J.P. Nielsen
V.V. Tevlina*

MIKHAIL KONSTANTINOVICH SIDOROV AND THE ROLE OF NORWEGIANS IN THE OPENING UP OF THE NORTHERN SEA ROUTE TO SIBERIA**

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-9

How to cite:
Nielsen J.P., Tevlina V.V. Mikhail Konstantinovich Sidorov and the Role of Norwegians in the Opening up of the Northern Sea Route to Siberia // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 122–138 [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-09.pdf]

Abstract. In this article the authors examine the activity of the Russian public figure, the goldmining entrepreneur and employer M.K. Sidorov and his relationship with Norwegian shipowners and marine mammal hunters, engaged in sealing and walrus hunting in the area around Novaya Zemlya and in the Kara Sea. In the 1860s and 1870s M.K. Sidorov tried to carry through a largescale project for the opening up of the Northern Sea Route to Siberia ("the Kara Sea Route"), in the course of which he encouraged Norwegians to take part in his plans for developing this sea route. At the same time he was worried about and warned the Russian government against the economic expansionism of the Norwegians in Russian waters. Sidorov did not succeed in establishing a partnership with the Norwegian marine mammal hunters. Nevertheless, in the course of their constant search for sea mammals they unintentionally came to contribute their mite to the realisation of this project, because they through their crossing of the Kara Sea in all directions effectively shattered the myth that existed at the time in maritime circles about the unnavigability of the Kara Sea. M.K. Sidorov did not succeed in opening up the Northern Sea Route to Siberia, but his efforts were not in vain. He was the first to put his question on the agenda in Russia, and already by the end of the 19th and beginning of the 20th century followers appeared, among whom were Russians (Vice admiral S.O. Makarov, mayor of the city Yeniseysk S.V. Vostrotin and others), as well as Norwegians (among them the entrepreneur and businessman Jonas Lied, and the polar explorer Fridtjof Nansen). Together they moved the Northern Sea Route to Siberia a long step forward in the direction of a feasible sea route – on the eve of the Russian revolution of 1917.

* **Йенс Петтер Нильсен,** профессор истории, Институт археологии, истории, религиоведения и теологии, Арктический университет Норвегии, Тромсё, Норвегия, e-mail: jens.petter.nielsen@uit.no
Jens Petter Nielsen, Professor of History, The Department of Archaeology, History, Religious Studies and Theology, UiT – The Arctic University of Norway, Tromsø, Norway, e-mail: jens.petter.nielsen@uit.no
Виктория Валерьевна Тевлина, доктор исторических наук, профессор, Баренц Институт, Арктический университет Норвегии, Тромсё, Норвегия, e-mail: vtevlina@mail.ru
Victoria Valerievna Tevlina, Dr. Habil in History, Professor, The Barents Institute, UiT – The Arctic University of Norway, Tromsø, Norway, e-mail: vtevlina@mail.ru

** Данная статья подготовлена с существенными дополнениями на основе материалов, представленных в коллективной монографии: From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway north of Eurasia / eds.: J.P. Nielsen, E. Okhuizen; illustration eds. V.V. Tevlina, J.P. Nielsen, O.A. Krasnikova, E. Okhuizen. Leiden: Brill Academic Publishers, 2022. 544 p.
This article has been prepared with significant additions based on the materials in the collective monograph: Nielsen, J.P., Okhuizen, E. (Eds.); Tevlina, V.V., Nielsen, J.P., Krasnikova, O.A., Okhuizen E. (Illustration eds.). (2022). From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway north of Eurasia. Leiden, Brill Academic Publishers. 544 p.

Keywords: M.K. Sidorov, The Northern Sea Route, Norwegian Sea mammal hunters, Hammerfest, the Kara Sea, Siberia, Recruitment of sailors, F.P. Litke, Svend Foyn, Jonas Lid, S.V. Vostrotin.

The article has been received by the editor on 11.09.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается деятельность российского общественного деятеля, золотопромышленника и предпринимателя М.К. Сидорова и его взаимоотношения с норвежскими судовладельцами и зверобоями, которые в 1860–1870-е гг. занимались промыслами около Новой Земли и в Карском море. Именно в этот период М.К. Сидоров организовывал масштабный проект по открытию Северного морского пути в Сибирь (Карский морской путь), в ходе которого он поощрял норвежцев участвовать в его планах по развитию данного прохода. В то же время, однако, он беспокоился и предупреждал российское правительство в отношении норвежской экономической экспансии в русские воды. Сидорову не удалось наладить партнерство с норвежцами. Тем не менее в ходе постоянных поисков мест промыслов на морского зверя норвежцы невольно внесли свою лепту в реализацию этого морского пути, поскольку своими плаваниями они эффективно развеяли существовавший в то время в морских кругах миф о несудоходности Карского моря. М.К. Сидорову не удалось открыть Северный морской путь, но его усилия не были тщетными. Он первым поставил этот вопрос на повестку дня в России, и уже в конце XIX – начале XX в. у него появились последователи, среди которых были вновь как российские (вице-адмирал С.О. Макаров, городской голова Енисейска С.В. Востротин и др.), так и норвежские (предприниматель Йонас Лид, полярник Фритьоф Нансен и др.) деятели. Вместе они сделали большой шаг вперед в направлении развития Северного морского пути – накануне Русской революции 1917 г.

Ключевые слова: М.К. Сидоров, Северный морской путь, норвежские зверобои, Хаммерфест, Карское море, Сибирь, найм моряков, Ф.П. Литке, Свенд Фойн, Йонас Лид, С.В. Востротин.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023 г.

В монографии «Проблемы Северного морского пути в эпоху капитализма», опубликованной в 1962 г., советский географ и историк Д.М. Пинхенсон утверждал, что открытие Северного морского пути к устьям Оби и Енисея (Карский морской путь) во второй половине 1870-х гг. стало результатом организационных усилий, в первую очередь представителей русского торгового купечества.[1] Однако, на наш взгляд, было бы справедливее сказать, что поиск и освоение этого пути возникли в ходе совместных усилий русских купцов и промышленников и западноевропейских мореплавателей, судовладельцев, ученых и других сторонников этой масштабной идеи.

Действительно, история Карского морского пути в 1870-е гг. и вплоть до революции 1917 г. свидетельствует о том, что он стал жизнеспособным проектом только тогда, когда установились тесные взаимоотношения между русскими и западноевропейскими партнерами. Безусловно, Михаил Константинович Сидоров (1823–1887) был самым ярым защитником идеи Северного морского пути в XIX в.[2] Однако долгое время его усилия были тщетны и служили в России и, в частности, в ее морских кругах лишь укреплению старых предрассудков о Карском море, а именно – представлений о том, что оно является насто-

[1] *Пинхенсон Д.М.* Проблемы Северного морского пути в эпоху капитализма. Л., 1962. Т. 2: История открытия и освоения Северного морского пути. С. 17.
[2] Там же. С. 61–73.

ящим ледником и поэтому непригодно для судоходства[3]. Несмотря на то, что у Сидорова были серьезные противники (среди них и адмирал Ф.П. Литке), он не терял надежды добиться желаемой цели[4].

В 1863 г. М.К. Сидоров вместе с ораниенбаумским купцом и штабс-капитаном Георгием Корибут-Кубитовичем ходатайствовали перед Министерством финансов России об учреждении «Товарищества для открытия через Ледовитый океан к рекам Оби и Енисея и для распространения торговли и промышленности в Северных окраинах Сибири»[5]. Они требовали очень широких привилегий, фактически монополии на эксплуатацию огромных территорий. Это, по мнению исследователя Арктики и Северного морского пути К. Криптона (C. Krypton), было типичным образом мышления сибирских золотопромышленников, привыкших к риску, но в то же время рассчитывавших на огромные прибыли при относительно небольших капитальных затратах и настойчивости[6]. Сидоров, естественно, подчеркивал, что такая концессионная компания, о которой он ходатайствует, означает, что Северный морской путь останется в руках России и что это жизненно важно для нее. Однако правительство крайне редко предоставляло такие широкие привилегии, и Сидорову пришлось ждать ответа на его запрос несколько лет. Тем не менее становилось ясно, что некоторые высокопоставленные лица явно симпатизировали ему. Так, в апреле 1864 г. он был удостоен чести быть принятым в Петербурге наследником престола, великим князем Николаем Александровичем, который высоко оценил его работу для Севера России и призвал продолжать начатую деятельность.[7]

Уже в середине 1863 г. М.К. Сидоров попробовал организовать экспедицию на Енисей с помощью английских партнеров, но это ни к чему не привело. Не оставлял он и надежды найти квалифицированных русских моряков, готовых принять участие в его великом замысле, однако в стране при наличии небольшого количества судов торгового флота явно ощущалась их нехватка. Он возлагал свои надежды на беломорских шкиперов, занимавшихся так называемой поморской торговлей с Северной Норвегией, откуда шли поставки в основном норвежской рыбы в обмен на русскую ржаную муку и лесоматериалы[8]. Вероятность найти добровольцев среди поморов все же была небольшая, и поэтому Сидоров через архангельского губернатора Н.М. Гартинга разослал специальное обращение во все поморские селения Беломорья. Он предлагал не менее 10 тыс. рублей любому судну, которое доплывет до Енисея и оттуда доставит в Тромсё (портовый город на севере Норвегии) груз графита с его графитовых рудников в Курейке. Однако, к его большому разочарованию, на обращение откликнулись только три человека: двое из них были купеческими сыновьями, Никитин из Сумы и Норкин из Кеми, а третьим был некий господин Оскерко, коллежский

[3] См. об этом подробнее: From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia. Leiden, 2022. P. 120–121.

[4] Ф.П. Литке был вице-президентом Русского географического общества (1845–1871), а также президентом Российской академии наук (1864–1882).

[5] Льготы и привилегии товариществу М. Сидорова для открытия морского пути в устья Оби и Енисея // Студитский Ф.Д. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. СПб., 1883. Ч. 1. С. 81.

[6] Constantine Krypton (настоящая фамилия Константин Г. Молодецкий) в 1930-е – начале 1940-х гг. был известным советским исследователем, заведующим экономическим сектором во Всесоюзном Арктическом институте в Ленинграде. Он попал в немецкую оккупацию под Ленинградом в 1942 г., был вывезен в Германию и затем оказался в США, где остался и преподавал в ряде вузов. Криптон написал несколько книг, среди которых: *Krypton C.* The Northern sea route: Its place in Russian economic history before 1917. New York, 1953; *Krypton C.* The Northern Sea Route and the Economy of the Soviet North. London, 1956.

[7] *Жилинский А.А.* Россия на Севере: К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова. Архангельск, 1918. С. 124–125. К сожалению, буквально год спустя, 12 (24) апреля 1865 г., после аудиенции с М.К. Сидоровым молодой великий князь Николай Александрович скончался. Незадолго до этого он был помолвлен с дочерью короля Дании Христиана IX, принцессой Дагмар (1847–1928), впоследствии ставшей супругой его брата, императора Александра III.

[8] Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах (Глава 7. Консулы и купцы, поморская торговля и руссенорск). М., 2017. С. 170–209.

асессор из города Колы[9]. Других добровольцев М.К. Сидорову в Беломорье найти на тот момент не удалось.

Поскольку первоначальный отклик на обращение М.К. Сидорова в 1864 г. оказался достаточно скудным, летом следующего года он сам отправился на побережье Белого моря набирать матросов, но его экспедиция вновь не увенчалась успехом. Будучи в Кеми, ему так и не удалось встретиться с первым претендентом – господином Норкиным, который уже отплыл в Северную Норвегию по торговым делам, имея соглашение с норвежскими рыбаками. Другой претендент – Никитин в это время сидел в тюрьме в результате иска об установлении отцовства. В довершение всего Сидоров также узнал о преждевременной кончине господина Оскерко, писавшего ему ранее из Колы[10].

Итак, найти русских моряков, заинтересованных в новых проектах, оказалось практически невозможно. Тогда Сидоров решил еще раз отправиться за границу, чтобы искать партнеров там. В 1867–1868 гг. он посетил несколько стран Западной Европы. В конце концов, он приехал в Норвегию, где пресса сильно заинтересовалась его видением освоения морского пути в Сибирь с участием норвежских судовладельцев и моряков. В газетных интервью М.К. Сидоров увещевал норвежских моряков идти в Карское море и акваторию дальше на восток, к устьям Оби и Енисея. В норвежской прессе его предложения освещались с таким большим размахом, что в декабре 1868 г. в северо-норвежской газете «Finmarksposten», издававшейся в городе Хаммерфесте, было опубликовано уже несколько статей с планами Сидорова о «пароходном сообщении между Финнмарком и Китаем» по маршруту, который можно было пройти всего за 25 дней[11].

Главная улица Хаммерфеста. Огюст Этьен Франсуа Майер. 1852.
(Экспозиция Художественного музея Северной Норвегии – Nordnorsk Kunstmuseum)

Когда М.К. Сидоров ездил на север вдоль северного побережья Норвегии, он ненадолго задержался в Тромсё, «столице» Северной Норвегии. Там он впервые встретил Адольфа Эрика Норденшёльда (Adolf Erik Nordenskiöld), известного финско-шведского исследователя Арктики, недавно вернувшегося из экспедиции в Гренландию. В переписке, последовавшей за этой встречей, Сидоров писал Норденшёльду об огромном потенциальном значении для Норвегии морского пути в Сибирь и просил его поощрять норвежских купцов направлять

[9] Путешествие Сидорова по Финляндии и нашему Поморью для отыскания мореходов, готовых пройти морем в Енисей // Студитский Ф.Д. История открытия морского пути… Ч. 1. С. 78–79; *Жилинский А.А.* Россия на Севере… С. 75–77.
[10] Путешествие Сидорова по Финляндии… С. 78–79.
[11] Finmarksposten (Hammerfest). 1868. 6 December; 1868. 13 December.

свои пароходы на восток и побуждать норвежских моряков отправиться в Карское море. При этом подчеркивалось, что в его проекте были немалые возможности для торговли, которые норвежцы, ближайшие соседи Сибири, не могли позволить себе упустить[12]. Интересно, что чуть менее двумя годами ранее, в ходе лекции на заседании Императорского Вольного экономического общества в Санкт-Петербурге 20 марта 1867 г., М.К. Сидоров предостерегал от активности норвежских охотников на морского зверя, так как они «от промыслов в нашем Севере не беднеют, но год от году становятся и богаче и сильнее, и помышляют уже овладеть промыслами Карского моря, подобно тому, как англичане и американцы овладели нашим восточным Охотским морем…»[13]. Однако когда спустя время дело дошло до освоения морского пути в Сибирь, Сидоров уже от всей души пригласил норвежских шкиперов-охотников в Карское море, уверяя их, что в устьях Оби и Енисея популяции морского зверя даже больше, чем на Новой Земле. Он вспоминал, что ненцы, остяки (ханты) и эвенки, жившие в этом районе, рассказывали ему, что море порой было настолько полно тюленями и моржами, что можно было добраться до берега, не замочив ног (!). Более того, в феврале 1869 г. Сидоров написал Норденшёльду новое призывное письмо: «Вашим соотечественникам, в особенности норвежцам, не следует упускать из рук этого дела. Они ближайшие соседи по северу! Они имеют отличный и многочисленный торговый флот и нуждаются во многих произведениях Сибири. Они самые честные деятели и опытные моряки и купцы, в чем я убедился, объехавши все порты Норвегии и большую часть Швеции; это такие достоинства, которых не имеют другие нации и какими с избытком природа наградила ваше разумное и деятельное население. А сибирские купцы таким дорогим уважаемым людям протягивают руки»[14].

Получается, что теперь М.К. Сидоров хотел, чтобы норвежцы сотрудничали с ним и действовали в рамках его концессионной компании. К слову, среди привилегий, которые он ожидал получить от российского правительства, была как раз монополия на охоту на морских зверей в Карском море и в устьях Оби и Енисея. И вот через пять лет после первоначальной подачи заявки об открытии компании в 1863 г. ходатайство М.К. Сидорова и Г. Корибут-Кубитовича было принято соответствующими российскими министерствами. Однако оно все еще ожидало окончательного утверждения императором Александром II, прежде чем можно было начать деятельность с особыми привилегиями.

Нет сомнения, что люди в Финнмарке, самой северной провинции Норвегии, с большим интересом отнеслись к проекту М.К. Сидорова. Когда в середине октября 1868 г. он посещал город Хаммерфест, состоялась его беседа со шкипером Эллингом Карлсеном (Elling Carlsen), недавно вернувшимся из своего второго плавания на Новую Землю, где он открыл новое охотничье пространство для северо-норвежских зверобоев. Удивительно, но Э. Карлсен без труда вошел в Карское море и не сомневался, что можно будет использовать этот морской путь в Сибирь и таким образом способствовать прибыльной торговле между Сибирью и Норвегией[15].

Между тем М.К. Сидоров явно нуждался в партнерах с бóльшим финансовым достатком, чем имели северо-норвежские шкиперы. Поэтому в ходе дальнейших поисков он встретился с самым важным и влиятельным лицом в этой сфере в Норвегии, основателем недавно организованной норвежской китобойной промышленности и изобретателем гарпунной пушки – Свендом Фойном (1809–1894). Сидоров посетил Фойна в ноябре 1868 г. в его родном городе Тонсберге на южном побережье Норвегии. Он рассказал ему о своей

[12] Переписка М. Сидорова с профессором А. Норденшельдом об открытии морского пути в устье Оби и Енисея // Студитский Ф.Д. История открытия морского пути… Ч. 1. С. 142–146.

[13] Беседы о Севере России в 3 отделении Императорского Вольного экономического общества по докладам: В.Л. Долинского, В.Н. Латкина и М.К. Сидорова. СПб., 1867. С. 196. В своей книге М.К. Сидоров также отмежевывается от поморской торговли с Норвегией, которая, по его мнению, мешала развитию русских рыбных промыслов на Мурмане и вызывала голод на Русском Севере (см.: *Сидоров М.К.* Север России. СПб., 1870. С. 42).

[14] *Студитский Ф.Д.* История открытия морского пути… Ч. 1. С. 146.

[15] Льготы и привилегии товариществу М. Сидорова… С. 94–96; Finmarksposten (Hammerfest). 1868. 6 December; 1868. 13 December.

компании и планах, а последующая после встречи переписка между ними свидетельствует о том, что С. Фойн серьезно заинтересовался проектом. В конце февраля 1869 г. газета «Finmarksposten» сообщила, что Фойн и Сидоров планируют проложить пароходный маршрут между Хаммерфестом и Обдорском (современный Салехард) с использованием одного из пароходов Фойна и что этот маршрут должен быть открыт летом 1869 г.[16] При этом ожидаемое долгожданное подтверждение от Александра II о запрашиваемых привилегиях все еще не было получено, хотя наступил уже конец февраля 1869 г. и должна была начаться навигация. Во избежание простоя Свенду Фойну пришлось отправить свои пароходы на китобойный промысел. В это же время разными знатоками высказывались опасения, что осадка пароходов Фойна слишком велика для мелководья Обской губы и ее лимана[17].

Только 10 марта 1869 г. Александр II окончательно подтвердил привилегии компании Сидорова и Корибут-Кубитовича. Поскольку предприятие считалось крайне рискованным, а его организаторы решили инициировать его за свой счет и без дотаций государства, то в разрешительном документе по совету тогдашнего министра финансов Российской империи М.Х. Рейтерна была отмечена готовность предоставить компании монополию на использование ресурсов всего севера Оби и Енисея. Однако взамен предприниматели должны были принять положение о том, что морской путь должен быть открыт в течение пяти лет с момента предоставления льгот и их компания должна начать работать после этого в течение года[18]. И вот как только компания М.К. Сидорова начинала действовать, тогда она имела право использовать Обь и Енисей и их притоки для беспошлинного ввоза иностранных товаров для местного потребления, а также начать безналоговый промысел и охоту на морских млекопитающих в Карском море и в заливах и устьях Арктического побережья от Карских ворот до Енисея включительно. Таким образом, очевидно, что российское правительство, за исключением прямых финансовых субсидий, было готово оказать М.К. Сидорову всемерную поддержку в его стремлении открыть Северный морской путь в Сибирь.

Вдохновленный щедрыми привилегиями, дарованными императором, М.К. Сидоров сделал смелый шаг и решил купить в Петербурге пароход и попытаться добраться до устья Оби под русским флагом. 30 июля 1869 г. он прибыл в Хаммерфест на собственном пароходе «Георгий», чтобы погрузить уголь для плавания в Северную Сибирь[19]. Словно предвидя, что у него ничего не получится, Сидоров подчеркнул в интервью местной газете, что даже если его собственная попытка потерпит фиаско, нельзя допустить, чтобы и у других пропало желание к достижению той же цели[20]. Между тем несколько недель спустя норвежская пресса сообщила, что Сидоров все же достиг устья Оби. Однако вскоре выяснилось, что это было не совсем так[21]. Дело в том, что когда «Георгий» добрался до причала в Печоре, чтобы бункероваться, капитан судна обнаружил, что уголь, привезенный в Хаммерфест из Англии, некачественный и что это обстоятельство может поставить под угрозу дальнейшее плавание в восточном направлении. Капитан забил тревогу и заявил, что не рискнет быть вынужденным зимовать с экипажем где-нибудь во льдах[22].

---

[16] Finmarksposten (Hammerfest). 1869. 25 February.

[17] Плавание М. Сидорова на собственном пароходе «Георгий» на Печору с целью идти на Енисей // Студитский Ф.Д. История открытия морского пути… Ч. 1. С. 116–120.

[18] *Krypton C.* The Northern sea route… P. 23–24.

[19] Finmarksposten (Hammerfest). 1869. 3 August.

[20] Плавание М. Сидорова на собственном пароходе «Георгий»… // Студитский Ф.Д. История открытия морского пути… С. 118.

[21] *Nordenskiöld A.E.* Vegas Reise omkring Asia og Europa. Tilligemed et historisk tilbakeblik paa tidligere reiser langs nordkysten af den gamle verden. Kristiania, 1881. P. 282 (footnote 4). Эта книга спустя время была переведена на русский язык: *Норденшельд А.Е.* Плавание на «Веге». Л., 1936. Т. 1–2.

[22] В.Н. Латкин, тесть М.К. Сидорова, был основателем «Печорской компании», которая занималась экспортом леса в российские и европейские гавани. Позже, когда Латкин обанкротился, Сидоров вступил во владение этим предприятием. В 1867 г. он начал транспортировать лиственницу с Печоры в Кронштадт и Санкт-Петербург. См. об этом: *Гончаров А.Е.* Михаил Константинович Сидоров и неразрешенная проблема сибирского Севера // Енисейский Север: История и современность: сб. науч. ст. Красноярск, 2011. Вып. 1. С. 75–76.

Сидоров не знал, как разрешить эту дилемму, и решил отложить переход через Карское море до следующего года. В 1870 г. он вернулся на Печору, чтобы продолжить плавание на судне до Оби, но в этот момент совершенно неожиданно был приглашен великим князем Алексеем Александровичем, младшим сыном императора Александра II, присоединиться к его флоту и сопровождать его в экспедиции вдоль Арктического побережья Европейской России. Вряд ли М.К. Сидоров мог отказаться от такого приглашения, поэтому он последовал за великим князем на Новую Землю, а оттуда до Мурманского побережья и границы с Норвегией[23].

После этих путешествий прошло два года, прежде чем М.К. Сидоров нашел возможность вновь вернуться на Печору, чтобы продолжить свое плавание до устья Оби. Однако на этот раз в Печорской бухте он неожиданно встретился с австрийцем Иоганном Непомуком Вильчеком (J.N. Wilczek), главным спонсором австро-венгерской полярной экспедиции Юлиуса Пайера (Julius Payer) и Карла Вейпрехта (Karl Weyprecht), проходившей в 1872–1874 гг.[24] Основная команда этой экспедиции как раз недавно отплыла от западного побережья Новой Земли в поисках прохода в «открытое арктическое море» на борту судна «Тегетгофф»[25]. Сам же граф Вильчек пошел на судне «Исбьорн» из Тромсё, чтобы подготовить для идущей экспедиции несколько складов на Новой Земле. Попрощавшись с «Тегетгоффом», Вильчек хотел вместе с некоторыми из своих спутников добраться до Петербурга через Печору и отправил «Исбьорн» обратно в Тромсё. Но вскоре они поняли, что добраться до Петербурга таким путем отнюдь не будет легким путешествием. Познакомившись с этими людьми, М.К. Сидоров почувствовал, что у него нет другого выбора, чем пойти вызволять австрийцев из затруднительного положения. Он заявил о своей готовности провести их вверх по реке Печоре на борту «Георгия» на юг до севера Вологодской губернии. Сделав это, он поспешил обратно в Петербург, чтобы удостовериться, что иностранных гостей примут должным образом, когда они, наконец, прибудут в российскую столицу.

В 1873 г. М.К. Сидоров оказался всецело вовлечен в подготовку российской экспозиции для Всемирной промышленной выставки в Вене, которая была посвящена развитию торговых связей, предпринимательству и новым направлениям продвижения рынков. В итоге всех произошедших за 1869–1873 гг. событий его планы открыть морской путь на Обь и Енисей все дальше и дальше отходили на второй план. Хотя он и подошел уже близко к достижению своей цели, но кажется, что он не был одержим мыслью действительно ее достичь. Удивительно, что спустя время он так мало заботился об осуществлении своих давних мечтаний, хотя потратил уже так много денег, опубликовал немалое количество газетных статей и написал массу писем. Нерешительность Сидорова на данном этапе означала, что он не успел выполнить условие о том, чтобы открыть этот морской путь в течение пяти лет, данных ему в разрешении. Как следствие, он лишился предоставленных ему привилегий, хотя несколько раз ходатайствовал об их продлении, но это оказалось безрезультатно[26].

Отметим, что во время своих визитов в Норвегию в 1868 г. М.К. Сидорову действительно удалось возбудить интерес норвежских купцов, судовладельцев и охотников на морских зверей к идее освоения Северного морского пути. По возвращении в Россию он получил целую серию сообщений, в частности от норвежских охотников на тюленей из Вардё, Хаммерфеста и Тромсё, а также от более крупных фирм в Тронхейме и Христиании (с 1925 г. – Осло). Сидоров великодушно дал письменные полномочия наиболее вероятным

[23] Плавание М. Сидорова на собственном пароходе «Георгий»… С. 116–120. См. также: *Шрадер Т.А.* Северный поход 1870 года и его значение для Севера России // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы шестой ежегодной науч. конф. (14–16 апреля 2004 г.). СПб., 2005. С. 114–125.

[24] 185 лет со дня рождения И.Н. Вильчека [Электронный ресурс]. URL: https://rgotomsk.com/events (дата обращения: 20.08.2023).

[25] «Открытое арктическое море» австро-венгерская полярная экспедиция так и не нашла, но зато она стала первооткрывателем Земли Франца Иосифа в 1873–1874 г.

[26] Льготы и привилегии товариществу М. Сидорова… С. 92–93.

кандидатам на совершение плаваний в Карское море[27]. Среди откликнувшихся на обращение М.К. Сидорова был, например, директор фирмы «Холмсен и Ко» из Христиании, который обратился к нему через генерального консула России в Норвегии Г.А. Мехелина. Из писем г-на Холмсена (Holmsen) видно, что он был убежден, что норвежская деятельность вдоль северного побережья Сибири действительно зависела от одобрения лично М.К. Сидорова и особых привилегий, данных его компании Александром II. Так, 21 февраля 1871 г. Холмсен сообщил Сидорову, что он посылает свою шхуну «Альфа» в Ледовитый океан для охоты на моржей в районе Новой Земли «и потому покорнейше прошу вас на основании дарованных вам прав не препятствовать этому судну». Из этого Сидоров сделал вывод, что норвежцы признают «права России на звериные морские промыслы около Новой Земли и тем более в Карском море»[28].

Секретарь Общества поощрения русского торгового мореплавания Ф.Д. Студицкий, тесно сотрудничавший с М.К. Сидоровым, позднее утверждал, что приход норвежских охотников в Карское море около 1870 г. действительно был результатом похода Сидорова по Северному морскому пути. С этим мнением согласен и уже упомянутый выше исследователь К. Криптон[29]. Однако фактически норвежская охота на морских зверей на Новой Земле и в Карском море началась еще до того, как М.К. Сидоров впервые посетил Финнмарк осенью 1868 г. Так, первые норвежские зверобои во главе с Эллингом Карлсеном (1819–1900) отправились самостоятельно из Тромсё на Новую Землю и в Карское море уже летом 1867 г. Они побывали в Карском море, сделав это на шлюпке «Солид», принадлежавшей ему и торговцу из Хаммерфеста О.И. Финкенхагену (Finckenhagen)[30]. Русский Север не был чужд Карлсену, так как он служил в команде норвежского корабля, который ходил в Архангельск еще во время Крымской войны[31]. Возможно, как раз во время этих визитов он впервые и услышал об охотничьих угодьях Новой Земли. Но другие свидетельства указывают на то, что идея отправить судно в Карское море возникла у господина Финкенхагена, когда он узнал об охоте на морского зверя в России от поморских торговцев, посетивших Хаммерфест[32].

Если говорить про Эллинга Карлсена, то его слава как ледового лоцмана основывалась и на том, что в 1863 г. он первым совершил плавание вокруг всего Шпицбергена. А вот его путешествие на Новую Землю и в Карское море в 1867 г., вероятно, было все же первым плаванием, которое совершил в эти дальние воды норвежский шкипер. Именно оно послужило началу масштабных норвежских промыслов в этом районе, которые просуществовали в дальнейшем не одно десятилетие. Так, в 1867 г. Эллинг Карлсен в своем первом путешествии на восток, вопреки господствовавшему тогда в России географическому стандарту, проплыл через Карские Ворота, не встретив серьезных препятствий. Затем он прошел значительное расстояние по Карскому морю и вернулся через Югорский Шар. Когда через год, в 1868 г., он пошел в тот же регион, за ним последовало еще одно норвежское судно. Газета «Finmarksposten» потом сообщила, что оба корабля благополучно вернулись в Хаммерфест с хорошим уловом. В этой же газете было высказано предположение, что в следующем году каждый охотник на морского зверя из Хаммерфеста и Тромсё откажется от промыслов на Шпицбергене в пользу Новой Земли[33]. Иными словами, Э. Карлсен был уже знаком с Новой

[27] *Krypton C.* The Northern sea route… P. 29.
[28] Сношения М. Сидорова с норвежскими промышленниками о плавании в устья рек Оби и Енисея и с русским генеральным консулом в Кристиании Мехелиным // Студитский Ф.Д. История открытия морского пути… Ч. 1. С. 100–101.
[29] *Krypton C.* The Northern sea route… P. 29–30; См. также: *Valle K.* En oversikt over konfliktene mellem Norge og Russland om selfangsten i Østisen i tidsrommet 1893–1926. Unpublished MA thesis in political science. Oslo, 1956. P. 11.
[30] Finmarksposten (Hammerfest). 1869. 25 February.
[31] *Mook R.* Elling Carlsen und die Österreichisch-Ungarische Nordpol-Expedition von 1872 bis 1874. Institute of Social Sciences, Stensilserie B. Tromsø, 1984.
[32] *Sivertsen J.* Hammerfest 1789–1914. Hammerfest, 1973. P. 95.
[33] Finmarksposten (Hammerfest). 1869. 25 February.

Землей и Карским морем, когда впервые встретил М.К. Сидорова в Хаммерфесте осенью 1868 г.

В 1869 г. в водах вокруг Новой Земли побывало уже не менее 18 норвежских судов с общей численностью команд в 186 человек[34]. В том же году англичанин, майор Джон Паллисер (John Palliser), также пошел в Карское море и дошел до Белого острова, предвкушая, таким образом, более активное участие и Великобритании в развитии Северного морского пути[35]. Однако вплоть до конца 1870-х гг. норвежцы были настоящими хозяевами в этих местах, которые они называли «Восточными льдами». По сообщениям шведско-норвежского консульства в Архангельске, в 1870 г. в промыслах на тюленей на Новой Земле и в Карском море принимало участие от 80 до 90 норвежских судов, тогда как русских кораблей было всего восемь. Кроме того, записи начальника Архангельского порта показывают, что число поморских промысловых судов в 1871–1877 гг., участвовавших в зверобойных промыслах, колебалось в этом регионе от 1 до 10 единиц[36]. То есть на протяжении 1870-х гг. русские поморы, занимавшиеся морскими промыслами, играли здесь довольно скромную роль.

В своем соперничестве с поморами норвежцы имели тогда явное преимущество, даже если им предстоял гораздо более длинный путь. Ведь они пользовались свободными ото льда водами, могли выйти из незамерзающих гаваней Северной Норвегии и следовать по незамерзающему руслу вдоль берегов Мурмана уже в начале весны, достигая охотничьих угодий у горла Белого моря к концу апреля или началу мая. Оттуда они продолжали путь на Новую Землю, как только позволяли ледовые условия. Поморы же, жившие вдоль побережья Белого моря, естественно, должны были ждать, пока растает лед в Белом море. Это означало, что добраться до Новой Земли они могли, как правило, только в конце мая или начале июня[37].

Сами поморы объясняли свою скромную активность в этом районе тем, что они были вытеснены притоком норвежских судов. В этом доводе была доля истины, но в то же время известно, что упадок поморской охоты на морского зверя на Новой Земле был лишь одним из признаков общего упадка поморской охоты и мореплавания на севере в XIX в., который беспокоил и М.К. Сидорова. К началу 1850-х гг. поморы уже свернули свою деятельность на Шпицбергене и на Медвежьем острове, и нет никаких сомнений в том, что масштабы их охоты у Новой Земли также значительно сократились еще до прихода норвежцев. Когда М.К. Сидоров был на Печоре, ему рассказали, что последняя поморская ладья из этих мест побывала на Новой Земле в 1857 г.[38]

Выше уже упоминалось о несколько двойственном отношении М.К. Сидорова к участию иностранцев в освоении Русского Севера. С одной стороны, он предостерегал от активного предоставления разрешений на охоту для норвежцев в русских водах и призывал российское правительство принять контрмеры. С другой стороны, он был, как мы видели, не против пригласить норвежцев в тот же регион для оказания ему помощи в решении важного дела – открытия Северного морского пути. Однако северо-норвежские шкиперы обычно не спрашивали ни у кого разрешения на выход в Карское море и не проявляли особого желания сотрудничать с М.К. Сидоровым, хотя они, наверно, могли бы проходить свободно в устья Оби и Енисея. Когда это стало ясно, Сидоров и его сторонники обвинили их в том, что они преследуют только свою выгоду, что, в принципе, было верно. Норвежцы

[34] Отчет губернатора Финнмарка норвежскому Министерству внутренних дел, 12 декабря 1870 года // National Archive of Norway. The Archive of the Norwegian Ministry of Foreign Affairs. Op. 3. Box. 2.

[35] *Armstrong T.* The Northern Sea Route. Soviet Exploitation of the North East Passage. Cambridge, 1952. P. 3.

[36] Сообщение Норвежско-шведского генерального консула в Архангельске Норвежско-шведскому посланнику в Санкт-Петербурге, 27 марта 1878 года // National Archive of Norway. The Archive of the Norwegian Ministry of Foreign Affairs. Op. 5. Box. 23.

[37] С Мурмана (от нашего корреспондента) // Русское Судоходство. 1887. XII (Приложения). С. 50.

[38] Путешествие Сидорова по Финляндии… С. 79; Беседы о Севере России… С. 194; *Сидоров М.К.* О необходимости оградить право собственности России на Карское море (Доклад на заседании Общества содействия русской промышленности и торговли, 22.12.1871) // Студитский Ф.Д. История открытия морского пути… Ч. 2 (Приложения). С. 42.

играли в одиночку, действуя совершенно независимо от русских интересов, и это означало, что их плавания стали для российских властей довольно ненадежными.

Однако М.К. Сидоров по-прежнему верил в Адольфа Эрика Норденшёльда, когда дело дошло до освоения Северного морского пути в Сибирь. Эта тема, несомненно, стояла на повестке дня, когда в декабре 1868 г. они встретились в Тромсё, и вполне возможно, что именно Сидоров вдохновил Норденшёльда на исследование данного пути. Известно, что буквально через полгода после посещения Тромсё М.К. Сидоров представил в Императорское географическое общество планы направить совместную русско-норвежско-шведскую экспедицию в устья рек Обь и Енисей. Как было отмечено в этих планах, экспедицию должен был возглавить «мой хороший друг» профессор Норденшёльд. Правление Императорского географического общества, вице-президентом которого был адмирал Ф.П. Литке, ответило тогда на это, что «едва ли в настоящее время можно ожидать существенной пользы от подобной экспедиции, в особенности если принять в соображение те существенные расходы, которые оно повлекло бы за собою»[39]. В результате из этой инициативы ничего не вышло, и когда А.Э. Норденшёльд шесть лет спустя (1875) организовал свое первое плавание на Енисей, похоже, он сделал это более или менее независимо от М.К. Сидорова и других российских сторонников освоения Северного морского пути. Однако надо прибавить, что сибирский золотопромышленник А.М. Сибиряков существенно поддержал экономически вторую экспедицию Норденшёльда на Енисей (1876), а также его экспедицию на «Веге» в 1878–1879 гг., которая стала первой в истории сквозной поездкой через Северо-восточный проход[40].

Если говорить об отношении к норвежским зверобоям в России, то в российской прессе оно было во многом негативным, поскольку считалось, что промысловики из Норвегии могут быть экономической и даже политической угрозой для Севера России. Сам М.К. Сидоров утверждал, что деятельность норвежцев в Карском море представляет собой своего рода экономический экспансионизм, при котором норвежские охотники на моржей хотели бы придать Новой Земле статус нейтральной территории или «ничейной земли»[41]. Ходили даже слухи, что норвежцы планомерно уничтожали старые русские стоянки, кресты и хижины на Новой Земле, чтобы подорвать исторически-обоснованные права и политический суверенитет России на этой территории. Действительно, норвежско-шведский консул в Архангельске Б.С. Флейшер получал много жалоб на чрезмерную охоту и неправомерные действия норвежцев. Однако в ответах на них он возражал, ссылаясь на научные достижения охотников, многие из которых проводили метеорологические, гидрографические и другие наблюдения по заказу шведских и норвежских полярных исследователей. Так, в письме губернатору Архангельской губернии Н.П. Игнатьеву в 1878 г. Б.С. Флейшер утверждал, что норвежские охотничьи экспедиции в Карское море проложили путь к открытию Норденшёльдом морского пути к устьям Оби и Енисея в 1875–1876 гг. и, это, вероятно, будет иметь жизненно важное значение для будущей торговли между Сибирью и западными странами. Поэтому трудно понять, как он выражается, почему норвежские походы в Карское море и на Новую Землю считались наносящими ущерб интересам России[42].

При этом среди ученых-географов также были те, кто позитивно оценивал деятельность норвежцев. Факт оставался фактом, как отмечал немецкий географ Август Петерманн, что даже если норвежские зверобои сами не искали Северный морской путь, но их плавания в российских водах в конце 1860-х – начале 1870-х гг. были все же большим шагом вперед

[39] Предложение М. Сидорова Русскому Географическому обществу об отправлении полярной экспедиции под начальством Норденшельда // Студитский Ф.Д. История открытия морского пути… Ч. 1. С. 147–149.
[40] From Northeast Passage… P. 205, 226.
[41] *Сидоров М.К.* По поводу голландской экспедиции на Новую Землю // Студитский Ф.Д. История открытия морского пути… Ч. 2 (Приложения). С. 208–209.
[42] О норвежцах, обвиняемых в промысле тюленей в русских водах // Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 4. Оп. 16. Т. 1. Д. 1866; Министерство внутренних дел России губернатору Архангельской губернии, 29.09.1878 // ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1599.

в его освоении, поскольку они в своем постоянном поиске морского зверя эффективно развеяли миф о несудоходности Карского моря[43].

Кроме того, русский географ, знаменитый писатель и анархист Петр Алексеевич Кропоткин в 1871 г. заявлял, что норвежские шкиперы расширили знания русских о Карском море до такой степени, на которую никто не рассчитывал. Он отмечал, что деятельность норвежцев даже привела к возобновлению интереса к полярным исследованиям и в самой России, тогда как раньше экспедиции на Север и особенно в дальнюю Арктику считались российскими властями «роскошью и растратой финансовых и человеческих ресурсов». Основная область интересов России в этот период располагалась в Средней Азии и в соседних китайских и монгольских территориях, как пишет П.А. Кропоткин, который в 1860-е гг. уже зарекомендовал себя как исследователь Восточной Сибири. По его мнению, было хорошо, что появление десятков норвежских охотничьих судов в Карском море теперь привлекло внимание русских властей к Северу[44].

В отличие от почти одностороннего осуждения в российской прессе, реакция собственно правительства страны на деятельность норвежцев была более осторожной и неоднозначной. Так, оно отклонило несколько предложений о запрете посещения российских вод иностранцами. В Министерстве иностранных дел России выражались опасения, что ограничения охоты на морских млекопитающих в российских водах могут привести к ответным мерам с норвежской стороны, что может поставить под угрозу всю поморскую торговлю с Северной Норвегией. Архивные источники, хранящиеся в Российском Государственном Архиве Военно-морского флота, свидетельствуют о том, что российские власти на рубеже XIX–XX вв. признавали значение плавания норвежских охотников, предоставлявших чрезвычайно важный материал для исследования Карского моря, который иначе было бы трудно получить из-за суровых навигационных условий[45].

В то же время Совет министров Российской империи все более осознавал, что отсутствие каких-либо русских поселений на Новой Земле представляет собой серьезную проблему ввиду угрозы со стороны иностранцев, о которой не раз предупреждал и М.К. Сидоров. Становилось очевидным, что с этим надо было наконец что-то делать. По инициативе архангельского губернатора А.П. Энгельгардта в середине 1890-х гг. были предложены выгодные условия всем русским людям, которые хотели бы поселиться на архипелаге и таким образом уравновесить присутствие норвежцев на Новой Земле или вокруг нее. Однако этот проект не увенчался успехом, и поэтому было найдено другое решение: губернатор выступил с предложением о колонизации Новой Земли ненцами[46]. Считалось, что, будучи жителями Арктики, ненцы лучше смогут приспособиться к суровым условиям, чем русские поселенцы. Имея на острове колонию ненцев, российское правительство полагало, что оно, несомненно, смогло бы укрепить свою позицию на архипелаге. Ведь ненцы были чисто «русским» малым народом или группой инородцев, в отличие, например, от саамов, проживавших на территории, раскинувшейся на несколько стран, национальная принадлежность которых по этой причине была более неоднозначной. Во многом этот проект удался, когда на рубеже XIX–XX вв. на архипелаге проживало уже более 100 ненцев.

Повышение международного интереса к Новой Земле, возникшее в конце 1860-х гг., также побудило российские власти, не без влияния М.К. Сидорова, возобновить приостановленную ранее исследовательскую деятельность в этом регионе. Так, в Малых Кармакулах на

[43] *Petermann A.* Die fünfmonatliche Schiffbarkeit des Sibirischen Eismeeres um Novaja Semlja erwiesen durch die Norwegischen Seefahrer in 1869 und 1870, ganz besonders aber in 1871 // Geographische Mittheilungen aus Justus Perthes. Geographischer Anstalt. 1872. No. 18. P. 381–395.

[44] *Кропоткин П.А.* Экспедиция для исследования русских северных морей. Доклад Комиссии по снаряжению экспедиции в северные моря. СПб., 1871. С. 35; *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1990. С. 179, 210–211. См. также: Петр Алексеевич Кропоткин. 1842–1921 // Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. М., 1962. Кн. 2. С. 500–502.

[45] Глава Министерства земледелия и Министерства государственных имуществ Российской империи к главе Министерства военно-морского флота, 30.05.1901 // Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 2279. Л. 182.

[46] *Engelhardt A.P.* A Russian Province of the North. London, 1899. P. 172–225.

архипелаге Новая Земля в 1877–1878 гг. была построена первая метеорологическая станция, а в 1882–1884 гг. на острове Сагастыре, в северном устье реки Лены, была открыта вторая подобная станция[47]. Таким образом, в Международный полярный год, проходивший в 1882–1883 гг., обе эти станции стали участницами международной исследовательской программы, в которой Россия играла немаловажную роль. Более того, в 1895 г. Министерство земледелия и Министерство государственных имуществ Российской империи выделили средства на универсальную экспедицию под руководством академика Ф.Н. Чернышева, главной задачей которой было изучение геологии, ледников и рек Новой Земли. Спустя несколько лет, в 1909 г., для дальнейшего развития исследований Ф.Н. Чернышева на Новой Земле состоялась экспедиция В.А. Русанова, после которой российские власти на основе его отчетов в очередной раз с тревогой отметили «злосчастное положение наших северных морских богатств, которые открыто и беззастенчиво расхищались иностранцами»[48].

Можно ли говорить о том, что правительство Российской империи приветствовало развитие Северного морского пути в 1860-е – начале 1900-х гг. или оно было настроено скептически? На этот вопрос нет однозначного ответа. Константин Криптон, возможно, прав, утверждая, что именно экономические и политические факторы в дореволюционной России, а не естественные преграды, представляли собой наибольшие препятствия для развития Северного морского пути[49]. В то же время приходится признать, что российское правительство в принципе не было против развития Северного морского пути. Видимо, проблема заключалась в том, что оно не было готово принять эту идею всем сердцем, пока не упрочились позиции российского государства на Севере. Как восточные, так и северные окраины России были крайне уязвимы из-за исполинских размеров страны и слаборазвитых внутренних коммуникаций. Кроме того, еще больше, чем Дальний Восток, Русский Север страдал в то время от недостатка внимания со стороны правительства, о чем в свое время часто беспокоился и М.К. Сидоров. Чтобы прочно интегрировать эти далекие берега Ледовитого океана в российское государство, надо было вложить достаточно ресурсов в постройку военно-портовых сооружений, а также создать экономически развитые населенные пункты. Без этого было практически невозможно контролировать прибывающие на Север океанские суда. Однако Северный морской путь пока не считался достаточно важным проектом, чтобы оправдать такие громадные затраты.[50]

Альтернативным вариантом было отдать освоение этого морского пути в руки частной инициативы, но даже в таком случае все равно было важно оставить его под государственным контролем. В 1860-е гг. планы М.К. Сидорова казались российскому правительству реальным вариантом, когда контроль над Северным морским путем оставался бы твердо в руках России и в то же время не потребовалось бы крупных расходов на него из российской казны. В интересах компании Сидорова, как полагалось, было бы само по себе важно контролировать деятельность иностранцев в этом регионе. Но поскольку Сидоров по разным причинам, о которых мы уже рассказывали выше, не смог пересечь Карское море, а значит не выполнил свои обязательства перед правительством страны, то закономерно, что оно потеряло к нему доверие.

Действительно, у России были веские основания опасаться, что Северный морской путь проложит дорогу для проникновения в Сибирь немалого числа иностранцев и увеличит сюда приток контрабанды. В то же время уже само расположение русских промышленных

[47] *Гриневецкий Л.Ф.* Поперек Новой Земли // Известия Императорского Русского географического общества. СПб., 1884. Т. XIX, 1883. С. 265–291; *Пасецкий В.М.* Первооткрыватели Новой Земли. М., 1980. С. 133–137. См. также: *Mook R.* Polaråret 1882–1883. En historisk skisse // Været 1982 (Oslo). No. 6. P. 83–94; *Barr W.* The expeditions of the First International Polar Year 1882–1883. Calgary, 1985.

[48] *Пасецкий В.М.* Первооткрыватели Новой Земли… С. 137–158, 162. Речь идет об иностранцах – норвежских зверобоях, начавших зимовать на Новой Земле, чтобы сделать свою охоту более эффективной и полноценной. Отчет В.А. Русанова привел к серьезному дипломатическому кризису между Россией и Норвегией, который закончился тем, что норвежские зверобои быстро покинули Новую Землю (См.: Сближение… С. 491–493).

[49] Krypton C. The Northern sea route… P. III–IV.

[50] From Northeast Passage to Northern Sea Route… P. 411–413.

центров в европейской части России делало очевидным то, что Северный морской путь будет чрезвычайно выгоден для западноевропейского купечества, а значит за внешней торговлей легко может последовать и иностранный капитал. Царское правительство в эпоху усиливающегося промышленного протекционизма разумно опасалось, что Северный морской путь будет развиваться вне его контроля. За этими опасениями стояла не только забота о промышленном развитии собственно России, но и политические соображения. В 1885 г. специально созванная правительственная комиссия пришла к выводу, что развитие иностранного производства на окраинах Российской империи принесет интересам государства больше вреда, чем пользы: «Промышленные предприятия иностранцев, конкурируя с туземною промышленностью при условиях крайне неблагоприятных для последней, служили одним из могущественных орудий того мирного завоевания окраин, которому желательно было положить предел»[51]. Кроме того, отсутствие в Сибири дворянского сословия, которое могло бы гарантировать политическую легитимность Северного морского пути, было также неприемлемо в столичном Санкт-Петербурге. С другой стороны, не менее опасным фактором в имевшейся ситуации было продолжать игнорировать насущные потребности Западной и Центральной Сибири. На самом деле правительство не было нечувствительным к спросу выхода на зарубежные рынки некоторых сибирских продуктов, полезных ископаемых и руд, экспорт которых в противном случае был бы невозможен[52].

Заключение. В принципе российское правительство на рубеже XIX и XX вв. было не против Северного морского пути, который обеспечил бы связь между Сибирью и внешним миром, даже если, как выяснилось, это зависело от помощи из-за границы в создании столь востребованной водной артерии, будь то британцы, норвежцы или кто-нибудь еще. М.К. Сидоров первым поставил эту задачу на повестке дня в России, и хотя ему не удалось реализовать свои планы в этом направлении, но нельзя сказать, что его кампания по развитию Северного морского пути не принесла ощутимых плодов[53]. Ведь фактически он опередил свое время. После его ухода из жизни в 1887 г. появились вскоре его единомышленники-россияне, которые продолжали начатую им работу. Здесь стоит упомянуть известного вице-адмирала С.О. Макарова (1849–1904), который в 1897–1903 гг. представил комплексные планы по организации транспортно-судоходного, а еще и лесного предпринимательства в Сибири и особенно на Енисее[54]. Между тем исполнить эти планы, да еще и положить начало лесной промышленности на Енисее в целом, как видится, удалось опять же при помощи представителей извне. Таковым стал предприниматель, первый почетный консул Норвегии в Сибири в 1914–1917 гг. норвежец Йонас Лид (Jonas Lied) (1881–1969). Для него, так же как и для М.К. Сидорова, Северный морской путь стал заветной мечтой и главной целью его жизни. «Этот путь был для меня истинным источником жизненной силы и энергии», так напишет Йонас Лид в своей автобиографии[55]. С помощью созданной им «Сибирской компании пароходства, торговли и промышленности» Й. Лид хотел и отчасти смог развить не только морской путь в Сибирь, но и лесное производство, и организовать экспорт лесных материалов, минералов и льна из бассейна Енисея в Западную Европу[56]. Самым важным его союзником в России стал тогда новый городской голова города Енисейска и член Государственной Думы С.В. Востротин, влиятельный поборник Северного морского пути. Вместе с Й. Лидом они, можно сказать, установили то российско-норвежское партнерство, которое Сидорову не удалось организовать в 1870–1880-е гг.

[51] Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 4. Комитет министров в царствование Императора Александра Третьего (1881 г. 2 марта – 1894 г. 20 октября). С. 173.

[52] *Krypton C.* The Northern sea route… P. 41.

[53] См. также: *Агапов М.Г.* Северный морской путь: национальный патриотизм и предпринимательские интересы // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 2. С. 473–488.

[54] *Гончаров А.Е.* Адмирал С.О. Макаров и Карский морской путь: первая попытка организовать лесоэкспорт с Енисея // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 62–76.

[55] Prospector in Siberia: the Autobiography of Jonas Lied. New York, 1945. P. 237. Эта книга спустя время была издана на русском языке: *Лид Й.* Сибирь – странная ностальгия. Автобиография. М., 2009. С. 7–21.

[56] *Тевлина В.В.* Скандинавское лесопромышленное предпринимательство в России в конце 1910-х – 1920-е годы // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 102–110.

Вообще можно говорить о заметных успехах в развитии и освоении Северного морского пути накануне революции 1917 г. благодаря, среди прочих мер, государственным инвестициям в инфраструктуру в форме морских навигационных знаков и радиостанций вдоль морского побережья. А потом настало другое время, многое изменившее.

Литература

Агапов М.Г. Северный морской путь: национальный патриотизм и предпринимательские интересы // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 2. С. 473–488.

Беседы о Севере России в 3 отделении Императорского Вольного экономического общества по докладам: В.Л. Долинского, В.Н. Латкина и М.К. Сидорова. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1867. 459 с.

Гончаров А.Е. Адмирал С.О. Макаров и Карский морской путь: первая попытка организовать лесоэкспорт с Енисея // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 62–76.

Гончаров А.Е. Михаил Константинович Сидоров и неразрешенная проблема сибирского Севера // Енисейский Север: История и современность: сб. науч. ст. Красноярск, 2011. Вып. 1. С. 73–82.

Гриневецкий Л.Ф. Поперек Новой Земли // Известия Императорского Русского географического общества. СПб., 1884. Т. XIX, 1883. С. 265–291.

Жилинский А.А. Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск: Издание Комитета по увековечению памяти М.К. Сидорова, 1918. 153, [2] с.

Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб.: Издание Канцелярии Комитета министров, 1902. Т. 4. Комитет министров в царствование Императора Александра Третьего (1881 г. 2 марта – 1894 г. 20 октября) / под ред. А.Н. Куломзина. 472 с.

Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. 526 с.

Кропоткин П.А. Экспедиция для исследования русских северных морей. Доклад Комиссии по снаряжению экспедиции в северные моря. СПб.: Императорское книжное географическое общество, 1871. Кн. 2. 91 с.

Лид Й. Сибирь – странная ностальгия. Автобиография. М.: Весь Мир, 2009. 302 с.

Норденшёльд А.Е. Плавание на «Веге» / под ред. В.Ю. Визе; пер. со швед. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936. Т. 1. 479 с.

Норденшёльд А.Е. Плавание на «Веге» / под ред. В.Ю. Визе; пер. со швед. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936. Т. 2. 503 с.

Пасецкий В.М. Первооткрыватели Новой Земли. М.: Наука, 1980. 193 с.

Петр Алексеевич Кропоткин. 1842–1921 // Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники: в 4 кн. / под ред. И.В. Кузнецова. М.: Физматгиз, 1962. Кн. 2. С. 500–502.

Пинхенсон Д.М. Проблемы Северного морского пути в эпоху капитализма. Л.: Морской транспорт, 1962. Т. 2: История открытия и освоения Северного морского пути. 765 с.

С Мурмана (от нашего корреспондента) // Русское Судоходство. 1887. XII (Приложения). С. 50–51.

Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / ред. Й.П. Нильсен; пер. с норв. М.: Весь Мир, 2017. 708 с.

Сидоров М.К. Север России. СПб.: Тип. Почтового дела, 1870. 557 с.

Студитский Ф.Д. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива: в 2 ч. СПб.: Тип. Д.И. Шеметкина, 1883. Ч. 1. 320 с.

Студитский Ф.Д. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива: в 2 ч. СПб.: Тип. Д.И. Шеметкина, 1883. Ч. 2. 288 с.

Тевлина В.В. Скандинавское лесопромышленное предпринимательство в России в конце 1910-х – 1920-е годы // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 102–110.

Шрадер Т.А. Северный поход 1870 года и его значение для Севера России // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: мат-лы Шестой ежегодной науч. конф. (14–16 апреля 2004 г.). СПб., 2005. С. 114–125.

Armstrong T. The Northern Sea Route. Soviet Exploitation of the North East Passage. Cambridge: Cambridge University Press, 1952. 162 p.

Barr W. The expeditions of the First International Polar Year 1882–1883. Calgary: Arctic Institute of North America, 1985. 222 p.

Engelhardt A.P. A Russian Province of the North. London, 1899. Westminster: A. Constable, 1899. 356 p.

From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway north of Eurasia / Editor by J.P. Nielsen, E. Okhuizen; illustration eds. V.V. Tevlina, J.P. Nielsen, O.A. Krasnikova, E. Okhuizen). Leiden: Brill Academic Publishers, 2022. 544 p.

Krypton C. The Northern Sea Route: its Place in Russian Economic History before 1917. New York: Research Program on the USSR, 1953. 194 p.

Krypton C. The Northern Sea Route and the Economy of the Soviet North. London: Research Program on the USSR (by F.A. Prager), 1956. 219 p.

Mook R. Elling Carlsen und die Österreichisch-Ungarische Nordpol-Expedition von 1872 bis 1874. Institute of Social Sciences, Stensilserie B. Tromsø: University of Tromsø, 1984. 32 s.

Mook R. Polaråret 1882–1883. En historisk skisse // Været. 1982 (Oslo). No. 6. P. 83–94.

Nordenskiöld A.E. Vegas Reise omkring Asia og Europa. Tilligemed et historisk tilbakeblik paa tidligere reiser langs nordkysten af den gamle verden. Kristiania: Malling, 1881. 586 s.

Petermann A. Die fünfmonatliche Schiffbarkeit des Sibirischen Eismeeres um Novaja Semlja erwiesen durch die Norwegischen Seefahrer in 1869 und 1870, ganz besonders aber in 1871 // Geographische Mittheilungen aus Justus Perthes. Geographischer Anstalt. 1872. No. 18. P. 381–395.

Lied J. Prospector in Siberia: the Autobiography of Jonas Lied. New York: Oxford University Press, 1945. 317 p.

Sivertsen J. Hammerfest 1789–1914. Hammerfest: Hammerfest kommune, 1973. 358 s.

Valle K. En oversikt over konfliktene mellem Norge og Russland om selfangsten i Østisen i tidsrommet 1893–1926. Unpublished MA thesis in political science. Oslo: University of Oslo, 1956. 157 s.

References

Agapov, M.G. (2023). Severnyy morskoy put: natsionalnyy patriotizm i predprinimatelskie interesy [The Northern Sea Route: National Patriotism and Business Interests]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, No. 2, pp. 473–488.

Armstrong, T. (1952). *The Northern Sea Route. Soviet Exploitation of the North East Passage*. Cambridge, Cambridge University Press. 162 p.

Barr, W. (1985). *The Expeditions of the First International Polar Year 1882–1883.* Calgary, Arctic Institute of North America. 222 p.

(1867). *Besedy o Severe Rossii v 3 otdelenii Imperatorskogo Volnogo ekonomicheskogo obshchestva po dokladam: V.L. Dolinskogo, V.N. Latkina i M.K. Sidorova* [Conversations about the Russian North in the Third Division of the Imperial Free Economic Society Based on Presentations by V.L. Dolinskiy, V.N. Latkin and M.K. Sidorov]. St. Petersburg. 459 p.

Engelhardt, A.P. (1899). *A Russian Province of the North*. Westminster, A. Constable. 356 p.

Goncharov, A.Ye. (2011). Mikhail Konstantinovich Sidorov i nerazreshennaya problema sibirskogo Severa [Mikhail Konstantinovich Sidorov and the Unsolved Question Concerning Northern Siberia]. In *Yeniseyskiy Sever: Istoriya i sovremennost: sbornik nauchnykh statey.* Krasnoyarsk. Iss. 1, pp. 73–82.

Goncharov, A.Ye. (2022). Admiral S.O. Makarov i Karskiy morskoy put: pervaya popytka organizovat lesoeksport s Yeniseya [Admiral S.O. Makarov and the Kara Sea Route: The First Attempt to Organise Export of Lumber from the Yenisey]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 3 (23), pp. 62–76.

Grinevetskiy, L.F. (1884). *Poperek Novoy Zemli* [Across Novaya Zemlya]. In *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vol. XIX, pp. 265–291.

Kropotkin, P.A. (1871). *Ekspeditsiya dlya issledovaniya russkikh severnykh morey. Doklad Komissii po Snaryazheniyu ekspeditsii v severnye morya. Kn. 2* [The Expedition for Researching the Russian Northern Seas. Report from the Commission for Equipment of an Expedition to the Northern Seas]. St. Petersburg, Imperatorskoye geograficheskoye obshchestvo. 91 p.

Kropotkin, P.A. (1990). *Zapiski revolyutsionera* [Memoirs of a Revolutionary]. Moscow, Mysl. 526 p.

Krypton, C. (1953). *The Northern sea route: its place in Russian economic history before 1917*. New York, Research Program on the USSR. 194 p.

Krypton, C. (1956). *The Northern Sea Route and the Economy of the Soviet North.* London, Research Program on the USSR (by F.A. Prager). 219 p.

Kulomzin, A.N. (Ed.). (1902). *Istoricheskiy obzor deyatelnosti Komiteta Ministrov. Vol. 4: Komitet Ministrov v tsarstvovanie imperatora Aleksandra Tretyego (1881 g. 2 marta – 1894 g. 20 oktyabrya)* [A Historical Survey of the Work of Commitee of Ministers. Vol. 4: The Committee of Ministers during the Reign of Aleksandr the Third (1881, 2 March – 1894, 20 October)]. St. Petersburg, Izdanie kantselyarii Komiteta Ministrov. 472 p.

Kuznetsov, I.V. (Ed.). (1962). Petr Alekseevich Kropotkin 1842–1921 [Petr Alekseyevich Kropotkin 1842–1921]. In *Lyudi russkoy nauki. Ocherki o vydayushchikhsya deyatelyakh estestvoznaniya i tekhniki*. V 4 kn. Book 2. Moscow, Fizmatgiz, pp. 500–502.

Lid, Yo. (2009). *Sibir – strannaya nostalgiya. Avtobiografiya* [Siberia – a Strange Nostalgia. An Autobiography]. Moscow, Ves' Mir. 302 p.

Lied, J. (1945). *Prospector in Siberia: the Autobiography of Jonas Lied.* New York, Oxford University Press. 317 p.

Mook, R. (1982). *Polaråret 1882–1883. En historisk skisse*. In Været 1982 (Oslo). No. 6, pp. 83–94.

Mook, R. (1984). *Elling Carlsen und die Österreichisch-Ungarische Nordpol-Expedition von 1872 bis 1874*. Institute of Social Sciences, Stensilserie B. Tromsø, University of Tromsø. 32 p.

Nielsen, J.P. (Ed.). (2017). *Sblizhenie: Rossiya i Norvegiya v 1814–1917 godakh* [Getting Closer: Russia and Norway 1814–1917]. Moscow, Ves Mir. 708 p.

Nielsen, J.P., Okhuizen, E. (Eds.); Tevlina, V.V., Nielsen, J.P., Krasnikova, O.A., Okhuizen E. (Illustration eds.). (2022). *From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway north of Eurasia*. Leiden, Brill Academic Publishers. 544 p.

Nordenskiöld, A.E. (1936). *Plavanie na "Vege"* [The Navigation Onboard the "Vega"]. Leningrag, Izdatel'stvo Glavsevmorputi. Vol. 1. 479 p.

Nordenskiöld, A.E. (1936). *Plavanie na "Vege"* [The Navigation Onboard the "Vega"]. Leningrag, Izdatel'stvo Glavsevmorputi. Vol. 2. 503 p.

Nordenskiöld, A.E. (1881). *Vegas Reise omkring Asia og Europa. Tilligemed et historisk tilbakeblik paa tidligere reiser langs nordkysten af den gamle verden*. Kristiania, Malling. 586 s.

Pasetskiy, V.M. (1980). *Pervootkryvateli Novoy Zemli* [The First Discoverers of Novaya Zemlya]. Moscow, Nauka. 193 p.

Petermann, A. (1872). Die fünfmonatliche Schiffbarkeit des Sibirischen Eismeeres um Novaja Semlja erwiesen durch die Norwegischen Seefahrer in 1869 und 1870, ganz besonders aber in 1871. In *Geographische Mittheilungen aus Justus Perthes. Geographischer Anstalt*. No. 18, pp. 381–395.

Pinkhenson, D.M. (1962). *Problemy Severnogo morskogo puti v epokhu kapitalizma* [Questions Related to the Northern Sea Route in the Epoch of Capitalism]. Vol. 2 (Istoriya otkrytiya i osvoyeniya Severnogo morskogo puti). Leningrad, Morskoy Transport. 765 p.

(1887). S Murmana (ot nashego korrespondenta) [From the Murman Coast (From Our Correspondent)]. In *Russkoye Sudokhodstvo.* XII (Prilozheniya), pp. 50–51.

Shrader, T.A. (2005). Severnyy pokhod 1870 goda i ego znachenie dlya Severa Rossii [The Northern Excursion of 1870 and Its Importance to Russia]. In *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropy. Materialy Shestoy ezhegodnoy nauchnoy konferentsii (14–15 aprelya 2004 g.).* St. Petersburg, pp. 114–125.

Sidorov, M.K. (1870). *Sever Rossii* [The Russian North]. St. Petersburg, Tip-ya Pochtovogo dela. 557 p.

Sivertsen, J. (1973). *Hammerfest 1789–1914*. Hammerfest, Hammerfest kommune. 358 p.

Studitskiy, F.D. (1883). *Istoriya otkrytiya morskogo puti iz Evropy v sibirskie reki i do Beringova proliva* [The History of the Sea Route from Europe to the Siberian Rivers and to Bering Strait]. St. Petersburg, Tip. D.I. Shemetkina. Part 1. 320 p.

Studitskiy, F.D. (1883). *Istoriya otkrytiya morskogo puti iz Evropy v sibirskie reki i do Beringova proliva* [The History of the Sea Route from Europe to the Siberian Rivers and to Bering Strait]. St. Petersburg, Tip. D.I. Shemetkina. Part 2. 288 p.

Tevlina, V.V. (2022). Skandinavskoe lesopromyshlennoe predprinimatelstvo v Rossii v kontse 1910-kh – 1920-e gody [Scandinavian Sawmill Industry Entrepreneurship in Russia in the Early 20th Century]. In *Humanitarnye nauki v Sibiry*. Vol. 29, No. 4, pp. 102–110.

Valle, K. (1956). *En oversikt over konfliktene mellem Norge og Russland om selfangsten i Østisen i tidsrommet 1893–1926*. Unpublished MA thesis in political science. Oslo, University of Oslo. 157 s.

Zhilinskiy, A.A. (1918). *Rossiya na Severe (K opisaniyu zhizni i deyatelnosti M.K. Sidorova)* [Russia in the North (To the Description of the Life and Work of M.K. Sidorov)]. Arkhangelsk, Izdanie Komiteta po uvekovecheniyu pamyati M.K. Sidorova. 153, [2] p.

И.В. Поткина*

ЗАРОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ: ПРОЛОГ ГРЯДУЩЕГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В АРКТИКЕ

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-10
УДК 94(47)08

Выходные данные для цитирования:
Поткина И.В. Зарождение Северного морского пути: пролог грядущего геополитического противостояния в Арктике // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 139–153. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-10.pdf

I.V. Potkina*

THE ORIGIN OF THE NORTHERN SEA ROUTE: A PROLOGUE TO THE FORTHCOMING GEOPOLITICAL CONFRONTATION IN THE ARCTIC

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-10

How to cite:
Potkina I.V. The Origin of the Northern Sea Route: A Prologue to the Forthcoming Geopolitical Confrontation in the Arctic // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 139–153. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-10.pdf]

Abstract. The author analyzes consular reports, diplomatic and interdepartmental correspondence, which reflect the history of the development of the sea route from Northern Europe through the Kara Sea at the mouth of the Ob' and Yenisei rivers. The article shows how commercial navigation developed in the Arctic zone of Russia at the end of the 19th – the beginning of the 20th century, as well as which countries and entrepreneurs showed an increased interest in establishing regular communications along the new route, and what goals they pursued. At the same time, a conflict arose between the Ministry of Finance of the Russian Empire and the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Great Britain in St. Petersburg, who lobbied for the interests of British entrepreneurs. The author shows that the right of duty-free import of goods, the list of items allowed for coming in, the right of navigation in the internal waters of Russia became subjects of heated discussions between the parties involved. An analysis of the Foreign Ministry's records has led to the conclusion that the desire of the British to establish regular communication along the Northern Sea Route was dictated primarily by the geopolitical interests of the United Kingdom, which set itself several goals. First, to gain access to the resource base of Siberia. Second, to open up a gigantic sales market for their industrial products. Third, to find the shortest route to the Chinese Empire of the Qing dynasty, which at that time was in semi-colonial dependence on the Western powers. At the same time, in the development of the Northern Sea Route the British tried to use the algorithm of the East India Company, which they had tested more than once in international politics, in an effort to demand for themselves the maximum trade privileges in Russia. Relying on traditional methods of historical analysis, the author used techniques of cross-examination of various sources to recreate a full picture of past events.

Keywords: Northern Sea Route, commercial expeditions, customs duties, Siberian merchants, foreign traders, conflict of interest.

The article has been received by the editor on 08.08.2023
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Автор анализирует консульские донесения, дипломатическую и межведомственную переписку, в которых отразилась история освоения морского пути из Северной Европы через Карское море в устья рек Оби и Енисея. В статье показано, как развивалось коммерческое мореплавание в арктической зоне России в конце

* **Ирина Викторовна Поткина,** доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: potka@inbox.ru
Irina Viktorovna Potkina, Doctor of Historical Science, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: potka@inbox.ru

XIX – начале XX в., какие страны и предприниматели проявили повышенный интерес к установлению регулярного сообщения по новому пути, а также какие цели они преследовали. Обращено внимание на конфликтную ситуацию, возникшую между Министерством финансов Российской империи и чрезвычайным и полномочным послом Великобритании в Петербурге, лоббировавшим интересы английских предпринимателей. Автор показал, что предметом острых дискуссий между сторонами стали: право беспошлинного ввоза товаров, перечень разрешенных к ввозу предметов, право навигации во внутренних водах России. Анализ делопроизводственной документации Министерства иностранных дел привел к выводу, что стремление британцев наладить регулярное сообщение по Северному морскому пути диктовалось прежде всего геополитическими интересами Соединенного Королевства, поставившего себе несколько целей. Во-первых, получить доступ к ресурсной базе Сибири. Во-вторых, открыть для своих промышленных изделий гигантский рынок сбыта. В-третьих, обрести кратчайший путь к Китайской империи династии Цин, находившейся в то время в полуколониальной зависимости от западных держав. При этом в деле освоения Северного морского пути британцы пытались использовать не один раз опробованный ими в международной политике алгоритм Ост-Индской компании, стремясь вытребовать для себя максимальные торговые привилегии в России. Опираясь на традиционные методы исторического анализа, для воссоздания полноценной картины событий прошлого автор использовал приемы перекрестного опроса различных источников.

Ключевые слова: Северный морской путь, коммерческие экспедиции, таможенные пошлины, сибирские купцы, иностранные торговцы, конфликт интересов.

Статья поступила в редакцию 08.08.2023 г.

Долгое время 1932 г. считали точкой отсчета в истории Северного морского пути (СМП) – в этот год было создано Главное управление СМП, целью которого стало хозяйственное освоение Арктики, создание береговой инфраструктуры и обеспечение судоходства от Белого моря до Берингова пролива. Согласно исследованиям, в советский период благодаря деятельности данной организации и ее правопреемников поставленная задача была в основном решена[1]. Как показывают доступные опубликованные источники, недавно введенные в научный оборот архивные материалы, а также современная российская историография, история СМП уходит своими корнями во времена существования Российской империи, а именно в последнюю четверть XIX – начало XX в. Именно тогда, как нам представляется, обозначились некоторые точки международной напряженности, которые спустя десятилетия переросли в геополитический конфликт.

В целом СМП прошел через четыре этапа в своей истории, разных по своей сущностной характеристике: 1875–1916 гг., советский период, годы рукотворной деиндустриализации 1990–2000-х гг. и современный. Причем начальный этап, несмотря на в целом невысокий уровень технологических достижений того времени, необходимых для всестороннего изучения и хозяйственного освоения Севера, сыграл важную роль в накоплении информации и знаний о Русской Арктике, что позволило СССР достичь определенных успехов в освоении данного региона.

История Северного морского пути за последние сто с лишним лет заняла достойное место в отечественной историографии, став в некотором смысле отдельным направлением как в советский период, так и на современном этапе. При этом следует отметить, что научно-экспедиционные, социально-экономические и политические аспекты темы становились глав-

[1] См., например: *Тимошенко А.И.* Советский опыт освоения Арктики и северного морского пути: формирование мобилизационной экономики // Историко-экономические исследования. 2013. Т. 14, № 1–2; *Филин П.А.* Главное управление Северного морского пути в истории управления Арктикой // Полярные чтения на ледоколе «Красин». М., 2020. Т. 6. С. 237–261.

ными в трудах специалистов в тот или иной период времени изучения[2]. В начале XXI в. отечественная историография пополнилась фундированными научными исследованиями по этой теме российских и зарубежных историков. Они работали как с документами региональных архивов, которые впервые вводились в научный оборот, так и со многими опубликованными источниками[3]. В результате была реконструирована внешняя канва многих важных событий конца XIX в. из истории СМП. Тем не менее внешнеполитический контекст проблематики, несмотря на всю его важность, еще не получил должного внимания, хотя его включение в разработку, по нашему мнению, приведет к получению нового знания и уточнит общее видение проблемы.

Как показала работа в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), делопроизводственная документация Департамента внутренних сношений и хозяйственных дел Министерства иностранных дел (с 1898 г. Второго департамента), практически не задействованная в работах отечественных историков, вносит существенные коррективы в уже сложившуюся положительную, в некоторых случаях даже комплиментарную интерпретацию событий, предложенную исследователями. В особенности данное замечание касается западных историков, которые опирались исключительно на английские материалы[4]. С нашей точки зрения, именно источники дипломатического характера, а также межведомственная переписка позволяют раскрыть возникшие уже на рубеже XIX–XX вв. спорные моменты и конфликтные ситуации между Россией и ее западноевропейскими торговыми партнерами в Арктике, в первую очередь Великобританией.

Относительно многочисленных и разрозненных полярных экспедиций того времени необходимо пояснить следующее. Во-первых, в последней четверти XIX в. одновременно активизировались научные, познавательно-тренировочные и коммерческие экспедиции в северных водах России как со стороны самих русских, так и иностранцев. Во-вторых, эти три разных по целеполаганию вида плаваний тесно увязаны между собой, поскольку путешественникам в любом случае приходилось обобщать сделанные походя эмпирические наблюдения. В-третьих, скрытая в дипломатических документах история арктических коммерческих экспедиций позволяет вписать их в контекст не только экономического развития севера страны в целом, но и международных и торговых отношений России с ее традиционными коммерческими партнерами и соседями. В-четвертых, документы АВПРИ показывают истинные цели британцев, проявивших среди прочих навигаторов повышенный интерес к арктическому региону. Более того, материалы архива раскрывают роль конкретных государственных деятелей в содействии торговому мореплаванию на Севере, а также МИД России и его Второго департамента, во главе которого долгое время стоял ученый и дипломат барон Ф.Р. Остен-Сакен.

В целом с 1874 по 1905 г. через Карское море прошло 174 плавания, из которых завершились благополучно 142. При этом пальму первенства в течение всего периода посто-

[2] Поскольку в статье невозможно дать полноценную сноску на обширную историографию, ограничимся ссылкой на сайт «Сибирь. Из XIX века в XX-й». URL: http://www.prometeus.nsc.ru/biblio/siberia/norpass.ssi (дата обращения: 21.07.2023).

[3] См., например: *Гончаров А.Е.* Адмирал С.О. Макаров и Карский морской путь: первая попытка организовать лесоэкспорт с Енисея [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 62–76. URL: http://istkurier.ru/data/2022/istkurier-2022-3-05.pdf (дата обращения: 21.07.2023); *Гончаров А.Е.* К вопросу о начале англо-русской торговли по Северному морскому пути во второй половине XIX в. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 2. С. 344–350; *Гончаров А.Е.* О шведской экспедиции на Енисей в 1876 г. // Известия Томского политехнического университета. 2014. Т. 324, № 6. С. 74–88; *Гончаров А.Е., Карелин А.М.* Из истории Карских экспедиций XIX в.: британская торговая компания «Феникс» // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 15–25; *Распопина А.А.* Северный морской путь в политико-экономической системе координат XVII – начала XX века // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22, № 2. С. 248–278; From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia. Leiden, Boston, 2022.

[4] См., например: *Johnson H.* The Life and Voyages of Joseph Wiggins: Modern Discoverer of The Kara Sea Route to Siberia, Based on His Journals and Letters. London, 1907; *Stone I.R.* Joseph Wiggins (1832–1905) // Arctic. 1994. Vol. 47, No. 4. P. 405–410; *Stone I.R.* Sir Robert Morrier and the sea route to Siberia // Polar Record. 1995. Vol. 31, Iss. 178. P. 343–346.

янно удерживали британские мореплаватели. В последней четверти XIX в. было совершено более 24 только иностранных экспедиций, если не считать русских сугубо научно-исследовательских по Карскому морю к Енисею, многие из которых носили в той или иной степени коммерческий характер[5]. В случае с зарубежными мореплавателями требовалось содействие не только МИД, но и ряда других ведомств. Большое значение для открытия морского пути в Сибирь сыграли три научно-исследовательские экспедиции А. Норденшёльда: 1875, 1876, 1878–1879 гг.[6] Необходимо отметить, что МВД и Главное управление Западной Сибири предписали местным губернским властям оказывать «всевозможное содействие во время путешествия по Сибири новой ученой экспедиции [1876 г. – *И. П.*], предполагающей отправиться в июне месяце на Енисей для исследования по части естественных наук и производительности страны»[7].

По завершении «кругосветки» на корабле «Вега» в 1878–1879 гг., которую частично спонсировал русский предприниматель А.М. Сибиряков, А. Норденшёльд составил пояснительную записку, названную «мемуаром», «О возможности торгового мореходства в Сибирском Ледовитом море», и представленную королю Швеции и Норвегии. В частности, в ней говорилось, что «удобные сношения морем между заливами, образуемыми устьями Оби и Енисея, и Атлантическим океаном, с одной стороны, и между устьем Лены и Тихим океаном, с другой, открывают для торговли половину целой части света»[8]. Однако установление северного морского маршрута как коммерческого, по мнению А. Норденшёльда, на тот момент не представлялось реалистичным, так как «этот путь *в его целом, насколько до сих пор исследовано положение льдов в Ледовитом океане Сибири* [курсив в источнике. – *И. П.]*, едва ли будет иметь действительное значение для торговли»[9]. В России А. Норденшёльда высоко ценили как ученого, он был награжден орденом Св. Владимира II степени, и поэтому сразу после выхода в свет его трудов в Швеции их издавали в переводе на русский язык[10]. При этом шведский ученый-мореплаватель, в отличие от высокомерных и спесивых англичан, чьи мореходные качества никто никогда не умалял и не умаляет, очень уважительно отзывался обо всех полярных предприятиях русских как в прошлом, так и в настоящем.

Подробный анализ береговой линии и возможного прохода кораблей из Европы в Азию по Ледовитому океану вдохновил как русских купцов (А.С. Сибирякова, М.К. Сидорова, Л. Кнопа, А.К. Трапезникова и др.[11]), так и иностранных на снаряжение торговых экспедиций к устьям Оби и Енисея. Например, первым судном, благополучно совершившим летом 1877 г. прямой путь из Енисейска через Карское море и Ледовитый океан в города Вардё и Кристиансунд, стала небольшая шхуна «Утренняя заря», которой управлял капитан Д.И. Шваненберг (рис. 1). На своем борту она везла разнообразные грузы. Всего было погружено до полутора тысяч пудов товаров, до 500 пудов пресной воды и дров. Простое речное судно, наскоро приспособленное к арктическому плаванию, везло строевой лес, графит, сибирские товары, но главное – такелаж погибшего в экспедицию 1877 г. «Северного сияния» и частично груз, снятый и купленный с севшего на мель парохода Дж. Уигиннса «Темза». «Утренняя заря» за сто дней успешно преодолела сложнейший маршрут из устья

[5] *Вилькицкий А.П.* Северный морской путь. СПб., 1912. С. 29.
[6] Подробнее о нем см.: *Пасецкий В.М.* Нильс Адольф Эрик Норденшёльд. 1832–1901. М., 1979.
[7] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 155. Оп. 445. Д. 8. Л. 15, 28.
[8] *Норденшёльд А.Э.* Шведская полярная экспедиция 1878–79 г.: Открытие северо-восточного прохода с приложением: Отчета капитана Иоганнсена о плавании его от устья Лены до Якутска и карт мыса Челюскина, порта Диксона и Таймырского пролива / пер. со швед. СПб., 1880. С. 171.
[9] Там же. С. 196–197.
[10] *Норденшёльд А.Э.* Шведская полярная экспедиция…; *Норденшёльд А.Э.* Путешествие А.Э. Норденшёльда вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878–1880 г. / пер. со швед. С.И. Барановский. СПб., 1881. Ч. 1; *Норденшёльд А.Э.* Экспедиции к устьям Енисея 1875 и 1876 годов: Со статьею адъюнкт профессора зоологии Упсальского университета Г. Тэля о плавании его по Енисею в 1876 году и двумя картами плавания / пер. со швед. СПб., 1880.
[11] См.: *Макаров С.О.* Отчет вице-адмирала Макарова об осмотре им летом 1897 года, по поручению министра финансов С.Ю. Витте, морского пути на реки Обь и Енисей. СПб., 1898. С. 6–8.

Енисея в Неву. В докладе императору Александру II от 24 декабря 1877 г. МИД с чувством достоинства отмечало, что «это смелое плавание положило таким образом начало соединению Сибири прямым морским путем с русскими портами в Балтике»[12].

Экспедиция, отправленная бароном Л. Кнопом[13] в 1878 г. из Гамбурга в устье Енисея, везла товар на зафрахтованных кораблях с железным корпусом «Луиза» и «Москва», а также на трех металлических баржах. При этом пароход под русским флагом «Луиза», принадлежавший самому Л.Г. Кнопу, прибыл в Гамбург с частью груза из Кронштадта. Что касается «Москвы» и барж, то они предназначались для перевозки товаров по Енисею. Сопровождавший полярное путешествие чиновник Департамента таможенных сборов Министерства финансов Российской империи в течение всего плавания производил картографические и метеорологические работы. Вопреки целому ряду драматических происшествий, связанных с заменой судна, экспедиция благополучно доставила груз в конечный пункт следования – Гольчиху[14].

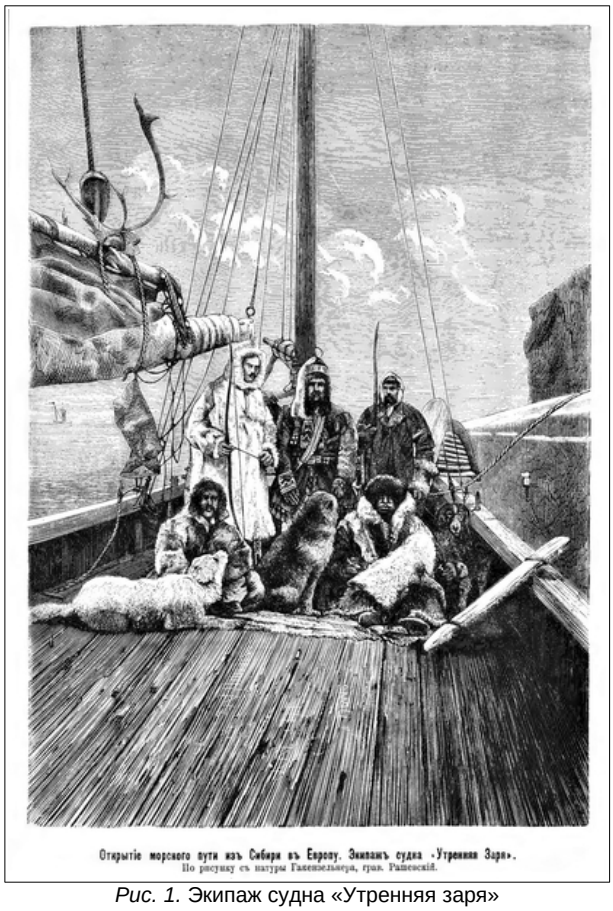


Рис. 1. Экипаж судна «Утренняя заря» (Нива. 1878. № 4. С. 69)

Благодаря успешному началу, но наперекор не очень благоприятному прогнозу, морские походы авторитетного ученого-полярника А. Норденшёльда вдохновили представителей торговых кругов Западной Европы на планирование, организацию и в отдельных случаях осуществление целого ряда коммерческих плаваний к устьям сибирских рек. Инициативу также проявили немецкие, датские, норвежские предприниматели. Н.К. Гирс[15] (рис. 2), товарищ министра иностранных дел, в декабре 1878 г. сообщал в связи с этим главе финансового ведомства: «Ко многим из консулов наших поступили в последнее время заявления со стороны иностранных негоциантов и судохозяев касательно морского пути к северным прибрежьям Сибири. Иностранный торговый мир весьма заинтересован будущностью этого пути и желал бы воспользоваться им для новых торговых предприятий»[16].

МВД России совместно с генерал-губернаторами проводило своеобразное анкетирование сибирских торговых домов с целью выяснения спроса на импорт западных изделий и предложения на вывоз местных товаров. Впервые широкое и тщательное обследование было осуществлено сразу по завершении экспедиций А.Э. Норденшёльда в 1880 г., когда при помощи местной администрации были опрошены крупнейшие коммерческие фирмы Западной Сибири в 12 городах, которые могли бы стать потенциальными покупателями иностранных изделий и поставщиками сибирских товаров. Со своей стороны Министерство финансов, приняв к сведению неудачный опыт коммерческих экспедиций предшествующих лет, считало преждевременным организацию постоянных пропускных пунктов в устьях Оби

[12] АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 8. Л. 35, 35 об. См. также: Нива. 1878. № 4. С. 68, 70.

[13] Выходец из Бремена Л. Кноп основал в 1852 г. в Москве собственную фирму (с 1894 г. торговый дом), в 1877 г. по случаю 25-летия деятельности в России получил баронский титул, в 1860-е гг. переехал на постоянное жительство в Германию. См.: *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX в. Предпринимательство и политика. М., 2002. С. 178–198.

[14] *Элерц А.А.* Описание плавания Экспедиции барона Л. Кноп и К° к устью реки Енисея в 1878 году. СПб., 1879.

[15] В 1882–1895 гг. возглавлял Министерство иностранных дел.

[16] АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 8. Л. 46.

и Енисея и поэтому склонялось пока только к отправке туда «чиновников таможенного ведомства к месту перегрузки товаров из морских судов в речные»[17]. На первоначальном этапе приоритетным направлением работы Министерство финансов считало проведение гидрографических исследований, результаты которых могли в будущем способствовать правильному устройству портовой инфраструктуры. По ходатайству Общества для содействия русскому торговому мореходству ведомство в 1881 г. организовало научную экспедицию для изучения реки Оби и Обской губы, на что было ассигновано почти 64 тыс. руб.[18] Впоследствии такого рода экспедиции стали проводиться регулярно, особенно в связи со строительством Транссибирской магистрали.

Рис. 2. Н.К. Гирс – министр иностранных дел России (Всемирная иллюстрация. 1888. Т. 40. № 1030)

Однако непрекращающийся повышенный интерес иностранцев к установлению коммерческого пути в арктических территориальных водах России заставил власти задуматься над разрешением целого ряда практических вопросов, которые бы учитывали потребности государства, сибирских купцов и региона в целом. Более того, для привоза иностранных товаров необходимо было не только определить, в чем нуждалась Сибирь в первую очередь и что она могла предложить внешнему рынку, но и создать соответствующие обеспечивающие подразделения: таможенную службу, портовую инфраструктуру, почтово-телеграфную связь и пр. При этом требовалось не только составление более точных карт, но и всестороннее обследование всей береговой линии, ледовой обстановки, погодных условий и климата. Арктическое побережье России в те времена не имело ничего для обеспечения международной торговли. В межведомственную дискуссию были вовлечены министерства финансов, внутренних дел, путей сообщений, иностранных дел и др. Департамент внутренних сношений и хозяйственных дел МИД выступил в роли посредника и своеобразного опекуна иностранных предпринимателей, не только осуществляя консульские услуги, но и всячески содействуя им в в реализации их планов. В этом плане больше всего себя проявили Р.Ф. Остен-Сакен, Н.К. Гирс и А.Г. Влангали. Готовность российских дипломатов идти навстречу желаниям англичан отметил посол в С.-Петербурге Р. Мориер в своей депеше на имя премьер-министра лорда Р.А. Солсбери, которая была представлена британскому парламенту. В частности, посол писал, что встретил со стороны руководителей российского ведомства «очень теплый отклик», в особенности от Р.Ф. Остен-Сакена[19].

В этой межведомственной команде ведущая роль принадлежала Министерству финансов. Главный вопрос, который требовал разрешения ведомства при санкции императора, – это беспошлинный ввоз иностранных товаров в Сибирь. Первоначально такая льгота предоставлялась каждый раз на год конкретным путешественникам, причем не только иностранцам, но русским. Всего с 1877 по 1898 г. было одобрено девять положений Комитета министров, освобождавших коммерсантов от уплаты таможенных сборов при ввозе

[17] АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 8. Л. 86, 105–108 об.
[18] Там же. Л. 119–123; Д. 26. Л. 310; *Гончаров А.Е., Карелин Н.М., Медников Д.М.* Что вывозить? Полемика сибирских купцов по вопросу экспорта по Северному морскому пути: 70-е – 90-е гг. XIX в. // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 12–16.
[19] АВПРИ Ф. 155. Оп. 445. Д. 26. Л. 122.

определенных видов заграничной продукции в устья Оби и Енисея[20]. О том, что означает на практике для государственного бюджета освобождение от таможенных платежей, участники событий практически не задумывались, акцентируя свое внимание на экономической выгоде будущего торгового пути. Как писал вице-адмирал С.О. Макаров, совершивший плавание по СМП в 1897 г., «перевозка грузов из европейских портов на Енисей и Обь <…> вызывает множество непроизводительных расходов», которые ложатся на товар, «окупаются разностью таможенных пошлин» и падают на государственную казну. В итоге «правительство, споспешествуя открытию морского пути, ежегодно несло расходы, количество которых весьма значительно»[21]. В конце концов, от такой практики, невыгодной для государственного бюджета и интересов сибирской торговли, пришлось отказаться.

Рис. 3. Дж. Уиггинс
(*Johnson H.* The Life and Voyages of Joseph Wiggins: Modern Discoverer of the Kara Sea Route to Siberia, Based on His Journals and Letters. London, 1907)

Наибольший интерес к арктическим экспедициям проявил британский мореплаватель капитан Джозеф Уиггинс (в старой транскрипции – Виггинс), который в 1895 г. представил свой доклад на совместном заседании Русского технического общества, Русского географического общества, Общества для содействия русской промышленности и торговле и Петербургского отделения Общества для содействия русскому торговому мореходству (рис. 3). Как показывают архивные материалы и опубликованные отчеты некоторых арктических экспедиций, доклад Дж. Уиггинса содержит в себе фактические ошибки и, главное, дает затушеванное описание его собственных плаваний. В частности, он умолчал о гибели «Темзы», севшей на мель в 1877 г., о крушении парохода «Феникс» в 1888 г. С 1874 по 1896 г. он совершил более 10 путешествий по западной части СМП. Первые две экспедиции Дж. Уиггинс осуществил за собственный счет. Начиная с третьей, корабли под его командованием уже везли товары на продажу[22]. Из этих плаваний в центре повышенного внимания высших российских чиновников и британских официальных лиц, пробудивших продолжительную дипломатическую и межведомственную переписку, оказались три. Дискуссия высших чиновников коснулась трех вопросов, связанных с предоставлением льгот: освобождение от уплаты таможенных пошлин, перечень товаров, свободных к беспрепятственному ввозу, право плавания иностранного судна во внутренних водах России. В полемике 1887–1889 гг. приняли участие, с одной стороны, британский посол в Петербурге Р. Мориер, английский предприниматель Г. Саливан[23] и капитан Дж. Уиггинс, МИД России в лице Н.К. Гирса и Ф.Р. Остен-Сакена, а с другой – министр финансов И.А. Вышнеградский (рис. 4), вице-директор Департамента неокладных сборов М.А. Плен, министры государственных имуществ и путей сообщения М.Н. Островский и Г.Е. Паукер.

[20] АВПРИ Ф. 155. Оп. 445. Д. 26. Л. 10, 11, 44, 219, 236, 241; *Востротин С.В.* Северный морской путь и челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири. СПб., 1908. С. 5–7.
[21] *Макаров С.О.* Отчет вице-адмирала Макарова… С. 12.
[22] *Виггинс Дж.* Морской путь в Сибирь Карским морем, 1874–1894. Доклад капитана Виггинса, читанный 14 января 1895 г. СПб., 1895. С. 4–7.
[23] Сын адмирала Б. Саливана, который участвовал в качестве гидрографа военно-морского флота Британии на Балтике во время Крымской войны (АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 26. Л. 4).

Следует отметить, что с 1879 г. наблюдается почти десятилетний перерыв в плаваниях англичан[24], который был вызван не в последнюю очередь крайним обострением российско-британских отношений в Южной и Центральной Азии в рамках так называемой *Большой игры*, или, по терминологии министра иностранных дел России К.В. Нессельроде, *Войны теней*. В 1885 г. дошло до эскалации и без того глубоких противоречий между двумя странами, приведшей к афганскому кризису, отголоски которого дали о себе знать при обеспечении полярных экспедиций Дж. Уиггинса в 1887–1889 гг. Дело в том, что предметом острой коллизии между российским правительством и английским дипломатом Р. Мориером, лоббировавшим интересы судовладельцев и начальника экспедиции капитана Дж. Уиггинса, стал вопрос о плавании иностранного судна во внутренних водах России, что было запрещено российским законом от 23 июня 1865 г.[25], а также о праве беспошлинного ввоза товаров.

Рис. 4. Министр финансов И.А. Вышнеградский (Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 2)

Повторное разрешение на плавание по Енисею было получено также на 1888 г., при этом льготы предоставлялись всем предпринимателям, которые пожелали бы воспользоваться Северным морским путем. Британцы добились разрешения для своего корабля зайти в Енисей, обосновывая это тем, что местные предприниматели не имели «средств для перевоза товаров, привозимых в Гольчиху на океанском судне». Как писал Р. Мориер в своих депешах в МИД России, успех всего предприятия как раз зависел от возможности доставлять товары в конечный пункт назначения собственными средствами. Однако экспедиция английской компании The Phoenix Merchant Adventurers, возглавляемая Дж. Уиггинсом, закончилась неудачей, поскольку пароход «Феникс», получивший право навигации по Енисею, сел на мель в том месте, где «нет ни почтового, ни телеграфного сообщения». Причем судном управлял Р. Уиггинс, который, будучи в нетрезвом состоянии, отказался подчиняться указаниям лоцмана и таким отношением к делу нанес урон репутации своего брата. Между ним и ревизором акцизного управления Восточной Сибири Соловьевым возник конфликт, в котором, по свидетельству представителя английской компании П.А. Бойлинга, был повинен капитан судна[26]. В результате Р. Мориер вновь принялся хлопотать о продлении полученных в 1888 г. льгот на экспедицию будущего года.

Британский посол, напрямую добиваясь встречи с министром финансов И.А. Вышнеградским, позволил себе не только нарушить существующий порядок контактов русского правительства с послами зарубежных стран, но и привести в официальной переписке с руководителями МИД недопустимые высказывания для легитимного представителя иностранной державы в адрес высокопоставленного российского чиновника. Отзываясь о решении Министерства финансов не допустить плавание вверх по Енисею вглубь страны британского судна под флагом иностранной державы, а также ограничить перечень товаров, разрешенных к беспошлинному ввозу в страну, Р. Мориер сказал: «Состояние мозгов у человека, имеющего подобные опасения, может быть уподоблено мозгам идиота, который во время пожара Зимнего дворца уповал бы на свою клистирную трубочку, чтобы потушить огонь». Увы, пред-

[24] *Вилькицкий А.П.* Северный морской путь… С. 35–37.
[25] Свод законов Российской империи. СПб., 1893. Т. XI. Ч. 2: Устав торговый. Ст. 138–141.
[26] АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 26. Л. 135 об. – 136, 147–147 об., 150 об. – 152, 175 об.

ставители российского иностранного ведомства согласились с подобной характеристикой одного из выдающихся государственных деятелей империи, назвав слова Р. Мориера «забавным, но очень верным сравнением». Добившись привилегий, которые русское правительство решило предоставить всем мореплавателям на три года, посол нашел в итоге дарованные Министерством финансов льготы для британских торговцев «гомеопатическими»[27].

В свою очередь министр финансов И.А. Вышнеградский считал невозможным предоставлять исключительные таможенные поощрения англичанам на Крайнем Севере России. Он аргументировал свою принципиальную позицию следующими соображениями. Во-первых, право беспошлинного ввоза иностранных товаров произвело на русское купечество «неблагоприятное впечатление». Хотя, по мнению И.А. Вышнеградского, опасения и были преувеличенными, «тем не менее приводимые против сказанной меры доводы не могут быть признаны лишенными всякого значения», и он не считал себя «вправе оставить их вовсе без внимания». Во-вторых, как отмечал министр, англичане противодействовали нашим торговым интересам в Центральной Азии, и поэтому предоставление льгот «едва ли оправдывается и с общегосударственной точки зрения». Более того, И.А. Вышнеградский обратился с просьбой к Н.К. Гирсу о том, чтобы через наиболее влиятельную заграничную прессу разъяснить позицию русского правительства как ответ на неблагоприятные для России проявления английской политики на Востоке. Как ни странно, но руководители иностранного ведомства не видели скрытых смыслов в происходившем, считая, что данный «вопрос политического характера» не имел[28]. Двуличие британцев подметил даже простой акцизный чиновник, о чем он написал в своем рапорте в Департамент неокладных сборов. Согласно нему, англичане много говорят о значительных преимуществах коммерческих связей посредством СМП, «а между тем требуют освобождения от таможенных пошлин. В этом нет необходимости, если торговля обещает такие большие выгоды; если же наоборот, то торговый путь через Карское море бесполезен»[29].

И.А. Вышнеградский очень серьезно отнесся к рапорту ревизора Соловьева, высказав все свои доводы против завышенных требований британцев в пространном письме к Н.К. Гирсу. На некоторых из них стоит остановиться. Во-первых, министр финансов считал заявление английских предпринимателей «о совершенном отсутствии русского пароходства на Енисее» не соответствующим действительности: в пункт выгрузки товаров – Гольчиху ежегодно в июне месяце заходили два парохода фирмы Кытмановых. Более того, по сведениям, собранным енисейским губернатором И.К. Педашенко, из Енисейска вниз по реке ходило в общей сложности 4 судна, причем на перевозку товаров от Гольчихи дали согласие две фирмы (Кытмановых и Н.Г. Гадалова). И.А. Вышнеградского в отказе разрешить навигацию по Енисею английской компании поддержали и другие министры, отвечавшие за народное хозяйство страны, в частности М.Н. Островский и Г.Е. Паукер[30].

Как государственника с системным видением проблемы, И.А. Вышнеградского беспокоило также отсутствие взаимной выгоды и несбалансированность торгового обмена. Если в 1887 г. грузы, доставленные пароходом «Феникс», по его словам, «значительно уступали однородным русским товарам», то отправленный в 1888 г. из Енисейска продукт представлял собой не что иное, как обыкновенную кость на общую стоимость 800 руб. «Этим и исчерпывается, – подвел итог министр, – экономическое значение предприятия для Сибири за два года деятельности компании». В целом же Министерство финансов заботилось о том, чтобы «льготы эти не получили исключительного расширения в пользу единичного

[27] АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 26. Л. 97, 177 об., 201 об.
[28] Там же. Л. 160 об. – 161, 163 об.
[29] Там же. Л. 152.
[30] Там же. Л. 165 об. – 166, 197–197 об., 203; *Гонина Н.В.* Становление енисейского пароходства в 1861–1914 гг. // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 4 (28). С. 19–25; *Гончаров А.Е., Карелин Н.М.* Организация пароходного сообщения на Енисее в XIX веке: история одного дневника // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 2. С. 15–26.

иностранного предприятия», поскольку подобного рода избранность одних «отразится невозможностью для других лиц заниматься тем же делом»[31].

В конечном счете только благодаря последовательной поддержке со стороны МИД, в первую очередь в лице Ф.Р. Остен-Сакена и главы ведомства, а также принципиальному желанию самого Министерства финансов продолжить плавание в северных водах удалось уладить нешуточный конфликт, который дал вновь о себе знать спустя несколько десятков лет.

Несмотря на в целом позитивную позицию российского правительства в ходе этой продолжительной дискуссии, британский посол продолжал демонстрировать свое цивилизационное превосходство, полностью игнорируя интересы России и сибирского купечества. Масло в огонь подлила публикация в так называемых Bluebooks для британского парламента в августе 1888 г. с изложением истории путешествий Дж. Уиггинса, его роли как первооткрывателя Северного пути и выгод, которые может получить Соединенное Королевство от эксплуатации природных богатств Сибири. Это стало главной мыслью упомянутой депеши Р. Мориера британскому премьер-министру Р.А. Солсбери. Посол откровенно писал: «Я неустанно трудился, чтобы обеспечить успех предприятия, которое, хотя в настоящее время и имеет очень скромные масштабы и опирается исключительно на бесстрашие, мастерство и настойчивость одного британского судоводителя, все же способно привести к коммерческой революции, важность которой вряд ли можно преувеличить и которая, открывая в огромных масштабах новые каналы для британского импорта и экспорта, способна со временем добиться самых больших результатов»[32].

В донесении Р. Мориера обращают на себя внимание и другие моменты. В сущности, он противопоставляет положительные результаты экспедиций Дж. Уиггинса арктическим плаваниям Ф.П. Литке 1821–1824 гг. По мнению английского дипломата, русский адмирал предпринял серьезную попытку наладить регулярный морской проход, не увенчавшуюся успехом, и тогда была выдвинута теория о невозможности установления коммерческого пути[33]. Действительно, в те годы бытовала такая точка зрения среди части полярных исследователей. Однако, как показало внимательное знакомство с трудами Ф.П. Литке, он не был столь категоричен и все-таки ратовал за посылку научных экспедиций в Карское море, что было убедительно доказано советским историком В.М. Пасецким[34].

К описанию истории экспедиций Дж. Уиггинса и его исключительной роли в освоении СМП Р. Мориер приложил карту, наглядно показавшую конечные цели британцев, связанные с открытием кратчайшего северного морского маршрута в Китай через Сибирь (рис. 5). Официальными лицами такие помыслы не озвучивались открыто. Но этого нельзя было сказать об английской прессе тех лет, регулярно освещавшей рейсы своих соотечественников по западной части Северного пути в Сибирь. Примечательна серия публикаций одного из репортеров газеты The Times, скрывавшегося под псевдонимом «Тот, кто знает все об этом». И действительно, в статье раскрывались все детали путешествий англичан к «Белому континенту», как была названа Сибирь. Поразительны своей нескромностью недвусмысленные пророчества, сделанные в заключении: автор уверен в том, что «будет проложен безопасный водный путь через Северные Ледовитые моря от Лондона до китайских границ и что к концу века богатства нового континента станут достоянием всего человечества». Дальше всех в своих откровениях пошел Ливерпульский коммерческий журнал (Journal of Commerce), который писал о необходимости «найти новые рынки для выгодного сбыта английских произведений». И таковым рынком, который одновременно обеспечивал бы и выгодное помещение капиталов, являлась Сибирь[35]. Другими словами, если перефразировать известную русскую пословицу, то «что у некоторых британских политиков на уме, то у английских журналистов на языке».

[31] АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 26. Л. 198–198 об., 200 об. – 201.
[32] АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 26. Л. 121.
[33] Там же.
[34] *Пасецкий В.М.* Арктические путешествия россиян. М., 1974. С. 138–140.
[35] АВПРИ. Ф 155. Оп. 445. Д. 26. Л. 211, 216 об.

Последней экспедицией Дж. Уиггинса, осуществленной только наполовину, стало плавание 1896 г. В этом случае конфликт завязался между британскими капитанами кораблей, руководителем коммерческой эскадры Дж. Уиггинсом и судовладельцем, лондонским консорциумом «Мойр и К°». Не дождавшись своего командора, утрясавшего в Лондоне дела со страховой компанией, капитаны кораблей Lorna Doone, Dolphin и Mula отправились в путь без Дж. Уиггинса, который уже шел из Англии с пароходами Glenrose и «Иоанн Кронштадтский». Капитан, не желавший нарушать условия соглашения, по прибытии в Вардё отказался совершать дальнейшее плавание к Енисею. В конечном счете пострадавшей стороной оказались русские купцы, чьи товары и судно не были доставлены в срок согласно контракту, причем страховая компания отказалась платить неустойку, считая, что договор, связанный с проходом судов через Карское море, был выполнен. Эти события очень красочно описаны российским консулом в Хаммерфесте В.А. Березниковым. Он, в частности, писал: «Что касается русских грузо- и судовладельцев, то необъяснимая торопливость конторы Мойр и К° нанесла им значительные убытки. Товары их не были доставлены в Сибирь, и они лишаются возможности пользоваться своими пароходами по крайней мере в течение одного года». В этой истории примечателен один факт: арматоры использовали в своих целях имя известного полярного путешественника, назвав маршрут, по которому шли грузы, Wiggins Siberian Route (Сибирский путь Уиггинса)[36].

Рис. 5. Карта маршрута плавания Дж. Уиггинса (АВПРИ. Ф. 155. Оп. 455. Д. 26)

На рубеже XIX–XX вв. интенсивность коммерческих плаваний в полярных водах несколько снизилась. Последняя большая экспедиция англичан состоялась в 1897 г. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали внесло важные изменения в подходы государства к арктическим плаваниям. Комитет Сибирской железной дороги снарядил несколько научных гидрографических экспедиций с целью всестороннего изучения морского пути к устьям Оби и Енисея[37]. Именно в этот период произошла смена политики российского правительства в отношении иностранных коммерческих плаваний, когда первостепенными

[36] АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 26. Л. 290–293 об.
[37] Там же. Л. 310 об. – 311.

стали всесторонние научные изыскания, программа которых не ограничивалась рамками получения детальной информации о ситуации на морских объектах и сбора данных об их рельефе и водной поверхности.

В 1897 г. по поручению министра финансов С.Ю. Витте вице-адмирал С.О. Макаров отправился в плавание по СМП, по результатам которого был составлен детальный аналитический отчет. С.О. Макаров обобщил не только данные выдающихся полярных исследователей того времени А.Э. Норденшёльда и О. Свердрупа, но и сведения, полученные им от местной администрации и предпринимателей, с которыми он встречался на пути своего следования. Этот отчет примечателен многими конкретными наблюдениями, расчетами и предложениями относительно того, как сделать СМП выгодным предприятием для России с коммерческой точки зрения.

В нашем случае особый интерес представляют замечания, сделанные С.О. Макаровым в отношении итогов многочисленных иностранных экспедиций конца XIX в. Согласно его мнению, иностранцы не были заинтересованы в вывозе наших готовых изделий, и они, как правило, не доставлялись по назначению. А если что-то и приходило в Англию, то продавалось по бросовым ценам. Главное, как писал вице-адмирал, заключалось в том, что «приплывающие к нам иностранные капитаны ничем не обогатили наших познаний по Оби и Енисею. От многолетних плаваний их мы ничему не научились. Они не составили ни новых карт, ни лоций, ни каких-либо иных наставлений к плаванию по Карскому морю». С.О. Макаров противопоставил им экспедиции, организованные Комитетом Сибирской железной дороги в 1894–1895 гг., благодаря которым гидрографом и полярным исследователем А.И. Вилькицким были составлены специальные карты Енисейского залива и Обской губы. Они, по мнению вице-адмирала, «значительно пополняют пробелы прежних карт, а его краткие наставления для плавания дают ценный материал для мореплавателей». Что касается СМП, то С.О. Макаров всячески поддерживал этот проект, поскольку он считал, что «открытие морского пути на Обь и Енисей поведет к установлению правильного пароходства по всей длине этих рек, что окажет крупное влияние на развитие всей северной Сибири»[38].

По сообщению секретаря Русской миссии в Христиании И.Г. Лорис-Меликова, летом 1909 г. норвежский полярный исследователь С. Скот-Хансен, принимавший участие в плавании Ф. Нансена, с целью изучения возможности устройства порта в дельте Енисея и определения подъездных к нему путей предложил учредить компанию для установления регулярного пароходного сообщения между Сибирью и Норвегией. Он разработал подробный проект со схемой маршрута и одновременно подал заявку на получение ряда налоговых привилегий. Морское министерство выступило против данной инициативы, поскольку считало, что «установление таких льготных условий для норвежской компании навсегда устранит возможность развития русского торгового флота в наших северных водах и вместе с тем даст сильный импульс для развития норвежского пароходства»[39]. Данное заключение было подержано в некоторой степени и МПС, при котором работало Особое совещание для разработки вопроса о возможности вывоза сибирского сырья под председательством начальника Управления по сооружению железных дорог Е.Д. Вурцеля. В целом, не отрицая возможности установления северного торгового пути как такового, совещание признало необходимым провести следующие мероприятия: 1) обследовать бар р. Оби; 2) обустроить по берегам Карского моря соответствующую инфраструктуру; 3) провести телеграф; 4) для подвоза грузов спроектировать и проложить полярную железную дорогу длиною 450–500 верст[40]. Иными словами, правительство пришло к выводу о необходимости экономического развития арктического побережья в целом, причем создание регулярных сообщений на СМП являлось только частью долгосрочного плана.

После этого инцидента русское правительство окончательно утвердилось в решении проводить собственными силами всесторонние гидрографические, климатологические,

[38] АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 26. Л. 310 об.; *Макаров С.О.* Отчет вице-адмирала Макарова… С. 13–14, 41.
[39] АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 42. Л. 19.
[40] Там же. Л. 25–27.

картографические и геодезические исследования Обской губы, устья Енисея и прибрежных территорий, которые велись вплоть до 1916 г.

Анализ делопроизводственной документации МИД показал, что стремление британцев наладить регулярное сообщение по СМП диктовалось прежде всего геополитическими интересами Соединенного Королевства, поставившего себе несколько целей: во-первых, получить доступ к ресурсной базе Сибири; во-вторых, открыть для своих промышленных изделий гигантский рынок сбыта, а для свободных капиталов сферу приложения; в-третьих, обрести кратчайший путь к Китайской империи династии Цин, находившейся в то время в полуколониальной зависимости от западных держав. При этом, как нам представляется, в деле освоения СМП британцы пытались использовать не один раз опробованный ими в международной политике алгоритм Ост-Индской компании, стремясь вытребовать для себя максимальные торговые привилегии в России.

Литература

Виггинс Дж. Морской путь в Сибирь Карским морем, 1874–1894. Доклад капитана Виггинса, читанный 14 января 1895 г. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895. [2], 18 с.

Вилькицкий А.П. Северный морской путь. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1912. [2], 40 с.

Востротин С.В. Северный морской путь и челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири. СПб.: Тип. Я. Балянского, 1908. 79 с.

Гонина Н.В. Становление енисейского пароходства в 1861–1914 гг. // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 4 (28). С. 19–25.

Гончаров А.Е. Адмирал С.О. Макаров и Карский морской путь: первая попытка организовать лесоэкспорт с Енисея [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 62–76. URL: http://istkurier.ru/data/2022/istkurier-2022-3-05.pdf (дата обращения: 21.07.2023).

Гончаров А.Е. К вопросу о начале англо-русской торговли по Северному морскому пути во второй половине XIX в. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 2. С. 344–350.

Гончаров А.Е. О шведской экспедиции на Енисей в 1876 г. // Известия Томского политехнического университета. 2014. Т. 324, № 6. С. 74–88.

Гончаров А.Е., Карелин А.М. Из истории Карских экспедиции XIX в.: британская торговая компания «Феникс» // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 15–25.

Гончаров А.Е., Карелин Н.М. Организация пароходного сообщения на Енисее в XIX веке: история одного дневника // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 2. С. 15–26.

Гончаров А.Е., Карелин Н.М., Медников Д.М. Что вывозить? Полемика сибирских купцов по вопросу экспорта по Северному морскому пути: 70-е – 90-е гг. XIX в. // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 12–16.

Макаров С.О. Отчет вице-адмирала Макарова об осмотре им летом 1897 года, по поручению министра финансов С.Ю. Витте, морского пути на реки Обь и Енисей. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1898. [2], 81 с.

Норденшёльд А.Э. Путешествие А.Э. Норденшёльда вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878–1880 г. / пер. со швед. С.И. Барановский. СПб.: И.И. Валлениус, 1881. Ч. 1. [4], 516, [2], 2 с.

Норденшёльд А.Э. Шведская полярная экспедиция 1878–79 г.: Открытие северо-восточного прохода с приложением: Отчета капитана Иоганнсена о плавании его от устья Лены до Якутска и карт мыса Челюскина, порта Диксона и Таймырского пролива / пер. со швед. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880. [4], 207, [4] с.

Норденшёльд А.Э. Экспедиции к устьям Енисея 1875 и 1876 годов: Со статьею адъюнкт профессора зоологии Упсальского университета Г. Тэля о плавании его по Енисею в 1876 году и двумя картами плавания / пер. со швед. СПб.: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880. [8], 198, [1] с.

Пасецкий В.М. Арктические путешествия россиян. М.: Мысль, 1974. 230 с.

Пасецкий В.М. Нильс Адольф Эрик Норденшельд. 1832–1901. М.: Наука, 1979. 295 с.

Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX в. Предпринимательство и политика. М.: Мосгорархив, 2002. 440 с.

Распопина А.А. Северный морской путь в политико-экономической системе координат XVII – начала XX века // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22, № 2. С. 248–278.

Тимошенко А.И. Советский опыт освоения Арктики и Северного морского пути: формирование мобилизационной экономики // Историко-экономические исследования. 2013. Т. 14, № 1–2. С. 73–95.

Филин П.А. Главное управление Северного морского пути в истории управления Арктикой // Полярные чтения на ледоколе «Красин». М.: Паульсен, 2020. Т. 6. С. 237–261.

Элерц А.А. Описание плавания Экспедиции барона Л. Кноп и К° к устью реки Енисея в 1878 году, составленное причисленным к Департаменту таможенных сборов коллежским регистратором Элерц. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1879. 37 с.

From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia / ed. Nielsen J.P., Okhuizen E. Leiden, Boston: Brill. 2022. 533 p.

Johnson H. The Life and Voyages of Joseph Wiggins, F.R.G.S.: Modern Discoverer of the Kara Sea Route to Siberia, Based on His Journals and Letters. London: John Murray, 1907. 396 [4] p.

Stone I.R. Joseph Wiggins (1832–1905) // Arctic. 1994. Vol. 47, No. 4. P. 405–410.

Stone I.R. Sir Robert Morrier and the sea route to Siberia // Polar Record. 1995. Vol. 31, Iss. 178. P. 343–346.

References

Ehlerts, A.A. (1879). *Opisanie plavaniya Ekspeditsii barona L. Knop i K° k ust'yu reki Eniseya v 1878 godu, sostavlennoe prichislennym k Departamentu tamozhennykh sborov kollezhskim registratorom Ehlerts* [Description of the Voyage of the Expedition of Baron L. Knoop and C°. to the Mouth of the Yenisei River in 1878, Compiled by the Collegiate Registrar Elertz Assigned to the Department of Customs Duties]. St. Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma. 37 p.

Filin, P.A. (2020). Glavnoe upravlenie Severnogo morskogo puti v istorii upravleniya Arktikoy [The General Directorate of the Northern Sea Route in the History of Arctic Management]. In *Polyarnye chteniya na ledokole "Krasin"*. Moscow. Vol. 6, pp. 237–261.

Goncharov, A.E. (2012). K voprosu o nachale anglo-russkoy torgovli po Severnomu morskomu puti vo vtoroy polovine XIX v. [Revisiting the Beginning of Anglo-Russian Trade along the Northern Sea Route in the Second Half of the 19th Century]. In *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.P. Astaf'eva*. No. 2, pp. 344–350.

Goncharov, A.E. (2014). O shvedskoy ekspeditsii na Enisey v 1876 g. [The 1876 Swedish Expedition to the Yenisei]. In *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. Vol. 324, No. 6, pp. 74–88.

Goncharov, A.E. (2022). Admiral S.O. Makarov i Karskiy morskoy put': pervaya popytka organizovat' lesoeksport s Eniseya [Admiral S.O. Makarov and the Kara Sea Route: Organizing Timber Exports from the Yenisei River]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 3 (23), pp. 62–76. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-05.pdf (date of access: 21.07.2023).

Goncharov, A.E., Karelin, A.M. (2016). Iz istorii Karskikh ekspeditsiy XIX v.: britanskaya torgovaya kompaniya "Feniks" [The Kara Sea Route and the Phoenix Merchant Adventurers ltd. Of Newcastle-upon-Tyne]. In *Rossiya v global'nom mire*. No. 9 (32), pp. 15–25.

Goncharov, A.E., Karelin, N.M. (2018). Organizatsiya parokhodnogo soobshcheniya na Enisee v XIX v. [Steamship Communication on the Yenisei River in the 19th Century: A Story of One Diary]. In *Vestnik Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i sots. nauki*. No. 2, pp. 15–26.

Goncharov, A.E., Karelin, N.M., Mednikov, D.M. (2018). Chto vyvozit'? Polemika sibirskikh kuptsov po voprosu eksporta po Severnomu morskomu puti: 70-e – 90-e gg. XIX v. [What can Siberia Export? The Northern Sea Route and Concern of the Cities and Towns of Siberia: 1870–1890]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. No. 1, pp. 12–16.

Gonina, N.V. (2020). Stanovlenie eniseiskogo parokhodstva v 1861–1914 gg. [The Formation of the Yenisei Shipping Company in 1861–1914]. In *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. No. 4 (28), pp. 19–25.

Johnson, H. (1907). *The Life and Voyages of Joseph Wiggins, F.R.G.S: Modern Discoverer of The Kara Sea Route to Siberia, Based on His Journals and Letters*. London, John Murray. 396 [4] p.

Makarov, S.O. (1898). *Otchet vitseadmirala Makarova ob osmotre im letom 1897 goda, po porucheniyu ministra finansov S.Yu. Vitte, morskogo puti na reki Ob' i Enisei* [The Report of Vice Admiral Makarov on His Inspection of the Sea Route to the Ob' and Yenisei Rivers on Behalf of the Minister of Finance S.Yu. Witte in the Summer of 1897]. St. Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma. [2], 81 p.

Nielsen, J.P., Okhuizen, E. (Eds.) (2022). *From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia*. Leiden, Boston, Brill. 533 p.

Nordenskiöld, A.E. (1880). *Ekspeditsii k ust'yam Eniseya 1875 i 1876 godov: So stat'eyu ad'yunkt professora zoologii Upsal'skogo universiteta G. Thelya o plavanii ego po Eniseyu v 1876 godu i dvumya kartami plavaniya: (Per. so shved.)* [Expeditions to the Mouths of the Yenisei in 1875 and 1876: With an Article by G. Thal, Associate Professor of Zoology at Uppsala University, about His Voyage along the Yenisei in 1876 and Two Maps of the Voyage: (Translated from Swedish)]. St. Petersburg, Tipografiya i khromolit. A. Transhelya. [8], 198, [1] p.

Nordenskiöld, A.E. (1880). *Shvedskaya polyarnaya ekspeditsiya 1878–79 g.: Otkrytie severo-vostochnogo prokhoda s prilozheniem: Otcheta kapitana Iogannsena o plavanii ego ot ust'ya Leny do Yakutska i kart mysa Chelyuskina, porta Diksona i Taimyrskogo proliva: (Per. so shved.)* [The Swedish Polar Expedition of 1878–79: Discovery of the Northeastern Passage With the Appendix: Captain Johannse's Report on His Voyage from the Mouth of the Lena to Yakutsk and Maps of Cape Chelyuskin, the Port of Dixon and the Taimyr Strait: (Translated from Swedish)]. St. Petersburg, Tipografiya i khromolit. A. Transhelya. [4], 207, [4] p.

Nordenskiöld, A.E. (1881). *Puteshestvie A.E. Nordenshel'da vokrug Evropy i Azii na parokhode "Vega" v 1878–1880 g.* [The Travel of A.E. Nordenskiöld Around Europe and Asia on the Ship "Vega" in 1878–1880] (S.I. Baranovskiy, Trans.). St. Petersburg, I.I. Vallenius. Pt. 1. [4], 516, [2], 2 p.

Pasetskiy, V.M. (1974). *Arkticheskie puteshestviya rossiyan* [The Arctic Travels of Russians]. Moscow, Mysl'. 230 p.

Pasetskiy, V.M. (1979). *Nil's Adol'f Erik Nordenshel'd. 1832–1901* [Nils Adolf Erik Nordenskiöld]. Moscow, Nauka. 295 p.

Petrov, Yu.A. (2002). *Moskovskaya burzhuaziya v nachale XX v. Predprinimatel'stvo i politika* [The Moscow Bourgeoisie at the Beginning of the 20th Century. Entrepreneurship and Politics]. Moscow, Mosgorarkhiv. 440 p.

Raspopina, A.A. (2021). Severnyy morskoy put' v politiko-ekonomicheskoy sisteme koordinat XVII – nachala XX veka [The Northern Sea Route in Political and Economic Frame of Reference in the 17th and Early 20th Century]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Vol. 22, No. 2, pp. 248–278.

Stone, I.R. (1994). Joseph Wiggins (1832–1905). In *Arctic.* Vol. 47, No. 4, pp. 405–410.

Stone, I.R. (1995). Sir Robert Morrier and the Sea Route to Siberia. In *Polar Record*. Vol. 31, Iss. 178, pp. 343–346.

Timoshenko, A.I. (2013). Sovetskiy opyt osvoeniya Arktiki i Severnogo morskogo puti: formirovanie mobilizatsionnoy ekonomiki [Soviet Experience in the Development of the Arctic and the Northern Sea Route: the Formation of the Mobilization Economy]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Vol. 14, No. 1–2, pp. 73–95.

Vil'kitskii, A.P. (1912). *Severnyy morskoy put'* [The Northern Sea Route]. St. Petersburg, Tipografiya Mor. m-va. [2], 40 p.

Vostrotin, S.V. (1908). *Severnyy morskoy put' i chelyabinskiy tarifnyy perelom v svyazi s kolonizatsiey Sibiri* [The Northern Sea Route and the Chelyabinsk Tariff Change in Connection With the Colonization of Siberia]. St. Petersburg, Tipografiya Ya. Balyanskogo. 79 p.

Wiggins, J. (1895). *Morskoy put' v Sibir' Karskim morem, 1874–1894. Doklad kapitana Vigginsa, chitannyy 14 yanvarya 1895 g.* [The Sea Route to Siberia by the Kara Sea, 1874–1894. The Report of Captain Wiggins, Read on January 14, 1895]. St. Petersburg, tip. M.M. Stasyulevicha. [2], 18 p.

И.А. Рудь*

РОЛЬ Н.И. ЕВГЕНОВА В РАЗВИТИИ НАУЧНО-ОПЕРАТИВНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАРСКИХ ТОВАРООБМЕННЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ 1925–1928 ГОДОВ

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-11
УДК 910.4+339(–05)

Выходные данные для цитирования:
Рудь И.А. Роль Н.И. Евгенова в развитии научно-оперативного обеспечения Карских товарообменных экспедиций 1925–1928 годов // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 154–169. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-11.pdf

I.A. Rud*

THE ROLE OF N.I. YEVGENOV IN DEVELOPMENT SCIENTIFIC AND OPERATIONAL SUPPORT FOR THE KARA EXPEDITIONS 1925–1928

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-11

How to cite:
Rud I.A. The Role of N.I. Yevgenov in Development Scientific and Operational Support for the Kara Expeditions 1925–1928 // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 154–169. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-11.pdf]

Abstract. The subject of this article is the application of ice surveillance methods during the Kara Sea Expeditions of 1924–1928. The author covers the establishment of scientific detachments that performed meteorological and ice forecasts, particularly in connection to the work of N.I. Yevgenov. Ice exploration and operational hydrometeorological forecasting are key elements of the scientific and operational support for navigational purposes. They first became vitally important during the 1920s with the intensification of navigation along the Northern Sea Route – the staging of the annual Kara Sea Expeditions. At the same time, the history of scientific and operational support for expeditions in the Arctic before the establishment of naval operations headquarters in 1939 has been insufficiently covered in polar literature. The article argues that it was then that the first experience was gained in conducting ice surveillance, building synoptic and ice forecasts to ensure the passage of ships from European ports through Kara Sea to the mouths of Siberian rivers. In the course of the paper, we consider how the position of the leader of these operations appeared in the structure of the Kara Sea Expeditions; how the scientific detachments were established, including a hydrographic detachment and a weather forecasting bureau. These processes were closely linked to the polar hydrographer N.I. Yevgenov, who was responsible for ice surveillance during the expedition of 1925, and then commanded them during 1926–1931. The article analyzes of the work of N.I. Yevgenov on this post; it describes the application of scientific and operational methods during the Kara Sea Expeditions of 1924–1928. The approach was one of the factors contributing to the favorable outcomes of the Kara Sea Expeditions, transforming them into regular voyages.

Keywords: Northern Sea Route, Kara Sea Expeditions, N.I. Yevgenov, hydrography, history of science and technology.

The article has been received by the editor on 03.11.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Илья Андреевич Рудь,** научный сотрудник, Российский государственный музей Арктики и Антарктики, Санкт-Петербург, Россия; аспирант, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: rud45@bk.ru
Ilya Andreevich Rud, research fellow, Russian State Museum of the Arctic and Antarctic, St. Petersburg, Russia; Postgraduate Student, St. Petersburg Branch of the Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, e-mail: rud45@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам применения в Карских экспедициях 1924–1928 гг. ледовой разведки, созданию научных отрядов, осуществлявших метеорологические и ледовые прогнозы, и роли Н.И. Евгенова в этом процессе. Ледовая разведка и оперативное гидрометеорологическое прогнозирование относятся к научно-оперативному обеспечению мореплавания и стали необходимы в 1920-е гг. при интенсификации судоходства по Севморпути – при проведении ежегодных Карских экспедиций. При этом история научно-оперативного обеспечения экспедиций в Арктике до создания штабов морских операций в 1939 г. недостаточно освещена в литературе. В статье показано, что именно в период Карских экспедиций был получен первый опыт в проведении ледовых разведок, создании синоптических и ледовых прогнозов для обеспечения прохождения Карских экспедиций из портов Европы через ледовитое Карское море к устьям сибирских рек. В статье рассматривается, как в структуре Карских экспедиций появилась должность начальника ледовой разведки, как создавались научные отряды, осуществлявшие научно-оперативное обеспечение, – гидрографический отряд и бюро погоды. Данные процессы были тесно связаны с именем полярного гидрографа Н.И. Евгенова, который был назначен начальником ледовой разведки в Карскую экспедицию 1925 г., а затем возглавлял их на протяжении 1926–1931 гг. В статье представлен анализ деятельности Н.И. Евгенова на посту начальника ледовой разведки, его роль в организации работы гидрографического отряда и бюро погоды на борту судна-лидера Карских экспедиций. В статье описано применение научно-оперативных методов в Карских экспедициях на протяжении 1924–1928 гг., показано, какую организацию имело данное обеспечение в структуре Карских экспедиций. Сделаны выводы о том, что данное обеспечение было одним из факторов благоприятного исхода Карских экспедиций, способствовавшее переходу их на уровень Карских операций.

Ключевые слова: Северный морской путь, Карские экспедиции, Н.И. Евгенов, гидрография, история науки и техники.

Статья поступила в редакцию 03.11.2023 г.

В августе 2023 г. исполнилось 135 лет со дня рождения одного из крупнейших полярных гидрографов и океанологов СССР – Николая Ивановича Евгенова (1888–1964 гг.). Н.И. Евгенов являлся участником более 15 полярных экспедиций и за карьеру полярного исследователя внес весомый вклад в развитие мореплавания по Северному морскому пути. Помимо активной экспедиционно-научной деятельности, Н.И. Евгенов является автором десятков научных работ – от статей до крупных навигационно-гидрографических трудов. Среди них можно выделить первый в мире атлас реки Лены от Якутска до ее дельты и одну из первых лоций Карского моря и Новой Земли, а также материалы по лоции острова Врангеля и острова Геральд и др[1]. Под авторством Н.И. Евгенова в совокупности было издано более 100 научных и научно-популярных работ[2].

Длительный период в жизни Н.И. Евгенова заняла работа в структуре Карских товарообменных экспедиций 1925–1931 гг. За этот период он внес большой вклад в успешное проведение коммерческих рейсов между Европой и Сибирью. Значительную роль Н.И. Евгенов сыграл и как организатор научной работы во время проведения Карских экспедиций, в том числе особого направления – научно-оперативного гидрометеорологического обеспечения.

В марте 1932 г. в Центральном торговом бюллетене ТАСС вышла статья под авторством Н.И. Евгенова и гидролога Ю.К. Алексеева под названием «Научно-оперативное

[1] *Евгенов Н.И., Хмызников П.К., Чирихин Ю.Д.* Атлас реки Лены от Якутска до дельты, с описанием судового хода. Л., 1928; *Евгенов Н.И.* Лоция Карского моря и Новой Земли. Л., 1930; *Евгенов Н.И.* Материалы по лоции острова Врангеля и острова Геральд. Л., 1937.

[2] *Евгенова Н.Н.* Студеные вахты (Воспоминания об исследователе Арктики). СПб., 2006. С. 161–165.

обслуживание и исследовательская работа Карских морских экспедиций»[3]. Данная статья посвящена развитию научных исследований в Карских экспедициях. В этой статье Н.И. Евгенов одним из первых выделил и обобщил особое направление в проводимых исследованиях – научно-оперативное обслуживание. К нему он относил метеорологическое прогнозирование, освещение гидрологического режима моря путем ледовой разведки, гидрологических исследований и создания ледовых карт. Методы научно-оперативного гидрометеорологического обслуживания были необходимы для обеспечения безопасной навигации и нужд Карских экспедиций. Их применение начало активно развиваться в период Карских экспедиций, в частности под руководством Н.И. Евгенова. При нем начинает активно развиваться применение метода ледовой разведки непосредственно на судне-лидере Карских экспедиций. До 1924–1925 гг. флагманские суда Карских экспедиций не использовались в качестве судов-разведчиков, а до Карских экспедиций в Арктике и вовсе плавали, как правило, одиночные суда, проводка караванов отсутствовала. Важно обозначить роль Н.И. Евгенова в расширении и закреплении практики работы научных отрядов на борту Карских экспедиций – гидрографической партии и бюро погоды, которые проводили гидрометеорологические исследования и создавали оперативные синоптические и ледовые прогнозы.

Суда Карской экспедиции во льдах к северо-западу от о. Белый, август 1925 г.
(Фото из фондов Российского государственного музея Арктики и Антарктики)

Важно сказать, что под термином «научно-оперативное обеспечение» сегодня понимают использование краткосрочной информации о метеорологических и ледовых условиях для выбора пути следования судов[4]. В документах и публикациях 1920-х гг. этот термин еще не встречается и терминология того времени, касающаяся данной части научных наблюдений, отличается разнородностью. Например, в документах термин «гидрографическая партия» чередуется с понятиями «гидрологический отряд», «гидрографическая группа» при попытках сказать об одном и том же. Такая ситуация свидетельствует о зарождении отдельных элементов системы научно-оперативного гидрометеорологического обеспечения, которая обретает четкие контуры во второй половине 1930-х гг. при создании штабов морских операций. Термин «научно-оперативное обслуживание» начинает появляться

[3] *Евгенов Н.И., Алексеев Ю.К.* Научно-оперативное обслуживание и исследовательская работа карских морских экспедиций // Центральный торговый бюллетень Телеграфного агентства СССР (ТАСС). 1932. № 9-10. С. 11–15.
[4] История организации отдела Ледового режима и прогнозов ААНИИ // Арктический и антарктический научно-исследовательский институт [Электронный ресурс]. URL: https://www.aari.ru/assets/files/94/4oarzg-94-olrip-history.pdf (дата обращения: 04.12.2023).

в публикациях в начале 1930-х гг., например в указанной статье Н.И. Евгенова и Ю.К. Алексеева от 8 марта 1932 г. В данной статье мы применяем понятие научно-оперативного обеспечения к периоду 1920-х гг., так как считаем, что это один из периодов ее становления. Подобная точка зрения фиксируется в середине 1940-х гг. в трудах Всесоюзного арктического института[5].

Благодаря успешному завершению всех шести Карских экспедиций, которые возглавлял Н.И. Евгенов, гидрограф в дальнейшем был привлечен для налаживания судоходства на востоке Арктики. В 1932 г. его назначили начальником Северо-Восточной полярной экспедиции Наркомвода. В задачу Н.И. Евгенову было поставлено провести караван из семи судов по примеру Карских экспедиций из Владивостока в устье Колымы в адрес Дальстроя. Для успешного проведения Северо-Восточной экспедиции Н.И. Евгенов применял в том числе методы научно-оперативного обслуживания, что и в Карских экспедициях: судовую и воздушную ледовую, создал на ледорезе «Ф. Литке» специальную научно-оперативную группу – бюро погоды и др. Опыт научно-оперативного обслуживания экспедиций Н.И. Евгенова получил развитие в Карских экспедициях и после его ухода с поста начальника. Элементы научно-оперативного обеспечения, которые начали применять при Н.И. Евгенове, можно наблюдать в структуре штабов морских операций Главсевморпути, которые создавались в Арктике с конца 1930-х гг. Например, научно-оперативные группы при этих штабах, которые состояли из гидрологов и метеорологов.

Штабы морских операций, размещаемые поначалу на головных ледоколах, выполняли общий план арктической навигации в западном и восточном секторах Советской Арктики. Они координировали действия ледоколов, самолетов и всех судов в акватории Севморпути вне зависимости от ведомства. Научные группы, которые создавались в структуре Карских экспедиций 1925–1931 гг., Северо-Восточной полярной экспедиции Наркомвода 1932 г., можно считать прообразом научно-оперативных групп при штабах морских операций. С 1935 г. к работе начальников морских операций стали подключать синоптиков и гидрологов, состоящих из сотрудников Арктического института, которые составляли основу научно-оперативных групп[6]. Первые гидрологи и метеорологи для научно-оперативного обслуживания впервые были включены как раз во время Карских экспедиций середины 1920-х гг. А.Я. Попов-Введенский и Н.И. Евгенов были первыми руководителями гидрографических партий, созданных в Карских экспедициях 1924 и 1925 гг. Гидрографические партии были первыми научными группами, в чьи задачи входило обеспечение Карских экспедиций ледовой разведкой, наблюдение за характером льдов и ледовым прогнозированием. Воздушная ледовая разведка, оперативное метеорологическое и ледовое прогнозирование показали высокую эффективность в обеспечение навигации в Арктике и применялись в работе штабов морских операций вплоть до их расформирования в середине 1990-х гг.

Несмотря на крупное научное наследие Н.И. Евгенова и его интенсивную научную деятельность в Карских экспедициях, роль гидрографа в научно-оперативном обслуживании Карских экспедиций недостаточно отражена в историографии. Практически отсутствуют комплексные научные работы и статьи, в которых исследуется роль гидрографа в области научно-оперативного гидрометеорологического обеспечения. Однако можно выделить произведения, которые обзорно касаются данного вопроса. Например, монография Н. Сибирцева и В. Итина «Северный морской путь и Карские экспедиции», в которой сказано о проведении Н.И. Евгеновым ледовых разведок и развитии гидрометеорологической службы в составе Карских экспедиций, которые играли решающую роль в период сложной ледовой обстановки[7]. Четырехтомный труд М.И. Белова и Д.М. Пинхенсона «История открытия и освоения Северного морского пути» содержит краткое описание

[5] *Карелин Д.Б., Дрогайцев Д.А.* Служба льда и погоды в Советской Арктике // XXV лет научной деятельности Арктического института. Л.; М., 1945, С. 86–110.

[6] *Дмитриев А.А., Горбунов Ю.А., Соколов В.Т.* История мореплавания по трассе Северного морского пути в XX и начале XXI века. СПб., 2015. С. 58.

[7] *Сибирцев Н., Итин В.А.* Северный морской путь и Карские экспедиции. Новосибирск, 1936.

работы Н.И. Евгенова на посту начальника Карских экспедиций[8]. Роль Н.И. Евгенова в обеспечении мореплавания рассматривается в книгах К.А. Богданова и С.В. Попова, в значительной степени посвященных известному гидрографу[9]. Одним из важнейших источников по биографии Н.И. Евгенова являются воспоминания супруги Н.Н. Евгеновой, затрагивающие его участие в экспедициях и основные профессиональные достижения ученого[10]. О появлении при Н.И. Евгенове практики привлечения гидрометеорологов к процессу обеспечения судоходства Карских экспедиций сказано в монографиях «Гидрометеорологическое обеспечение Арктического мореплавания в XX и начале XXI века» и «История мореплавания по трассе Северного морского пути в XX и начале XXI века» в трех томах[11]. Авторы данных книг подчеркивают, что подобный союз моряков и ученых в Карских экспедициях является прообразом штабов морских операций, обеспечивавших единый план арктической навигации конца 1930-х гг. Стоит отметить сборник документов «Карские операции 1920–1930-х годов» с предваряющим документальную часть историческим очерком[12]. В данном очерке сказано о новых практиках судоходства, которые складывались в Карских экспедициях и получили дальнейшее развитие в системе Главсевморпути. Среди них перечисляется ледокольная служба, воздушная ледовая разведка, работы научных групп и бюро погоды на борту экспедиции. Все эти элементы относятся к научно-оперативному обслуживанию Карских экспедиций.

В иностранной литературе роль Н.И. Евгенова в развитии судоходства в Арктике отражена, например, в комплексной работе по истории Северного морского пути – From North east Passage to Northern Sea Route: A History of the Waterway North of Eurasia[13]. Он отмечен как создатель лоции Карского моря и Новой Земли, начальник ряда Карских экспедиций и Северо-Восточной полярной экспедиции. Важно отметить и используемые электронные ресурсы, например электронную библиотеку Русского географического общества, где можно ознакомиться с основными навигационно-гидрографическими трудами Н.И. Евгенова, в частности «Лоцией Карского моря и Новой Земли». Внимания заслуживает работа портала Polarpost.ru, где можно обнаружить множество материалов по полярным экспедициям (оцифрованные монографии, сканированные газетные статьи, фотографии и т.д.).

Для создания данной статьи был привлечен широкий круг архивных источников, выявленный в федеральных архивах. В Российском государственном архиве экономики основным для работы стал фонд учреждений Северного морского пути (№ 9570), содержащий большое количество документов по Карским экспедициям. Безусловно полезным оказался личный фонд Н.И. Евгенова (№ 579). В Российском государственном архиве военно-морского флота оказались полезны материалы фонда Главного гидрографического управления СССР (№ Р-180), содержащие информацию по Карским экспедициям 1924 и 1925 гг. Были использованы материалы из фондов Российского государственного музея Арктики и Антарктики, в частности тетрадь для записей Н.И. Евгенова периода Карских экспедиций 1928–1929 гг.

В статье рассматриваются причины и условия создания первых научных отрядов в Карских экспедициях 1924–1928 гг. и появление должности начальника ледовой разведки; первые попытки применения ледовой разведки на судне-лидере Карской экспедиции А.Я. Поповым-Введенским и Н.И. Евгеновым; определяется структура, состав и назначение научных групп на борту Карских экспедиций; наконец, раскрывается роль Н.И. Евгенова на

[8] *Белов М.И.* Советское арктическое мореплавание 1917–1932 гг. // История открытия и освоения Северного морского пути. Л., 1959. Т. 3. С. 214.

[9] *Богданов К.А.* Российские военные гидрографы – «колумбы» XX века: К 85-летию открытия Северной Земли. СПб., 2000; *Попов С.В.* Гидрограф Н.И. Евгенов. Якутск, 1988.

[10] *Евгенова Н.Н.* Студеные вахты… СПб., 2006.

[11] Гидрометеорологическое обеспечение арктического мореплавания в XX и начале XXI века. СПб., 2008.

[12] *Емелина М.А., Савинов М.А., Филин П.А.* Карские операции 1920–1930-х годов. Сборник документов из архива Совфрахт. М., 2019.

[13] *Nielsen J.P., Okhuizen E.* From Northeast Passage to Northern Sea Route: A History of the Waterway North of Eurasia. Leiden; Boston. 2022.

посту начальника ледовой разведки и руководителя Карских экспедиций, его вклад в обеспечение судоходства данных коммерческих плаваний.

Западный участок Северного морского пути исторически был самым освоенным для судоходства в Арктике. До середины XX в. этот участок даже имел собственное название – «Карский морской путь»[14]. Иногда в исторических документах 1920-х гг. можно встретить, что под понятием Северного морского пути наоборот подразумевался именно маршрут из Европы в Сибирь[15]. Это указывает на особую роль западного участка Севморпути в истории Арктики. Уже в период XVI–XVII вв. поморы торговали по этому маршруту с территориями Западной Сибири – был сформирован Мангазейский морской ход, который использовался, пока не был запрещен указом царя Михаила Федоровича в 1619 г. В этот же период проводились первые англо-голландские экспедиции для поиска Северо-Восточного прохода, в ходе которых проводились первые научные наблюдения в регионе. Например, в середине XVI в. экспедицией Стивена Барроу уже были созданы первые карты региона севера Европейской России, проведены первые гидрографические съемки побережья Кольского полуострова, Белого моря, устья Северной Двины[16].

Гидрографические исследования западной части Северного морского пути активно проводились в Российской империи в последующие столетия. Великая Северная экспедиция (1733–1743 гг.) стала одной из первых научных экспедиций России в Арктике и внесла большой вклад в гидрографическое освещение Северного морского пути. В частности, участок от Архангельска до Оби и Енисея был описан Двинском-Обским, Обско-Енисейским и Енисейским отрядами. В первой половине XIX в. серию плаваний к Новой Земле совершили Ф.П. Литке (1821–1824 гг.), П.К. Пахтусов (1832–1833, 1834–1835 гг.), К.М. Бэр (1836 г.). Эти исследования важны в контексте описания новоземельских проливов, являющихся воротами в Карское море. Гидрографическое описание в районе Оби, Енисея и Карского моря было проведено Гидрографическими экспедициями Северного Ледовитого океана 1894–1896 гг. и 1910–1915 гг. Активным участником последней в 1913–1915 гг. являлся Н.И. Евгенов. К началу 1920-х гг. можно говорить о том, что западный участок Северного морского пути был наиболее обследованным относительно других морей Арктики, а Карские экспедиции имели определенный научный фундамент.

С 1860-х гг. возродился и коммерческий интерес к водам Карского моря, снизившийся в Европе в конце XVII в. Это произошло благодаря активной деятельности сибирских золотопромышленников М.К. Сидорова и А.М. Сибирякова, иностранных купцов (О. Диксона и др.), режиму порто-франко в устьях Оби и Енисея и общему индустриальному подъему в Западной Сибири. Можно выделить зверобойные экспедиции Э. Карлсена в Карском море в 1868 и 1869 гг., коммерческие плавания Д. Уиггинса (1876–1894 гг.) и А.Э. Норденшёльда (1875, 1876 гг.) на Енисей. Строительство Транссибирской железной дороги стимулировало торговые операции Комитета Сибирской железной дороги (1893 г.), Министерства путей сообщения (1905 г.), Компании пароходной торговли и промышленности (1912–1917 гг.). По статистике, приведенной Л.Л. Брейтфусом в 1904 г., за период 1874–1904 гг. между Европой и Сибирью (с возвращением обратно) из 129 рейсов было совершено 96 рейсов без серьезных происшествий[17]. Успешные экспедиции второй половины XIX – начала XX в. использовались как аргумент в доказательство возможности проведения Карских экспедиций, о чем свидетельствуют документы Главного гидрографического управления[18].

Однако Карский морской путь все еще требовал большой работы по его исследованию и оборудованию. По приведенной выше статистике Л.Л. Брейтфуса, за период 1874–1904 гг. 26 % плаваний заканчивались с происшествиями, 11 судов погибло, что составляло 8 % от

[14] *Белов М.И.* Советское арктическое мореплавание… С. 214.
[15] Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 342. Л. 2–3.
[16] *Nielsen J.P., Okhuizen E.* From Northeast Passage… P. 36.
[17] *Емелина М.А., Савинов М.А., Филин П.А.* Карские операции… С. 12.
[18] РГАВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 342. Л. 3.

общего количества[19]. В дальнейшем количество плаваний к устью Оби и Енисея сократилось – в период 1901–1919 гг. было совершено 42 плавания, но 37 из них были проведены успешно[20].

Западная часть Северного морского пути имела свои особенности, отличающиеся от других морских путей: удаленность от обжитых районов, недостаточную исследованность, нехватка навигационного оборудования и портовой инфраструктуры, ледовый режим Карского моря[21]. Поэтому недостаточное гидрографическое освещение, неточность карт, нехватка знаний о гидрометеорологическом режиме Карского моря были главным тормозом развития судоходства на данном участке. К середине 1920-х накопился комплекс проблем, которые требовали решения. Не хватало полярных станций, в частности на острове Белый и мысе Желания, о чем говорили многие полярные исследователи, в том числе Н.И. Евгенов. К середине 1920-х гг. еще не существовало на русском языке лоции Карского моря, а первые лоции Енисейского залива и Обской губы, составленные под руководством гидрографов Н.Ф. Тимофеевского и В.В. Ахматова, появились лишь в 1924 и 1925 гг.[22] Н.И. Евгенов, автор лоции Карского моря, до ее издания в 1930 г. вынужден был для подготовки к экспедициям использовать публикации полярных исследователей прошлых лет. Тетрадь для записей по Карским экспедициям 1928–1929 гг., принадлежавшая гидрографу, свидетельствует, что он выписывал гидрометеорологические данные по Карскому морю и сибирских рек из трудов С.О. Макарова, А.В. Колчака, судового журнала Л.Г. Брусилова на шхуне «Св. Анна» и др[23].

Однако определенная работа по освещению морского пути через Карское море была проведена. В 1922 г. Обь-Енисейский гидрографический отряд под руководством известного гидрографа, участника ГЭСЛО (1910–1915 гг.) К.К. Неупокоева был преобразован в Управление по безопасности кораблевождения в Сибири – Убеко-Сибирь. Данное управление фактически являлось филиалом Главного гидрографического управления ВМС СССР и занималось оборудованием для судоходства устьев Оби и Енисея, а также восточной части Карского моря.

Однако если фундаментальные научные исследования на западном участке Северного морского пути имели длительную историю, то научно-оперативное обеспечение экспедиций гидрометеорологической информацией практически отсутствовало. Только в 1921 г. Наркомвнешторгом была создана служба погоды в Мурманске, которая ежедневно собирала информацию от метеостанций и передавала данные о льдах и погоде на борт Карской экспедиции. Мурманская служба погоды считается первой в истории службой для научно-оперативного обслуживания навигации в Арктике[24]. Для Карской экспедиции 1921 г. была проведена ледовая разведка на ледокольных пароходах «Малыгин» и «Таймыр». В 1923 г. для Карской экспедиции ледовую разведку выполняли гидрографические суда «Метель» и «Иней», а с радиостанции Новый Порт ежедневно передавались метеорологические сводки[25].

Как отмечал Н.И. Евгенов, существовала потребность в научном исследовании Карского моря, требовалось встроить Карские экспедиции в программу научных работ в Карском море[26]. Поэтому одной из важнейших особенностей Карских экспедиций стало сочетание прикладных практик судоходства с научным подходом к освоению Северного морского пути. Это было одной из причин создания в 1924 г. первых научных групп в составе данных экспедиций.

---

[19] *Емелина М.А., Савинов М.А., Филин П.А.* Карские операции… С. 12.
[20] *Пинхенсон Д.М.* Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма // История открытия и освоения Северного морского пути. Л., 1962. Т. 2. С. 411.
[21] РГАВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 342. Л. 80.
[22] *Тимофеевский Н.Ф., Ахматов В.В.* Лоция Енисейского залива и реки Енисей до Усть-Енисейского порта. Л., 1924; *Тимофеевский Н.Ф.* Лоция Обской губы. Л., 1925.
[23] Дневник Н.И. Евгенова. Карская экспедиция. 1928–1929 гг. // Российский государственный музей Арктики и Антарктики (РГМАА). Д. О-6377.
[24] *Белов М.И.* Советское арктическое мореплавание… С. 166.
[25] РГАВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 566. Л. 234 об.
[26] *Евгенов Н.И., Алексеев Ю.К.* Научно-оперативное обслуживание… С. 11.

Развитие научно-оперативного обеспечения в составе Карских экспедиций начинается в 1924 г. с созданием гидрологической партии на флагманском судне Карской экспедиции для ледовой разведки в открытом море. Весной 1924 г. Комитет Северного морского пути (далее – КСМП) предложил Главному гидрографическому управлению (далее – ГГУ СССР) командировать на флагман экспедиции «Малыгин» гидрологическую партию и биологический отряд[27]. Гидрологическая партия состояла из двух человек – начальника партии гидрографа А.Я. Попова-Введенского и его помощника Н.С. Гурьева[28]. Биологический отряд состоял из профессора биологии А.Г. Генкеля (биолога Карских экспедиций 1924–1926 гг.), биолога П.А. Генкеля[29]. Помогал группе ученых гидрограф А.П. Белобров.

В задачу гидрологической партии входили следующие функции: проведение ледовой разведки для определения характера льдов и выбора оптимального пути следования экспедиции; получение оперативной гидрометеорологической информации с радиостанций, других судов и самолетов; ледовое прогнозирование и создание ледовых карт; получение гидрометеорологических данных для исследования режима Карского моря; реализация гидрологических и метеорологических исследований во время экспедиции.

Ледокольный пароход «Малыгин» сообщал о ледовой обстановке и передавал сведения о температуре воды пароходу «Аркос», где находился начальник экспедиции Б.А. Вилькицкий. Однако проведение ледовой разведки в 1924 г. оказалось неэффективным из-за неясного положения гидрологической партии в структуре экспедиции. Начальник гидрологической партии А.Я. Попов-Введенский не имел в своем распоряжении ледокольного судна. При этом Б.А. Вилькицкий оказался недоволен разведывательным рейсом «Малыгина» и сделал строгий выговор его капитану Д.Т. Черткову, а затем и А.Я. Попову-Введенскому[30]. Начальник экспедиции указывал, что на «Малыгине» неправильно толковали его приказы, не поняли смысла ледовой разведки, которая фактически была проведена его пароходом «Аркос». А.Я. Попов-Введенский отвечал, что все распоряжения по радио получал капитан Д.Т. Чертков, который редко знакомил с ними начальника гидрологической партии. Б.А. Вилькицкий указывал и на высокую стоимость ледокольного парохода, который не принес пользы[31]. А.Я. Попов-Введенский заметил, что в более трудную в ледовом отношении навигацию ледокольный пароход ярче продемонстрировал бы свои преимущества[32].

Научные отряды в 1924 г. выполняли и научную программу: осуществляли метеорологические наблюдения, проводили глубоководные гидрологические станции, наблюдали за течениями. Результаты глубоководных станций были опубликованы в сборнике Гидрографического управления[33]. Биологический отряд занимался исследованием фитопланктона Карского моря. Из-за того, что научные отряды находились в зависимости от капитана ледокольного парохода, они и здесь испытывали значительные трудности. А.Я. Попов-Введенский в своем отчете указывал, что не встречал особого содействия при проведении гидрологических станций, и жаловался на то, что его постоянно торопили при проведении исследований[34]. Ученый был недоволен тем, что начальник Карской экспедиции Б.А. Вилькицкий поздно отдавал приказы «Малыгину» о выходе в море, вследствие чего не хватило времени на проведение гидрологического разреза.

В 1924 г. в Карском море впервые была выполнена воздушная ледовая разведка. Со станции Маточкин Шар Б.Г. Чухновский на самолете выполнил 12 разведывательных

[27] *Евгенов Н.И.* Посылка гидрографической партии на л.п. Малыгин в Карское море в 1924 и 1925 гг. // Записки по гидрографии. 1926. Т. 51. С. 259.
[28] РГАВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 752. Л. 36 об.
[29] Там же.
[30] Там же. Л. 33.
[31] Там же. Л. 33–34.
[32] Там же.
[33] *Евгенов Н.И.* Посылка гидрографической партии… С. 262.
[34] РГАВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 752. Л. 37.

полетов для Северной гидрографической экспедиции[35]. В первый полет 22 августа Б.Г. Чухновский в качестве ледового наблюдателя пригласил Н.И. Евгенова, с которым они вместе участвовали в этой экспедиции[36]. О своем первом полете Н.И. Евгенов отзывался так: «Я был крайне доволен тем, что что мне удалось принять участие в качестве наблюдателя в первом полете Б.Г. Чухновского надо льдами Маточкина Шара. Мои стремления использовать авиацию в Карских операциях были таким образом подкреплены личным, хотя и небольшим опытом»[37]. Н.И. Евгенов не раз совершал разведывательные полеты в дальнейшем и всегда выступал за применение авиации для ледовой разведки в Арктике. Данные воздушной ледовой разведки были использованы Карской экспедицией при возвращении обратно[38].

Карская экспедиция 1924 г. завершилась успешно – впервые был осуществлен экспорт сибирского леса за границу. Комитет Северного морского пути и Гидрографическое управление извлекли уроки из первой попытки в организации научно-оперативного обслуживания. Необходимо было конкретизировать положение научных отрядов в структуре Карской экспедиции и дать возможность проводить ученым хотя бы попутные научные исследования. Поэтому для Карской экспедиции 1925 г. Комитет и Гидрографическое управление подчеркивали обязательность выработанной программы.

Программа экспедиции вновь предусматривала организацию гидрографической партии и биологического отряда. Гидрографическая партия должна была выполнять план «ледовой службы» – так в документах того времени обозначена ледовая разведка с судна и самолета, сбор ледовой информации и создание специального бюро «службы льда»[39]. От Гидрографического управления был командирован помощник председателя комиссии по изучению Северного Ледовитого океана – гидрограф Н.И. Евгенов. Председателем комиссии являлся А.М. Лавров, оба являлись участниками Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана в 1913–1915 гг. С приходом Н.И. Евгенова в структуру Карских экспедиций в 1925 г. работа гидрографической партии изменилась, его обязанности были конкретизированы в должности начальника ледовой разведки. В документах можно встретить и другое название должности Н.И. Евгенова – ледовый лоцман, или айсмастер[40]. Разные названия свидетельствуют о процессе формирования новой должности в Карских экспедициях. В отличие от экспедиции прошлого года, в 1925 г. ледокольный пароход на время ледовой разведки и перегрузочных работ поступал в распоряжение начальника ледовой разведки. В распоряжении Н.И. Евгенова также находились гидрографическое судно Убеко-Сибири «Иней» (капитан В.А. Лысенко), биологический отряд А.Г. Генкеля и два самолета, выделенные для Северной Гидрографической экспедиции.

Радиостанциям было дано задание снабжать Н.И. Евгенова информацией о льдах и погоде, а тот в свою очередь создавал карты с характеристиками льдов для станции Маточкин Шар, где было создано Бюро службы льда. Гидрографический отряд на судне-лидере должен был группировать, обрабатывать, а затем сообщать по радио в форме сводок ледовую информацию для плавающих судов[41]. Таким образом, в руках Н.И. Евгенова были сконцентрированы все полномочия для успешного проведения ледовой разведки и научных работ, чего не было у А.Я. Попова-Введенского в 1924 г. В состав гидрографической партии входил В.А. Березкин, назначенный помощником Н.И. Евгенова[42]. Биологическая партия состояла из профессора биологии А.Г. Генкеля, биолога П.А. Генкеля, ихтиолога А. Попова и физико-географа Масевича[43].

---

[35] *Чухновский Б.Г.* Морская авиация в полярных странах // Морской сборник. 1925. № 2. С. 59.
[36] *Чухновский Б.Г.* Морская авиация… С. 55.
[37] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 29. Л. 5 об.
[38] *Емелина М.А., Савинов М.А., Филин П.А.* Карские операции… С. 26.
[39] РГАВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 342. Л. 38.
[40] Там же. Л. 81.
[41] Там же. Л. 38–39.
[42] *Евгенов Н.И.* Посылка гидрографической партии… С. 263.
[43] РГАЭ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 29. Л. 23.

В 1925 г. район проведения разведки был разграничен на две части – «Малыгин» проводил ледовую разведку в западной и северо-западной частях Карского моря, а гидрографическое судно «Иней» – в северной и восточной частях от Таймырского полуострова до острова Северный Новой Земли[44]. Метод ледовой разведки подробнее можно рассмотреть на примере навигации 1925 г., которая отличалась большим количеством тяжелых льдов в Карском море. Разведка проводилась в первой половине августа, до подхода каравана судов Карской экспедиции к новоземельским проливам. После анализа ветрового режима за предыдущий месяц «Малыгин» под руководством Н.И. Евгенова совершил три подхода к новоземельским проливам, обнаружив недоступным для мореплавания пролив Югорский Шар и свободным ото льда Маточкин Шар[45]. Начальник ледовой разведки Н.И. Евгенов ежедневно совершал на «Малыгине» разведки вглубь льдов для выявления состояния их сплоченности. «Малыгин» и «Иней» при этом постоянно обменивались ледовыми сводками. После сбора информации о ледовой обстановке начальник ледовой разведки и гидрографической партии Н.И. Евгенов выбрал оптимальный маршрут следования через пролив Маточкин Шар.

Однако начальник экспедиции М.В. Николаев приказал двигаться более знакомым для него проливом Югорский Шар, что в значительной степени нивелировало преимущества ледовой разведки[46]. В проливе Югорский Шар, забитом льдами, проводка каравана шла с большим трудом. Во время проведения ледовой разведки в этом проливе Н.И. Евгенов сетовал на недостаточный отклик на запросы по ледовой обстановке в Югорском Шаре от гидрографического судна «Иней» и просил выделить дополнительное судно для разведки с востока[47]. После прохождения через пролив «Малыгин» столкнулся с ледовой перемычкой у п-ова Ямал, которую удалось преодолеть, обнаружив разводья во льдах. Выжидание перегруппировки льдов с опорой на синоптические прогнозы и изучение приливных течений дали положительный результат[48]. Далее «Малыгин» сопроводил суда к устьям сибирских рек.

Для увеличения площади ледовой разведки и более быстрого распространения ледовых сообщений руководство Северной гидрографической экспедиции выделило для Карской экспедиции 1925 г. два самолета Ju-20. Их пилотировали первые полярные летчики СССР Б.Г. Чухновский и О.А. Кальвиц[49]. Воздушная разведка также относилась к ведению начальника гидрографической партии и значительно помогла экспедиции на обратном пути следования, осветив район входа в пролив Маточкин Шар, свободный ото льда[50]. Благодаря воздушной разведке «Малыгин» смог провести через него три грузовых судна, а пароход «Л. Красин» смог самостоятельно выйти в Баренцево море через пролив Карские Ворота.

Карская экспедиция 1925 г., осложненная многочисленными трудностями, завершилась успешно – 26 сентября все морские суда вернулись в порт Лондона; экспедиция заняла 31 день, став одной из самых коротких среди предыдущих Карских экспедиций[51]. Гидрографическая партия Н.И. Евгенова показала свою эффективность и повысила вероятность успешного завершения экспедиции, несмотря на то, что М.В. Николаев отказался от более подходящего маршрута. По завершении экспедиции М.В. Николаев направил на «Малыгин» телеграмму: «От имени Карской благодарю малыгинцев за услуги, оказанные экспедиции 1925 г. Сердечный привет всем, счастливого плавания и благополучного возвращения в Архангельск. Николаев»[52]. Таким образом, Б.А. Вилькицкий в 1924 г. и М.В. Николаев в 1925 г. дали диаметрально противоположные оценки работы гидрографи-

[44] РГАВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 342. Л. 38.
[45] РГАЭ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 29. Л. 23.
[46] Там же.
[47] РГАВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 752. Л. 71.
[48] РГАЭ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 29. Л. 25.
[49] *Евгенова Н.Н.* Студеные вахты… С. 68.
[50] РГАВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 342. Л. 38.
[51] *Белов М.И.* Советское арктическое мореплавание… С. 210.
[52] Там же. С. 198.

ческого отряда в пользу Карской экспедиции 1925 г. Это свидетельствовало о прогрессе в налаживании работы научных групп Карских экспедиций.

Требования перед Карской экспедицией 1926 г. возросли – предстояло провести караван из пяти судов, следовавших из-за границы. Условия, в которых проводилась Карская экспедиция, были еще труднее, чем в прошлом году. На это повлияли более тяжелая ледовая обстановка и назначение в экспедицию ледокольного парохода «Г. Седов» вместо более мощного и с более широкими обводами «Малыгина», который не успели подготовить к экспедиции[53]. Дополнительным препятствием стало отсутствие самолетов ледовой разведки для Карской экспедиции 1926 г., на которые не нашли средств. Н.И. Евгенов вспоминал навигацию 1926 г. как «исключительно трудную», когда до начала сентября все проливы, ведущие в Карское море, были забиты льдом[54].

Карская экспедиция претерпела кадровые перестановки. В 1926 г. М.В. Николаев скончался и на пост начальника Карских экспедиций был назначен Н.И. Евгенов. По опыту предшествовавшей Карской экспедиции на борту ледокольного парохода были созданы гидрографическая партия и биологический отряд. Гидрограф А.М. Лавров заменил Н.И. Евгенова на посту начальника гидрографического отряда, став начальником ледовой разведки. Кадровые изменения не привели к ослаблению роли Н.И. Евгенова в обеспечении экспедиции ледовой разведкой, он продолжил отвечать за ее выполнение и выполнение программы научных работ[55]. На борту л/п «Г. Седов» также находились два военных гидрографа-стажера – Б.И. Шамшур и Б.М. Жуков[56].

В 1926 г. ледовую разведку вновь проводили два судна-разведчика – л/п «Г. Седов» и г/с «Иней». Н.И. Евгенов по прибытии каравана экспедиции к проливу Югорский Шар сразу перешел с парохода «Северолес» на л/п «Г. Седов» и начал проведение ледовой разведки. Новоземельские проливы были полностью забиты льдами, «Г. Седов» буквально «облазил» их, убедившись, что проливами не пройти. Перед Н.И. Евгеновым стояла задача – разработать план действий, который позволил бы каравану пробиться в Карское море. Было принято решение вести суда через мыс Желания и перебазировать грузовые суда в пролив Маточкин Шар[57].

Н.И. Евгенов на «Г. Седове» предпринял попытку глубокой ледовой разведки в проливе Маточкин Шар и обнаружил, что на пути к Карскому морю лед становится более редким. Ледовая разведка с востока судном «Иней» проходила медленнее, чем ожидалось, однако сыграла важную роль – «Иней» разведал, что к западу от о. Белый, в направлении к проливу Маточкин Шар, льда не было[58]. На основе этих данных руководством экспедиции было принято решение вести караван через пролив Маточкин Шар к чистой воде. Когда «Г. Седов» вошел в пролив, Н.И. Евгенов дал распоряжение каравану двигаться к ледокольному пароходу, и после тяжелой проводки «Г. Седов» вышел в Карское море с группой судов. Тогда же «Иней» сообщил о том, что путь к востоку от о. Белый (п-ов Ямал) не представляет трудностей, и суда двинулись к речным портам[59]. 7 и 9 сентября морской караван с опозданием дошел до Нового порта на реке Оби и Усть-Енисейского порта, где началась разгрузка пароходов.

В конце сентября грузовые суда двинулись обратно и соединились с «Г. Седовым» у о. Белый. Карское море начало покрываться ледяным салом, что делало ледовый прогноз неутешительным – море активно замерзает. На обратном пути проводка во льдах шла с переменным успехом – обский отряд удалось подвести к проливу Маточкин Шар, свободному ото льда. Суда, шедшие из устья Енисея, Н.И. Евгенову пришлось проводить в более

[53] РГАЭ. Ф. 9750. Оп. 1. Д. 226. Л. 62.
[54] Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 29. Л. 3.
[55] Там же. Ф. 9570. Оп. 1. Д. 278. Л. 10.
[56] *Евгенов Н.И., Алексеев Ю.К.* Научно-оперативное обслуживание… С. 11.
[57] РГАЭ. Ф. 9750. Оп. 1. Д. 226. Л. 72–73.
[58] *Сергиевский Б.А.* Условия плавания в Карском море в связи с ледовым состоянием его // Северная Азия. 1928. № 3. С. 79–91.
[59] РГАЭ. Ф. 9750. Оп. 1. Д. 226. Л. 74.

сложной ледовой обстановке. В начале октября надвигалась арктическая зима, начался процесс образования нового льда. Н.И. Евгенов телеграфировал о подготовке линейного ледокола к выходу в Карское море, если положение судов не изменится, а также созвал совещание на борту «Г. Седова» с помощниками и иностранными капитанами[60]. На совещании было принято коллегиальное решение пробиваться самостоятельно, и после обнаружения наиболее уязвимых во льдах мест караван с трудом смог выйти к проливу Маточкин Шар[61]. После того как миновали последние крупные льды, Н.И. Евгенов перешел с борта «Г. Седова» на пароход «Ульмус». Далее ледокольный пароход в Архангельск повел начальник ледовой разведки А.М. Лавров. Карская экспедиция 1926 г. завершилась успешно, лишь пароход «Ульмус» получил большую пробоину от столкновения со льдом, что могло послужить одной из причин повышения страховых ставок для судов Карской экспедиции 1927 г.[62]

Успешное завершение Седьмой Карской экспедиции в тяжелых ледовых условиях навигации 1926 г. свидетельствовало об эффективности ледовой разведки и действий Н.И. Евгенова. Без применения разведки льдов Н.И. Евгенов вряд ли бы смог принять решение форсировать полосу льдов в Маточкином Шаре, если бы не знал, что за ней выход к чистой воде[63]. Эти данные удалось получить только благодаря тому, что Н.И. Евгенов посвятил значительное время разведке льдов на флагманском судне, а г/с «Иней» осуществил разведку к востоку от Новой Земли. Альтернативный путь через мыс Желания мог привести к непредсказуемому исходу – например, вынужденному дрейфу или даже гибели пароходов.

В 1927 г. Н.И. Евгенов инициировал создание бюро погоды на борту ледокольного парохода Карской экспедиции, пригласив профессионального синоптика Главной Геофизической Обсерватории Эдмунда Павловича Пуйше[64]. Они вместе выехали из Ленинграда в Архангельск, где базировался л/п «Малыгин», в этот раз подготовленный для экспедиции[65]. Таким образом, на судне-лидере Карской экспедиции 1927 г. было создано первое в СССР плавучее бюро погоды, которое, по словам самого Н.И. Евгенова, сразу себя оправдало[66]. Бюро вело наблюдения за погодой в открытом море, давало оперативные прогнозы для нужд экспедиции. С тех пор на борту судна-лидера Карской экспедиции всегда будет находиться метеоролог. Н.И. Евгенов, помимо должности начальника экспедиции, руководил ледовой разведкой и научно-исследовательским обеспечением[67]. Помощь в проведении гидрологических исследований оказывал гидрограф С.Д. Лаппо[68].

Карская товарообменная экспедиция 1927 г. состояла из каравана шести судов, которые вновь вел через новоземельские проливы л/п «Малыгин» с капитаном Д.Т. Чертковым. В этот раз судовая ледовая разведка лишилась г/с «Иней» из-за плохого состояния, что указывало на значительную нехватку судов в Советской Арктике. Из-за невыполнения разведки «Инеем» произошло удлинение разведки с запада на восток силами одного «Малыгина» и задержка всей экспедиции на 6 дней со всеми коммерческими убытками[69].

Н.И. Евгенов провел разведку льдов на «Малыгине» в проливе Маточкин Шар и через несколько дней дал команду каравану двигаться через пролив[70]. Суда соединились у о. Белый и двинулись к устьям сибирских рек для перегрузки товаров. В середине сентября «Малыгин» провел транспортные суда Карской экспедиции в Баренцево море. После этого Н.И. Евгенов остался на ледокольном пароходе в Карском море для проведения океанологи-

[60] РГАЭ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 29. Л. 35.
[61] *Евгенова Н.Н.* Студеные вахты… С. 74.
[62] РГАЭ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 29. Л. 37.
[63] *Сергиевский Б.А.* Условия плавания… С. 79–91.
[64] *Евгенова Н.Н.* Студеные вахты… С. 77.
[65] РГМАА. О-6376. Л. 13.
[66] РГАЭ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 29. Л. 40.
[67] Там же. Л. 38.
[68] Там же.
[69] Там же. Ф. 9570. Оп. 1. Д. 278. Л. 20.
[70] Там же. Д. 270. Л. 3–4.

ческих исследований: сбора материалов поверхностных вод, глубоководных станций, создания ледовых карт.

Несмотря на применение метода ледовой разведки и деятельность группы ученых на борту судна-лидера Карских экспедиций, работу на севере осложняли хронические проблемы. В первую очередь это касалось неудовлетворительной работы некоторых радиостанций и дефицита судов на севере, особенно гидрографических. В отчетном докладе Карской экспедиции 1927 г. капитан обского отряда морских судов Н.К. Мукалов писал: «Гидрографии действительно нечем работать – нет судов. То, что осталось, то уже больше не суда, а старое железо, годное только на слом…»[71]. В этом отчете он указывал на другие недостатки: отсутствие второго судна ледовой разведки, неудовлетворительную работу радиостанций, на то, что рискованно сообщать, куда двигаться каравану, не обладая полной информацией о ледовой обстановке. Эта критика лишь подчеркивала необходимость совершенствования методов научно-оперативного гидрометеорологического обслуживания экспедиций в Арктике с помощью ледовой разведки, работы научных отрядов, береговых метеостанций и др.

В 1927 г. Н.И. Евгенов, который хорошо был знаком с проблемами арктического судоходства, обозначил их на заседании подкомиссии по вопросам Севморпути Межведомственного научно-технического совещания при ГУ СССР[72]. Начальник Карских экспедиций указывал на необходимость судовой ледовой разведки и ходатайствовал о ее проведении в восточной части Карского моря. Н.И. Евгенов ратовал за применение самолетов, метеорологических и ледовых прогнозов, обеспечение запасов угля для судна-лидера Карской экспедиции для выполнения программы научных работ[73]. Известный полярный исследователь В.Ю. Визе, присутствовавший на том же собрании, указывал на полезность обработанных материалов по наблюдениям за состоянием льдов в Карском море[74].

Что касается Карской экспедиции 1928 г., Н.И. Евгенов пригласил метеоролога Г.Я. Вангенгейма на пост синоптика бюро погоды на судне-лидере[75]. Гидрологические работы вел практикант Ю.А. Алексеев, который также был приглашен в экспедицию и стал штатным гидрологом последующих Карских экспедиций. В Карскую экспедицию 1928 г. ледокольный пароход «Малыгин» разведал проход в проливе Югорский Шар, в то время как станция Маточкин Шар сообщила, что в их проливе стоит лед. Об отсутствии льда в Обской губе сообщило г/с «Прибой», проводившее ледовую разведку в восточной части Карского моря в том году, а станция на о. Диксон сообщила об отсутствии льда в Енисейском заливе[76]. Благодаря данным ледовой разведки маршрут Карской экспедиции пролегал через пролив Югорский Шар. Руководство экспедиции отдало команду каравану, состоящему из восьми судов, двигаться через пролив. Далее под проводкой л/п «Малыгина» караван был проведен до устьев сибирских рек. Во время погрузочных работ, после получения сообщений о скоплениях льдов в западной части Карского моря, Н.И. Евгенов на «Малыгине» вышел из устья Енисея и разведал ледовую обстановку у новоземельских проливов.

За время Карских экспедиций 1925–1928 гг. Н.И. Евгенов собрал солидный научный материал, который послужил основой для целой серии научных публикаций. Главной работой на посту начальника Карских экспедиций можно считать «Лоцию Карского моря и Новой земли» (1930 г.), которую он начал создавать еще в середине 1920-х гг. Это была одна из первых лоций данного района, поэтому труд почти сразу был переведен на английский язык и переиздавался вплоть до конца 1930-х гг. В 1937 г. Н.И. Евгенов за эту работу получил степень доктора географических наук без защиты. Помимо лоции, на протяжении 1925–1930 гг. Н.И. Евгенов ежегодно подготавливал статьи о состоянии льдов в Карском море, которые выпускались в ежегоднике Гидрографического управления «Сведения о

[71] РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 1. Д. 280-а. Л. 16.
[72] Там же. Д. 264. Л. 50 об.
[73] Там же. Л. 50 об. – 51 об.
[74] Там же. Л. 51 об.
[75] Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 29. Л. 44.
[76] *Белов М.И.* Советское арктическое мореплавание… С. 208.

состоянии льдов на морях СССР». Указанные работы внесли большой вклад в описание района Карского моря и стали практическим руководством для многих мореплавателей на западном участке Северного морского пути.

Таким образом, за период 1921–1928 гг. грузооборот Карских экспедиций вырос почти в 4 раза: с 8,3 тыс. т до 29,3 тыс. т[77]. Экспедиции ежегодно укрупнялись– караваны прибавляли минимум по судну в год. Постепенно происходило удешевление самих перевозок благодаря снижению стоимости морских и речных фрахтов, а также страховых премий[78]. Это говорило о том, что Карские экспедиции в целом выдерживали сроки, а плавание Карским морским путем становилось более безопасным. Ледокольное и научно-оперативное гидрометеорологическое обеспечение Карских экспедиций сыграло свою роль в повышении безопасности судоходства по Карскому морю. Н.И. Евгенов и Ю.К. Алексеев отмечали, что, судя по отзывам, синоптические прогнозы завоевали доверие как у зарубежных, так и у советских судоводителей[79].

Большой вклад в развитие метода ледовой разведки на борту Карских экспедиций сыграл сам Н.И. Евгенов, который лично принимал участие в ледовых разведках, принимал решения о выборе наиболее безопасного пути следования. В его лице мы впервые видим систематическое соединение административных функций начальника экспедиции и начальника ледовой разведки. Под его руководством успешно отрабатывалось взаимодействие плавучего бюро погоды с радиостанциями и гидрометеорологическими бюро на побережье. Важно отметить продолжительное руководство Н.И. Евгенова на посту начальника Карских экспедиций (с 1926 по 1931 г.), что позволило ему за этот период выстроить и укрепить систему научно-оперативного гидрометеорологического обеспечения. При Н.И. Евгенове выполнялась программа научных работ Карских экспедиций, благодаря чему накапливалось больше информации о режиме Карского моря.

В 1929 г. Карские экспедиции под руководством Н.И. Евгенова вышли на новый этап. Период опытных экспедиционных плаваний завершился, началась масштабная эксплуатация западного участка Севморпути. С 1929 г. в караване стали проводить уже несколько десятков судов и навигация потребовала значительных организационных изменений. Успех ледокола «Красин» в спасении экспедиции У. Нобиле в 1928 г. обратил внимание на совместное применение ледокола и самолета. В Карской операции 1929 г. СССР продемонстрировал эффективное применение линейного ледокола в паре с самолетом ледовой разведки. Н.И. Евгенов был одним из тех, кто в феврале 1929 г. сумел добиться решения о предоставлении ледокола «Красин» акционерному обществу «Комсеверпуть» для этой операции[80]. С 1929 г. Карские операции получили постоянное сопровождение авиацией и ледоколом. Научно-оперативное обеспечение повлияло на сокращение сроков перевозок, снижение цен фрахта и страховых премий.

Таким образом, можно отметить, что именно в период Карских экспедиций начинают развиваться методы научно-оперативного обеспечения: ледовая разведка (в том числе на ледокольном судне) и гидрологические исследования, направленные на выяснение характера и состояния льдов (например, исследование температур и солености поверхностных слоев воды), оперативные метеорологические прогнозы. С 1924–1925 гг. закладываются основы данного обеспечения – в Карской экспедиции появляются суда-разведчики (ледокольное судно-лидер экспедиции и гидрографическое судно Убеко-Сибири), создаются научные отряды, в чьи задачи входит научно-оперативное обслуживание экспедиции.

Н.И. Евгенова можно считать одним из первых ученых, который занимался развитием данного направления научно-прикладных исследований сначала в качестве начальника ледовой разведки (1925 г.), а затем и в качестве начальника всей экспедиции (1926–1931 гг.). Став руководителем Карских экспедиций, гидрограф продолжил координировать работу

[77] *Воеводин Н.Н.* Северный морской путь (итоги 10 лет карских экспедиций) // Северная Азия. 1930. № 3–4. С. 101–108.
[78] Там же.
[79] РГАЭ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 9. Л. 23 об.
[80] *Емелина М.А., Савинов М.А., Филин П.А.* Карские операции… С. 31.

ученых и проводить ледовые разведки, сочетая должность руководителя и главы научного штаба экспедиции. До Н.И. Евгенова научное и административное направления, как правило, были отделены друг от друга. Гидрограф сыграл решающую роль в создании первого плавучего бюро погоды в составе Карской экспедиции 1927 г. и закреплении практики привлечения ученых (прежде всего метеорологов и гидрологов) для проведения научных исследований и научно-оперативного обслуживания Карских экспедиций.

В дальнейшем методы научно-оперативного обслуживания были применены Н.И. Евгеновым в 1932 г. в Северо-Восточной полярной экспедиции Наркомвода в восточной части Арктики. Подобную практику удалось закрепить в Карских экспедициях после ухода Н.И. Евгенова с поста их руководителя. Методы и организационные формы научно-оперативного обеспечения (бюро погоды, гидрографическая партия и др.), появившиеся в период Карских экспедиций под руководством Н.И. Евгенова, были использованы в дальнейшем при научно-оперативных групп при штабах морских операций..

Литература

Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. Л.: Гидрометеоиздат, 1969. Т. 3: Советское арктическое мореплавание 1917–1932 гг. 616 с.

Богданов К.А. Российские военные гидрографы – «колумбы» XX века (к 85-летию открытия Северной Земли). СПб.: Б.и., 2000. 151 с.

Воеводин Н.Н. Северный морской путь (итоги 10 лет карских экспедиций) // Северная Азия. 1930. № 3–4. С. 101–108.

Дмитриев А.А., Горбунов Ю.А., Соколов В.Т. История мореплавания по трассе Северного морского пути в XX и начале XXI века. СПб.: Морская энциклопедия, 2015. Т. 1: Состояние народного хозяйства Крайнего Севера и трассы Северного морского пути с предвоенного периода до 1967 г. 351 с.

Евгенова Н.Н. Студеные вахты (Воспоминания об исследователе Арктики). СПб.: Нестор-История, 2006. 188 с.

Емелина М.А., Савинов М.А., Филин П.А. Карские операции 1920–1930-х годов. Сборник документов из архива компании «Совфрахт». М.: Paulsen, 2019. 304 с.

История организации отдела Ледового режима и прогнозов ААНИИ // Арктический и антарктический научно-исследовательский институт [Электронный ресурс]. URL: https://www.aari.ru/assets/files/94/4oarzg-94-olrip-history.pdf (дата обращения: 04.12.2023).

Карелин Д.Б., Дрогайцев Д.А. Служба льда и погоды в Советской Арктике // XXV лет научной деятельности Арктического института. Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1945. С. 86–110.

Пинхенсон Д.М. История открытия и освоения Северного морского пути. Л.: Гидрометеоиздат, 1969. Т. 2: Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. 766 с.

Попов С.В. Гидрограф Н.И. Евгенов. Якутск: кн. изд-во, 1988. 80 с.

Сибирцев Н., Итин В.А. Северный морской путь и карские экспедиции. Новосибирск: Западно-Сибирское краевое изд-во, 1936. 229 с.

Гидрометеорологическое обеспечение арктического мореплавания в XX и начале XXI века: К 75-летию Главного управления Северного морского пути 1932–2007: сб. ст. / ред. И.Е. Фролов, Б.А. Крутских. СПб.: Государственный научный центр РФ Арктический и антарктический научно-исследовательский институт, 2008. 208 с.

Nielsen J.P., Okhuizen E. From Northeast Passage to Northern Sea Route: A History of the Waterway North of Eurasia. Leiden; Boston: Brill, 2022. 544 p.

References

Belov, M.I. (1969). *Istoriya otkrytiya I osvoeniya Severnogo morskogo puti. T. 3: Sovetskoe arkticheskoe moreplavanie 1917–1932 gg.* [The History of the Discovery and Development of the Northern Sea Route. Vol. 3: Soviet Arctic Navigation 1917–1932]. Leningrad, Gidrometeoizdat. 616 p.

Bogdanov K.A. (2000). *Rossiyskie voennye gidrografy – "kolumby" XX veka (k 85-letiyu otkrytiya Severnoy Zemli)* [Russian Military Hydrographers – "Columbians" of the 20th Century (on the 85th Anniversary of the Discovery of the Severnaya Zemlya)]. St. Petersburg. 151 p.

Dmitriev, A.A., Gorbunov, Yu.A., Sokolov, V.T. (2015). *Istoriya moreplavaniya po trasse evernogo morskogo puti v XX i nachale XXI veka. T. 1: Sostoyanie narodnogo hozyaystva Kraynego Severa i trassy Severnogo morskogo puti s predvoennogo perioda do 1967 g.* [The History of Navigation along the Track of the Northern Sea Route in the 20th and the Beginning of the 20th Century. Vol. 1: The State of the National Farms of the Far North and the Tracks of the Northern Sea Route from the Pre-War Period to 1967]. St. Petersburg. 351 p.

Frolov, I.E., Krutskikh, B.A. (Eds.). (2008) Gidrometeorologicheskoe obespechenie arkticheskogo moreplavaniya v XX i nachale XXI veka: K 75-letiyu Glavnogo upravleniya Severnogo-morskogo puti 1932–2007 [Hydrometeorological support of Arctic Navigation in the 20th and Early 21th Centuries: To the 75th Anniversary of the Main Directorate of the Northern Sea Route 1932–2007]. St. Petersburg, Gosudarstvennyy nauchnyy tsentr RF Arkticheskiy i antarkticheskiy nauchno-issledovatel'skiy institut. 208 p.

Istoriya organizatsii otdela Ledovogo rezhima i prognozov AANII [The History of the Organization of the Department of Ice Regime and Forecasts of AANIA]. In *Arkticheskiy i antarkticheskiy nauchno-issledovatel'skiy institut* [Arctic and Antarctic Research Institute]. Available at: URL: https://www.aari.ru/assets/files/94/4oarzg-94-olrip-history.pdf (date of access: 04.12.2023).

Karelin, D.B., Drogaytsev, D.A. (2022). *Sluzhba l'da i pogody v Sovetskoy Arktike* [Ice and Weather Service in the Soviet Arctic]. In *XXV let nauchnoy deyatel'nosti Arkticheskogo instituta*, pp. 86–110.

Nielsen, J.P., Okhuizen, E. *From Northeast Passage to Northern Sea Route: A History of the Waterway North of Eurasia.* Leiden, Boston, Brill,.544 S.

Pinkhenson, D.M. (1969). *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti. T. 2: Problema Severnogo morskogo puti v epokhu kapitalizma* [History of the Discovery and Development of the Northern Sea Route. Vol. 2: The Problem of the Northern Sea Route in the Era of Capitalism]. Leningrad, Gidrometeoizdat. 766 p.

Popov, C.V. (1988). *Gidrograf N.I. Evgenov* [The Hydrographer N.I. Yevgenov]. Yakutsk, Knizhnoe izdatelstvo. 80 p.

Sergievsky, B.A. (1928). Usloviya plavaniya v Karskom more v svyazi s ledovym sostoyaniem ego [Conditions of Navigation in the Kara Sea due to Its Ice Condition]. In *Severnaya Asia*. No. 3, pp. 79–91.

Sibirtsev, N., Itin, V.A. (1936). *Severnyy morskoy put' i Karskie ekspeditsii* [The Northern Sea Route and the Kara Expeditions]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe kraevoe izdatelstvo. 229 p.

Voevodin, N.N. (1930). Severnyy morskoy put' (itogi 10 let karskikh ekspeditsiy) [The Northern Sea Route (Results of 10 Years of the Kara Expeditions)]. In *Severnaya Asiya*. No. 3–4, pp. 101–108.

Yevgenova, N.N. (2006). *Studenye vakhty (Vospominaniya ob issledovatele Arktiki)* [The Glacial Watches (Memories of an Arctic Explorer)]. St. Petersburg, Nestor-History. 188 p.

Yemelina, M.A., Savinov, M.A., Filin, P.A. (2019). *Karskie operatsii 1920–1930-kh godov. Sbornik dokumentov iz arkhiva kompanii "Sovfrakht"* [Kara Operations of the 1920s–1930s. Collection of Documents from the Archive of the "Sovfracht" Company]. Moscow, Paulsen. 304 p.

А.Д. Васильев*

ЯКУТЫ ИЛИ КУПЕЧЕСТВО? ПОИСКИ ОПТИМАЛЬНЫХ ПОДРЯДЧИКОВ В СНАБЖЕНИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ОКРАИН РОССИИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВЕКА)

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-12
УДК 94(571.56)"18-19"

Выходные данные для цитирования:
Васильев А.Д. Якуты или купечество? Поиски оптимальных подрядчиков в снабжении северо-восточных окраин России (конец XVIII – начало XIX века) // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 170–179.
URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-12.pdf

A.D. Vasil'ev*

YAKUTS OR MERCHANTS? SEARCH FOR OPTIMAL CONTRACTORS IN SUPPLYING THE NORTHEASTERN OUTSKIRTS OF RUSSIA (LATE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES)

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-12

How to cite:
Vasil'ev A.D. Yakuts or Merchants? Search for Optimal Contractors in Supplying the Northeastern Outskirts of Russia (Late 18th – Early 19th Centuries) // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 170–179.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-12.pdf]

Abstract. The article is in the context of the history of the formation and development of the institution of contracting operations as a way of transporting government cargo to the northeastern outskirts of the Russian Empire at the end of the 18th and beginning of the 19th centuries. It considers the process of finding the optimal contractors between merchants and Yakuts by the Russian government. For the efficiency of cargo delivery, the state had to take into account the interests of all parties in this process: the royal treasury was interested in saving money, while contractors were interested in decent pay. Ultimately, it was determined that it would be most expedient to cooperate directly with the Yakut patriarchs, whose horses were the only means of transporting goods. At the same time, the active participation of the merchants in this process played a significant role in the transition from the conscription policy to a contract basis, which was more liberal, and the existing competition between the two contenders contributed to the development of the most optimal contract terms. However, the complexity of communication along the Okhotsk tract and the distance between Yakutsk and Irkutsk, where the provincial administration was located, gave rise to special difficulties in drawing up contracts with the Yakuts. The author notes that the transition period in the history of local government in Yakutia, associated with the organization of a regional form of government with certain authority at the beginning of the 19th century, was directly related to the development trend of the contracting institution, namely the drawing up of mutually beneficial contracts between the local administration and the Yakuts.

Keywords: northeastern outskirts of Russia, Yakutia, Pacific coast, merchants, Yakuts, contracts, cargo transportation.

The article has been received by the editor on 14.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Айсен Данилович Васильев,** кандидат исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия, e-mail: aysen_vasilev@mail.ru

Aisen Danilovich Vasil'ev, Candidate of Historical Sciences, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian academy of Sciences, Yakutsk, Russia, e-mail: aysen_vasilev@mail.ru

Аннотация. В статье на фоне истории становления и развития института подрядных операций как способа провоза казенных грузов в северо-восточные окраины Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. рассматривается вопрос о том, как российское правительство искало оптимальных подрядчиков, колеблясь между купечеством и якутами. Для эффективности доставки грузов государству приходилось учитывать интересы всех сторон данного процесса: царская казна была заинтересована в экономии средств, а подрядчики – в достойной оплате. В конечном счете наиболее целесообразным было определено сотрудничать напрямую с якутскими родоначальниками, чьи лошади служили единственным средством провоза грузов. При этом активное участие купечества в данной сфере сыграло существенную роль, подтолкнув власти к переходу от политики наложения повинности на подрядную основу, что было по характеру либеральнее первого, а существовавшая конкуренция между двумя претендентами способствовала развитию наиболее оптимальных условий контракта. Однако сложность коммуникации по Охотскому тракту и удаленность Якутска от Иркутска, где находилась губернская администрация, от которой была зависима Якутия, порождали особые сложности при составлении контрактов с якутами. Автор отмечает, что переходный период в истории местной власти в Якутии, связанный с организацией областной формы управления с определенными полномочиями в начале XIX в., был напрямую обусловлен развитием института подряда, а именно переходом к составлению взаимовыгодных контрактов местной администрации с якутами.

Ключевые слова: северо-восточные окраины России, Тихоокеанское побережье, Якутия, купечество, якуты, подряды, провоз грузов.

Статья поступила в редакцию 14.10.2023 г.

Освоение арктических территорий России, проблемы «северного завоза» в условиях климатических и экономических особенностей данных регионов являются одними из актуальных задач российского правительства на современном этапе, что вызывает определенный интерес к рассмотрению исторического опыта осуществления организации поставок на отдаленные территории государства.

Якутия начиная с XVIII в. по своему географическому положению занимала важное место в освоении и укреплении северо-востока Сибири, Русской Америки и Дальнего Востока, тем самым выполняя роль форпоста, когда еще Приамурье и Приморье не были имперскими территориями. Через территорию Якутского региона проводился провоз казенного груза (хлеба, съестных припасов, медикаментов, вина, спирта, уксуса, морских материалов и пр.) в окраинные пункты государства, в первую очередь в Охотский порт, который был единственным средством выхода в Тихий океан до середины XIX в. (до основания Аянского порта). Конец XVIII – начало XIX в. – переходный период в истории организации власти Якутского края, когда происходили важные процессы по нахождению оптимальной формы управления регионом[1], где геополитическая специфика играла ключевую роль при разработках проектов по административно-территориальному преобразованию Якутии[2]. Снабжение окраинных территорий сопровождалось многими проблемами, которые были связаны не только со сложностью коммуникации по единственному тогда тракту – Охотскому, но и с организацией северо-восточной географической и астрономической экспедиции И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева в 1785–1793 гг., увеличением численности войск на Тихоокеанском побережье, обусловленным перемещением в 1799 г. на побережье Тихого океана в Камчатку полка из Иркутска под командованием полковника А.А. Сомова,

[1] *Борисов А.А.* Переходный период в истории местного управления в Якутии в 1775–1805 гг. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. СПб., 2018. Вып. 9. С. 157–161.

[2] *Васильев А.Д.* Вопросы административного преобразования Якутского края в представлениях сибирского чиновничества: 1790–1800-е годы // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 3. С. 127–134.

впоследствии сформированного в Камчатский батальон, посылкой туда команды моряков и строителей под началом капитан-лейтенанта И.Н. Бухарина, что только усугубляло положение.

Историей провоза грузов в Охотск занимались в контексте других специальных исследований В.И. Вагин[3], Л.Г. Левенталь[4], Г.П. Башарин[5], Ф.Г. Сафронов[6], А.В. Ремнев[7], З.И. Петухова[8], П.Л. Казарян[9], Л.М. Дамешек, В.П. Захаров[10], ряд работ был опубликован в том числе и автором данной статьи[11]. Однако период конца XVIII – начала XIX в. еще не подвергался подробному анализу и научной рефлексии историков. Среди всех перечисленных авторов наиболее подробно данным вопросом занимались участник Сибиряковской экспедиции 1894–1896 гг. Л.Г. Левенталь, а затем и советский историк Г.П. Башарин, изучавшие вопросы податей, повинностей и земельных отношений якутов.

В ходе исследования нами были введены в научный оборот документы, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Саха (Якутии) и Российского государственного исторического архива, которые позволили рассмотреть данный вопрос в контексте развития административно-управленческих и общественно-политических процессов в Якутии, определить закономерности совершенствования института подрядных операций, осветить новые купеческие имена, стоявшие у истоков ее становления.

Организация провоза грузов в Охотск прошла несколько этапов, но прежде всего остановимся на ее ранней истории. С 1726 г. первоначально поставки отправлялись водным путем по рекам Лена, Алдан, Мая, Юдома до Юдомской заставы, а далее до Охотска в зимнее время по суше на якутских лошадях. В 1736 г. сухопутная доставка грузов легла как личная (подводная) повинность на аборигенное население – якутов. Так, с 5–8 душ выставлялось по одной лошади, при этом в одну подводу запрягали по три лошади, и за нее должны были платить «прогоныя денги» – летом по 1 коп. за версту, зимой – по «денге»[12]. Сообщается, что оплата «выдавалась через несколько лет, и то по прошениям якутов, или зачитывалась в ясак». Архивариус Якутского областного правления И.Е. Старостин в 1830 г. писал, что «Каждогодный таковой збор лошадей привел якутов в совершенный упадок, что вместо лошадей давали табунных жеребцов и кобыл, из коих не токмо в пути следования от разных причин, но и по зборе в Якутске от долговременного ожидания отправки приходили изнурение и от того гибли и терялись, а частью и самыя проводники обращали в свои извороты, и по таковым обстоятельствам некоторая и самая малая часть обращалась в руки хозяев»[13].

В 1753 г. для облегчения бремени якутов местное начальство начинает отправлять часть казенных грузов в Охотск через подряды посредством «якуцких дворян, детей боярских, казаков и разночинцов»[14]. Согласно архивным сведениям, уже с этого времени купече-

---

[3] *Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб., 1872. Т. 2.

[4] *Левенталь Л.Г.* Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л., 1929.

[5] *Башарин Г.П.* История аграрных отношений в Якутии: в 2 т. Якутск, 2013.

[6] *Сафронов Ф.Г.* Охотско-Камчатский край: пути сообщения, население, снабжение и земледелие до революции. Якутск, 1958; *Сафронов Ф.Г.* Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск, 1988.

[7] *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004.

[8] *Петухова З.И.* Якутская Степная дума (1827–1838 гг.). Якутск, 2007.

[9] *Казарян П.Л.* Сухопутные сообщения Северо-Восточной России (XVII в. – 1920 г.). Якутск, 2012.

[10] *Дамешек Л.М., Захаров В.П.* Якутия в освоении Северо-Востока Азии в 30-е гг. XVIII – начало XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2015. Т. 12. С. 6–12.

[11] *Васильев А.Д.* Проблемы снабжения Тихоокеанского побережья и пути их решения якутскими областными начальниками (первая половина XIX в.) // Россия и АТР. 2020. № 2 (108). С. 50–62; *Васильев А.Д.* Якутская администрация и коренные народы в конце XVIII в.: проблемы взаимоотношений в контексте снабжения северо-восточных окраин России // Народы России, Сибири и стран Востока: история и современность: материалы междунар. науч. конф. Иркутск. 2021. С. 98–104.

[12] Денга – половина копейки.

[13] *Башарин Г.П.* История аграрных отношений в Якутии. Якутск, 2013. Т. 1. С. 230.

[14] Там же. С. 233.

ство начинает принимать активное участие в подрядах: в 1760-е гг. этим занимались тобольские купцы Иван Федоров, Степан Копырин и Степан Горшков, якутские купцы Никифоров (имя пока установить не удалось) и Матвей Десяткин[15].

На каждую лошадь полагалось 5 пудов «тяжестей», за которые получали в 1753–1758 гг. от 7 руб. 50 коп. до 11 руб. 50 коп. В среднем подрядчики могли получать до 9 руб. 50 коп., при этом возчикам выдавалось летом по 2 руб. 67 коп., а зимою – 1 руб. 33 ½ коп. или в среднем по 2 руб., т.е. в 3 и ½ раза меньше, чем платили подрядчикам[16]. Таким образом, вопросы, связанные с облегчением положения якутов по доставке грузов, не были еще решены, но это был первый опыт перехода на подрядную основу. Из-за того что в 1776 г. «на подряд желающих не было отыскано», доставка грузов во все отдаленные места северо-востока России вновь была включена в принудительную повинность якутов[17].

Местная администрация не переставала искать наиболее оптимальные способы доставки грузов: она вошла «с представлениями высшему начальству, чтоб якутам за поставки тягостей вместо прогон за подводу, то есть на три лошади по 1 коп. на версту, положить им плату на каждую лошадь по 6 руб. и оное выводило, что против подрядного платежа гораздо казне выгоднее, что узнав якуты таковое об них ходатайство, просили к том еще по крайней мере прибавить по 1 руб. и выдавать по 7 руб. на лошадь, описывая при том свои изменения и происходящий от того им упадок». Однако царское правительство оставило данное ходатайство без внимания[18].

Г.П. Башарин посчитал, что «за 37 лет, с 1736 по 1773 г., якуты выставили 111 952 лошади, или в среднем по 3 026 лошадей в год, 17 367 проводников, или в среднем по 470 чел. в год…». Из них большинство лошадей не возвращалось, они «гибли от бескормицы, изнурения, катастроф при речных переправах, переездах через топкие болота и трудные горные перевалы и, наконец, от эпидемий». При этом, как уже отмечалось, когда не хватало лошадей, царская власть продолжала заменять их «табунными жеребцами и кобылами». Все это весьма негативно продолжало сказываться на социально-экономическом положении аборигенного населения[19].

Следующим шагом решения проблем была перевозка грузов посредством найма лошадей за счет казны. Так возник подряд купечества по «вольным ценам» с 1774 г., который существовал до 1782 г. В XVIII в. сибирское купечество принимало активное участие не только в экономической жизни зауральской территории, но и в изучении северо-восточных окраин России, началом которого считаются 1740–1780-е гг.[20] Кроме того, во второй половине XVIII – XIX в. в «сибирской предпринимательской среде появляется много различных проектов расширения морских промыслов и торговых связей с государствами Юго-Восточной Азии, Китаем, Японией, Кореей, Индией, Филиппинами, а на Американском материке с испанцами и американцами. Наибольшую активность в объединении купеческих капиталов и создании крупных компаний проявляло иркутское купечество»[21]. Таким образом, появление купечества на данной арене можно считать закономерным явлением.

На первое четырехлетие подрядчиками стали иркутские купцы Федор Киселев и Михаил Сибиряков. В Охотск планировалось отправить 20 тыс. пудов и в Колымск – 2 тыс. пудов, при этом с каждого пуда должны были получать по 1 руб. 54 коп., а в Удское – 223 пуда, но по 2 руб. 79 коп. Полагалось, что на лошадь придется груза по 5 пудов

[15] Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 49. Л. 15–16.
[16] *Башарин Г.П.* История аграрных отношений… Т. 1. С. 233.
[17] Там же. С. 234.
[18] Там же.
[19] Там же. С. 237.
[20] *Комлева Е.В.* Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX век). Новосибирск, 2018. С. 231.
[21] *Шахеров В.П.* Предпринимательство и власть в Сибири XVIII – первой половины XIX в.: от конфронтации к партнерству // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 12. С. 67.

20 фунтов. Так, при отправке клади в Охотск обошлись 3 636, в Колымск – 363 лошадьми, и за каждую вьючную лошадь в результате получили по 8 руб. 47 коп. Для транспортировки в Удское потребовалось 40 лошадей по 15 руб. 26 коп. за каждую. Во втором четырехлетии устюжской купец Федор Шубин и курский Яков Ситников обязались отправить в Охотск 22 тыс. пудов на 4 тыс. лошадей, в Колымск – 2 тыс. пудов на 363 лошадях, получив за каждую по 9 руб. 35 коп.; в Удское – 223 пуда на 40 лошадях по 15 руб. 26 ½ коп. за каждую. Если первые два купца в 1774–1778 гг. получили от казны за каждую подрядную лошадь в среднем по 11 руб. 86 коп., а вторые в 1778–1782 гг. – по 12 руб. 30 коп.[22], то платили они за наем каждой лошади якутам в среднем по 5 руб. 50 коп., что уже чуть повысило материальную обеспеченность извозчиков.

В 1778 г. из-за того, что купцы не смогли «отыскать охотников к подряду на 657 лошадей подвоз в Охоцк казенного провианта», они не смогли выполнить свои обязательства по контракту. Я. Ситников ходатайствовал перед Якутской провинциальной канцелярией о сборе необходимого числа лошадей по 5 руб. 50 коп. за каждую, причем администрация предоставила от якутов 486 лошадей. Однако впоследствии случались недовозы, за которые администрация взыскивала с купцов неустойку в несколько тысяч, в результате чего купцы «более в подряд не входили»[23]. Несмотря на не совсем удачный конец, участие купечества в этом деле было большим шагом в становлении подряда как способа доставки грузов, во внедрении принципов подобного сотрудничества в последующую практику российского правительства.

В 1780 г. якутские князцы Петр Сюптюрюков и Багарыния Кюлюнчин представили Иркутскому губернатору Фр.Н. Кличке ходатайства с просьбой дозволить им стать подрядчиками с условием оплаты по 5 руб. 50 коп. за лошадь. Иркутская губернская канцелярия в 1781 г. предписала якутской администрации «согласить на такой подряд с 1782 по 1786 год якутских иноверцев к поставке в разныя места тягостей на 4 000 лошадей за получаемую от купцов плату по 5 руб. 50 к[оп.] на лошадь». Так на практике якутские родоначальники заключили с администрацией контракты по доставке грузов на 3 014 лошадях в Охотск в течение четырех лет за 5 руб. 50 коп. При этом российскому правительству пришлось отправить в Охотск сверх подписанного соглашения еще 6 000 пудов грузов, для доставки которых местная администрация принудила отправить якутам еще 1 091 лошадь при плате по 6 руб. за лошадь. В 1785 г. снова возникла необходимость сбора 545 лошадей сверх контракта[24].

Практически со времени перехода сотрудничества с якутами на подрядной основе происходит и реформирование системы управления Якутии. В марте 1783 г. Якутская провинция во главе с воеводой была преобразована в область, которая состояла из Якутского, Олёкминского, Оленского (Вилюйского), Жиганского и Зашиверского уездов, где главой области назначался комендант. Воеводская канцелярия заменялась на нижний земский суд, судебные функции были возложены на уездный суд, финансовые дела – на казначейство, полицейский надзор поручался городничему (в Якутске) и земским исправникам (в уездах). Якутия продолжала административно подчиняться Иркутской губернии.

Когда закончилось первое четырехлетие, был подписан новый контракт с якутами на два года (1786–1787), который учитывал «бессенницу и падеж лошадей и рогатого скота». Теперь, согласно контракту, якутские тойоны должны были поставлять грузы в Охотск и Колымск по цене 6 руб. 75 коп. за лошадь. В последующем четырехлетнем контракте (на 1788–1792 гг.) прежняя цена за лошадь сохранилась[25].

В 1792 г. иркутский наместник предложил якутским родоначальникам контракт еще на четырехлетие, где они запросили более высокую плату, чем в предыдущий раз: за каждую лошадь в Охотск, Зашиверск и Колымск – по 15 руб. с условием, что деньги будут выданы

[22] *Башарин Г.П.* История аграрных отношений в Якутии. Якутск, 2013. Т. 2. С. 110.
[23] Там же.
[24] Там же. С. 110–111.
[25] Там же. С. 111.

вперед. Однако Иркутская казенная палата не приняла данное предложение и объявила открытые торги[26].

Желание заключить контракт изъявил известный купец Григорий Иванович Шелихов, исследователь северной части Тихого океана, один из основателей Российско-Американской компании (РАК), поддержавший кандидатуру А.А. Баранова – первого Главного правителя российских поселений в Северной Америке[27]. Исследователь истории РАК С.Б. Окунь писал, что планы Г.И. Шелихова «изобличали в нем человека больших способностей, предприимчивого и далеко опередившего своих современников»[28].

Григорий Иванович «условился доставлять с пуда в Охотск по 2 р[уб.] 55 к[оп.], в Зашиверск и в Колыму по 2 р[уб.] 20 коп., а в Удский острог по 2 р[уб.] 80 к[оп.], полагая тягости на лошадь по 5 пуд. 20 фунт., что и обходится платы на каждую лошадь в Охотск по 14 р[уб.] 2 ½ к[оп.], в Зашиверск и в Колымскую вершину по 14 руб. 85 коп., и Удский острог по 15 руб. 40 коп. и сверх того в собственных сумах, а за сумы получать от казны по 1 руб. 80 к[оп.] за каждую пару, при том же условленныя деньги получать по доставке тягостей и по предъявлении квитанции, и по таковым условиям Правительствующий Сенат на четырехлетие с 1792 по 1796 год за тем Шелеховым утвердил»[29].

Несмотря на то, что условия, предложенные Г.И. Шелиховым, были не более выгодными, чем требования якутов, иркутская администрация все же подписала с ним контракт. Помимо лошадей Г.И. Шелихова, продолжался сбор и у якутов по нарядам за одинарные подводные прогоны[30].

Как отмечают исследователи, у Г.И. Шелихова не хватало средств для выполнения контракта и поэтому практически вся кладь перевозилась якутами[31]. Согласно приводимым в литературе данным, большая часть прибыли доставалась купцу, а за недовоз расплачивались сами якуты. Г.П. Башарин отмечает, что купцы стали практически выполнять роль не подрядчиков, а посредников. Удаленность от иркутских властей обусловливала замедленность при рассмотрении судебных дел, а у компании не было своих средств и в целом возможности для понуждения якутов к своевременной доставке грузов. Это было невыгодно как для якутов, так и для казны. В 1795 г. администрация прекратила свои сделки с компанией Г.И. Шелихова[32]. Российское правительство понимало, что лучше сотрудничать напрямую с якутскими родоначальниками, и в конце 1795 г. был заключен контракт на 1796–1797 гг. по цене за лошадь: до Колымска – по 13 руб., до Охотска – по 14 руб., и за проводников – по 9 руб. 15 коп. и 10 руб. 14 коп.

При провозе грузов наблюдались проблемы во взаимоотношениях якутов с местной администрацией, поскольку родоначальники стремились отстаивать интересы аборигенного населения. Якутские головы А. Аржаков, П. Сивцев и князец И. Шадрин вели переговоры в Иркутске, где добились возмещения неуплаченных якутам денег в 1788–1792 гг., которые в свое время отказался выдавать комендант Якутской области А.О. Маркловский. Они также выдвинули более выгодные условия по сравнению с последующими предложениями компании Г.И. Шелихова[33].

В 1797 г. Якутия вернулась к уездной системе управления, при которой главой уезда выступал городничий. Тогда же, согласно указу Сената, якутскому городничему предписывалось учредить при местном казначействе «присутствие для окончательного заключения условий с якутскими обществами на всю кладь, требовавшуюся для Охотска, Удского

[26] *Башарин Г.П.* История аграрных отношений… Т. 2. С. 111–112.
[27] *Петров А.Ю., Ермолаев А.Н., митрополит Климент (Г.М. Капалин).* Главный правитель Русской Америки А.А. Баранов и историко-культурное наследие России на севере Тихого океана // Вопросы истории. 2020. № 8. С. 6.
[28] *Окунь С.Б.* Российско-американская компания. М., 1939. С. 31.
[29] *Башарин Г.П.* История аграрных отношений… Т. 2. С. 112.
[30] Там же.
[31] *Левенталь Л.Г.* Подати, повинности и земля у якутов… С. 314; *Башарин Г.П.* История аграрных отношений… Т. 2. С. 112.
[32] *Башарин Г.П.* История аграрных отношений… Т. 2. С. 112.
[33] *Васильев А.Д.* Якутская администрация и коренные народы… С. 101.

и Зашиверска». В 1798 г. был подписан контракт с якутами на два года: для Колымска – 9 руб. 15 коп., для Охотска – 10 руб. 14 коп. за лошадь, подъемный вес был повышен до 5 ½ пуда. Л.Г. Левенталь полагает, что цены были занижены из-за конкуренции с РАК[34].

Однако из-за частых и массовых падежей скота в расположенных по тракту селениях родоначальники потребовали более высокой платы, а «казенная палата указом изволила предписать, буде якуты не согласятся за прежние цены добровольно, то учинить оное нарядом за прогонную плату». В 1799 г. снова был заключен договор Якутского казначейства с якутами на четыре года (1800–1803) для ежегодной доставки 20–25 тыс. пудов грузов в Охотск, 1535 пудов – в Зашиверск и другие населенные пункты по тем же ценам. До 1808 г. были заключены еще два двухлетних контракта, впоследствии же вплоть до 1830-х гг. контракты заключались на четырехлетние периоды[35].

Эффективность организации провоза грузов была непосредственно связана с системой местного управления. В 1798 г. якутские чиновники И. Эверс и С. Гарновский предоставили в центральные органы управления Российской империи проект «О благоустроении Якутской области», в котором предлагалось повысить административный статус Якутского региона, ограничив его зависимость от иркутских властей. Главная причина этого заключалась в удаленности Якутска от Иркутска, что существенно замедляло принятие решений и негативно сказывалось на доставке грузов в Охотск. Авторы проекта отмечали, что якуты, «желая воспользоваться своими выгодами, стараются неумеренными запросами, с превосходною против купечества наймов дороговизною извлечь из казны великие суммы денег»[36], на обсуждение же этих вопросов и переговоры с якутами уходило значительное время, вследствие чего иркутским властям приходилось соглашаться с ними во вред казне или передавать подряды купцам лишь с незначительными выгодами по сравнению с предложениями якутов. В проекте отмечалось, что купцы из-за безысходности нанимали тех же якутов, но по довольно низким ценам, а якуты сами производили поставки и поэтому запрашивали высокие цены за извоз – получалось, что проигрывала «одна только казна»[37]. Это и стало причиной реформирования системы якутского управления, реализация которого протянулась до в 1805 г. Тогда в Якутске было учреждено областное правление во главе с областным начальником, которому, в частности, вменялось в обязанность составление контрактов с якутами.

Таким образом, в конце XVIII – начале XIX в. при организации провоза грузов в Охотск и другие отдаленные пункты империи российское правительство переходит на подрядную основу. В результате многочисленных попыток поиска оптимальных партнеров для снабжения окраин царская власть остановилась на том, что в существовавших условиях было целесообразнее работать напрямую с якутскими родоначальниками на подрядной основе, чем с купечеством. Это обусловливалось в первую очередь тем, что якутские лошади служили единственным средством для транспортировки грузов и те же купцы не могли обходиться без привлечения аборигенного населения. При этом активное участие купечества сыграло определенную роль в становлении подрядной системы, а существовавшая конкуренция между двумя претендентами, отставание интересов якутов родоначальниками – все это способствовало складыванию наиболее оптимальных условий для заключения контракта. Для повышения эффективности доставки грузов должны были учитываться интересы нескольких сторон: государства и партнеров по перевозкам (подрядчиков и извозчиков). Царская власть, заинтересованная в своевременном обеспечении самых отдаленных и труднодоступных населенных пунктов, искала при этом наименее затратный способ организации их снабжения. Другая же сторона, учитывая сложность природных условий, плохое состояние транспортных коммуникаций, необходимость привлечения большого числа лошадей, что ложилось тяжким бременем на якутов, желала достойного вознаграждения,

[34] *Левенталь Л.Г.* Подати, повинности и земля у якутов… С. 314; *Башарин Г.П.* История аграрных отношений… Т. 2. С. 112.
[35] *Башарин Г.П.* История аграрных отношений… Т. 2. С. 112.
[36] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 908. Л. 41–42.
[37] Там же. Л. 42.

причем выдвигавшиеся финансовые запросы с годами возрастали. Все эти обстоятельства и стали одной из основных причин разработки административных реформ, направленных на усовершенствование местного управления Якутии.

Литература

Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. Якутск: Арт-Флекс, 2003. Т. 1. 447 с.

Башарин Г.П. История аграрных отношения в Якутии. Якутск: Арт-Флекс, 2003. Т. 2. 518 с.

Борисов А.А. Переходный период в истории местного управления в Якутии в 1775–1805 гг. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. СПб., 2018. Вып. 9. С. 157–161.

Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1872. Т. 2. 770 с.

Васильев А.Д. Вопросы административного преобразования Якутского края в представлениях сибирского чиновничества: 1790–1800-е годы // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 3. С. 127–134.

Васильев А.Д. Проблемы снабжения Тихоокеанского побережья и пути их решения якутскими областными начальниками (первая половина XIX в.) // Россия и АТР. 2020. № 2 (108). С. 50–62.

Васильев А.Д. Якутская администрация и коренные народы в конце XVIII в.: проблемы взаимоотношений в контексте снабжения северо-восточных окраин России // Народы России, Сибири и стран Востока: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф. (Иркутск, 21 апреля 2021 г.). Иркутск, 2021. С. 98–104.

Дамешек Л.М., Захаров В.П. Якутия в освоении Северо-Востока Азии в 30-е гг. XVIII – начало XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2015. Т. 12. С. 6–12.

Казарян П.Л. Сухопутные сообщения Северо-Восточной России (XVII в. – 1920 г.). Якутск: СВФУ, 2012. 147 с.

Комлева Е.В. Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX в.). Новосибирск: Параллель, 2018. 397 с.

Левенталь Л.Г. Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 221–448.

Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.: Соцэкгиз, 1939. 259 с.

Петров А.Ю., Ермолаев А.Н., митрополит Климент (Г.М. Капалин). Главный правитель Русской Америки А.А. Баранов и историко-культурное наследие России на севере Тихого океана // Вопросы истории. 2020. № 8. С. 54–60.

Петухова З.И. Якутская Степная дума (1827–1838 гг.). Якутск: Көмүөл, 2007. 192 с.

Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2004. 552 с.

Сафронов Ф.Г. Охотско-Камчатский край: пути сообщения, население, снабжение и земледелие до революции. Якутск: Якуткнигоиздат, 1958. 136 с.

Сафронов Ф.Г. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1988. 192 с.

Шахеров В.П. Предпринимательство и власть в Сибири XVIII – первой половины XIX в.: от конфронтации к партнерству // Известия Иркутского госудпрственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 12. С. 57–69.

References

Basharin, G.P. (2003). *Istoriya agrarnykh otnosheniy v Yakutii* [The History of Agrarian Relations in Yakutia]. Moscow, Art-Fleks. Vol. 1. 447 p.

Basharin, G.P. (2003). *Istoriya agrarnykh otnosheniy v Yakutii* [The History of Agrarian Relations in Yakutia]. Moscow, Art-Fleks. Vol. 2. 519 p.

Borisov, A.A. (2008). Perekhodnyy period v istorii mestnogo upravleniya v Yakutii v 1775–1805 gg. [Transitional Period in the History of Local Government in Yakutia in 1775–1805]. In *Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istorii Rossii. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Saint Petersburg. Vol. 9, pp. 157–161.

Dameshek, L.M., Zaharov, V.P. (2015). Yakutiya v osvoenii Severo-Vostoka Azii v 30-e gg. XVIII – nachalo XX v. [Yakutia in the Development of Northeast Asia from the 1730s to Early 20th Century]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 12, pp. 6–12.

Kazaryan, P.L. (2012). *Sukhoputnye soobshcheniya Severo-Vostochnoy Rossii (XVII v. – 1920 g.)*. [Land Communications of North-Eastern Russia (From 17th Century to 1920)]. Yakutsk, SVFU. 147 p.

Komleva, E.V. (2018). *Sibirskoe kupechestvo: vklad v khozyaystvennoe osvoenie i izuchenie Severo-Vostochnoy Evrazii (konets XVIII – XIX vek)* [Siberian Merchants: Contribution to the Economic Development and Study of North-Eastern Eurasia (Late 18th – 19th Centuries)]. Novosibirsk, Parallel'. 397 p.

Levental', L.G. (1929). Podati, povinnosti i zemlya u yakutov [Taxes, Duties and Land Among the Yakuts]. In *Materialy po obychnomu pravu i po obshchestvennomu bytu yakutov*. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, pp. 221–448.

Okun', S.B. (1939). *Rossiysko-amerikanskaya kompaniya* [The Russian-American Company]. Moscow, Sotsekgiz. 259 p.

Petrov, A.Yu., Ermolaev, A.N., Metropolitan bishop Kliment (G.M. Kapalin). (2020). Glavnyy pravitel' Russkoy Ameriki A.A. Baranov i istoriko-kul'turnoe nasledie Rossii na severe Tikhogo okeana [The Main Ruler of Russian America A.A. Baranov and the Historical and Cultural Heritage of Russia in the North of the Pacific]. In *Voprosy istorii*. No. 8, pp. 54–60.

Petukhova, Z.I. (2007). *Yakutskaya Stepnaya Duma* [The Yakut Steppe Duma]. Yakutsk, Kemel. 192 p.

Remnev, A.V. (2004). *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX — nachala XX vekov: monografiya* [Russia of the Far East. Imperial Geography of Power from the 19th Century to the Early 20th Century: Monograph]. Omsk, Izd-vo Omsk. gos. un-ta. 552 p.

Safronov, F.G. (1958). *Okhotsko-Kamchatskiy kray (puti soobshcheniya, naselenie, snabzhenie i zemledelie do revolyutsii)* [The Okhotsk-Kamchatka Region: Routes of Communication, Population, Supply and Agriculture before the Revolution]. Yakutsk, Yakutknigoizdat. 136 p.

Safronov, F.G. (1988). *Tikhookeanskie okna Rossii: Iz istorii osvoeniya russkimi lyud'mi poberezhiy Okhotskogo i Beringova morey, Sakhalina i Kuril* [Pacific Windows of Russia: From the History of Development of the Shores of the Sea of Okhotsk and the Bering Sea, Sakhalin and the Kurils by Russian People]. Khabarovsk, Khabar. kn. izd-vo. 192 p.

Shaherov, V.P. (2015). Predprinimatel'stvo i vlast' v Sibiri XVIII – pervoy poloviny XIX v.: ot konfrontatsii k partnerstvu [Entrepreneurship and Power in Siberia in the 18th and First Half of the 19th Centuries: From Confrontation to Partnership]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Seriya: Politologiya. Religiovedenie.* Vol. 12, pp. 57–69.

Vagin, V.I. (1872). *Istoricheskie svedeniya o deyatel'nosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri s 1819 po 1822 gg.* [Historical Data on Count M.M. Speransky's Activity in Siberia from 1819 to 1822]. Saint Petersburg, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii. Vol. 2. 770 p.

Vasil'ev, A.D. (2020). Problemy snabzheniya Tikhookeanskogo poberezh'ya i puti ikh resheniya yakutskimi oblastnymi nachal'nikami (pervaya polovina XIX v.) [Problems of Supplying the Pacific Coast and Ways to Solve Them by the Yakut Regional Leaders (First Half of the 19th Century)]. In *Rossiya i ATR*. No. 2 (108), pp. 50–62.

Vasil'ev, A.D. (2020). Voprosy administrativnogo preobrazovaniya Yakutskogo kraya v predstavleniyakh sibirskogo chinovnichestva: 1790–1800-e gody [Issues of Administrative Transformation of the Yakut Region in the Views of Siberian Officials: 1790–1800s]. In *Gumanitarnyy vektor*. Vol. 15, No. 3, pp. 127–134.

Vasil'ev, A.D. (2021). Yakutskaya administratsiya i korennye narody v kontse XVIII v.: problemy vzaimootnosheniy v kontekste snabzheniya severo-vostochnykh okrain Rossii [Yakut Administration and Indigenous Peoples at the End of the 18th Century: Problems of Relationships in the Context of Supplying the North-Eastern Outskirts of Russia]. In *Narody Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost'*. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Irkutsk, pp. 98–104.

М.Д. Кушнарева*

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ПУШНОЙ ТОРГОВЛИ НА СЕВЕРЕ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ОЧЕРКЕ В.М. ЗЕНЗИНОВА

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-13
УДК 9(17.023.36)

Выходные данные для цитирования:
Кушнарева М.Д. Проблема развития пушной торговли на севере Якутской области в очерке В.М. Зензинова // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 180–189. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-13.pdf

M.D. Kushnareva*

THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF THE FUR TRADE IN THE NORTH OF THE YAKUTSK REGION IN THE ESSAY BY V.M. ZENZINOV

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-13

How to cite:
Kushnareva M.D. The Problem of the Development of the Fur Trade in the North of the Yakutsk Region in the Essay by V.M. Zenzinov // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 180–189. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-13.pdf]

Abstract. The article analyzes V.M. Zenzinov's point of view on the development of the fur trade in the north of the Yakutsk region at the beginning of the 20th century. It is noted that V.M. Zenzinov, a descendant of merchants, from an early age became familiar with the peculiarities of running a large trading business. He received a good education, and participated in the political life of Russia at the beginning of the 20th century. For his revolutionary activities, he was repeatedly exiled to remote regions of North-Eastern Siberia. The described scientific work was written by V.M. Zenzinov in 1914–1915 during his exile in the Russian Ustye, Bulun and Verkhoyansk, published in Moscow in 1916. The explorer of the North applied an integrated approach to describing the development of the fur trade in the northern districts of the Yakutsk region. Zenzinov's work is at the crossroads of history, ethnography and economics. The photographs of fur-trading tools taken by V.M. Zenzinov on the coast of the Arctic Ocean in 1914 are of value. In the article, Zenzinov's conclusions regarding the cost of consumer goods, furs, and the profits of the northern merchants from transactions are supported by factual material from official and commercial clerical documentation of local governments, departments and large firms. According to V.M. Zenzinov, trade margins for products sometimes reached 300 %, and the profit from the fur trade amounted to 200–500 thousand rubles per one fishing season. V.M. Zenzinov noted heaviness, friability and predatory character as the main features of the development of the fur trade in the north of the Yakutsk region. The author of the essay pointed out the need to include the region into the broad Imperial socio-economic processes. At present, the work of V.M. Zenzinov retains its relevance in the study of a wide range of problems, and highlights the unique facets of economic activity on the remote frontiers of Russia in the early 20th century.

Keywords: North-Eastern Siberia, V.M. Zenzinov, fur trade, merchants, company, goods.

The article has been received by the editor on 22.05.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Маргарита Дмитриевна Кушнарева,** доктор исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: rita270880@mail.ru
Margarita Dmitrievna Kushnareva, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: rita270880@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована точка зрения В.М. Зензинова по проблеме развития пушной торговли на севере Якутской области в начале XX в. Отмечено, что В.М. Зензинов, потомок купцов, с ранних лет был знаком с особенностями ведения крупного торгового дела. Он получил хорошее образование, участвовал в политической жизни России начала XX в. За свою революционную деятельность неоднократно подвергался ссылкам в отдаленные районы Северо-Восточной Сибири. Характеризуемый научный труд написан В.М. Зензиновым в 1914–1915 гг. в период его ссылки в Русское Устье, Булун и Верхоянск, опубликован в Москве в 1916 г. Исследователь Севера применил комплексный подход в описании особенностей развития пушной торговли в северных округах Якутской области. Труд В.М. Зензинова находится на стыке истории, этнографии и экономики. Ценность представляют фотографии орудий пушного промысла, сделанные В.М. Зензиновым на берегу Ледовитого океана в 1914 г. В статье выводы Зензинова относительно стоимости товаров потребления, пушнины, прибыли северного купечества от сделок подкреплены фактологическим материалом из официальной и коммерческой делопроизводственной документации местных управлений, ведомств и крупных фирм. Торговые наценки на продукты, по данным В.М. Зензинова, порой достигали 300 %, а прибыль от торговли пушниной за один промысловый сезон составляла 200–500 тыс. руб. В качестве основных черт развития пушной торговли на севере Якутской области В.М. Зензинов отмечал тяжеловесность, рыхлость и хищнический характер. Автор очерка указал на необходимость включения края в общеимперские социально-экономические процессы. В настоящее время работа В.М. Зензинова сохраняет свою актуальность при исследовании широкого круга проблем, высвечивает уникальные грани хозяйственной деятельности частных предпринимателей на отдаленных рубежах России в начале XX в.

Ключевые слова: Северо-Восточная Сибирь, В.М. Зензинов, пушная торговля, купечество, фирма, товар.

Статья поступила в редакцию 22.05.2023 г.

В 1916 г. в московском книжном издательстве «Наука» была опубликована работа российского писателя, журналиста, этнографа, политического деятеля Владимира Михайловича Зензинова под названием «Очерки торговли на севере Якутской области». Интерес этой книги заключается в том, что В.М. Зензинов – потомок купцов, впервые описал в ней особенности развития пушной торговли на северо-восточных окраинах Российской империи, будучи в ссылке в этих отдаленных местах. Здесь он запечатлел целый пласт личных наблюдений быта, условий жизни, торговли, специфику хозяйственной деятельности жителей Севера. Автор описал и проанализировал широкий спектр исторических и этнографических проблем, затронул вопросы формирования торговых пунктов и путей, характера разъездной торговли, создания системы приказчиков крупных фирм, объема и оборота денежных средств, роли северного купечества в общественной и экономической жизни региона и многое другое. Книга содержит более 20 фотографий, иллюстрирующих разъездной быт северного купечества, транспорт и торговые пункты, кочевья и орудия пушного промысла на огромных пространствах северных округов Якутской области от Верхоянска до Русского Устья и Булуна вдоль побережья Ледовитого океана. Фотографический и фактический материал, изложенный в работе В.М. Зензинова, является настоящим историческим наследием и достоянием российской историографии.

В настоящее время книга используется как источник в процессе изучения широкого круга научных проблем. Новое научное развитие получили вопросы организации пушной торговли на отдаленных рубежах Российской империи начала XX в., изучения промыслов и быта коренных народов Севера, анализа процесса освоения богатых природных ресурсов

края частным капиталом и многие другие[1]. Многократное цитирование книги В.М. Зензинова «Очерки торговли на севере Якутской области» специалистами из разных отраслей науки свидетельствует о несомненной актуальности и научной значимости ключевой проблемы настоящей статьи.

Жизненный путь и работы В.М. Зензинова ранее исследовались современными учеными, что позволяет определить многогранность его научного наследия и высветить определенные грани личности выдающегося ученого и политического деятеля[2]. Следует отметить, что настоящая статья не претендует на обобщающий характер, ее главной целью является анализ точки зрения В.М. Зензинова о развитии пушной торговли на севере Якутской области в начале XX в. При этом достижение поставленной цели невозможно в отрыве от краткой биографической справки исследователя Севера, позволяющей глубже понять истоки интереса Зензинова к проблемам сибирской пушной торговли.

В 20-х гг. XIX в. в Забайкалье из Вологодской губернии в поисках новой жизни приехал дед Владимира Михайловича – Михаил Андреевич. Здесь он занимался торговлей, но впоследствии разорился. Проявлял большой интерес к литературе, ботанике, медицине. Был в дружеских отношениях с другом декабристов штабс-лекарем А.И. Орловым, известным знатоком Китая Н.Я. Бичуриным, монголоведами А.В. Игумновым и О.М. Ковалевским, историком и писателем П.А. Словцовым[3]. Являлся членом-корреспондентом Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге и имел звание потомственного почетного гражданина. Владимир Михайлович вспоминал о нем как о выдающемся человеке, имевшем много трудов, посвященных ботанике, агрономии, краеведению[4]. Несмотря на многосторонние интересы деда, отец В.М. Зензинова – Михаил Михайлович не получил никакого образования, занимался собственным обучением самостоятельно. Наибольший интерес для него представляли чтение литературы и новости торговой среды. В 1874–1875 гг. он вместе с женой Марией Алексеевной переехал в Москву и учредил «Сибирский торговый дом братья Зензиновы» для торговли чаем, пушниной и драгоценными металлами. В начале 1890-х гг. М.М. Зензинов получил звание коммерции советника. Имел широкую известность в среде меценатов, активно помогал сибирякам, приехавшим на обучение в Москву. В семье Зензиновых было четверо детей – Анна, Иннокентий, Михаил и Владимир.

Владимир Михайлович Зензинов родился в Москве 11 декабря 1880 г. Обучался в московской гимназии, затем в Берлинском университете им. Гумбольта. Глубоко изучал философию, экономику, историю и право в Брюсельском, Гейдельбергском и Гальском университетах. Состоял членом партии социал-революционеров. После событий января 1905 г. был арестован и после тюремного заключения приговорен к ссылке в Восточную Сибирь. Из-за Русско-японской войны ссылку в Сибирь Зензинову заменили на Архангельск, откуда он сбежал и выехал в Швейцарию. Вернувшись в Санкт-Петербург, Зензинов принимал активное участие в работе боевой организации эсеров. В 1906 г. был снова арестован в Москве и приговорен к ссылке в Восточную Сибирь. В 1907 г. он прибыл в Якутск, откуда сбежал в Охотск, а затем в Японию. Из Японии Зензинов пароходами через

---

[1] *Кушнарева М.Д.* Значение ярмарок в развитии пушной торговли (Северо-Восточная Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-1 (84). С. 130–137; *Кушнарева М.Д.* Якутские купцы 1-й гильдии П.А. Кушнарев и Г.В. Никифоров: национальные достижения в историческом контексте // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2023. Т. 43. С. 52–60; *Ярзуткина А.А.* Разъездная торговля русских купцов крайнего северо-востока России: этноисторический взгляд // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 182–193.

[2] *Лебедева Т.В.* В.М. Зензинов: жизнь для других // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2001. № 1–2 (22–23). С. 34–42; *Лебедева Т.В.* В.М. Зензинов: портрет на историческом фоне. Воронеж, 2005; *Назаров В.В.* Революционная, научная и публицистическая деятельность В.М. Зензинова // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 1. С. 55–59; *Шергалин Е.Э.* Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953) – забытый революционер и орнитолог // Русский орнитологический журнал. 2013. Т. 22, № 893. С. 1740–1752; *Шишкин В.И.* Зензинов Владимир Михайлович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. С. 595–596.

[3] *Зуева Е.А.* Зензиновы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 248.

[4] *Зензинов В.М.* Пережитое. Нью-Йорк, 1953.

Китай, Гонконг, Сингапур и Европу прибыл в Санкт-Петербург, где в 1910 г. был снова арестован и сослан в поселок Русское Устье на севере Якутской области[5]. Именно в период пятилетней ссылки в Русское Устье В.М. Зензинов написал несколько этнографических исследований, посвященных русским и коренным жителям одного из самых отдаленных населенных пунктов Российской империи. В работе «Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области Верхоянского округа» Зензинов описал быт, хозяйство, особенности языка населения Русского Устья, записал песни, стихи, предания, обычаи своеобразной культурно-этнической группы русских, чьи предки прибыли в низовья реки Индигирки в XVII в. из поморских и центральных районов России[6]. Кроме Русского Устья, Зензинов проживал в Верхоянске и Булуне, где им также были исследованы особенности жизни коренных жителей Севера. После окончания ссылки в 1915 г. В.М. Зензинов вернулся в Москву, где опубликовал несколько своих работ, посвященных орнитологии, антропологии и этнографии. Годы своих ссылок и приключений Зензинов описал в книге воспоминаний «Из жизни революционера», впервые опубликованной в Париже в 1919 г.[7] В 1913 г. в газете «Якутская окраина» вышла этнографическая статья Зензинова «В гостях у юкагиров», в 1914 г. в Москве был опубликован полный текст книги[8]. Определенный научный интерес представляет статья В.М. Зензинова «Добыча мамонтовой кости на Новосибирских островах», опубликованная в 1915 г. в журнале «Природа». В публикации автор уделил внимание способам добычи мамонтовой кости, которую «или ищут попутно по морскому берегу и едоме[9], настораживая пасти и возвращаясь с гусевания домой, или же нарочно едут на камень и гонят яры»[10].

После Февральской революции 1917 г. Зензинов стал членом ЦК ПСР и исполкома Петроградского совета. В 1918 г. был избран депутатом Всероссийского учредительного собрания, затем членом Временного правительства России. Из-за несогласия с политикой А.В. Колчака был выслан в Китай. В 20-е гг. проживал в Париже, Праге, Берлине, где занимался изданием газет и журналов, публицистикой. Свою общественно-политическую деятельность продолжил в 40-х гг. в США. Скончался Владимир Михайлович Зензинов 20 октября 1953 г. в Нью-Йорке[11].

Книга «Очерки торговли на севере Якутской области» была написана В.М. Зензиновым в период ссылки в Русское Устье, Булун и Верхоянск в 1912–1914 гг., окончена в Булуне в мае 1914 г., опубликована уже после завершения ссылки в Москве в 1916 г. Добавим, что в 1914 г. книга была напечатана несколькими статьями в газете «Якутская окраина», что вызвало ее бурное общественное обсуждение. По этому случаю в Якутске была организована дискуссия с участием представителей купечества и губернатора Р.Э. фон Витте. В качестве дискуссионных тезисов были представлены экономические доводы Зензинова, а также его выводы относительно общего характера северной пушной торговли.

Очерк разделен на несколько глав, каждая из которых содержит небольшие разделы, посвященные рассмотрению определенных проблем. В настоящей статье сохранена последовательность и стиль изложения материала В.М. Зензиновым, проанализированы ключевые взгляды автора очерка на обозначенные им проблемы развития северной пушной торговли, проведены параллели со статистическими данными делопроизводственных источников.

С детства В.М. Зензинову были знакомы фамилии известных сибирских купцов: Сибиряковы, Громовы, Пятидесятниковы, Чурины, Малых[12]. Прибыв в Булун, он быстро освоился

[5] *Шергалин Е.Э.* Владимир Михайлович Зензинов… С. 1740.
[6] *Зензинов В.М.* Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М., 1914.
[7] *Зензинов В.М.* Из жизни революционера. М., 2018.
[8] *Зензинов В.М.* В гостях у юкагиров. М., 1914.
[9] Едома – плосковершинная возвышенность, окруженная ложбинами. Тип арктического рельефа Северо-Восточной Сибири.
[10] *Зензинов В.М.* Добыча мамонтовой кости на Новосибирских островах // Природа. 1915. № 7–8. С. 979–991.
[11] *Шергалин Е.Э.* Владимир Михайлович Зензинов… С. 1748.
[12] *Зензинов В.М.* Пережитое. Нью-Йорк, 1953.

в торговой среде и первым делом отметил, что «центральными пунктами, в которых сосредоточена на севере Якутской области торговля, являются Казачье (Усть-Янск), Булун на Лене и Средне-Колымск»[13]. Село Казачье в низовьях р. Лены для северной торговли выполняло функцию «столицы», зимой его население увеличивалось до 400–450 человек и начиналась скупка пушнины и мамонтовой кости от промысловиков со всего побережья Ледовитого океана. Здесь же коренные жители края приобретали в обмен на пушнину товары потребления на весь следующий год. Проявляя интерес к купеческим предприятиям, В.М. Зензинов указал, что «наиболее крупными торговыми фирмами в Казачьем являются «И.П. Антипин и Г.В. Никифоров, опека наследников Санниковых (распорядитель И.Т. Павлов), В.Ф. Артамонов. Менее крупными являются Баишева, Габышев, И.И. Санников»[14]. Все они имели собственные дома в селе. Кроме них, торговлю в Казачьем вели еще более 30 мелких купцов. Пушная торговля также была сосредоточена в Булуне и Кюсюре. Эти поселки имели своеобразную застройку, обусловленную особенностями северной торговли. «Линия домов нарочно раскинута так, чтобы от одного дома не виден был другой, что дает каждому возможность выехать незаметно для других соседей. О точном дне отъезда редко сообщают и еще реже спрашивают, иногда даже намеренно дают неверные сведения. Эта примитивная хитрость позволяет при объездах опередить конкурентов и собрать больше приготовленной на местах у промышленников весенней пушнины»[15]. В Булун стекалась вся собранная за промысловый сезон пушнина и сбывалась главным образом 4–5 фирмам, среди которых наиболее крупными были «Наследники А.И. Громовой», «Наследники А.М. Кушнарева», Иона Потапов, Кириллин, Егоров, Торгерсен, Санниковы, Ищенко, Никифоров, Т. Зейнайлов. По сведениям Зензинова, доход средних и мелких скупщиков от сделок с пушниной в Булуне составлял 200–250 тыс. руб., крупных – 400–500 тыс. руб.[16] Усредненные данные Якутского областного статистического комитета за 1914 г. показывают, что за промысловый сезон 1913–1914 гг. фирмами «Наследники А.И. Громовой», «Наследники А.М. Кушнарев», «Г.В. Никифоров» в северных районах было скуплено пушнины на 353 тыс. руб., 468 тыс. руб. и 109 тыс. руб. соответственно[17].

Крупных скупщиков, которые вели свои операции с пушниной в Булуне, В.М. Зензинов назвал в своем очерке «булунским купечеством», отметив, что, в отличие от купцов восточных районов тундры, район деятельности «булунского купечества» был очень обширен. «На западе он даже выходит за пределы области, захватывая частично Туруханский край, также бассейны рек Оленека и Анабара, в дельте Лены булунские купцы имеют дела с кочевьями Ары, Туматских островов и Быкова Мыса[18], наконец, на востоке районом их деятельности являются долины рек Хараулаха, Омолоя и даже Бутынтая»[19].

Сосредоточение торговых операций с пушниной в Булуне Зензинов объяснял наличием регулярного сообщения Булуна с Якутском. С началом навигации по р. Лена и в течение всего лета товары и пушнина сплавлялись на пароходах. С открытием зимнего пути товары вывозились на оленях подрядчиками. Каждую осень с последним рейсом «булунские купцы» выезжали из Якутска в Булун и начинали подготовку к разъездному торгу. В разъездах по тундре и сборах пушнины в обмен на товары проходила вся зима. Весной, в конце апреля – начале мая, купцы возвращались с собранной за зиму пушниной в Булун, где жили до первого парохода, на котором во второй половине июня вновь уезжали в Якутск для сбыта пушнины на летней Якутской ярмарке и для закупок на зиму новых товаров[20]. Находясь в Булуне, Зензинов посетил торговые лавки и склады фирм «Наследники А.И. Громовой»,

[13] *Зензинов В.М.* Очерки торговли на севере Якутской области. М., 1916. С. 3.
[14] Там же. С. 4.
[15] Там же. С. 85.
[16] Там же. С. 4.
[17] Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 343. Оп. 1. Д. 13. Л. 27–29 об.; Д. 8. Л. 19–22; Оп. 6. Д. 136. Л. 7, 17, 20, 23, 25, 26, 38.
[18] Имеется в виду пос. Быков Мыс и одноименный мыс в Булунском районе Якутии.
[19] *Зензинов В.М.* Очерки торговли… С. 5.
[20] Там же. С. 6.

«Наследники А.М. Кушнарева», наблюдал пароходы этих фирм, которые выполняли регулярные рейсы по маршруту Якутск-Булун-Якутск[21].

Совершенно новым для Зензинова стало впечатление от участия в разъездном торге с промысловиками. Он достаточно подробно описал многие особенности разъездной торговли, указав, что промысловое население Севера в большей части состояло из кочевников, живших оленеводством и перекочевывавших в течение года по мере передвижения оленей и хода рыбы. «Это обстоятельство целиком определяет разъездной характер всей северной торговли. Поэтому северный купец должен быть хорошим путешественником. Принимая во внимание жестокие якутские морозы, пурги и редкость населения, благодаря которой путнику зачастую приходится ночевать в чистом поле, разъезды эти нельзя считать легкими»[22]. Обычно северные купцы выезжали в тундру со всеми своими семьями. Безлесные пространства западной тундры облегчали движение тяжелых нарт. На повозку купцы ставили небольшой домик с железной печкой, на которой приготавливалась горячая пища. Тащили повозку 3–4 оленя. Во время передвижения купчихи выпекали белый хлеб, так называемое на Севере «печенье». Позже, во время торгов, купчихи предлагали хлеб промысловикам в качестве подарка, высказывая тем самым уважение и почтение продавцу пушнины. Радиус разъездов северного купечества составлял более 1 000 верст за один промысловый сезон. В таких условиях крупной фирме было сложно вести учет приказчиков, работавших на жаловании, поэтому торговый аппарат фирм состоял из независимых мелких скупщиков, которые кредитовались деньгами и товарами перед началом разъездного торга под обязанность уплатить фирме долг после окончания сезона определенным количеством мехов. Стоимость пушнины заранее устанавливалась на момент кредитования по ценам Якутской ярмарки или по существовавшим ценам в Булуне и Казачьем. Товары отпускались в кредит из 8–10 или 12 % годовых[23]. Такая система, по мнению В.М. Зензинова, не была строго урегулирована и в конечном итоге все наценки за товар и проценты по кредитам переходили долгом на промысловика на следующий промысловый сезон. Торговый аппарат крупных фирм был не сформирован, характеризовался «рыхлостью» и незавершенностью, что способствовало закреплению цепочки должников за главным кредитором. Систему мелких, средних скупщиков и доверенных лиц крупных фирм Зензинов обозначил общим собирательным термином «купечество», хотя данное явление было крайне неоднородным. Так, от имени торгового дома «Наследники А.М. Кушнарева» в 1913 г. в промысловых округах торговлю пушниной вели 13 доверенных лиц, среди которых были выборные от инородческих управ, заседатели, исправники и др.[24] В числе купцов-клиентов фирмы «Наследники А.И. Громовой» состояло более 50 мелких и средних скупщиков, работавших в кредит под 10–12 % годовых[25]. При этом общая сумма долговых обязательств по распискам клиентов Громовых превышала годовой оборот предприятия и составляла более 500 тыс. руб.[26]

Помимо тех особенностей, которые были описаны выше, пушная торговля на севере Якутской области имела определенные, присущие только этой отрасли черты, главная из которых, по мнению В.М. Зензинова, заключалась в своеобразной роли денег при заключении сделок с пушниной. Деньги выполняли особую психологическую функцию в жизни промыслового населения. Любой товар промысловик мог выменять у купца на добытую им пушнину, но особо ценный товар обменивался им исключительно на золотые монеты. Эти монеты копили и хранили в специальных шкатулках. Они были нужны в большей степени для любования ими, поддержания собственного высокого статуса в среде промысловиков. Более того, золотые монеты употреблялись для игры в карты, которая была широко

[21] Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 770. Оп. 1. Д. 23. Л. 57.
[22] *Зензинов В.М.* Очерки торговли… С. 10.
[23] Там же. С. 14.
[24] ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 260. Л. 21.
[25] НАРС(Я). Ф. 192. Оп. 3. Д. 673. Л. 11; Д. 627. Л. 13; Оп. 4. Д. 177. Л. 18; Оп. 10. Т. 2. Д. 2458. Л. 16; Оп. 10. Т. 2. Д. 2570. Л. 5; Оп. 10. Т. 2. Д. 2842. Л. 9.
[26] *Зимина В.Ю., Гаврилова Н.И., Петров П.П.* Громовы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 176.

распространена в дельте р. Лены. Игра в карты определяла «количество оборотных денег, а тем самым – и характер торговли данной местности».[27] В западной тундре, в долинах рек Оленека и Анабара промысловое население игрой в карты увлекалось менее, и поэтому пушная торговля здесь имела исключительно меновый характер.

Говоря об общем характере пушной торговли на севере Якутской области, Зензинов писал: «…косность, тяжеловесность, зачастую беззастенчивое выжимание и надувательство – таковы характернейшие черты северной торговли. Ежегодный приезд купцов и приток новых товаров могли бы сыграть огромную роль в поднятии культурной жизни севера. Других культурных влияний здесь нет»[28]. При отсутствии школ на Севере именно торговля могла связать окраины с центром, но ее хищнический характер, по мнению В.М. Зензинова, не позволял это сделать. «Огромное большинство местного купечества – якуты; хотя среди них преобладают горожане, но нет ни одного, имеющего среднее образование. Некоторые из них вышли из 2–3 класса духовной семинарии и реального училища в Якутске»[29]. В подтверждение сведений В.М. Зензинова, изложенных в очерке, следует отметить, что для того, чтобы промысловое население оставалось в неведении о реальных ценах на пушнину на Якутской ярмарке, местное купечество даже выступило против открытия в Булуне почтового отделения в 1912 г.[30] Получалось, что приехавший из Якутска купец, знакомый с условиями и приемами городской торговли, знавший цены на товары и пушнину на местном и центральном рынках, был полновластным хозяином положения. В то же время промысловик, проживавший в отдаленном кочевье, не знал цены ни на товары, ни на пушнину, добытую им за сезон. При отсутствии конкуренции между купцами у каждого торговца постепенно сформировался свой круг постоянных клиентов, которые были связаны с купцом обязательствами, чаще всего в виде долга. Отказаться от сделки могло означать для промысловика полное отсутствие необходимых для него товаров (одежда, чай, табак, хлеб, масло, железные изделия, оружие). «Среди инородцев (особенно якутов) купеческое звание окружено большим почетом – купцы в якутском обществе лица наиболее уважаемые. Поэтому повсюду на севере в общественной жизни купец играет огромную роль, можно сказать, что он определяет тон всей местной жизни»[31]. Приезд купца в отдаленную юрту промысловика был ярким событием, которого ждали в течение всего года, и перейти к другому купцу могло означать отсутствие участия промышленника в общественной жизни, которой так не хватало в малонаселенных и обширных районах Севера.

Описанию этих и многих других экономических, социальных и культурных особенностей северного торга В.М. Зензинов уделил внимание в своем очерке, высветив уникальные грани этого процесса, заключавшиеся в том, что северная торговля была настолько своеобразной, что часто, узнав о некоторых обычаях, купцы из Иркутска, Вилюйска, Олёкминска высказывали свое искреннее удивление.

Еще более интересны описания самого торга, сделанные В.М. Зензиновым. Автор очерка писал, что «проезд постороннего человека из далеких краев для обитателей тундры может явиться наиболее крупным событием года. Для живущего в Усть-Оленеке или Анабаре кочевника жалкий Булун представляется уже крупным центром. Приехавший из Якутска купец кажется выходцем из другого мира»[32]. Приезда купца ждали не только ради товаров, которые он привозил. Ждали новостей и рассказов о событиях истекшего года, которые вез с собой купец. Встречали купца с низким поклоном, как почетного гостя, торжественно вели его под руки и усаживали на лучшее место под образами. Купец начинал с угощения хозяев белым хлебом, затем доставал сахар, а потом уже спирт. «Налив водку в стакан, купец с поклоном подносил его хозяину, который, отпив немного, передавал стакан жене, та –

[27] *Зензинов В.М.* Очерки торговли… С. 15.
[28] Там же. С. 17.
[29] Там же. С. 18.
[30] НАРС(Я). Ф. 12-21. Оп. 12-6. Д. 2583. Л. 30.
[31] *Зензинов В.М.* Очерки торговли… С. 20.
[32] Там же. С. 39.

остальным членам семейства, и так стакан обходил всех присутствующих»[33]. После угощений купец начинал расспрашивать хозяина о его домашних делах, его промыслах и оленях. В свою очередь, хозяин интересовался новостями из Булуна или Казачьего, обо всех общих знакомых. Свести все к простому торгу на Севере было невозможно. К торговле приступали лишь тогда, когда обмен новостями был закончен до последней детали. Сам торг происходил в палатке купца, которая выставлялась отдельно от дома промысловика. Заканчивался торг преподношением подарков купцу: это могла быть связка шкурок, рыба или другой дорогой на Севере подарок.

Заслуживают внимания сведения о ценах на товары потребления в 1912–1914 гг. в Якутске, Булуне, Казачьем, Русском Устье, Верхоянске и Средне-Колымске, зафиксированные Зензиновым в очерке. Так, наиболее востребованными товарами были мука, масло, мясо, сухари, чай, сахар, свечи, керосин, мыло, спички, табак, медная посуда, ткани. По мере движения товара от Якутска до Средне-Колымска наценка достигала до 300 %[34]. В статистических данных Якутского областного управления представлена динамика формирования стоимости крупчатки, сахара и мануфактуры при доставке по направлению Якутск-Булун. Так, стоимость крупчатки в Якутске составляла 2,45 руб., в Тикси и Булуне – 3,70 руб., сахара – 6,30 и 7,55 руб. и мануфактуры – 40,0 и 131,70 руб. соответственно[35]. С учетом транспортных затрат стоимость крупчатки в Булуне по сравнению с Якутском увеличивалась на 34 %, сахара – на 17 %, мануфактуры – на 70 %. Из Булуна товары поступали в промысловые районы и обменивались на пушнину с дополнительной купеческой наценкой, которая покрывала все транспортные издержки и приносила значительную прибыль.

Не меньший интерес представляют данные о ценах на пушнину на летней Якутской ярмарке в 1913 г., приведенные в очерке. Зензинов рассмотрел динамику формирования стоимости пушного сырья по мере его продвижения от Булуна до Якутска и пришел к выводу, что за один промысловый сезон в 1913 г. разными купцами было собрано 23 тыс. белых песцов, 3,5 тыс. красных лисиц, 1,2 тыс. соболей, 50 тыс. горностаев, 450 тыс. белок и других пушных зверей на общую сумму более 1,4 млн руб.[36] Колымская и верхоянская пушнина шла преимущественно почтой и в общую стоимость партии не вошла. «В тундре зимой 1912–1913 гг. песец покупался по 12–18 рублей, только в мае, уже в Булуне, где обычно более крупные фирмы скупают пушнину мелких купцов, цена дошла до 23 руб.»[37]. Сведения В.М. Зензинова о ценах на пушное сырье подтверждаются данными из делопроизводственной документации торгового дома «Г.В. Никифоров», согласно которым, средняя закупочная стоимость песца в 1912–1913 гг. в Булуне составляла 15 руб., в Якутске – 21 руб.[38] Причем, по информации Зензинова, именно Г.В. Никифоров в 1913 г. скупил в Булуне большую часть песцов – 12 тыс., отправив партию из Булуна в Якутск на пароходе[39].

Не оставил без внимания автор очерка коммерческие приемы северного купечества, торговлю спиртом и его роль в северной торговле. Этой проблеме посвящена целая глава. Несмотря на полный запрет торговли спиртом в Верхоянском и Колымском округах Якутской области в 1902 г., никаких препятствий для торговли таковым не существовало. Ежегодная прибыль купечества от торговли спиртом в северных округах Якутской области составляла около 50–80 тыс. руб.[40] Лишь после весны 1912 г. начались строгие преследования со стороны администрации области за провоз спирта, что в конечном итоге этот процесс не остановило, а привело лишь к повышению цен за счет роста контрабанды. На спирт можно было выменять любые меха. С горечью Зензинов писал о том, что спирт, попавший в руки местных торговцев, становился настоящим орудием для разорения

[33] *Зензинов В.М.* Очерки торговли… С. 40.
[34] Там же. С. 49.
[35] НАРС(Я). Ф. 12. Оп. 1. Д. 7195. Л. 50–51 об.
[36] *Зензинов В.М.* Очерки торговли… С. 55.
[37] Там же. С. 60.
[38] НАРС(Я). Ф. 415. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
[39] *Зензинов В.М.* Очерки торговли… С. 60.
[40] НАРС(Я). Ф. 25. Оп. 1. Д. 1375. Л. 1.

промысловиков. «Мне назвали на Индигирке нескольких юкагиров и чукоч, промотавших на вине и его спутнике – картах свое богатство: стада оленей по несколько тысяч голов. И с другой стороны, я знаю на севере купцов, которые разбогатели, собирая на спирт пушнину»[41]. В 1913 г. в Булуне стоимость одной бутылки спирта была равна цене первосортного песца. Чем дальше в тундру следовал купец, тем выше была цена спирта и ниже стоимость песца. Торговлей спиртом и вином в северных округах Якутской области занимались все крупные фирмы, имея в Булуне, Казачьем и Кюсюре погреба и лавки[42].

С другой стороны, обычаи северной торговли гласили, что отсутствие у купца спирта являлось для промысловиков обидой. «Нет у тебя для нас вина, не надо нам и твоих товаров», – так заявили в Абые местные жители купцу, приехавшему к ним торговать за деньги[43]. Изменить ситуацию, по мнению Зензинова, могло лишь повышение культурного уровня населения Севера через строительство путей сообщения и всеобъемлющее включение Якутии в общеимперские социально-экономические процессы.

В заключение следует отметить, что очерк В.М. Зензинова, целиком посвященный анализу проблем развития пушной торговли на севере Якутской области, является фактологическим источником с высокой степенью достоверности и информативности. Ключевую роль автор очерка отвел проблеме организации разъездной торговли с коренным населением северных округов, которая в конечном итоге сформировала внутреннюю специализацию крупных предприятий и систему оптового снабжения края товарами потребления. Безусловный интерес представляют фотографии и описания орудий пушного промысла, сделанные Зензиновым на берегу Ледовитого океана. Несмотря на то, что труд В.М. Зензинова не издавался с 1916 г., его уже более 100 лет многократно цитируют современные ученые при рассмотрении широкого круга актуальных проблем. В.М. Зензинов применил комплексный подход к изучению особенностей торговли на севере Якутской области, его наблюдения находятся на стыке истории, экономики и этнографии, высвечивая уникальные грани самобытности хозяйственной деятельности жителей Севера начала XX в.

Литература

Зензинов В.М. В гостях у юкагиров. М., 1914. 22 с.

Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1914. 122 с.

Зензинов В.М. Добыча мамонтовой кости на Новосибирских островах // Природа. 1915. № 7–8. С. 979–991.

Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. М.: Наука, 1916. 95 с.

Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 416 с.

Зензинов В.М. Из жизни революционера. М.: Гос. публ. ист. б-к России, 2018. 187 с.

Зимина В.Ю., Гаврилова Н.И., Петров П.П. Громовы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 176.

Зуева Е.А. Зензиновы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск: Гео, 2012. Т. 1. С. 248–249.

Кушнарева М.Д. Значение ярмарок в развитии пушной торговли (Северо-Восточная Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-1 (84). С. 130–137.

Кушнарева М.Д. Якутские купцы 1-й гильдии П.А. Кушнарев и Г.В. Никифоров: национальные достижения в историческом контексте // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2023. Т. 43. С. 52–60.

Лебедева Т.В. В.М. Зензинов: жизнь для других // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2001. № 1–2 (22–23). С. 34–42.

Лебедева Т.В. В.М. Зензинов: портрет на историческом фоне. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2005. 81 с.

[41] *Зензинов В.М.* Очерки торговли… С. 85.
[42] НАРС(Я). Ф. 25. Оп. 1. Д. 1375. Л. 1.
[43] *Зензинов В.М.* Очерки торговли… С. 89.

Назаров В.В. Революционная, научная и публицистическая деятельность В.М. Зензинова // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 1. С. 55–59.

Шергалин Е.Э. Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953) – забытый революционер и орнитолог // Русский орнитологический журнал. 2013. Т. 22, № 893. С. 1739–1752.

Шишкин В.И. Зензинов Владимир Михайлович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. С. 595–596.

Ярзуткина А.А. Разъездная торговля русских купцов крайнего северо-востока России: этноисторический взгляд // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 182–193.

References

Kushnareva, M.D. (2014). Znachenie yarmarok v razvitii pushnoy torgovli (Severo-Vostochnaya Sibir' vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.) [The Importance of Fairs in the Development of Fur Trade (North-Eastern Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4-1 (84), pp. 130–137.

Kushnareva, M.D. (2023). Yakutskie kuptsy 1-y gil'dii P.A. Kushnarev i G.V. Nikiforov: natsional'nye dostizheniya v istoricheskom kontekste [Yakut Merchants of the 1st Guild P.A. Kushnarev and G.V. Nikiforov: National Achievements in a Historical Context]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Seriya: Istoriya.* No. 43, pp. 52–60.

Lebedeva, T.V. (2001). V.M. Zenzinov: zhizn' dlya drugikh [V.M. Zenzinov: Life for Others]. In *Aktsenty. Novoe v massovoy kommunikatsii*. No. 1-2 (22–23), pp. 34–42.

Lebedeva, T.V. (2005). *V.M. Zenzinov: portret na istoricheskom fone* [V.M. Zenzinov: Portrait Against a Historical Background]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta. 81 p.

Nazarov, V.V. (2021). Revolyutsionnaya, nauchnaya i publitsisticheskaya deyatel'nost' V.M. Zenzinova [Revolutionary, Scientific and Journalistic Activities of V.M. Zenzinov]. In *Manuskript*. Vol. 14, No. 1, pp. 55–59.

Shergalin, E.E. (2013). Vladimir Mikhaylovich Zenzinov (1880–1953) – zabytyy revolyutsioner i ornitolog [Vladimir Mikhailovich Zenzinov (1880–1953) – The Forgotten Revolutionary and Ornithologist]. In *Russkiy ornitologicheskiy zhurnal.* Vol. 22, No. 893, pp. 1739–1752.

Shishkin, V.I. (2009). Zenzinov Vladimir Mikhailovich [Zenzinov Vladimir Mikhailovich]. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, pp. 595–596.

Yarzutkina, A.A. (2016). Raz'ezdnaya torgovlya russkikh kuptsov kraynego severo-vostoka Rossii: etnoistoricheskiy vzglyad [Traveling Trade of Russian Merchants of the Far Northeast of Russia: An Ethnohistorical View]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 406, pp. 182–193.

Zenzinov, V.M. (1914). *Starinnye lyudi u kholodnogo okeana: Russkoe Ust'e Yakutskoy oblasti Verkhoyanskogo okruga* [Ancient People near the Cold Ocean: Russkoye Ustye, Yakutsk Region, Verkhoyansk District]. Moscow, Tipografiya P.P. Ryabushinskogo. 122 p.

Zenzinov, V.M. (1914). *V gostyakh u yukagirov* [Visiting the Yukaghirs]. Moscow. 22 p.

Zenzinov, V.M. (1915). Dobycha mamontovoy kosti na Novosibirskikh ostrovakh [Extraction of Mammoth Ivory on the New Siberian Islands]. In *Nature*. No. 7-8, pp. 979–991.

Zenzinov, V.M. (1916). *Ocherki torgovli na severe Yakutskoy oblasti* [Essays on Trade in the North of the Yakutsk Region]. Moscow, Nauka. 95 p.

Zenzinov, V.M. (1918). *Iz zhizni revolyutsionera* [From the Life of a Revolutionary]. Moscow, Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii. 187 p.

Zenzinov, V.M. (1953). *Perezhitoe* [The Experienced]. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova. 416 p.

Zimina, V.Yu., Gavrilova, N.I., Petrov, P.P. (2012). Gromovy [The Gromovs]. In *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: v 2 t*. Novosibirsk. Vol. 1, p. 176.

Zueva, E.A. (2012). Zenzinovy [The Zenzinovs]. In *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: v 2 t.* Novosibirsk. Vol. 1, pp. 248–249.

Т.А. Гафарова*

ХЕЙСИНЫ, ТОНКОНОГОВЫ И ФЛЕЕРЫ: ЕНИСЕЙСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И БЛАГОТВОРИТЕЛИ (1830–1910-Е ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-14
УДК 323.326+364.054

Выходные данные для цитирования:
Гафарова Т.А. Хейсины, Тонконоговы и Флееры: енисейские предприниматели и благотворители (1830–1910-е годы) // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 190–205. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-14.pdf

T.A. Gafarova*

THE HEISINS, TONKONOGOVS AND FLYERS: YENISEYSK ENTREPRENEURS AND PHILANTHROPISTS (1830–1910S)

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-14

How to cite:
Gafarova T.A. The Heisins, Tonkonogovs and Flyers: Yeniseysk Entrepreneurs and Philanthropists (1830–1910s) // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 190–205. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-14.pdf]

Abstract. The article highlights the entrepreneurial and charitable activities of the Tonkonogov, Heisin and Fleer families who lived in the city of Yeniseysk from the 30s of the 19th to the early 20th century. The bearers of these surnames were Jews by birth, and Jews by religion. The author discusses how they were able to integrate into the life of the host community, preserving their identity, traditions and language. Siberia was not chosen by these families to live in by chance. It is possible that the Heisin and Tonkonogov families were ones of the few who managed to move out of the Jewish Pale of Settlement, taking advantage of the Senate decree of November 20, 1836, which allowed Jews to move to develop uninhabited northern expanses. Each of these families, having tried their luck in the gold industry, decided to engage in commerce in their own direction, choosing the most optimal options for themselves, allowing them to accumulate initial capital. So, Isai Heisin owned a distillery in the district, and in 1880 he became a co-owner of a brewery in Yeniseysk. The wine trade was one of the most profitable businesses. The Tonkonogovs specialized in the trade of bread, furs, manufactured goods, and also owned drinking establishments, and for a long time were engaged in the delivery of goods to the mines. Another source of income for the Tonkonogovs was the Trinity Salt Works, leased in 1875. Flyers first traded in the Yenisey district, and then finally moved to the city. The range of goods in L.F. Fleer's store was extremely diverse: books, newspapers, toys, musical instruments, as well as pharmacy, both manufactory and stationery. In addition to trading, Fleer owned a small brick production. The study of biographies of representatives of these families allows to conclude that they managed to find and occupy free niches in trade, their entrepreneurial activity went beyond the borders of the Yenisey province. The accumulated funds made it possible to engage in charity, which extended to everyone, regardless of faith and nationality.

Keywords: Yeniseysk, merchants, Jews, the Heisins, the Tonkonogovs, the Fleers, entrepreneurship, trade, charity.

The article has been received by the editor on 16.08.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Татьяна Александровна Гафарова,** научный сотрудник, Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А.И. Кытманова, Енисейск, Россия, e-mail: tanyagafarova1976@mail.ru
Tatiana Alexandrovna Gafarova, Researcher, Yeniseysk Historical and Architectural Museum-Reserve named after A.I. Kytmanov, Yeniseysk, Russia, e-mail: tanyagafarova1976@mail.ru

Аннотация. В статье освещается предпринимательская и благотворительная деятельность семей Тонконоговых, Хейсиных и Флееров, проживавших в Енисейске с 30-х гг. XIX в. по начало XX в. Носители этих фамилий по рождению были евреями, по вероисповеданию – иудеями. Автор рассматривает, как они смогли встроиться в жизнь принимающего сообщества, сохраняя самобытность, традиции и язык. Выявлено, что Сибирь неслучайно была выбрана этими семьями для проживания. Возможно, семьи Хейсиных и Тонконоговых – одни из немногих, кто успел переехать из черты еврейской оседлости, воспользовавшись Сенатским указом от 20 ноября 1836 г., позволяющим евреям переселяться для освоения необжитых северных просторов. Каждая из этих семей, попытав счастья в золотопромышленности, приняла решение заниматься коммерцией, выбирая для себя наиболее оптимальные варианты, позволяющие накопить первоначальный капитал. Так, [Исай Моисеевич] Хейсин владел винокуренным заводом в округе, а в 1880 г. стал совладельцем пивоваренного завода в Енисейске. Тонконоговы специализировались на торговле хлебом, пушниной, мануфактурными товарами, а также владели питейными заведениями, долгое время занимались доставкой товаров на прииски. Еще одним источником доходов у Тонконоговых был взятый в 1875 г. в аренду Троицкий солеваренный завод. Флееры сначала торговали в Енисейском округе, а затем окончательно перебрались в город. Ассортимент товаров в магазине Л.Ф. Флеера был необычайно разнообразен: книги, газеты, игрушки, музыкальные инструменты, а также аптекарские, мануфактурные и канцелярские товары. Помимо торгового дела, он владел и небольшим кирпичным производством. Изучение биографий представителей этих семейств позволяет заключить, что они сумели найти и занять свободные ниши в торговле, а их предпринимательская деятельность выходила за пределы Енисейской губернии. Накопленные средства дали возможность заниматься благотворительностью, которая распространялась на всех, независимо от веры и национальной принадлежности.

Ключевые слова: Енисейск, купечество, евреи, Хейсины, Тонконоговы, Флееры, предпринимательство, торговля, благотворительность.

Статья поступила в редакцию 16.08.2023 г.

Старинный провинциальный городок Енисейск имеет богатую 400-летнюю историю. Сегодня его главное достояние – культурное наследие, а туризм – ведущее направление в стратегии развития. Многие современные исследователи в своих работах обращаются к истории купечества, в том числе енисейского, благодаря чему появилась возможность ближе познакомиться с семьями Баландиных, Дементьевых, Захаровых, Кытмановых и многими другими[1]. Хочется продолжить эту тему и подойти к ее освещению немного с иной стороны.

[1] *Комлева Е.В.* Енисейское купечество в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. М., 2006; *Комлева Е.В.* Енисейское купечество второй половины XIX в. глазами современников: дневник Н.В. Скорнякова // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 1: История. С. 55–59; *Комлева Е.В.* Енисейские купцы Хорошевы: хозяйственная деятельность и образ жизни // Сибирский город XVIII–XX веков: сб. науч. ст. Иркутск, 2015. Вып. X. С. 37–47; *Комлева Е.В.* Купцы Скорняковы в истории Енисейска (XVIII–XIX вв.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (19). С. 80–92; *Комлева Е.В.* Информация о енисейских купцах Кытмановых в периодической печати Восточной Сибири (вторая половина XIX – начала XX в.) // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв.: сб. науч. тр. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 35). Новосибирск, 2016. С. 158–170; *Комлева Е.В.* Династия енисейских купцов Дементьевых (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 8–20. [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-01.pdf (дата обращения: 15.08.2023); *Комлева Е.В.* Енисейская купеческая династия Фунтосовых: вклад в освоение Сибири (конец XVIII – XIX в.) // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: сб. науч. тр. СПб., 2020. С. 39–54; *Komleva E.V.* The dynasty of the Yeniseysk merchants Kobychevs: formation, entrepreneurship, participa-

Историю Сибири невозможно постичь без изучения истории населяющих ее народов. Многонациональный состав региона складывался постепенно. Основными факторами, повлиявшими на его формирование, стали интенсивная военная колонизация территории русскими, начавшаяся с конца XVI в., затем хозяйственное заселение и освоение земель крестьянами, пополнение населения и расширение его национального состава за счет каторжан и ссыльных. Следует отметить, что к концу XIX в. в результате притока переселенцев произошло значительное сокращение удельного веса численности аборигенных этносов в сибирском социуме. По статистическим данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., самый высокий процент в национальном составе сибирских губерний составляли русские. На долю других национальностей приходилось в общей сложности лишь 17 % от общей численности, причем половина из них – это коренные народы, остальная часть была представлена украинцами, поляками, татарами и самой малочисленной группой – евреями[2]. Помимо численности, последние отличались от всех остальных национальностей тем, что были единственным народом, который на протяжении многих веков оставался безземельным и тем не менее, несмотря ни на что, сохранил свою культуру и обычаи.

Основные этапы изучения истории евреев в России делятся на три периода: дореволюционный, советский и современный. Ведущие представители дореволюционной историографии Ю.И. Гессен и С.М. Дубнов изучали законодательство, регламентировавшее положение евреев в Российской империи, взаимоотношения государства и еврейского сообщества, большое внимание уделяли внутренней самобытной жизни еврейских общин[3]. Однако в центре их внимания преимущественно находились еврейские общины в черте оседлости. Одними из первых публикаций о евреях, проживавших в Сибири, стали статьи в журнале «Сибирские вопросы» (это издание освещало региональные проблемы, касающиеся образования, развития экономики, местного самоуправления). Так, Т.И. Тихонов обратил внимание на то, что гражданские права евреи могли получить лишь за особую доблесть, между тем как другие национальности пользовались ими как естественными правами каждого члена общества[4]. В области анализа законодательства, касающегося евреев Сибири, большую работу провел юрист Г.А. Белковский[5]. Жизни сибирских еврейских общин в XIX – начале XX в. были посвящены очерковые заметки Ю. Островского, в которых подчеркивалось различие в укладе жизни сибирских евреев от их единоверцев из европейской части России[6]. В книге «Евреи в Иркутске» всесторонне описана иркутская еврейская община[7]. Что касается

tion in public life // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. № 13 (7). P. 1144–1152; *Комлева Е.В.* «…В сердцах людей, его близко знавших, имя его останется»: купцы Грязновы в истории Енисейска // Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. Минусинск, 2021. Вып. 3. С. 41–56; *Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И.* Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 2012; *Аксёнова А.А., Гонина Н.В., Дворецкая А.П., Терскова А.А.* Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска). Красноярск, 2019; *Поздеева Н.В.* Кытмановы: истории из жизни енисейского купеческого рода // IX Краеведческие чтения: Енисейская губерния: лица истории: сб. мат-лов. Красноярск, 2022. С. 256–262; *Погребняк А.И.* Педагогическая, просветительная и воспитательная деятельность В.А. Баландиной // XX Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «Великая Победа: наследие и наследники»: мат-лы и доклады межрегион. науч.-практ. конф. Красноярск, 2020. С. 62–85; *Погребняк А.И.* Вклад В.А. Баландиной в систему просвещения Енисейской губернии // Гришаевские чтения: мат-лы III национальной науч. конф., посвящ. памяти Василия Васильевича Гришаева. Красноярск, 2021. С. 107–120; *Погребняк А.И.* Участие В.А. Баландиной в развитии просвещения и агрокультуры Енисейской губернии // Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова: межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Минусинск, 2021. С. 57–90.

[2] Предисловие // Сибирь многонациональная: мат-лы Сибирского исторического форума. Красноярск, 24–25 октября 2018 г. Красноярск, 2018. С. 6.

[3] *Гессен Ю.И.* Закон и жизнь. Как создавались ограничительные законы о жительстве в России. СПб., 1911; *Дубнов С.М.* Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. М.; Петроград, 1923.

[4] *Тихонов Т.И.* Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 278–309.

[5] *Белковский Г.А.* Русское законодательство о евреях Сибири. СПб., 1905.

[6] *Островский Ю.* Сибирские евреи. СПб., 1911.

[7] *Войтинский В.С., Горнштейн А.Я.* Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915.

Енисейска, проживавшие здесь евреи упоминались в работах таких авторов XIX в., как И. Пестов[8], А.П. Степанов[9], М.Ф. Кривошапкин[10], Н.В. Латкин[11], А.И. Кытманов[12] и др.

В советский период новая идеология и атеизм диктовали свои подходы к изучению еврейства, и с 1930-х гг. разработка еврейской тематики не приветствовалась, хотя, конечно, отдельные сведения о крупных предпринимателях из еврейской среды можно встретить в трудах, посвященных, например, золотопромышленности[13].

Изменения начала 1990-х гг. позволили ученым возобновить работу, начатую в дореволюционный период. Постепенно стали появляться монографии о сибирских еврейских диаспорах. Одной из первых была книга А.Г. Гройсмана «Евреи в Якутии»[14]. Затем вышли труды об общинах евреев Западного Забайкалья[15], Иркутска[16], Томской губернии[17], Западной[18] и Восточной Сибири[19]. К исследованию хозяйственной деятельности и повседневной жизни еврейских общин на территории Енисейской губернии в начале XXI в. обратились Н.А. Орехова и Я.М. Кофман, выделившие четыре этапа экономической активности проживавших в данном регионе евреев[20] (эта периодизация подтверждается и сведениями о еврейских семьях, рассматриваемых в данной статье). Разработкой истории евреев в Приенисейском крае в последние годы активно занимается Т.А. Кискидосова[21]. И все же тематика, связанная с историей и культурной еврейской диаспоры в Сибири, в том числе Енисейска и прилегающей в нему территории, далеко не исчерпана.

В данной статье мы остановимся на судьбе представителей трех еврейских семей, осевших в Енисейске в 1830–1860-х гг., занимавшихся предпринимательством в крупных размерах и внесших свой вклад в развитие экономики и общественной жизни среднего течения и низовья Енисея. Это семейства Хейсиных, Тонконоговых и Флееров. На примере этих фамилий рассмотрим, как евреям удавалось встраиваться в жизнь принимающего сообщества, сохраняя свою самобытность, традиции и язык.

---

[8] *Пестов И.* Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. 1831. М., 1833.
[9] *Степанов А.П.* Описание Енисейской губернии. СПб., 1835.
[10] *Кривошапкин М.Ф.* Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865.
[11] *Латкин Н.В.* Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892.
[12] *Кытманов А.И.* Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 год. Красноярск, 2016.
[13] *Нагаев А.С.* Золотопромышленность Восточной Сибири в 30–50-е годы XIX века и ее влияние на социально-экономическое развитие края // Ученые записки Енисейского педагогического института. Енисейск, 1958. Т. 1, вып. 1. С. 3–121; *Рабинович Г.Х.* Из истории золотопромышленности Енисейской губернии // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 1; *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975.
[14] *Гройсман А.Г.* Евреи в Якутии. Ч. I: Община. Якутск, 1995.
[15] *Кальмина Л.В., Курас Л.В.* Еврейская община Западного Забайкалья (60-е годы XIX века – февраль 1917 г.). Улан-Удэ, 1999.
[16] *Рабинович В.Ю.* Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002.
[17] *Галашова Н.Б.* Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск, 2006.
[18] *Гончаров Ю.М.* Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2013.
[19] *Кальмина Л.В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX века – февраль 1917 года). Улан-Удэ, 2003.
[20] *Орехова Н.А., Кофман Я.М.* Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. XX вв.). Красноярск: Красноярский писатель, 2009. (Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность). Вып. 5 (27).
[21] *Кискидосова Т.А.* Национально-конфессиональный состав населения Енисейска во второй половине XIX – начале XX в. // Межэтнические и этноконфессиональные отношения: проблемы взаимодействия: мат-лы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 130-летию со дня рождения С.И. Руденко. Уфа, 2015. С. 256–262; *Кискидосова Т.А.* Метрические книги еврейской синагоги Енисейска как источник по истории городского населения в конце XIX – начале XX века // Библиография. Археография. Источниковедение: сб. статей и мат-лов. СПб.; М., 2019. С. 201–206; *Кискидосова Т.А.* «Отличались трезвостью, изворотливостью и энергией»: региональная периодика о еврейской общине в городах енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XX вв.: сб. науч. тр. М., 2020. Т. 2. С. 184–193; *Кискидосова Т.А.* Сведения о городах и городском населении Восточной Сибири в 1850–1880-е годы: по материалам всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 109–118.

Итак, Хейсины, Тонконоговы, Флееры – все они добровольно выбрали своим местом жительства Сибирь. Хейсины в 1830-х гг. попадают в поле зрения енисейского «летописца» А.И. Кытманова. Он упоминает их как «вольных землепашцев»[22]. В это время Леонтий Абрамович Тонконогов, живший в селе Абаканском, служил приказчиком у Герша Мордуховича Вильнера[23]. После деловой поездки в Енисейск он решил переехать туда со всей семьей, так как увидел хорошие перспективы для развития собственной торговли. Первое документальное упоминание фамилии Флеер в Енисейске встречается в «Краткой летописи» А.И. Кытманова за 1868 г.[24] Один из представителей династии Флееров владел в то время оптовым винным складом в городе. Возможно, это был Фишель Лейбович или его сын Лейвик Фишелевич. При этом Фишель еще оставался томским купцом 2-й гильдии. Все, что могло приносить доход, попадало в их поле зрения.

Надо сказать, что Сибирь неслучайно была выбрана этими семьями для проживания. 20 ноября 1836 г. вышел Сенатский указ, позволяющий евреям переселяться в Тобольскую губернию и Омскую область для освоения необжитых просторов. Возможно, семьи Хейсиных и Тонконоговых – одни из немногих, кто успел выехать из черты еврейской оседлости. Дело в том, что этот закон действовал очень короткое время – всего 45 дней. В 1830–1840-х гг. Сибирь – активно развивающаяся территория, где вовсю шла разработка золотых приисков, которые требовали поставки различных товаров для стабильной работы. В поисках своей ниши в предпринимательской деятельности представители этих семей пробуют силы в различных направлениях, выбирая для себя наиболее оптимальные варианты, позволяющие накопить первоначальный капитал. Так, Исай Хейсин в 1859–1871 гг.[25] занимается транспортировкой грузов и провианта на золотые прииски. С доставкой товаров были связаны и Тонконоговы[26].

В 1870 г. был введен устав о частной золотопромышленности, который позволял заниматься добычей золота лицам всех состояний, русским и иностранцам. «Евреям разрешено заниматься золотопромышленностью, если они имеют законное жительство в местах промысла или если они имеют разрешение на пребывание во всех губерниях России», – писал А.И. Кытманов[27]. Купцы Тонконоговы (фирма «Израиль Пинкусович Тонконогов и К°») опередили официальное разрешение и уже в 1864 г. заключили договор на участие в разработках приисков[28]. Исай Хейсин и мещанин Лейвик Флеер в 1870 г. одними из первых получили разрешение на занятие золотым промыслом. Но не все вложения приносили желанный доход. Об этом пишет А.И. Кытманов в своей летописи за 1875 г.: «как разыгрались аппетиты у енисейских золотопромышленников, когда разнесся слух, что ссыльный Васильев заявил на имя врача Антоновича прииск по Зырянке с содержанием в восемь золотников. Зырянка впадает в Енисей всего в 10 верстах от Енисейска и потому все поспешили на заявки мнимых богатств, которые действительно оказались мечтой, и партии Хейсина, Фунтосова, Баландина и др[угих] возвратились ни с чем»[29].

У каждого желавшего попробовать свои силы в поисках золотых россыпей должна была быть под рукой «Справочная книга для золотопромышленников». В ней содержались сведения о законах и правилах, образцы документов, касающихся золотодобычи, а также информация о приисках и их владельцах. Такой справочник имел и А.Л. Тонконогов. Состояние книги говорит о том, что к ней часто обращались, а владельческий штамп «Тонконогов» – о том, что справочником дорожили[30].

[22] *Кытманов А.И.* Краткая летопись… С. 249.
[23] *Вильнер Г.М.* Как сибирский крестьянин стал купцом первой гильдии. Минусинск, 2021. С. 19.
[24] *Кытманов А.И.* Краткая летопись… С. 445.
[25] Там же. С. 369, 471.
[26] *Орехова Н.А., Кофман Я.М.* Еврейские общины… С. 177.
[27] Там же. С. 191.
[28] Там же.
[29] *Кытманов А.И.* Краткая летопись… С. 516.
[30] Енисейский краеведческий музей (ЕКМ). Библиотека. 3666. Справочная книга для золотопромышленников, издаваемая Восточно-Сибирским Отделением Русского Технического Общества. Выпуск второй под редакцией Н.И. Сурина, Столоначальника Горного Отделения Главного Управления Восточной Сибири. Иркутск, 1871.

Насколько были удачны вложения Л.Ф. Флеера в разработку золотых приисков, информации не сохранилось. Но в книге Т. Спожакиной «Золотое сердце Сибири» упоминается «енисейский купец-миллионер Тонконогов», который вложил значительные средства в Авенировский рудник. В 1915 г. он «принес своим владельцам 376 килограммов золота»[31].

Попытав счастья в золотопромышленности, каждая из этих семей продолжила заниматься коммерцией в своем направлении. Тонконоговы специализировались на торговле хлебом[32], пушниной[33], мануфактурными товарами, а также владели питейными заведениями[34]. Накопленные средства позволили им приобрести в 1871 г. недвижимость по Набережной улице в Енисейске[35]. Герш Мордухович Вильнер в своей книге упоминает, что дом Тонконогова был деревянный, имел два этажа и каменный флигель во дворе, располагался недалеко от берега Енисея[36].

Еще одним источником доходов у Тонконоговых был взятый в 1875 г. в аренду Троицкий солеваренный завод. Производительность завода в 1880 г. достигала 1 296,4 т соли[37]. В 1887 г. капитал А.Л. Тонконогова по приблизительной оценке составлял 50 тыс. руб.[38] Его считали богатым, он пользовался большим доверием и авторитетом среди купцов. Пинхус (Павел) и Салфит Абрамовичи Тонконоговы ездили на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки, продавали пушнину за границу[39]. Также Тонконоговы покупали много товаров для Енисейска и Енисейского округа. Пинхус и Файвиш Абрамовичи на протяжении тридцати лет занимались доставкой товаров на прииски[40]. Хлебными продуктами и другими товарами они снабжали Туруханский край и золотые прииски Енисейской губернии. Сложность поставки обусловливалась тем, что это северные территории и дороги устанавливаются только зимой, когда замерзают реки. Заготовка хлебных продуктов и других товаров начинается с октября месяца и продолжается в течение всей зимы в разных пунктах, для чего требуются постоянные разъезды. Для контроля поставок Тонконоговы нанимали служащих, которые следили, чтобы все товары были рассортированы и упакованы к моменту отхода парохода в Туруханский край. Для отправки и распределения хлеба и товаров как по станкам Туруханского края, так и по приискам требовалось знание этих районов и огромный опыт[41].

В «Отчете по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности северной части Енисейского округа» отмечено, что, наряду с небольшими складами жизненно необходимых продуктов и товаров некоторых золотопромышленников в городе Енисейске, самым главным складом хлеба и товаров, предназначенных для тайги, «является резиденция поставщиков бр[атьев] Тонконоговых в дер. Назимовой, где, независимо от обширных амбаров на обоих берегах Енисея, приплавляемый хлеб летом сохраняется, преимущественно, в барках, до выгрузки его уже зимою в тайгу. Отправка хлеба на прииски производится <…> по Назимовскому пути гужом»[42]. О масштабе коммерческой деятельности братьев Тонконоговых косвенно может говорить и тот факт, что они содержали контору со штатом от десяти до двенадцати человек для обслуживания и бухгалтерского учета их торговых операций[43].

---

[31] *Спожакина Т.* Золотое сердце Сибири. Книга первая. Красноярск, 2002. С. 29.
[32] Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1900 год. Отдел III (справочный). Томск, 1900. С. 188.
[33] Сибирский Торгово-промышленный и справочный календарь на 1895 год. Томск, 1895. С. 438.
[34] *Кытманов А.И.* Краткая летопись… С. 502.
[35] Архив г. Енисейска (АГЕ). Ф. 9. Оп. 1. Д. 38. Л. 148.
[36] *Вильнер Г.М.* Как сибирский крестьянин стал купцом первой гильдии: автобиографические воспоминания. Минусинск, 2021. С. 32.
[37] *Погребняк А.И.* Купцы-предприниматели Енисейской губернии. Красноярск, 2002. С. 212.
[38] *Вильнер Г.М.* Как сибирский крестьянин… С. 32.
[39] *Погребняк А.И.* Купцы-предприниматели… С. 212.
[40] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 24. Оп. 2. Д. 72. Л. 133.
[41] ГАКК. Ф. 24. Оп. 2. Д. 72. Л. 133–135.
[42] *Внуковский В.М.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности северной части Енисейского округа. СПб., 1905. С. 438.
[43] ГАКК. Ф. 24. Оп. 2. Д. 72. Л. 135.

В 1913 г. братья Тонконоговы внесли в Енисейскую городскую думу предложение о постройке на собственные средства красивого торгового деревянного корпуса под железной крышей, который украсил бы своим видом Базарную площадь в центре города. Но при этом они выдвинули условие, что это здание перейдет в собственность города после двенадцати лет использования его самими Тонконоговыми. Дума ограничила срок до десяти лет, и постройке не суждено было осуществиться[44].

И.М. Хейсин завел свое небольшое дело-склад и питейный дом еще в 1862 г. А.И. Кытманов так пишет про это в своей «Летописи» за 1866 г.: «Винная торговля в округе и городе усиливалась, открывались и ее вредные последствия. Многочисленные кабаки процветали не столько от продажи вина, сколько от злоупотреблений в торговле плохой водкой…»[45]. В 1867 г. Хейсин открыл винокуренный завод в селе Каменском сначала совместно с Каминером, затем с Баландиным. В Енисейске владел пиво-медоваренным заводом на речке Лазаревке. Винная торговля была одним из прибыльнейших дел, однако стихийные бедствия вносили свои коррективы в жизнь енисейцев.

Так, 1869 г. вошел в историю города как год страшных пожаров, которые унесли много человеческих жизней и уничтожили большую часть города. У И.М. Хейсина, как и у многих горожан, сгорел собственный деревянный дом. Следует отдать должное его предусмотрительности: он единственный, кто застраховал свое жилье на 7 тыс. руб., которые и получил через два месяца[46]. В округе тоже были пожары, где у Хейсина сгорели винокурня и водокачка в Каменском заводе, которыми он владел совместно с А.С. Баландиным. Несмотря ни на что, он занимался виноторговлей, а она неизменно продолжала приносить прекрасный доход. Торговые дела требовали расширения деятельности и защиты интересов на уровне местного самоуправления. В 1872 г. И.М. Хейсина избирают гласным городской думы на первое четырехлетие – 1873–1877 гг.[47] На следующий период, с 1877 по 1881 г., избирателей-евреев насчитывалось четыре, но гласным был выбран всего один – И.М. Хейсин[48].

В 1880 г. совместно с В.М. Харченко он построил пивоваренный завод, который составил конкуренцию единственному винокуренному заводчику в округе – городскому голове А.С. Баландину[49]. Природная смекалка и практичность помогли И.М. Хейсину воплотить это строительство в жизнь. Идея создания завода в Енисейске у Хейсина появилась, когда он заинтересовался технической новинкой – пульзометром (насосом). Его приобрел для приисков К.М. Полежаева управляющий К.Н. Балакшин и проверил действие механизма в Енисейске на речке Мельничной. И.М. Хейсин, увидевший работающий пульзометр, понял, что его можно использовать и для завода[50]. Так его удачная идея воплотилась в жизнь. Но все же качество продаваемого вина в питейных заведениях И.М. Хейсина оставалось низким. В Государственном архиве Красноярского края отложилось дело со следующим заголовком: «По заявлению крестьянина Рахмеля Рябцева о продаже в питейном заведении купца Хейсина низкопробного вина»[51]. И.М. Хейсин использует все доступные средства для сокращения расходов: например, в 1881 г. по разрешению министра финансов беспошлинно морским путем ввозит части мельничного постава и паровой машины[52].

Лейвик Фишелевич Флеер также обладал предпринимательской жилкой, способствовавшей успешному ведению торгового дела. Сначала он торговал в Енисейском округе, а затем окончательно перебрался в город. Состоял в 1-й гильдии в 1885 и 1896 гг., а в 1905–1906 гг. – во 2-й. Он торгует самыми разнообразными товарами: мануфактурными, канцелярскими и аптекарскими, а в 1904 г. было удовлетворено его ходатайство о продаже в аптекар-

[44] Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского. 1891–1935 гг. Красноярск, 2019. С. 243.
[45] *Кытманов А.И.* Краткая летопись… С. 431.
[46] *Маркс М.О.* Записки старика. СПб., 2021. С. 265.
[47] *Кытманов А.И.* Краткая летопись… С. 480.
[48] Там же. С. 527.
[49] Там же. С. 552.
[50] Там же. С. 547–548.
[51] ГАКК. Ф. 595. Оп. 17. Д. 6744.
[52] *Кытманов А.И.* Краткая летопись… С. 563.

ском магазине разных газет и книг[53]. На прилавке его магазина можно было увидеть и почтовые открытки с видами города. Возможно, снимки для этих открыток делал он сам, так как владел фотоаппаратом, а на обороте одной из открыток написано: «Изд. магаз. Л.Ф. Флеера». К 1913 г. ассортимент предлагавшихся товаров значительно расширился: не считая канцелярских и писчебумажных принадлежностей, Л.Ф. Флеер торговал игрушками, галантереей, музыкальными инструментами, парфюмерией, москательными товарами[54]. Его торговые лавки располагались в центре города и привлекали большое количество покупателей. В то же время они находились и в поле зрения преступников. На страницах газеты «Томский листок» 1895 г. № 257 размещено сообщение о том, что магазин Лейвика Фишелевича Флеера ограбили, забрав выручку и ценный товар[55]. Но, несмотря ни на что, Флеер умел преодолевать трудности и его торговые дела шли в гору. Помимо торгового дела, Л.Ф. Флеер владел и небольшим кирпичным производством[56].

Благодаря смекалке Лейвик Фишелевич обходил конкурентов. Например, в 1895 г. в его аптекарском магазине по рецептам приезжего «целителя» господина Берегги, пользовавшегося популярностью у простодушных клиентов, провизор с учениками готовили секретные исцеляющие снадобья для продажи[57]. Следует отметить, что в силу объективных причин евреи жили закрытым сообществом, поэтому неудивительно, что все сотрудники его магазина были евреями. В свое время, по воспоминаниям енисейского учителя С.М. Наумова, известный революционер А.Г. Перенсон также служил в его магазине приказчиком[58].

Успешная коммерческая деятельность способствовала накоплению капитала и дала возможность заниматься благотворительностью. Как пишут Н.Я. Орехова и Я.М. Кофман, «одна из важнейших еврейских традиций – бескорыстно оказывать помощь ближним, поддерживать нуждающихся <…> делать добровольные пожертвования – уникальна, она имеет глубокие корни и тесно связана с религией. Благотворительность подразумевает идею подаяния, сострадания и снисхождения. Человек, дающий “цдаку”, становится посредником между Богом и нуждающимся. Благотворительность считается важной и полезной не только для тех, кто получает помощь, но и для тех, кто ее оказывает»[59].

Несмотря на дискриминацию со стороны государства, которое законодательно ограничивало права евреев, каждая из рассматриваемых семей лояльно относилась к окружающему сообществу, помогая не только своим единоверцам. Об этом говорит их участие в благотворительности, которая была направлена на поддержку самых разных сфер общественной жизни города. Так, например, они участвовали в сборе средств по подписным листам для приобретения книг для Енисейской общественной библиотеки, в 1883 г. – для устройства Енисейского общественного местного музея. В 1888 г. в Енисейске было построено большое деревянное здание синагоги на средства еврейского общества (рис. 1). Во внутреннем устройстве новой молельни принял участие Абрам Тонконогов, пожертвовав шкаф для свиток[60]. В метрических книгах синагоги за 1886, 1887 и 1898 гг. он заверяет записи как староста молельни[61]. При енисейском молитвенном доме было открыто начальное еврейское училище (хедер)[62].

[53] ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 6230.
[54] Сибирский Торгово-промышленный ежегодник 1913. Отдел IV. Торгово-промышленный указатель населенных пунктов Сибири, Маньчжурии, Монголии и Туркестана. СПб., 1913. С. 145–146.
[55] ЕКМ. Книга поступлений. 3491. Д. 255. Енисейский округ. Вырезки из газет: «Енисей» 1895 г., «Енисейский листок» 1892 г. и др. [тетрадь 1]. Л. 3.
[56] АГЕ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 6. Л. 32.
[57] ЕКМ. Книга поступлений. 3491. Д. 255. Енисейский округ. Вырезки из газет: «Енисей» 1895 г., «Енисейский листок» 1892 г. и др. [тетрадь 2]. Л. 4.
[58] Там же. 5442/2. Д. 585/3. Наумов С.М. Воспоминание о политссыльных в г. Енисейске. Л. 11.
[59] *Орехова Н.А., Кофман Я.М.* Еврейские общины… С. 142.
[60] *Кытманов А.И.* Краткая летопись… С. 619.
[61] АГЕ. Ф. Р-273. Оп. 1. Д. 129. Л. 6.
[62] *Орехова Н.А., Кофман Я.М.* Еврейские общины… С. 157.

Рис. 1. Еврейская синагога на Большой улице. Неизвестный фотограф.
(Фотография из фондов Енисейского музея-заповедника)

Образованию придавалось очень большое значение. Фамилии Хейсиных, Тонконоговых и Флееров мы встречаем в списках жертвователей и действительных членов совета Общества попечения о начальном образовании (позднее – Общества попечения о народном образовании) в Енисейске начиная с середины 1880-х гг.[63] Помимо внесения ежегодных членских взносов, они участвовали в устройстве рождественских праздников для детей и музыкально-вокальных вечеров, лотереи-аллегри и маскарада[64], жертвовали вещи в пользу Енисейской женской гимназии[65].

В 1906 г. в Енисейске появилось Общество пособия бедным евреям[66]. Потребность организации этого общества объясняется тем, что только постоянная систематическая поддержка бедных еврейских семей и отдельных нуждающихся членов еврейской общины смогла бы улучшить их положение. Пожертвования и членские взносы, сборы от благотворительных мероприятий, которые устраивало Общество, служили источниками финансового обеспечения этой организации. Помощь заключалась не только в единовременной денежной поддержке, но и в выдаче теплых вещей и беспроцентных ссуд. Следует отметить, что это было первое Общество пособия бедным евреям, открытое в Енисейской губернии, а основателями его стали еврейские женщины – жены енисейских купцов – Рахиль Марковна Тонконогова и София Моисеевна Мильштейн[67].

Как уже отмечалось выше, благотворительная деятельность состоятельных енисейских евреев не ограничивалась поддержкой лишь местной еврейской общины. Вот еще несколько тому примеров. Весенние наводнения в Енисейске – нередкое явление, но в 1906 г. вода поднялась особенно высоко. Для помощи енисейцам был организован Комитет помощи

[63] Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в городе Енисейске за 1887 год. Енисейск, 1888. С. 12; Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске за 1891 год. Енисейск, 1892. С. 48; Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в городе Енисейске за 1892 год. Енисейск, 1893. С. 6; Отчет Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске за 1893 год. Красноярск, 1894. С. 4.

[64] Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске по устройству в пользу Общества лоттереи-аллегри и маскарада в помещении Общественного Собрания 28-го декабря 1903 года. Енисейск, 1904. С. 11.

[65] Отчет по устройству лотереи-аллегри и маскарада 28 декабря 1904 года в пользу Енисейской женской гимназии. Енисейск, 1905. С. 8–9.

[66] *Орехова Н.А., Кофман Я.М.* Еврейские общины… С. 146.

[67] Там же. С. 148.

пострадавшим от наводнения в городе Енисейске, председателем которого стал М. Бородкин, товарищем председателя – М. Тонконогов. Они же внесли самые большие денежные пожертвования: М. Бородкин – 400 руб., М. Тонконогов – 200 руб. Собранные средства обеспечили возможность раздавать нуждающимся обеды и хлеб, тем самым спасти людей от голода[68].

Наряду с Обществом пособия бедным евреям существовало и общество, помогавшее всем нуждающимся горожанам. В отчете Общества пособия бедным Енисейска за 1909 г. в числе лиц, пожертвовавших деньги, числится А.П. Тонконогов. Также Тонконоговы включены в список лиц, заказавших обеды для бесплатной выдачи. Сумма их пожертвования была максимальной в этом списке и составила 100 руб. Среди действительных членов этого общества был и Леонтий Федорович Флеер. На собранные средства для бедных содержались столовая, чайная и ночлежный дом[69].

Желая принести пользу обществу и оставить о себе хорошую память после смерти, Лейвик Фишелевич Флеер завещал своим детям «вносить в Енисейский общественный банк ежегодно по 100 рублей для накопления капитала, достаточного на открытие в Енисейске школы и библиотеки имени умершего, и затем по смерти его наследников должна перейти в собственность города и его недвижимая собственность – существующий двухэтажный каменный дом со службами на углу Базарной площади и Алексеевского переулка. <…> городом выдано обязательство на выполнение воли завещателя, а дом за отказом от него города вскоре же был продан наследниками губернскому союзу кооперативов <…>. По соглашению с наследниками Флеера при ликвидации ими торгового дела их отца город купил у них остатки товаров аптекарского магазина <…> с тем чтобы магазин этот обратить в аптеку и тем выполнить волю завещателя». Так в 1917 г. в Енисейске открылась первая аптека, с прибылью проработавшая до 1920 г., когда произошла смена власти[70].

Так сложилось, что время экономического расцвета города осталось в далеком прошлом. Енисейск окончательно потерял свои позиции, когда в конце XIX в. через Красноярск была проведена Транссибирская магистраль. На протяжении нескольких поколений Хейсины, Тонконоговы и Флееры успешно вели торговые дела не только благодаря деловой хватке, креативному подходу, но и умению чутко реагировать на изменения экономической и политической ситуации. Проследить судьбы этих семей после революции сложно. У каждой из них возникли объективные причины для переезда. По времени появления в Енисейске семья Хейсиных была первой и первой покинула его. По воспоминаниям родственников, Исай Моисеевич Хейсин умер в 1895 г. Дела семьи на тот момент находились в расстроенном состоянии. Переезд семьи был делом решенным[71].

Еще до переворота, по информации из Государственного архива Томской области, Лейвик Фишелевич Флеер на протяжении 1906–1914 гг. вел переписку о разрешении проживать в Томске, которое и получил[72]. Его семья покинула город. По данным Государственного архива Красноярского края, в списке граждан, имеющих право участвовать в выборах в городскую думу Енисейска в 1919 г., из большой семьи Тонконоговых указаны только четыре ее представителя: Елена Абрамовна, ее дочь Фрума, сын Миней и внук Давид Павлович[73]. И все же их имена остались в истории города навсегда.

Таким образом, изучение разбросанных по разным источникам биографических сведений о представителях проживавших в Енисейске в 1830–1910-х гг. еврейских купеческих семей Хейсиных, Тонконоговых и Флееров позволяет заключить, что все они сумели

[68] Отчет о приходе, расходе и остатке денежных сумм Комитета помощи пострадавшим от наводнения в городе Енисейске в 1906 году. Енисейск, 1906. С. 4, 27.
[69] Отчет правления Общества пособия бедным г. Енисейска за 1909-й год. Енисейск, 1911. С. 12, 15, 19.
[70] Енисейск в записках… С. 269.
[71] *Шемряков А.Д.* Автор-составитель о фотоальбоме «Красноярск 1911–2011» // Pandia.ru [Электронный ресурс]. URL: https://pandia.ru/text/80/120/58264.php (дата обращения: 01.12.2023).
[72] Справка областного государственного казенного учреждения «Государственный архив Томской области» от 13.02.2019 г. № 531-г.
[73] ГАКК. Ф. 897. Оп. 1. Д. 1. С. 116.

найти и занять свободные ниши в торговле, а их предпринимательская деятельность выходила за пределы Енисейской губернии. Накопленные средства дали им возможность заниматься благотворительностью, которая распространялась на всех независимо от веры и национальной принадлежности и которую можно считать одним из важнейших факторов развития сибирского социума.

Литература

Аксёнова А.А., Гонина Н.В., Дворецкая А.П., Терскова А.А. Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска). Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2019. 538 с.

Белковский Г.А. Русское законодательство о евреях Сибири. СПб.: «Центральная» типо-литография М.Я. Минкова, 1905. 160 с.

Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.

Вильнер Г.М. Как сибирский крестьянин стал купцом первой гильдии: автобиографические воспоминания. Минусинск, 2021. 120 с.

Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск: Типо-литография П.И.Макушина и В.М. Посохина, 1915. [2], XVI, 393 с.

Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начала XX вв. Красноярск: Красноярский писатель, 2006. 241 с.

Гессен Ю.И. Закон и жизнь. Как создавались ограничительные законы о жительстве в России. СПб.: Типография А.Г. Розена, 1911. 187 с.

Дубнов С.М. Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. М.; Петроград: Издательство Л.Д. Френкель, 1923. 388 с.

Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул: АЗБУКА, 2013. 174 с.

Гройсман А.Г. Евреи в Якутии. Ч. I: Община. Якутск, 1995. 110, [2] с.

Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского / ред.-сост. М.А. Лаптева, Н.В. Поздеева, А.В. Ульверт. Красноярск: Поликор, 2019. 512 с.

Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX века – февраль 1917 года). Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. 422 с.

Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейская община Западного Забайкалья (60-е годы XIX века – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. 172 с.

Кискидосова Т.А. «Отличались трезвостью, изворотливостью и энергией»: региональная периодика о еврейской общине в городах Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XX вв.: сб. науч. тр. М., 2020. Т. 2. С. 184–193.

Кискидосова Т.А. Метрические книги еврейской синагоги Енисейска как источник по истории городского населения в конце XIX – начале XX века // Библиография. Археография. Источниковедение: сб. статей и мат-лов. СПб.; М., 2019. С. 201–206.

Кискидосова Т.А. Национально-конфессиональный состав населения Енисейска во второй половине XIX – начале XX в. // Межэтнические и этноконфессиональные отношения: проблемы взаимодействия: мат-лы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 130-летию со дня рождения С.И. Руденко. Уфа, 2015. С. 256–262.

Кискидосова Т.А. Сведения о городах и городском населении Восточной Сибири в 1850–1880-е годы: по материалам всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 109–118.

Комлева Е.В. Династия енисейских купцов Дементьевых (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 8–20. [Электронный ресурс]. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-01.pdf (дата обращения: 15.08.2023).

Комлева Е.В. Енисейская купеческая династия Фунтосовых: вклад в освоение Сибири (конец XVIII – XIX в.) // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: сб. науч. тр. СПб., 2020. С. 39–54.

Комлева Е.В. Енисейские купцы Хорошевы: хозяйственная деятельность и образ жизни // Сибирский город XVIII–XX веков: сб. науч. ст. Иркутск, 2015. Вып. X. С. 37–47.

Комлева Е.В. Енисейское купечество в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. М.: Academia, 2006. 381 с.

Комлева Е.В. Енисейское купечество второй половины XIX в. глазами современников: дневник Н.В. Скорнякова // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 1: История. С. 55–59.

Комлева Е.В. Информация о енисейских купцах Кытмановых в периодической печати Восточной Сибири (вторая половина XIX – начала XX в.) // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв.: сб. науч. тр. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 35). Новосибирск, 2016. С. 158–170.

Комлева Е.В. Купцы Скорняковы в истории Енисейска (XVIII–XIX вв.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (19). С. 80–92.

Комлева Е.В. «…В сердцах людей, его близко знавших, имя его останется»: купцы Грязновы в истории Енисейска // Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. Минусинск, 2021. Вып. 3. С. 41–56.

Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб.: издание Императорского Русского географического общества, на иждивении В.А. Кокорева, 1865. 650 с.

Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 год. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 888 с.

Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1892. [2], II, IV, 467 с.

Маркс М.О. Записки старика. СПб.: Алетейя, 2021. 306 с.

Нагаев А.С. Золотопромышленность Восточной Сибири в 30–50-е годы XIX века и ее влияние на социально-экономическое развитие края // Ученые записки Енисейского педагогического института. Енисейск, 1958. Т. 1, вып. 1. С. 3–121.

Орехова Н.А., Кофман Я.М. Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. XX вв.). Красноярск: Красноярский писатель, 2009. (Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность). Вып. 5 (27). 328 с.

Островский Ю. Сибирские евреи. СПб.: Типография И. Лурье и К°, 1911. 62 с.

Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. 1831. М.: Университетская типография, 1833. [2], 298, X с., 13 л. ил., карт.

Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии: учеб. пособие. Красноярск: Краснояр. гос. торг.-экон. ин-т 2002. 432 с.

Погребняк А.И. Вклад В.А. Баландиной в систему просвещения Енисейской губернии // Гришаевские чтения: мат-лы III национальной науч. конф., посвящ. памяти Василия Васильевича Гришаева. Красноярск, 2021. С. 107–120.

Погребняк А.И. Участие В.А. Баландиной в развитии просвещения и агрокультуры Енисейской губернии // Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова: межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Минусинск, 2021. С. 57–90.

Погребняк А.И. Педагогическая, просветительная и воспитательная деятельность В.А. Баландиной // XX Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «Великая Победа: наследие и наследники»: мат-лы и доклады межрегион. науч.-практ. конф. Красноярск, 2020. С. 62–85.

Поздеева Н.В. Кытмановы: истории из жизни енисейского купеческого рода // IX Краеведческие чтения: Енисейская губерния: лица истории: сб. мат-лов. Красноярск, 2022. С. 256–262.

Рабинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск: Кларетианум, 2002. 240 с.

Рабинович Г.Х. Из истории золотопромышленности Енисейской губернии // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 1. С. 67–68.

Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск: Изд-во Томского университета, 1975. 327 с.

Сибирь многонациональная. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 24–25 октября 2018 г. Красноярск: Резонанс, 2018. 256 с.

Спожакина Т. Золотое сердце Сибири. Кн. 1. Красноярск: Горница, 2002. 352 с.

Справочная книга для золотопромышленников, издаваемая Восточно-Сибирским Отделением Русского Технического Общества. Вып. 2 / под ред. Н.И. Сурина, Столоначальника Горного Отделения Главного Управления Восточной Сибири. Иркутск: Типография Синицына, 1871. Титульный лист.

Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб.: Типография Конрада Вингебера, 1835. 364 с.

Тихонов Т.И. Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. СПб.: Типография Альтшулера, 1905. № 1. IV, 384 с.

Komleva E.V. The dynasty of the Yeniseysk merchants Kobychevs: formation, entrepreneurship, participation in public life // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. № 13 (7). P. 1144–1152.

References

Aksyonova, A.A., Gonina, N.V., Dvoretskaya, A.P., Terskova, A.A. (2019). *Mir kul'tury Yeniseyska vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: slovar' osnovnykh kharakteristik, ponyatiy i personaliy (k 400-letiyu Yeniseyska)* [The World of Culture of Yeniseysk in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: A Dictionary of Main Characteristics, Concepts and Personalities (For the 400th Anniversary of Yeniseysk)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet. 538 p.

Belkovskiy, G.A. (1905). *Russkoe zakonodatel'stvo o evreyakh Sibiri* [Russian Legislation on the Jews of Siberia]. St. Petersburg, "Tsentral'naya" tipo-litografiya M.Ya. Minkova. 160 p.

Bykonya, G.F., Komleva, E.V., Pogrebnyak, A.I. (2012). *Yeniseyskoe kupechestvo v litsakh (XVIII – nachalo XX v.)* [Yenisey Merchants in Persons (18th – Early 20th Century)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 316 p.

Dubnov, S.M. (1923). *Evrei v Rossii i Zapadnoy Evrope v epokhu antisemitskoy reaktsii* [Jews in Russia and Western Europe in the Era of Anti-Semitic Reaction]. Moscow, Petrograd, Izdatel'stvo L.D. Frenkel'. 388 p.

Galashova, N.B. (2006). *Evrei v Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachala XX vv*. [Jews in Tomsk Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy pisatel'. 241 p.

Gessen, Yu.I. (1911). *Zakon i zhizn'. Kak sozidalis' ogranichitel'nye zakony o zhitel'stve v Rossii* [Law and Life. How Restrictive Laws on Residence in Russia were Created]. St. Petersburg, tip. A.G. Rozena. 187 p.

Goncharov, Yu.M. (2013). *Evreyskie obshchiny Zapadnoy Sibiri (XIX – nachalo XX v.)* [Jewish Communities of Western Siberia (19th – Early 20th Centuries)]. Barnaul, AZBUKA. 174 p.

Groysman, A.G. (1995). *Evrei v Yakutii. Ch. I: Obshchina* [Jews in Yakutia. Part I: Community]. Yakutsk, Izdatel'stvo YaNTs SO RAN. 110 p.

Kal'mina, L.V. (2003). *Evreyskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (seredina XIX veka – fevral' 1917 g.)* [Jewish Communities of the East (Mid-19th Century – February 1917)]. Ulan-Ude, Izdatel'sko-poligraficheskiy kompleks VSGAKI. 422 p.

Kal'mina, L.V., Kuras, L.V. (1999). *Evreyskaya obshchina Zapadnogo Zabaykal'ya (60-e gody XIX veka – fevral' 1917 g.)* [Jewish Community of Western Transbaykalia (The 60s of the 19th Century – February 1917)]. Ulan-Ude, BNTS SO RAN. 172 p.

Kiskidosova, T.A. (2015). Natsional'no-konfessional'nyy sostav naseleniya Yeniseyska vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [National and Religious Composition of the Population of Yeniseysk in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Mezhetnicheskie i etnokonfessional'nye*

otnosheniya: problemy vzaimodeystviya. Materialy Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyaschennoy 130-letiyu so dnya rozhdeniya S.I. Rudenko. Ufa, pp. 256–262.

Kiskidosova, T.A. (2019). Metricheskie knigi evreyskoy sinagogi Yeniseyska kak istochnik po istorii gorodskogo naseleniya v kontse XIX – nachale XX veka [Parish Books of the Jewish Synagogue of Yeniseysk as a Source on the History of the Urban Population at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century]. In *Bibliografiya. Arkheografiya. Istochnikovedenie.* Moscow, St. Petersburg, pp. 201–206.

Kiskidosova, T.A. (2020). "Otlichalis' trezvost'yu, izvorotlivost'yu i energiey": regional'naya periodika o evreyskoy obshchine v gorodakh Yeniseyskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. ["They were Distinguished by Their Sobriety, Resourcefulness and Energy": Regional Periodicals about the Jewish Community in the Cities of the Yenisey Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Konfessional'nye i etnicheskie gruppy rossiyskikh regionov v XIX–XX vv.* Moscow. Vol. 2, pp. 184–193.

Kiskidosova, T.A. (2022). Svedeniya o gorodakh i gorodskom naselenii Vostochnoy Sibiri v 1850–1880-e gody: po materialam vsepoddanneyshikh otchetov general-gubernatorov [Information about the Cities and Urban Population of Eastern Siberia in the 1850–1880s: Based on Materials from the Most Comprehensive Reports of Governors General]. In *Gumanitarnyy vector.* Vol. 17, No. 3, pp. 109–118.

Komleva, E.V. (2006). *Yeniseyskoe kupechestvo v posledney chetverti XVIII – pervoy polovine XIX v.* [Yenisey Merchants in the Last Quarter of the 18th – First Half of the 19th Century]. Moscow, Academia. 381 p.

Komleva, E.V. (2012). Yeniseyskoe kupechestvo vtoroy poloviny XIX v. glazami sovremennikov: dnevnik N.V. Skornyakova [Yenisey Merchants of the Second Half of the 19th Century Through the Eyes of Contemporaries: The Diary of N.V. Skornyakov]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta.* Seriya: Istoriya, filologiya. Vol. 11, Iss. 1: Istoriya, pp. 55–59.

Komleva, E.V. (2015). Yeniseyskie kuptsy Khoroshevy: khozyaystvennaya deyatel'nost' i obraz zhizni [The Yenisey Merchants Khoroshevs: Economic Activity and Way of Life]. In *Sibirskiy gorod XVIII–XX vekov.* Irkutsk. Vol. 10, pp. 37–47.

Komleva, E.V. (2016). Informatsiya o yeniseyskikh kuptsakh Kytmanovykh v periodicheskoy pechati Vostochnoy Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Information about the Yenisey Merchants Kytmanovs in the Periodical Press of Eastern Siberia (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. In *Dukhovnaya kul'tura i obshchestvennaya mysl' Rossii v literaturnykh i istoricheskikh pamyatnikakh XVI–XXI vv. Arkheografiya i istochnikovedeniye Sibiri*. Iss. 35. Novosibirsk, pp. 158–170.

Komleva, E.V. (2016). Kuptsy Skornyakovy v istorii Yeniseyska (XVIII–XIX vv.) [Merchants Skornyakovs in the History of Yeniseysk (18th – 19th Centuries)]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* No. 3 (19), pp. 80–92.

Komleva, E.V. (2018). Dinastiya yeniseyskikh kuptsov Dement'evykh (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.) [Dynasty of Yenisey Merchants Dementievs (Second Half of the 18th – Beginning of the 20th Century)]. In *Istoricheskiy kur'yer.* No. 1, pp. 8–20. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-01.pdf (date of access 27.11.2023).

Komleva, E.V. (2020). The dynasty of the Yeniseysk merchants Kobychevs: formation, entrepreneurship, participation in public life. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* No. 13 (7), pp. 1144–1152.

Komleva, E.V. (2020). Yeniseyskaya kupecheskaya dinastiya Funtosovykh: vklad v osvoenie Sibiri (konets XVIII – XIX v.) [Yenisey Merchant Dynasty of the Funtosovs: Contribution to the Development of Siberia (Late 18th – 19th Centuries)]. In *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVIII – nachala XX v.* St. Petersburg, pp. 39–54.

Komleva, E.V. (2021). "…V serdtsakh lyudey, ego blizko znavshikh, imya ego ostanetsya": kuptsy Gryaznovy v istorii Yeniseyska ["…In the Hearts of People Who Knew Him Closely, His Name will Remain": The Gryaznov Merchants in the History of Yeniseysk]. In *Uchenye zapiski Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya im. N.M. Mart'yanova.* Minusinsk. Vol. 3, pp. 41–56.

Krivoshapkin, M.F. (1865). *Yeniseyskiy okrug i ego zhizn'* [Yenisey District and Its Life]. St. Petersburg, izdanie Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, na izhdivenii V.A. Kokoreva. 650 p.

Kytmanov, A.I. (2016). *Kratkaya letopis' Yeniseyskogo uezda i Turukhanskogo kraya Yeniseyskoy gubernii 1594–1893 god* [Brief Chronicle of the Yenisey District and Turukhansk Region of the Yenisey Province 1594–1893]. Krasnoyarsk, Sibirskiy federal'nyy universitet. 888 p.

Lapteva, M.A., Pozdeyeva, N.V., Ul'vert, A.V. (Eds.). (2019). *Yeniseysk v zapiskakh Mikhaila Prokop'yevicha Mindarovskogo* [Yeniseysk in the Notes of Mikhail Prokopyevich Mindarovsky]. Krasnoyarsk, Polikor. 512 p.

Latkin, N.V. (1892). *Yeniseyskaya guberniya, ee proshloe i nastoyashchee* [Yenisey Province, Its Past and Present]. St. Petersburg, Tipografiya i litografiya V.A. Tikhanova. 467 p.

Marks, M.O. (2021). *Zapiski starika* [Old Man's Notes]. St. Petersburg, Aleteyya. 306 p.

Nagaev, A.S. (1958). Zolotopromyshlennost' Vostochnoy Sibiri v 30–50-e gody XIX veka i ee vliyanie na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie kraya [Gold Mining in Eastern Siberia in the 30–50s of the 19th Century and Its Influence on the Socio-Economic Development of the Region]. In *Uchenye zapiski Yeniseyskogo pedagogicheskogo instituta*. Yeniseysk, pp. 3–121.

Orekhova, N.A., Kofman, Ya.M. (2009). Yevreyskie obshchiny na territorii Yeniseyskoy gubernii (XIX – nachalo 30-kh gg. XX vv.) [Jewish Communities on the Territory of the Yenisey Province 19th – Early 30s of the 20th Centuries)]. In *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'*. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy pisatel'. Vol. 5 (27). 328 p.

Ostrovskiy, Yu. (1911). *Sibirskie evrei* [Siberian Jews]. St. Petersburg, Tipografiya I. Lur'e i K°. 62 p.

Pestov, I. (1833). *Zapiski ob Yeniseyskoy gubernii Vostochnoy Sibiri, 1831 goda* [Notes on the Yenisey Province of Eastern Siberia, 1831]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 298 p.

Pogrebnyak, A.I. (2002). *Kuptsy-predprinimateli Yeniseyskoy gubernii: uchebnoe posobie* [Merchants-Entrepreneurs of the Yenisey Province: Textbook]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy gosudarstvennyy torgovo-ekonomicheskiy institut. 432 p.

Pogrebnyak, A.I. (2020). Pedagogicheskaya, prosvetitel'naya i vospitatel'naya deyatel'nost' V.A. Balandinoy [Pedagogical, Educational and Educational Activities of V.A. Balandina]. In *XX Krasnoyarskie kraevye Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya "Velikaya Pobeda: nasledie i nasledniki". Materialy i doklady mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Krasnoyarsk, pp. 62–85.

Pogrebnyak, A.I. (2021). Uchastie V.A. Balandinoy v razvitii prosveshcheniya i agrokul'tury Yeniseyskoy gubernii [Participation of V.A. Balandina in the Development of Education and Agriculture in the Yenisey Province]. In *Uchenye zapiski Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya im. N.M. Mart'yanova. Mezhregional'naya nauchno-prakticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem*. Minusinsk, pp. 57–90.

Pogrebnyak, A.I. (2021). Vklad V.A. Balandinoy v sistemu prosveshcheniya Yeniseyskoy gubernii [V.A. Balandina's Contribution into the Education System of the Yenisey Province]. In *Grishaevskie chteniya: materialy III natsional'noy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati Vasiliya Vasil'evicha Grishaeva*. Krasnoyarsk, pp. 107–120.

Pozdeeva, N.V. (2022). Kytmanovy: istorii iz zhizni eniseyskogo kupecheskogo roda [Kytmanovs: Stories from the Life of the Yenisey Merchant Family]. In *IX Kraevedcheskie chteniya: Yeniseyskaya guberniya: litsa istorii*. Krasnoyarsk, pp. 256–262.

Rabinovich, G.Kh. (1964). Iz istorii zolotopromyshlennosti Yeniseyskoy gubernii kontsa XIX v [From the History of Gold Mining in the Yenisey Province at the End of the 19th Century]. In *Voprosy istorii Sibiri*. Tomsk. Vol. 1, pp. 67–68.

Rabinovich, G.Kh. (1975). *Krupnaya burzhuaziya i monopolisticheskiy kapital v ekonomike Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv*. [The Big Bourgeoisie and Monopoly Capital in the Economy of Siberia at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries]. Tomsk, Izdatel'vo Tomskogo universiteta. 327 p.

Rabinovich, V.Yu. (2002). *Evrei dorevolyutsionnogo Irkutska: menyayushcheesya men'shinstvo v menyayushchemsya obshchestve* [Jews of Pre-Revolutionary Irkutsk: A Changing Minority in a Changing Society]. Krasnoyarsk, Klaretianum. 240 p.

Sibir' mnogonatsional'naya. Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma. Krasnoyarsk, 24–25 oktyabrya 2018 g. [Siberia the Multinational. Materials of the Siberian Historical Forum. Krasnoyarsk, October 24–25, 2018]. Krasnoyarsk, Rezonans. 256 p.

Spozhakina, T. (2002). *Zolotoe serdtse Sibiri* [Golden Heart of Siberia]. Krasnoyarsk, Gornitsa, b. 1. 352 p.

Stepanov, A.P. (1835). *Yeniseyskaya guberniya* [Yenisey Province]. St. Petersburg, Tipografiya Konrada Vingebera. 364 p.

Surin, N.I. (Ed.). (1871). *Spravochnaya kniga dlya zolotopromyshlennikov, izdavaemaya Vostochno-Sibirskim Otdeleniem Russkogo Tekhnicheskogo Obshchestva* [A Reference Book for Gold Miners, Published by the East Siberian Branch of the Russian Technical Society]. Irkutsk, Tipografiya Sinitsyna. Vol. 2, pp. 265–505.

Tikhonov, T.I. (1905). Sibirskie evrei, ikh prava i nuzhdy [Siberian Jews, Their Rights and Needs]. In *Sibirskie voprosy*. St. Petersburg, Tipografiya Al'tshulera. No. 1. 384 p.

Vilner, G.M. (2021). *Kak sibirskiy krest'yanin stal kuptsom pervoy gil'dii: avtobiograficheskie vospominaniya* [How a Siberian Peasant became a Merchant of the First Guild: Autobiographical Memoirs]. Minusinsk, MBUK "Minusinskiy regional'nyy kraevedcheskiy muzey imeni N.M. Mart'yanova". 120 p.

Voytinskiy, V.S., Gornshteyn, A.Ya. (1915). Evrei v Irkutske [Jews in Irkutsk]. Irkutsk, Tipolitografiya P.I. Makushina i V.M. Posokhina. 393 p.

О.А. Челпанова*

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ОСВОЕНИЮ РЕГИОНА ПРИЕНИСЕЙСКОЙ ТАЙГИ ЕНИСЕЙСКОГО КУПЦА И.Д. ЧЕРЕМНЫХ

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-15
УДК 94(47).081/94(98)+908(470+571)

Выходные данные для цитирования:
Челпанова О.А. Хозяйственная и золотопромышленная деятельность по освоению региона приенисейской тайги енисейского купца И.Д. Черемных // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 206–216. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-15.pdf

O.A. Chelpanova*

THE ECONOMIC AND GOLD MINING ACTIVITIES OF THE YENISEYSK MERCHANT IVAN DMITRIEVICH CHEREMNYKH IN TERMS OF YENISEY TAIGA REGION DEVELOPMENT

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-15

How to cite:
Chelpanova O.A. The Economic and Gold Mining Activities of the Yeniseysk Merchant Ivan Dmitrievich Cheremnykh in Terms of Yenisey Taiga Region Development // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 206–216. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-15.pdf]

Abstract. The article examines the entrepreneurship of a merchant Ivan Dmitrievich Cheremnykh, who lived in Yeniseysk in the second half of the 19th century, concerning the impact of his economic initiatives on the economy and infrastructure of the Yenisey taiga region. I.D. Cheremnykh first served as the manager of the mines of Viktor I. Bazilevskiy, and later he himself became one of the largest gold miners of the Yeniseysk province, whose activities attracted the attention and received an ambiguous assessment from contemporaries, and nowadays still remains a new field for research. The results of the analysis of archival documents that had not been previously involved by researchers are presented. In particular, they include the petitions of I.D. Cheremnykh addressed to Emperor Alexander II on the construction of a new road to the mines of the North Yenisei Mining District, correspondence with the Yenisey provincial surveyor on leasing graphite areas in the Turukhansk region, the case of the opening of gold mines. Despite the fact that the main activity of I.D. Cheremnykh was related to the gold industry, according to the information contained in the sources mentioned above, it can be concluded that the scope of his interests was much wider and included, among other things, the development of merchant shipping and graphite deposits. The economic transformations he undertook have always been aimed at modernizing and optimizing the technology of extraction and sale of minerals, and intensifying the work of mines. The biography of Ivan Dmitrievich Cheremnykh is a vivid example of a birth of an independent entrepreneur from a mining employee.

Keywords: Siberian merchants, Yeniseysk, Ivan Dmitrievich Cheremnykh, entrepreneurship, mining, gold industry.

The article has been received by the editor on 31.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Ольга Александровна Челпанова,** научный сотрудник, Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А.И. Кытманова, Енисейск, Россия, e-mail: frgtt10@yandex.ru
Olga Alexandrovna Chelpanova, Research Assistant, Yeniseysk Historical and Architectural Museum-Reserve named after A.I. Kytmanov, Yeniseysk, Russia, e-mail: frgtt10@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрено предпринимательство купца Ивана Дмитриевича Черемных, проживавшего в Енисейске во второй половине XIX в., с точки зрения влияния его хозяйственных инициатив на экономику и инфраструктуру региона приенисейской тайги. И.Д. Черемных сначала служил управляющим приисками Виктора Ивановича Базилевского, а впоследствии сам стал одним из крупнейших золотопромышленников Енисейской губернии, чья деятельность привлекала внимание, получала неоднозначную оценку современников и в наши дни все еще остается новым полем для изучения. Представлены результаты анализа ранее не привлекавшихся исследователями архивных документов: в частности, прошения И.Д. Черемных на имя императора Александра II о строительстве новой дороги на прииски Северо-Енисейского горного округа, переписка с енисейским губернским землемером о сдаче в аренду графитных местностей в Туруханском крае, дела об открытии золотоносных приисков. Несмотря на то, что основная деятельность И.Д. Черемных была связана с золотопромышленностью, по информации, содержащейся в вышеупомянутых источниках, можно заключить, что сфера его интересов отличалась куда большей широтой и включала, в том числе, развитие торгового пароходства, разработку графитовых месторождений. Предпринимавшиеся им хозяйственные преобразования всегда были направлены на модернизацию и оптимизацию технологии добычи и реализации полезных ископаемых, на интенсификацию работы приисков. Биография Ивана Дмитриевича Черемных – яркий пример рождения самостоятельного предпринимателя из приискового служащего.

Ключевые слова: сибирское купечество, Енисейск, Иван Дмитриевич Черемных, предпринимательство, разработка полезных ископаемых, золотопромышленность.

Статья поступила в редакцию 31.10.2023 г.

Открытие богатейших золотых россыпей на территории Енисейской губернии относится к важнейшим событиям в ее истории, кардинально повлиявшим не только на уклад жизни местного населения, но и на экономические и социальные процессы в стране в целом. Дореволюционная частная золотопромышленность в Сибири характеризовалась социальными механизмами, при которых наиболее предприимчивые могли добиться большого успеха, однако так же быстро они могли и потерять все нажитое, и одновременно консерватизмом в приемах золотодобычи, эксплуатации природных и людских ресурсов. Среди тех, кто постоянно стремился к усовершенствованию данной отрасли и освоению различных других хозяйственных областей, можно отметить енисейского купца Ивана Дмитриевича Черемных. Несмотря на его значительный вклад в развитие экономики территории в среднем и нижнем течении Енисея, его биография до сих пор малоизучена (наиболее обстоятельная статья о нем приведена в словаре «Мир культуры Енисейска»[1]). Между тем она представляет яркий пример рождения самостоятельного крупного предпринимателя из приискового служащего, раскрывая личностные качества и приемы ведения хозяйства, необходимые для достижения успеха в сложных условиях Севера. Цель данной статьи – представить реконструкцию жизненного пути И.Д. Черемных на основе ранее не использовавшихся исследователями архивных источников (материалов массового учета населения, делопроизводственной документации и др.), обращение к которым позволяет пролить свет на детали его биографии, уточнить датировку строительства транспортных коммуникаций, связывавших золотоносные прииски приенисейской тайги с «большой землей».

[1] *Аксёнова А.В., Гонина Н.В., Дворецкая А.П., Терскова А.А.* Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска). Красноярск, 2019. С. 454–457.

Точных сведений о происхождении Ивана Дмитриевича и его семьи довольно мало. В обывательской книге по Красноярску за 1847–1850 гг. содержится запись, которая может указывать на родителей Ивана Дмитриевича. Из документа следует, что 14 октября 1847 г. Дмитрий Васильевич Черемных и его жена Татьяна Андреевна, обоим по 27 лет, приобрели дом у енисейского мещанина Андрея Максимовича Алексеева по Гостинской улице. Также отмечено, что Дмитрий Васильевич занимался письмоводительством. Однако среди детей этой пары значится только двухлетняя дочь Анна[2].

Рис. 1. Иван Дмитриевич Черемных. (Фото из фондов Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника)

Что касается даты рождения Ивана Дмитриевича Черемных, то в литературе можно встретить упоминание о 1860 г.[3] Однако это противоречит данным о том, что уже в 1872 г. он служил управляющим на приисках В.И. Базилевского[4]. Кроме того, у А.И. Кытманова в «Краткой летописи» содержится следующий, относящийся к 1879 г. фрагмент о И.Д. Черемных: «Весьма кстати Виктор Базилевский выстроил в Енисейске паровую пильную машину»; внизу же приведена сноска: «По словам И.Д. Черемных»[5]. Можно сделать вывод, что уже тогда Черемных занимался золотопромышленной деятельностью.

В «Именной ведомости о купцах, их семействах, состоящих из мужского и женского пола и о числе объявленных капиталов по городу Енисейску на 1881 год» Иван Дмитриевич вместе с женой Афанасией Савельевной указаны как происходившие «из красноярских мещан» с пометкой «вновь вступившие» (по-видимому, во 2-ю гильдию купечества). При этом ничего не говорится о детях, родителях, братьях, сестрах, племянниках или иных родственниках, входивших в состав семьи Черемных[6]. В «Именной ведомости о купцах, их семьях и капитале по Енисейской губернии за 1886 год» И.Д. Черемных и его супруга Афанасия Савельевна вновь встречаются как единственные представители состоявшего во 2-й гильдии Енисейска семейства и вновь повторяется, что они «из красноярских мещан»[7]. В «Сведениях о купцах, их семьях, проживающих в Енисейской губернии, и капитале на 1890 год» мы также встречаем имя Ивана Дмитриевича Черемных, и на этот раз в составе его семьи, помимо супруги Афанасии Савельевны, записан также усыновленный воспитанник Василий[8].

Действительно, по имеющимся данным, у Ивана Дмитриевича не было родных детей, чему мы находим подтверждение в деле, находящемся на хранении в Государственном архиве Красноярского края, – «Об усыновлении купцом Черемных воспитанника Василия Сергеева». В донесении енисейскому губернатору от 15 января 1885 г. сказано: «а) что казанская мещанка Екатерина Петрова Селезнева незаконнорожденного малолетнего сына своего Василия Сергеева отдала на воспитание и изъявила желание на усыновление его енисейскому 2-й гильдии купцу Ивану Дмитриевичу Черемных <…>, в) по метрической выписке значится, что Василий родился 2 и крещен 9 марта 1876 [года]»[9]. В находящемся в этом же

[2] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 244. Оп. 1. Д. 16. Л. 167.
[3] *Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И.* Енисейское купечество в лицах XVIII – начало XX в. Новосибирск, 2012. С. 278.
[4] *Ромашков Ю.В.* Обычная история необычного купца // День и ночь. 2020. № 1. С. 8.
[5] *Кытманов А.И.* Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год. Красноярск, 2016. С. 460.
[6] ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 730. Л. 92.
[7] Там же. Д. 962. Л. 86.
[8] Там же. Д. 1043. Л. 83.
[9] Там же. Ф. 595. Оп. 17. Д. 3471. Л. 15.

деле указе Его Императорского Величества от 23 октября 1886 г. читаем: «Иван Дмитриевич Черемных, ходатайствующий об усыновлении ему воспитанника его, сына казанской мещанки Екатерины Петровой Селезневой Василия, означенного в метрической выписке Спасской приисковой походной церкви северной части Енисейского округа от 5 июня 1878 года за № 133, собственных детей не имеет и что все установленные ст[атьями] 152, 153, 154 Т. X ч. I Св[ода] зак[онов] гражд[анских] изд[ания] 1857 г. и ст[атьей] 151 и примеч[аниями] к ст[атье] 153 тех же законов по 1876 г. правила об усыновлении купцами их воспитанников в данном случае соблюдены. Правительствующий Сенат определяет: разрешить привести в исполнение постановление Енисейского городского суда относительно усыновления просителю, купцу Черемных, вышеозначенного Василия. Октября 23 дня 1886 года». Таким образом, на момент усыновления Василию было 10 лет[10]. В фондах Енисейского музея-заповедника хранится фотография, подписанная на обороте: «От А.С. Михайловой. Едет А.С. Черемных. Поездка на прииске». Предположительно, мы видим на фотографию семью Черемных с маленьким сыном Василием (рис. 2).

Рис. 2. Едет А.С. Черемных. Поездка на прииске
(Фото из фондов Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника)

Перейдем к золотопромышленной деятельности И.Д. Черемных. Большой знаток сибирской золотопромышленности, горный инженер Л.Я. Ячевский отмечал: «Первыми золотопромышленниками в северной тайге были не сибиряки, а люди, пришедшие с Урала и из Петербурга»[11]. Крупными золотопромышленниками были, в том числе, Базилевские[12]. Начинал Иван Дмитриевич как управляющий на приисках одного из богатейших людей Российской империи Виктора Ивановича Базилевского. Как писали в периодике, «неизвестно, где кончается г. Базилевский и начинается г. Черемных»[13].

У Александра Игнатьевича Кытманова в «Краткой летописи» находим: «В Северной тайге более третьей части приисков разрабатывались золотничными рабочими; главными золотопромышленниками, разрабатывавшими прииски общими работами, были: И. Кытманов, Востротины, Баландин и В. Базилевский»[14]. За 1878 г. там же встречается весьма интересное упоминание об интересующем нас купце: «Наиболее крупная добыча золота

[10] ГАКК. Ф. 595. Оп. 17. Д. 3471. Л. 19.
[11] *Смирнов В.В.* Золото Сибири: Исторические очерки о людях, добывающих золото в сибирской тайге. Красноярск, 2011. С. 216.
[12] *Комлева Е.В.* Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). М., 2006. С. 216.
[13] Сибирский листок. 1886. № 35. С. 9 // Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник (ЕКМ). ОФ. 3486.
[14] *Кытманов А.И.* Краткая летопись Енисейского уезда… С. 535.

была на прииске Базилевского Татьянинском по Енашимо – 10 п[удов] 5 ф[унтов]. Прииском управлял известный впоследствии приисковый деятель Иван Дмитриевич Черемных. Получив образование в уездном училище, он попал на приисках в среду образованных поляков, много читал и был очень развитым человеком, природный ум помог ему еще более выдвинуться. Вскоре же после получения важного места уполномоченного он не удовлетворился рутинной техникой золотого дела местной тайги и быстро переходил к разным новым техническим и хозяйственным нововведениям. К сожалению, недостаток технических знаний и увлекающийся характер вовлекали его много раз в крупные ошибки»[15]. При этом А.И. Кытманов сравнивает деятельность других управляющих приисками с деловой активностью Черемных, делая вывод, что «Харченко, <…> Комягин, Старцев <…> были люди, хорошо знавшие местную технику, хозяйственную обстановку приисков, но ничего нового не вносили в дело»[16]. В.М. Харченко впоследствии сам станет крупным золотопромышленником, таким же путем пойдет и И.Д. Черемных.

В периодике тех лет Черемных упоминается неоднократно. Причем деятельность его вызывала острую полемику. Например, в статье из «Сибирского листка» за 1886 г., № 35, встречается статья на тему золоторудного дела. В ней обсуждается статья некоего Шибких, опубликованная в № 45 «Сибирского Вестника». Шибких критикует И.Д. Черемных и инженера Лаговского за неумелость в разработке рудного дела и падение золотодобычи на вверенных им приисках Базилевского. Однако автор ответной статьи вступает на защиту Черемных: «…чувствуется, что кроме неумелости Черемных есть еще что-то, и это что-то следовало Шибких объяснить <…> вследствие чего общество могло бы знать, с кем оно имеет дело в лице Черемных: с енисейским Рыковым или просто с человеком, который взялся не за свое дело?»[17]

В разное время И.Д. Черемных управлял приисками и заявлял права на их разработку: имел пай в компании с В.И. Базилевским и В.А. Ротьковым-Рожновым при разработке Александровского прииска в Южно-Енисейском горном округе (это прииск давал 8 пудов золота в год), владел на паях Иеремеевским (такое написание указано в источниках) прииском с добычей 5 пудов золота в год[18].

В «Отчете по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Южной части Енисейского округа» содержится описание работы Александровского прииска за десятилетие с 1885 по 1895 г., где указано, что с переходом прииска в аренду к Базилевскому, Ратькову-Рожнову и позже присоединившемуся Черемных «размер работы был сильно увеличен, причем как производительность, так и среднее содержание золота оказалось весьма значительным <…> было намыто 63 пуда 38 фунт[ов] 75 зол[отников]»[19]. Там же встречаются сведения о проведенных работах по разведке жильного золота на Иеремеевском и Покровском приисках[20]. Иеремеевский прииск был арендован «от г. Шанявского», Покровский приобретен в собственность «от г. Гуляева» в 1884 г. По сведениям из «Отчета», до этого времени предпринималась лишь одна попытка разведки на этих местностях компанией Иваницкого, и оба прииска считались, по общему мнению, «не заслуживающими разработки». После 1894 г. они «были арендованы енисейским купцом И.Д. Черемных, поставившим на них работы в большом масштабе, и дело это стало сразу одним из самых крупных в тайге»[21].

Согласно А.И. Кытманову, в 1878 г. И.Д. Черемных управлял Татьянинским прииском, открыв там в 1882 г. месторождения жильного золота («Черемных во время работ Татьянинскаго прииска открыл кварцевые золотоносные жилы»), что способствовало расширению

[15] *Кытманов А.И.* Краткая летопись Енисейского уезда… С. 536.
[16] Там же. С. 537.
[17] Сибирский листок. 1886. № 35. С. 9 // ЕКМ. ОФ. 3486.
[18] *Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И.* Енисейское купечество в лицах… С. 278.
[19] Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Южной части Енисейского округа. СПб., 1899. С. 299.
[20] Там же. С. 86.
[21] Отчет по статистико-экономическому… С. 137.

промысла[22]. К сожалению, по сведениям «Краткой летописи», в 1883 г. случился крупный пожар, во время которого на Татьянинском прииске сгорели золотопромывательная и паровая машина вместе с пескоподъемником[23]. Это способствовало падению добычи золота и увеличению долгов компании.

Как отмечали в периодической прессе того времени, И.Д. Черемных одним из первых открыл кварцевые золотоносные жилы на северных промыслах тайги. «Два года тому назад один из управляющих Базилевского, Черемных при пробивке штрека (возле Николаевского прииска Бенардаки по р. Енашимо) наткнулся на кварцевые жилы, которые по исследованию оказались содержащими в себе золото. Это дало повод Ч-х заняться разведкою некоторых местностей <…> не останавливаясь перед ехидными насмешками и глумлением со стороны просвещенных золотопромышленников, Черемных послал разведочные партии в обе тайги захватывать горы и увалы под жильное золото, вместе с этим <…> Черемных в течение года выстроил на северных промыслах машину, а к концу ноября уже начал добычу жильного золота, которого получено в первые три дня промывки 90 золотников». Далее отмечалось, что в последнее десятилетие гора Ольгинская, доставившая в долины Севагликон и Актолик более десятка тысяч пудов золота, практически никого до И.Д. Черемных не интересовала[24].

Подтверждение открытиям Ивана Дмитриевича находим в «Отчете по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Южной части Енисейского округа»: «Разработка жильного золота в южной части Енисейского округа ограничивалась до сих пор только попытками, но и то весьма слабыми <…> почти все заявки [на прииски. – *О. А.*] не повели за собою даже разведочных работ, за исключением только двух местностей, а именно – у Асташева на р. Талой и у покойнаго И.Д. Черемных, на увале между речкой правой вершиной Большой Мурожной и р. Боровой». Разведочные работы на жильное золото на прииске Черемных названы «наиболее значительными», однако отмечается, что разведка производилась несовершенно, без использования оборудования, и планов приисков и расположения кварцевых жил не сохранилось[25].

Среди отведенных еще при жизни И.Д. Черемных перечислены прииски: «Золотая заноза, Эйфель, Св. Владимир, Горный дух, Буланже, где, однако же, после его смерти разведочных работ практически не производилось»[26] (рис. 3).

Рис. 3. Новомариинский прииск И.Д. Черемных
(Фото из фондов Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника)

[22] *Кытманов А.И.* Краткая летопись Енисейского уезда… С. 536, 568.
[23] Там же. С. 569.
[24] Сибирская газета. 1884. № 52. С. 1 // ЕКМ. ОФ. 3489.
[25] Отчет по статистико-экономическому… С. 397, 407.
[26] Там же. С. 411.

В 1886 г. начинается разработка рудника «Эльдорадо», и пробы кварцевых жил дают содержание в 10 золотников. Как отмечал А.И. Кытманов, «Черемных торопился в постройке завода, который строился на Вангаше, и руда должна была отвозиться туда с рудника “Эльдорадо”. <…> Работа кипела, и каждый посещавший тайгу стремился на прииски, управляемые Черемных, чтобы посмотреть на новинки. А их было везде много. Так, на заводе “Заря” действовала турбина, делавшая 200 оборотов в минуту»[27]. В 1887 г. разработка рудного золота на руднике прекратится и шахта завода «Рассвет» (именно так – в одном случае «Заря», в другом «Рассвет» – указано у А.И. Кытманова) будет затоплена. В последующие годы предприятие продолжит свою работу, но добыча золота будет невысокой[28].

В марте 1891 г. И.Д. Черемных добился отвода прииска Ильинского на р. Таврикуль в Северной системе Енисейского округа[29]. В июне 1893 г. ему был отведен прииск «Заря» по Березовому ключу – в фондах Государственного архива Красноярского края отложились документы о разведывательной партии и о сделанном ею открытии золота в данной местности[30]. В 1895 г. И.Д. Черемных получил прииск «Затруднительный», предварительная разведка которого была проведена еще при жизни купца[31].

Супруга Ивана Дмитриевича Афанасия Савельевна также участвовала в делах мужа. Как писала Е.В. Комлева, «нередко купеческая жена помогала мужу вести коммерцию, а при отлучках супруга часто принимала на себя часть его обязанностей по ведению хозяйственных и торговых дел, сообщая ему в письмах подробности и прося советов»[32]. Афанасия Савельевна владела приисками и при жизни мужа, и после его смерти. В 1890 г. ей был отведен прииск «Счастливый», в 1891 г. – рудник «Плато»[33], в 1893 г. – прииск на р. Огне и прииск «Чикаго»[34].

В деле об отводе прииска «Счастливого» содержится телеграмма из Санкт-Петербурга от 1889 г. с уведомлением о принятии отвода прииска от доверителя В.И. Базилевского, где адресатами указаны Иван Дмитриевич и Афанасия Савельевна Черемных. Однако в этом же деле есть и копия письма Афанасии Савельевны к мужу, где она просит его избавить ее от непосильного труда и, не спрашивая особого разрешения, в отношении всех ее приисков распоряжаться ими по собственному его усмотрению[35].

В отчете за 1899 г. компания наследников И.Д. Черемных указана на третьем месте: «фирмы крупные», с добычей золота свыше 12 пудов. Интересно, что фамилия Базилевского занимает последнюю строчку в списке «фирм мелких» без указания объема добычи. Кроме того, по технико-хозяйственным показателям компания наследников И.Д. Черемных занимала третье место после Асташева и наследников Переплетчикова и Яковлева[36], что может свидетельствовать о достаточном техническом оснащении и совершенствовании способов добычи золота на приисках, которыми еще при жизни управлял сам И.Д. Черемных.

В статье, опубликованной в «Вестнике золотопромышленности и горного дела» в 1896 г. за авторством И. Азначевского, обращается внимание на состояние золоторудного дела в северном и южных горных округах Енисейской губернии. Автор отмечал, что «золотопромышленники не идут дальше перемывки старых отвалов, несмотря на то, что месторождения кварцевого золота находятся вблизи разведанных россыпей». Причины он находил в следующем: незнакомство с рудным делом, отсутствие предприимчивости, недоверчивое отношение ко всякому нововведению; огромную роль играло отсутствие соответствующей

[27] *Кытманов А.И.* Краткая летопись Енисейского уезда… С. 611.
[28] Там же. С. 621, 664.
[29] ГАКК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 44. Л. 3–28.
[30] Там же. Д. 216. Л. 1–35.
[31] Там же. Д. 204. Л. 4–6, 8.
[32] *Комлева Е.В.* Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX век). Новосибирск, 2018. С. 132.
[33] ГАКК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 38. Л. 32–35.
[34] Там же. Д. 217. Л. 30–32.
[35] Там же. Д. 45. Л. 1–50.
[36] Отчет по статистико-экономическому… С. 430, 432.

инфраструктуры[37]. Там же встречается упоминание о заводе «Эльдорадо»: «Рудник требовал более детальной разведки, согласно которой последующие работы велись бы иначе, однако это обстоятельство было упущено из виду. Завод после двух лет был закрыт»[38].

Действительно, золотодобыча россыпным способом пришла ко времени 60–80-х гг. XIX в. в упадок и требовала значительной модернизации. Думается, что при всем сделанном И.Д. Черемных, несмотря на все неудачи, новые методы разработки рудного золота были хотя бы частично внедрены в практику золотодобычи и внедрялись бы дальше, если бы не его кончина в 1894 г.[39]

Управленческая деятельность И.Д. Черемных была связана с улучшением инфраструктуры и коммуникаций, поскольку он видел в этом ключевой фактор улучшения экономических показателей золотодобывающей отрасли. Надо сказать, что дороги на прииски были всеобщей зоной ответственности местных золотопромышленников. А.И. Кытманов пишет: «Несмотря на то, что дела Северной тайги падали, число рабочих уменьшалось и удовлетворение общих нужд промышленников становилось все труднее и дороже даже при общем участии всей тайги в содержании дороги, почты и проч., Черемных решил один перейти на Старонифантьевскую дорогу. Чтобы избежать пути по Питу на протяжении двух станков, затруднительном и летом вследствие отвесных местами скал, падающих в реку, и зимой вследствие наледи на реке, Черемных устраивал новую просеку для дороги от Сухого Пита до Ведуги, минуя р. Пит. На дороге пришлось вновь устраивать зимовья. Черемных приглашал всех золотопромышленников перейти на новую дорогу, но никто не согласился, а в конце концов и сам Черемных, несмотря на большие затраты на дорогу, отказался от нее»[40]. Это упоминание относится к 1882 г.

В деле «Прошение управляющего золотыми промыслами Базилевского и купца Черемных о строительстве дороги на золотые прииски» из фондов Государственного архива Красноярского края мы находим более ранний документ от декабря 1880 г. – оригинал письменного прошения И.Д. Черемных к императору Александру II Николаевичу. И.Д. Черемных пишет: «Старо-Нифантьевская дорога, ведущая на золотые промыслы Северной части Енисейского округа от Сухого Пита до зимовья Вегоду, не представляет удобства для дел управляемых мною промыслов; я счел удобным и полезным для золотопромышленных дел моего Доверителя провести <…> назначенными пунктами новую и прямую дорогу на расстоянии 80-ти верст. Местность, по которой имеет быть проведена дорога, глухая и таежная и не представляет никаких угодий, и я желал бы взять пространство 80-ти верст с 5 саженей широтою в оброк с торгов с платой 10 ¼ копеек за десятину в год на 24 года…»[41]. Можно сделать вывод, что Иван Дмитриевич хотел устроить новую дорогу на промыслы, не относившуюся к Старо-Нифантьевской или Ново-Нифантьевской, чему встречается подтверждение и в других документах. В том же деле содержится «Список с заключения Енисейского губернского совета от 30 апреля». В деле указано, что в прошении Ивану Дмитриевичу было отказано: «…Совет показал: в просьбе управляющему Базилевского купцу Черемных к отдаче ему упоминаемой местности <…> отказать»[42].

В более позднем деле об усовершенствовании Старо-Нифантьевского тракта 1882 г. содержится заявление И.Д. Черемных к горному исправнику северной части Енисейского округа от 12 октября 1882 г., в котором указывается на строительство дороги, описано запущенное состояние Ново-Нифантьевской и Старо-Нифантьевской дорог. Отсюда И.Д. Черемных заключает: «Сознавая невозможность пользования при настоящих условиях дорогой Новонифантьевской и в то же время зная неудобство Старонифантьевской, я решился отыскать, пользуясь Старонифантьевской дорогой, такой путь, которым можно было бы обойти

[37] Вестник золотопромышленности. 1896. № 8. С. 22 // ЕКМ. ОФ 3490.
[38] Там же.
[39] *О-ун-дар К.У.* Золотопромышленность Енисейской губернии с 1832 по 1917 год: дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2003. С. 35.
[40] *Кытманов А.И.* Краткая летопись Енисейского уезда… С. 569.
[41] ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 650. Л. 9.
[42] Там же. Ф. 595. Оп. 19. Д. 1597. Л. 13.

означенные выше два неудобных станка [по берегу р. Большой Пит. – *О. А.*]. Путь этот нашелся. Идет он частично по старой Зотовской просеке, от зимовья Вегуда до Зимовья Сухого Пита, по бестопной и во всех отношениях удобной местности, на расстоянии 85 верст. <…> Но так как провести на этом расстоянии хорошую экипажную дорогу золотопромышленники <…> Исправник Лукьянов, опасаясь, вероятно, преувеличенных затрат на нее, ответили отказом, то я <…> изъявляю желание на ее проведение один, за счет моего доверителя с личною ответственностью». Впоследствии предполагалось брать оплату за прохождение по новой дороге[43].

Однако, как и многие другие смелые инициативы некоторых купцов, не найдя по разным причинам поддержки со стороны властей, проект строительства новой дороги со временем был оставлен или же реализован частично. К сожалению, пока не удалось обнаружить ни карты, ни плана будущей дороги, встречаются только географические наименования, и этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Еще одна важнейшая задача была связана со снабжением приисков, в том числе продовольствием. Иван Дмитриевич первым решился на сельскохозяйственный эксперимент по возделыванию культур на приисках. По упоминанию А.И. Кытманова, И.Д. Черемных «пытался сеять на приисках овес, но и эти опыты не привели ни к чему»[44].

Кроме добычи золота, И.Д. Черемных «еще в 1889 г. обратил свое внимание на залежи графита в Туруханском крае, став своего рода преемником известного купца М.К. Сидорова. В 1891 г. им было добыто несколько десятков тысяч пудов по р. Троицкая Тунгуска (совр. р. Нижняя Тунгуска)»[45], а в 1892 г. он получил местности, отведенные в 1863 г. М.К. Сидорову, в частности: «графитные – Ольго-Васильевский и каменноугольные – Рубикон, Преображенский, Неразведанный, Венедиктовский, брусоточильных рудников того же Сидорова – Ментуйского, Аммосовского, Аннокит, Николаевского и Подпорожного»[46]. В справке от 24 марта 1892 г. указано, что в казенной палате «планов на [вышеуказанные] графитные и каменно-угольные прииски не имеется», таким образом, изучить на данный момент их не удалось[47].

И.Д. Черемных проявил предпринимательский интерес и к добыче слюды: «Предприимчивый купец решает организовать ее добычу, отправив своего приказчика И. Азначевского с разведывательной партией на приток Ангары реку Тасееву, которая еще с XVII в. была известна своими месторождениями этого минерала»[48]. Однако о добыче слюды предприятием Черемных нет конкретных архивных сведений[49]. Сохранились только данные об отказе ему в выдаче разрешения на разработку месторождений слюды, находившихся в пользовании крестьян Кондаковского общества.

Таким образом, Иван Дмитриевич при добыче полезных ископаемых не ограничивался золотом, но, видя перспективу развития торговли, в том числе с западноевропейскими странами, стремился разрабатывать различные месторождения, усовершенствовать инфраструктурную сеть, тем самым внося свою лепту в освоение труднодоступных и малонаселенных северных районов Сибири.

И.Д. Черемных стал одним из активных жертвователей Енисейского краеведческого музея в начальный период его существования. В одной из первых инвентарных книг приведен список предметов (множество различных пород, кварц с золотом, торф, золото, добытое химическим путем, четыре гусеницы бабочек), собранных им в разных местах и переданных музею. Встречаются и модели переданных И.Д. Черемных технических сооружений и инструментов: так, в год основания музея (1883) он передал для экспонирования модель золотопромывальной машины, позже – модель прибора для улавливания

[43] ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 1597. Л. 2–4.
[44] *Кытманов А.И.* Краткая летопись Енисейского уезда… С. 569.
[45] *Ромашков Ю.В.* Обычная история необычного купца… С. 14.
[46] ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1069. Л. 3, 9.
[47] Там же. Л. 12.
[48] *Смирнов В.В.* Золото Сибири… С. 57.
[49] ГАКК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 204.

золота. Иван Дмитриевич подарил музею и фотографии – «Альбом с видами приисков и рудников товарищества Базилевского и Ратькова-Рожнова» с собственным автографом.

В заключение мы обратимся к рукописной биографии В.И. Базилевского, хранящейся в фондах Енисейского музея-заповедника, в которой упоминается Иван Дмитриевич: «Благодаря энергии И.Д. Черемных открыто месторождение как в Северной, в вершинах Севогликона, так и в Южной [системах]. Добыто несколько пудов золота, но со смертью Черемных это дело заглохло – хотя будущее его несомненно. Конечно, развитие золотого рудного дела еще впереди, когда железные заводы и механические мастерские укрепятся в Сибири»[50]. На протяжении всей своей жизни Иван Дмитриевич проявил себя как инициативный предприниматель, выделяясь на фоне местных золотопромышленников, что отмечали и современники. Его дело продолжало жить и после его смерти – так, в «Списке главнейших русских золотопромышленных компаний и фирм по официальным данным» за 1897 г. встречаем три компании, в учреждении и деятельности которых участвовал И.Д. Черемных[51].

Таким образом, благодаря своему природному уму и трудолюбию Иван Дмитриевич Черемных смог выдвинуть ряд проектов по освоению Приенисейского края, став одним из крупнейших в регионе предпринимателей (хотя до конца жизни он оставался во 2-й гильдии, в 1-ю же гильдию никогда не входил). Хозяйственная деятельность купца, связанная по преимуществу с добывающей промышленностью, способствовала развитию и освоению северо-енисейской тайги во второй половине XIX в.

Литература

Аксёнова А.В., Гонина Н.В., Дворецкая А.П., Терскова А.А. Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска). Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2019. 538 с.

Бисарнов М. Список главнейших русских золотопромышленных компаний и фирм по официальным данным. Изд. 2. СПб.: Типография Евдокимова, 1879. 333 с.

Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.

Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). М.: Academia, 2006. 384 с.

Комлева Е.В. Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX век). Новосибирск: Параллель, 2018. 398 с.

Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 888 с.

О-ун-дар К.У. Золотопромышленность Енисейской губернии с 1832 по 1917 год: дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2003. 284 с.

Ромашков Ю.В. Обычная история необычного купца // День и ночь. 2020. № 1. С. 7–17.

Смирнов В.В. Золото Сибири: Исторические очерки о людях, добывающих золото в сибирской тайге. Красноярск: РАСТР, 2011. 300 с.

Тове Л.Л., Горбачев М.Ф. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Южной части Енисейского округа. СПб.: Типография Л. Смольянинова, 1899. XVI, 480, XIII с.

References

Aksyonova, A.A., Gonina, N.V., Dvoretskaya, A.P., Terskova, A.A. (2019). *Mir kul'tury Yeniseyska vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: slovar' osnovnykh kharakteristik, ponyatiy i personaliy (k 400-letiyu Yeniseyska)* [The World of Culture of Yeniseisk in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: A Dictionary of Main Characteristics, Concepts and Personalities (for

[50] ЕКМ. ОФ. 3065.

[51] *Бисарнов М.* Список главнейших русских золотопромышленных компаний и фирм по официальным данным. Изд. 2. СПб., 1879. С. 332.

the 400th Anniversary of Yeniseysk)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet. 538 p.

Bisarnov, M. (1879). *Spisok glavneyshikh russkikh zolotopromyshlennykh kompaniy i firm po ofitsial'nym dannym* [The List of The Most Important Russian Gold Mining Companies and Firms According to Official Data]. St. Petersburg, Tipographiya Evdokimova. 333 p.

Bykonya, G.F., Komleva, E.V., Pogrebnyak, A.I. (2012). *Yeniseyskoe kupechestvo v litsakh (XVIII – nachalo XX v.)* [The Yeniseysk Merchants in Persons (18th – Early 20th Centuries)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 316 p.

Komleva, E.V. (2006). *Yeniseyskoe kupechestvo (poslednyaya chetvert' XVIII – pervaya polovina XIX veka).* [Yeniseysk Merchants (The Last Quarter of the 18th – First Half of the 19th Century)]. Moscow, Academia. 384 p.

Komleva, E.V. (2018). *Sibirskoe kupechestvo: vklad v khozyaystvennoe osvoenie i izuchenie Severo-Vostochnoy Evrazii (konets XVIII–XIX vek)* [Siberian Merchants: The Contribution to the Economic Development and Study of North-Eastern Eurasia (Late 18th – 19th Centuries)]. Novosibirsk, Parallel. 398 p.

Kytmanov, A.I. (2016). *Letopis' Yeniseyskogo uezda i Turukhanskogo kraya Yeniseyskoy gubernii 1594–1893 gg.* [The Chronicle of the Yenisey and Turukhansk Regions of the Yenisey Province in 1594–1893]. Krasnoyarsk, Sibirskiy federal'nyy universitet. 888 p.

O-un-dar, K.U. (2003). Zolotopromyshlennost' Yeniseyskoy gubernii s 1832 po 1917 god [The Gold Industry of the Yeniseysk Province from 1832 to 1917], Cand. hist. sci. diss. Krasnoyarsk. 284 p.

Romashkov, Yu.V. (2020). Obychnaya istoriya neobychnogo kuptsa [A Common Story of an Uncommon Merchant]. In *Den' i noch'*. No. 1, pp. 7–17.

Smirnov, V.V. (2011). *Zoloto Sibiri: Istoricheskiye ocherki o lyudyakh, dobyvayushchikh zoloto v sibirskoy tayge* [The Gold of Siberia: Historical Essays on People Mining Gold in the Siberian Taiga]. Krasnoyarsk, RASTR. 126 p.

Tove, L.L., Gorbachev, M.F. (1899). *Otchet po statistiko-ekonomicheskomu i tekhnicheskomu issledovaniyu zolotopromyshlennosti Yuzhnoy chasti Yeniseyskogo okruga* [Report on the Statistical, Economic and Technical Study of the Gold Industry in the Southern Part of the Yeniseysk District]. St. Petersburg, Tipografiya L.I. Smol'yaninova. XVI, 480, XIII p.

Н.В. Поздеева
Е.В. Комлева*

ЕНИСЕЙСКИЙ КУПЕЦ ИГНАТИЙ КЫТМАНОВ: ВЫБОР МЕЖДУ ЛИЧНЫМ И ОБЩЕСТВЕННЫМ

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-16
УДК 330.161+364.054(–05)

Выходные данные для цитирования:
Поздеева Н.В., Комлева Е.В. Енисейский купец Игнатий Кытманов: выбор между личным и общественным // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 217–225. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-16.pdf

N.V. Pozdeeva
E.V. Komleva*

THE YENISEYSK MERCHANT IGNATIY KYTMANOV: A CHOICE BETWEEN PERSONAL AND PUBLIC

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-16

How to cite:
Pozdeeva N.V., Komleva E.V. The Yeniseysk Merchant Ignatiy Kytmanov: A Choice between Personal and Public // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 217–225. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-16.pdf]

Abstract. The article examines new details of the activities of the representative of a famous Yeniseysk merchant family – Ignatiy Petrovich Kytmanov (1818–1895), and his contribution to the history of Yeniseysk and the Yeniseysk province. Previously unused documents from the fonds of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory are introduced into scientific circulation, presenting the components of successful business management by I.P. Kytmanov, who relied on a combination of several types of entrepreneurship, as well as revealing the ratio of personal and public benefit, which he was guided by in his practice. The importance of merchant charity in the economic and cultural development of the northern territories of Siberia is emphasized. The attention is focused mainly on a specific case from the biography of I.P. Kytmanov, which allows us to get an idea of his participation in philanthropic activities and the social needs to which he directed his donations. At the same time, the identified sources to some extent indicate an important problem such as the interaction of the regional administration and representatives of private entrepreneurship. In general, the presented material makes it possible to clarify the biography of I.P. Kytmanov and to illustrate the participation of merchants in the development of the economy and socio-cultural sphere of the northern territories of Russia by a specific example.

Keywords: Siberian merchants, Yeniseysk, the Kytmanov family, Ignatiy Petrovich Kytmanov, charity, case study.

The article has been received by the editor on 16.08.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются новые грани деятельности представителя известного енисейского купеческого рода – Игнатия Петровича Кытманова (1818–1895), его вклада в историю Енисейска и Енисейской губернии. Вводятся в научный оборот ранее не использовавшиеся документы из фондов Государственного архива Красноярского края, знакомящие с составляющими успешного ведения бизнеса И.П. Кытмановым, делавшим ставку на сочетание нескольких видов предпринимательства, а также раскрывающие соотношение личной выгоды и общественной пользы, которым он руковод-

* **Наталия Владимировна Поздеева,** научный сотрудник, Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А.И. Кытманова, Енисейск, Россия, e-mail: pozdeeva99@yandex.ru
Natalia Vladimirovna Pozdeeva, Researcher, Yeniseysk Historical and Architectural Museum-Reserve named after A.I. Kytmanov, Yeniseysk, Russia, e-mail: pozdeeva99@yandex.ru
Евгения Владиславовна Комлева, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: feodal@history.nsc.ru
Evgeniya Vladislavovna Komleva, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: feodal@history.nsc.ru

ствовался в своей практике. Подчеркивается важное значение купеческой благотворительности в деле хозяйственного и культурного освоения северных территорий Сибири. При этом внимание сосредоточено преимущественно на конкретном случае из биографии И.П. Кытманова, позволяющем получить представление о его участии в филантропической деятельности и тех социальных нуждах, на удовлетворение которых он направлял свои пожертвования. В то же время выявленные источники в какой-то мере свидетельствуют и о такой важной проблеме, как взаимодействие региональной администрации и представителей частного капитала. В целом представленный материал дает возможность уточнить биографию И.П. Кытманова и проиллюстрировать на конкретном примере участие купечества в развитии экономики и социально-культурной сферы северных территорий России.

Ключевые слова: сибирское купечество, Енисейск, род Кытмановых, Игнатий Петрович Кытманов, благотворительность, кейс-стади.

Статья поступила в редакцию 16.08.2023 г.

Дореволюционное купечество сыграло огромную роль в освоении северных территорий европейской части России и Сибири. Это подтверждается большим массивом фактического материала, представленного в работах современных исследователей. Упомянем лишь вышедшие в последние годы монографии, посвященные, в том числе, деятельности купцов на Севере: это книги Н.И. Гавриловой[1], Е.В. Комлевой[2], М.Д. Кушнаревой[3], коллективные работы российский и зарубежных ученых[4]. Пришедшийся на 2023 г. 200-летний юбилей одного из выдающихся русских купцов, значение деятельности которого в северных широтах трудно переоценить, – Михаила Константиновича Сидорова – прекрасный повод для того, чтобы вновь обратиться к «северному вектору» в купеческом предпринимательстве и шире – в целом к участию купцов в обеспечении и устроении жизни северян, вовлечению северных территорий в единое имперское пространство. Одним из купеческих семейств, имевших к этому непосредственное отношение, были обыватели Енисейска – купцы Кытмановы.

Рис. 1. Александр Игнатьевич Кытманов, основатель Енисейского общественного музея. Фотограф К. Андерсон. Санкт-Петербург. 1876 (Из фондов Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника)

Эта фамилия хорошо известна не только енисейцам (в Енисейске имя одного из них, Александра Игнатьевича (рис. 1), носит музей-заповедник, а другого, Игнатия Петровича, – средняя школа), но и жителям других регионов нашей страны. Во многом это связано с капитальным трудом А.И. Кытманова –

[1] *Гаврилова Н.И.* Купеческий род Сибиряковых: страницы истории. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск, 2022.
[2] *Комлева Е.В.* Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX век). Новосибирск, 2018.
[3] *Кушнарева М.Д.* Торговый дом «Наследники А.М. Кушнарева»: происхождение, пушная торговля и общественно-просветительская деятельность во второй половине XIX – начале XX в. Иркутск, 2014; *Кушнарева М.Д.* Пушная торговля в Северо-Восточной Сибири в переписке представителей фирм с крупным капиталом во второй половине XIX – начале XX в. Иркутск, 2017.
[4] Якутия в условиях реформирования системы управления имперскими окраинами (XVIII – начало XX вв.): коллективная монография. Иркутск, 2020; *Nielsen J.P., Okhuizen Ed. (Eds.).* From Northeast Passage to Northern Sea Route: A History of the Waterway North of Eurasia. Leiden; Boston, 2023.

широко востребованной и в наше время «Краткой летописью Енисейского уезда и Туруханского края», наконец-то не так давно изданной в полном объеме в Красноярске[5]. Однако не только данная работа, представляющая собой, бесспорно, ценнейший исторический источник, но и роль Кытмановых в развитии территории в среднем и нижнем течении Енисея продолжает вызывать живейший интерес и профессиональных исследователей, и краеведов[6].

Новейшая публикация про Кытмановых – ориентированная на широкий круг читателей книга одного из авторов данной статьи Н.В. Поздеевой «Александр Игнатьевич Кытманов: человек, полезный для общества»[7] (рис. 2), написанная на основе архивных документов (метрических книг, ревизских сказок, личных дел, послужных списков, переписки и пр.), связанных со студенческим периодом биографии Александра, его музейной и иной, приносящей доход и уважение деятельностью, и охватывающая период с конца XVIII в. по наши дни. И хотя в центре повествования непосредственно А.И. Кытманов, в тексте упоминаются его многочисленные родственники, в результате чего создается целостное впечатление о бытовом укладе, внутрисемейных отношениях, воспитании детей, нравственных ценностях и ориентирах, закладывавшихся с малых лет и определявших на протяжении всей последующей жизни те нормы поведения и мировоззренческие установки, которые господствовали в среде русского купечества. Важную часть книги составляют документы и фотографии, которыми любезно поделились потомки А.И. Кытманова: праправнучка Людмила Юрьевна Исаева и правнук Александр Мечиславович Кытманов.

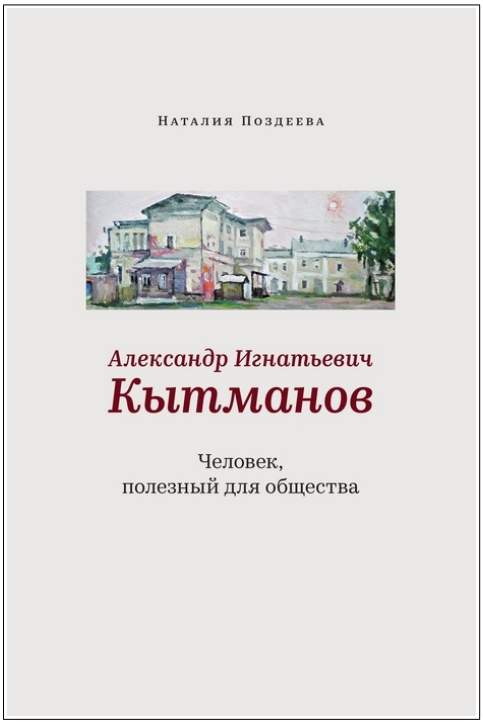


Рис. 2. Обложка книги Н.В. Поздеевой о А.И. Кытманове

В данной статье речь пойдет о другом представителе рода Кытмановых – Игнатии Петровиче (1818–1895), первом из семьи вошедшем в верхушку купечества крупном благотворителе, чья деятельность во многом способствовала хозяйственному и культурному освоению Енисейского Севера (рис. 3). Несмотря на, казалось бы, как уже было упомянуто выше, значительное число публикаций о Кытмановых (впрочем, преимущественно об Александре Игнатьевиче Кытманове), благотворительность Игнатия Петровича до настоящего времени отдельно не рассматривалась. Попытаемся хотя бы в какой-то мере восполнить этот пробел – осветить и проанализировать фигурирующие в источниках и литературе упоминания о его

[5] *Кытманов А.И.* Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год. Красноярск, 2016.

[6] *Погребняк А.И., Зуев А.С., Комлева Е.В., Разумов О.Н.* Кытмановы – енисейские купцы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 410–412; *Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И.* Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 2012. С. 184–186; *Аксёнова А.В., Гонина Н.В., Дворецкая А.П., Терскова А.А.* Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска). Красноярск, 2019. С. 209–220; *Комлева Е.В.* Информация о енисейских купцах Кытмановых в периодической печати Восточной Сибири (вторая половина XIX – начала XX в.) // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 35). Новосибирск, 2016. С. 158–170; *Комлева Е.В.* «По мере сил наших и знаний будем работать…»: из переписки основателей Минусинского и Енисейского городских общественных музеев // Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова: сб. науч. ст. Минусинск, 2020. С. 19–41; *Савостьянов В.К.* А.И. Кытманов и Н.М. Мартьянов – информаторы В.В. Докучаева о черноземах Средней Сибири // Почвоведение – продовольственной и экологической безопасности страны. Тезисы докладов VII съезда Общества почвоведов им. В.В. Докучаева и Всерос. с междунар. участием науч. конф. Белгород, 2016. С. 482–483; *Поздеева Н.В.* Кытмановы: истории из жизни енисейского купеческого рода // IX Краеведческие чтения: Енисейская губерния: лица истории: сб. мат-лов. Красноярск, 2022. С. 256–262.

[7] *Поздеева Н.В.* Александр Игнатьевич Кытманов: человек, полезный для общества. Красноярск, 2023.

«человеколюбивых подвигах», сконцентрировавшись преимущественно на сравнительно небольшом, но весьма показательном эпизоде из его биографии. Популярное в наши дни направление в отечественной и зарубежной историографии кейс-стади зачастую позволяет по-новому взглянуть на небольшие и, на первый взгляд, ничем не примечательные истории – частные случаи, глубокое проникновение в суть которых помогает подчас прийти к самым неожиданным выводам[8].

Рис. 3. Игнатий Петрович Кытманов, коммерции советник, потомственный почетный гражданин города Енисейска. Фотограф К. Андерсон. Санкт-Петербург, 1876. (Из фондов Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника)

Игнатий Петрович – выходец из крестьянской семьи, который добился самой высокой оценки своей деятельности, став купцом 1-й гильдии, потомственным почетным гражданином, коммерции советником. Он одинаково эффективно собирал земельные участки в одно большое имение в центре Енисейска, разрабатывал прииски, занимался пароходством и в то же время жертвовал на благоустройство храмов, развитие народного образования и многое другое. Круг его интересов был очень широк. Свидетельства этому можно почерпнуть в источниках, находящихся на хранении в Государственном архиве Красноярского края (в фондах Енисейского губернского управления и Губернского комитета Попечительного общества о тюрьмах). Среди них – переписка енисейского исправника с губернатором Иваном Константиновичем Педашенко по прошению И.П. Кытманова[9]. Она началась в начале сентября 1886 г. с письма Игнатия Петровича с просьбой о присвоении ему звания коммерции советника. На основе этого ходатайства исправник докладывал губернатору о заслугах просителя за последние пять лет. Здесь же зафиксированы и результаты предпринимательства И.П. Кытманова, связанного с разнообразными сферами. Таким образом, эта переписка дает возможность охарактеризовать и профессиональную деятельность купца, и его филантропические инициативы, а также выявить реакцию региональных органов власти на делавшиеся им пожертвования и выдвигавшиеся на основании этих фактов претензии на поощрение.

Как и большинство сибирских купцов второй половины XIX в., И.П. Кытманов для обеспечения финансовой стабильности и успеха ориентировался на вложение средств в несколько видов деятельности: торговлю, добывающую промышленность, пароходство, поставки – в случае неудачи в одном из этих направлений прибыль, полученная от других, могла компенсировать понесенный ущерб. Так, далеко не всегда хороший доход приносила золотодобыча, которой И.П. Кытманов занимался как на собственных, так и на арендованных приисках. Зато неплохо окупалось владение пароходами. В 1881–1885 гг. навигация осуществлялась по Енисейскому округу и Туруханскому краю, в результате чего происходил обмен на пушнину и рыбу необходимых припасов, рыболовных и звероловных принадлежностей. Пушниной И.П. Кытманов затем торговал на Нижегородской и Ирбитских ярмарках и в пограничных с Китаем областях, а рыбой – в Енисейской губернии. Кроме того, Игнатий Петрович занимался поставкой товаров и припасов на золотые прииски. В результате ежегодные торговые обороты за указанное время составили от 1 200 тыс. до 1 800 тыс. руб.[10]

И так же, как и остальные купцы, И.П. Кытманов определенную часть своего капитала регулярно направлял на различные благотворительные нужды. Авторы словаря «Мир куль-

[8] *Волкова Н.В.* Кейс-стади как метод гуманитарного исследования // Стандарты и мониторинг в образовании. 2015. Т. 3, № 2. С. 26–29; *Barlikbaeva S., Abdullayeva N.* Peculiarities of historical development of case study method // Студенческий вестник. 2022. № 8-5 (200). С. 17–19.
[9] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 1. Д. 2236.
[10] Там же. Л. 4 об.

туры Енисейска» отмечают его активную и связанную с немалыми материальными затратами общественную деятельность на различных постах в органах местного городского самоуправления, подчеркивают осуществлявшуюся им помощь малоимущим слоям населения, участие в финансировании учебных заведений, возведении и содержании православных храмов[11].

Насколько разнообразным был вклад Игнатия Петровича в филантропию, видно из приведенного в вышеупомянутом источнике списка. Без учета взносов во всевозможные общества, членом которых он состоял, И.П. Кытманов ежегодно выделял 124 350 руб. (т.е. около десятой части своих доходов) на следующие цели: «на устройство Красноярской мужской гимназии» – 1 тыс. руб., Красноярской женской гимназии – 200 руб., богадельни в с. Назаровском – 200 руб., «на заведение от городского общества иконы Св. Александра Невского в память освобождения в Бозе почившего Государя Императора от руки убийцы» – 1 000 руб., «на устройство в память того же события часовни в Иркутске» – 500 руб., «на организацию телеграфа в Енисейске» – 1 200 руб., «на устройство Благородного собрания» – 700 руб., «на устройство дома для Александровского дома призрения бедных детей» – 4 тыс. руб., «на устройство дома для шестиклассной мужской прогимназии» – 50 тыс. руб., «на восстановление после пожара Преображенской церкви» – 180 тыс. руб., «на покупку дома для причта Преображенской церкви» – 2 500 руб., «на устройство иконостаса Крестовоздвиженской церкви» – 350 руб., «на устройство дома для Анциферовского училища» – 1 200 руб., «на устройство каменной церкви в с. Анциферово» – 18 тыс. руб., «на устройство каменного дома для Анциферовской богадельни» – 9 тыс. руб., «на ее содержание» – 8 тыс. руб., «в Комитет под покровительством умершей императрицы» (возможно, имеется в виду инициированное супругой Александра II Марией Александровной и учрежденное уже после ее кончины в 1881 г. Мариинское попечительство о слепых[12]) – 500 руб., «на устройство кроватей в Кишиневе во время войны» – 200 руб., «на покупку хлеба в Енисейске для бедных» – 500 руб., «на устройство мужского монастыря в Красноярске» – 300 руб.[13]

Из этого перечня видно, что наибольшую заботу И.П. Кытманова вызывали: поддержка Русской православной церкви (в совокупности на это он выделил 201 650 руб.), развитие народного образования (57 400 руб.), забота о бедных и больных (18 тыс. руб.). Далее следовали: попечение о благоустройстве города (1 900 руб.), демонстрация верноподданнических чувств (1 тыс. руб.) и помощь русской армии во время Русско-турецкой войны (200 руб.). В недавно вышедшей работе Н.И. Гавриловой и В.П. Шахерова также подчеркиваются размах и значение этих направлений купеческой благотворительности[14].

Сделанные И.П. Кытмановым пожертвования достигали настолько внушительных сумм, что имелись все основания для преставления его к официальной награде. Однако, как можно заключить из рассматриваемого источника, дело это решалось не столь быстро и однозначно. Пока между различными инстанциями шел обмен соответствующими письмами, Енисейское отделение тюремного комитета в свою очередь отправило ходатайство о награждении Игнатия Петровича, указав, что он «в течение 22 лет был директором тюремного комитета и своими частовременными и ежегодными пожертвованиями в пользу заключенных»[15] заслужил награду. Эту награду И.П. Кытманов получил в конце сентября 1886 г., что в корне изменило финал переписки по поводу его награждения: в марте 1887 г. из Иркутска пришел отказ в связи с недавним награждением[16] и, таким образом, с просьбой о следующем поощрении нужно было повременить. Это решение, вероятно, расстроило

[11] *Аксёнова А.В., Гонина Н.В., Дворецкая А.П., Терскова А.А.* Мир культуры г. Енисейска… С. 211–212.
[12] *Хитров А.А.* Опыт организованной благотворительности в России: Ведомство учреждений императрицы Марии (конец XVIII – начало XX вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 2. С. 64.
[13] ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 2236. Л. 5 об. – 6.
[14] *Шахеров В.П., Гаврилова Н.И.* «В пример и назидание потомкам»: очерки истории благотворительности в Иркутске. Иркутск, 2023.
[15] ГАКК. Ф. 32. Оп. 3. Д. 144. Л. 7.
[16] Там же. Ф. 595. Оп. 1. Д. 2236. Л. 12 об.

Игнатия Петровича – имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют судить о его реакции, однако думается, что будничные заботы не позволили ему долго пребывать в унынии.

Спустя три года, в октябре 1889 г., Енисейское отделение тюремного комитета снова предоставило списки на награждение директоров комитета, среди которых оказался и И.П. Кытманов, охарактеризованный как человек, «известный своею благотворительностью»[17]. Кроме ежегодного директорского взноса, член Енисейской управы, подписавший ходатайство комитета, А.Е. Грязнов отметил, что И.П. Кытманов в течение многих лет неоднократно жертвовал на улучшение быта арестантов[18].

Переписка о награждении повторилась вновь весной 1894 г. Последнее ходатайство по линии тюремного комитета было подписано в сентябре 1894 г., а в апреле 1895 г. секретарь Красноярского губернского комитета написал в Санкт-Петербург о том, что «представленный к награде Орденом Святого Владимира IV степени 14 мая 1894 года под № 895 коммерции советник И.П. Кытманов умер»[19]. На тот момент И.П. Кытманов имел золотую и серебряную медали на Станиславской ленте, золотую – на Аннинской, ордена Святого Станислава и Святой Анны II степени.

Енисейцы простились с коммерции советником, потомственным почетным гражданином, а родные – с любимым отцом, братом, дядей и дедом 21 марта 1895 г. Его уход краевед Михаил Миндаровский назвал «великой утратой»[20] и продолжил: «В жизни мне не приходилось видеть в своем Енисейске таких похорон, какие выпали на долю Кытманова <…>. За гробом кроме родственников и всего духовенства тянулись фургоны с регалиями покойного, затем три или четыре колесницы с венками, а затем уже трехтысячная масса горожан замыкала печальное шествие. Литии по пути около городской управы, мужской гимназии, у театра-собрания, у Александровского приюта, у домов покойного, и все речи, и речи, вплоть до могилы на Севастьяновском кладбище. Достойно проводили енисейцы редкого филантропа и общественного деятеля»[21].

Таким образом, обращение к материалам переписки о награждении И.П. Кытманова свидетельствует о нем как об одном из наиболее успешных сибирских предпринимателей второй половины XIX в., занимавшемся различными видами экономической деятельности, и в то же время как о человеке неравнодушном, ярко проявившем себя на поприще филантропии. Делавшиеся им пожертвования свидетельствуют, в том числе, о таких чертах его мировоззрения, как приверженность идеалам православия, верность монархии, признание важности распространения общественного просвещения. Думается, что, помимо прочего, не последнюю роль в мотивах, обусловивших его щедрые вклады, играло и стремление укрепить свой общественный авторитет – недаром он хотел от властей признания своих заслуг и соответствующего вознаграждения. Представители администрации, в свою очередь, были заинтересованы в привлечении частного капитала в развитие различных социальных сфер, но, с другой стороны, как показывает разобранный нами случай, при поощрении донаторов проявляли в чем-то косность, неповоротливость, излишнее следование букве закона, что, конечно, расхолаживало последних. В целом выявленные сведения о делавшихся И.П. Кытмановым пожертвованиях не только свидетельствуют о его личностных качествах, но и еще раз подчеркивают значение купеческой благотворительности в деле освоения северных территорий в целом.

[17] ГАКК. Ф. 32. Оп. 3. Д. 170. Л. 12.
[18] Там же.
[19] Там же. Оп. 1. Д. 275. Л. 40.
[20] Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского 1891–1935 гг. Красноярск, 2019. С. 44.
[21] Там же. С. 48.

Литература

Barlikbaeva S., Abdullayeva N. Peculiarities of historical development of case study method // Студенческий вестник. 2022. № 8-5 (200). С. 17–19.

Аксёнова А.В., Гонина Н.В., Дворецкая А.П., Терскова А.А. Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска). Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2019. 538 с.

Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.

Волкова Н.В. Кейс-стади как метод гуманитарного исследования // Стандарты и мониторинг в образовании. 2015. Т. 3, № 2. С. 26–29.

Гаврилова Н.И. Купеческий род Сибиряковых: страницы истории. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Оттиск, 2022. 192 с.

Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского 1891–1935 гг. / ред.-сост. М.А. Лаптева, Н.В. Поздеева, А.В. Ульверт; вступ. ст. А.П. Дворецкой, Н.В. Поздеевой. Красноярск: Поликор, 2019. 512 с.

Комлева Е.В. «По мере сил наших и знаний будем работать…»: из переписки основателей Минусинского и Енисейского городских общественных музеев // Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова: сб. науч. ст. Минусинск, 2020. С. 19–41.

Комлева Е.В. Информация о енисейских купцах Кытмановых в периодической печати Восточной Сибири (вторая половина XIX – начала XX в.) // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI – XXI вв. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 35). Новосибирск, 2016. С. 158–170.

Комлева Е.В. Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX век). Новосибирск: Параллель, 2018. 389 с.

Кушнарева М.Д. Пушная торговля в Северо-Восточной Сибири в переписке представителей фирм с крупным капиталом во второй половине XIX – начале XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. 173 с.

Кушнарева М.Д. Торговый дом «Наследники А.М. Кушнарева»: происхождение, пушная торговля и общественно-просветительская деятельность во второй половине XIX – начале XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 247 с.

Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 888 с.

Погребняк А.И., Зуев А.С., Комлева Е.В., Разумов О.Н. Кытмановы – енисейские купцы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 410–412.

Поздеева Н.В. Александр Игнатьевич Кытманов: человек, полезный для общества. Красноярск: Офсет, 2023. 208 с.

Поздеева Н.В. Кытмановы: истории из жизни енисейского купеческого рода // IX Краеведческие чтения: Енисейская губерния: лица истории. Сб. мат-лов. Красноярск, 2022. С. 256–262.

Савостьянов В.К. А.И. Кытманов и Н.М. Мартьянов – информаторы В.В. Докучаева о черноземах Средней Сибири // Почвоведение – продовольственной и экологической безопасности страны. Тезисы докладов VII съезда Общества почвоведов им. В.В. Докучаева и Всерос. с междунар. участием науч. конф. Белгород, 2016. С. 482–483.

Хитров А.А. Опыт организованной благотворительности в России: Ведомство учреждений императрицы Марии (конец XVIII – начало XX вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 2. С 61–65.

Шахеров В.П., Гаврилова Н.И. «В пример и назидание потомкам»: очерки истории благотворительности в Иркутске. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2023. 188 с.

Якутия в условиях реформирования системы управления имперскими окраинами (XVIII – начало XX вв.): коллективная монография / отв. ред. А.А. Борисов. Иркутск: Оттиск, 2020. 268 с.

Nielsen J.P., Okhuizen Ed. (Eds.). From Northeast Passage to Northern Sea Route: A History of the Waterway North of Eurasia. Leiden; Boston, Brill, 2023. 499 p.

References

Aksyonova, A.A., Gonina, N.V., Dvoretskaya, A.P., Terskova, A.A. (2019). *Mir kul'tury Yeniseyska vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: slovar' osnovnykh kharakteristik, ponyatiy i personaliy (k 400-letiyu Yeniseyska)* [The World of Culture of Yeniseysk in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: a Dictionary of Main Characteristics, Concepts and Personalities (for the 400th Anniversary of Yeniseysk)]. Krasnoyarsk, Krasnoyar. gos. agrar. un-t. 538 p.

Barlikbaeva, S., Abdullayeva, N. (2022). Peculiarities of Historical Development of Case Study Method. In *Studencheskiy vestnik*. No. 8-5 (200), pp. 17–19.

Borisov, A.A. (Ed.). (2020). *Yakutiya v usloviyakh reformirovaniya sistemy upravleniya imperskimi okrainami (XVIII – nachalo XX vv.)* [Yakutia in the Context of Reforming the Management System of the Imperial Outskirts (18th – Early 20th Centuries)]. Irkutsk, Ottisk. 268 p.

Bykonya, G.F., Komleva, E.V., Pogrebnyak, A.I. (2012). *Yeniseyskoe kupechestvo v litsakh (XVIII – nachalo XX v.)* [Yeniseysk Merchants in Persons (18th – Early 20th Century)]. Novosibirsk, Izdatel'vo SO RAN. 316 p.

Gavrilova, N.I. (2022). *Kupecheskiy rod Sibiryakovykh: stranitsy istorii* [Merchant Family of the Sibiryakovs: Pages of History]. Irkutsk, Ottisk. 192 p.

Khitrov, A.A. (2008). Opyt organizovannoy blagotvoritel'nosti v Rossii: Vedomstvo uchrezhdeniy imperatritsy Marii (konets XVIII – nachalo XX vv.) [Experience of Organized Charity in Russia: Department of Institutions of Empress Maria (Late 18th – Early 20th Centuries)]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.* Seriya 2. Vol. 2, pp. 61–65.

Komleva, E.V. (2016). Informatsiya o yeniseyskikh kuptsakh Kytmanovykh v periodicheskoy pechati Vostochnoy Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Information about the Yenisei Merchants Kytmanovs in the Periodical Press of Eastern Siberia (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. In *Dukhovnaya kul'tura i obshchestvennaya mysl' Rossii v literaturnykh i istoricheskikh pamyatnikakh XVI–XXI vv. (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri, vyp. 35).* Novosibirsk, pp. 158–170.

Komleva, E.V. (2018). *Sibirskoe kupechestvo: vklad v khozyaystvennoe osvoenie i izuchenie Severo-Vostochnoy Yevrazii (konets XVIII – XIX vek)* [Siberian Merchants: Contribution to the Economic Development and Study of North-Eastern Eurasia (Late 18th – 19th Century)]. Novosibirsk, Parallel'. 398 p.

Komleva, E.V. (2020). "Po mere sil nashikh i znaniy budem rabotat'…": iz perepiski osnovateley Minusinskogo i Yeniseyskogo gorodskikh obshchestvennykh muzeyev ["We will Work According to Our Strength and Knowledge…": From the Correspondence of the Founders of the Minusinsk and Yeniseysk City Public Museums]. In *Uchenye zapiski Minusinskogo krayevedcheskogo muzeya im. N.M. Mart'yanova*. Minusinsk, pp. 19–41.

Kushnareva, M.D. (2014). *Torgovyy dom "Nasledniki A.M. Kushnareva": proiskhozhdenie, pushnaya torgovlya i obshchestvenno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Trading House "The Heirs of A.M. Kushnarev": Origin, Fur Trade and Public Educational Activities in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU. 247 p.

Kushnareva, M.D. (2017). *Pushnaya torgovlya v Severo-Vostochnoy Sibiri v perepiske predstaviteley firm s krupnym kapitalom vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Fur Trade in North-Eastern Siberia in the Correspondence of Representatives of Companies with Large Capital in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU. 173 p.

Kytmanov, A.I. (2016). *Kratkaya letopis' Eniseyskogo uezda i Turukhanskogo kraya Eniseyskoy gubernii. 1594–1893 god* [Brief Chronicle of the Yeniseysk District and Turukhansk Region of the Yeniseysk Province. 1594–1893]. Krasnoyarsk, Sibirskiy federal'nyy universitet. 888 p.

Lapteva, M.A., Pozdeyeva, N.V., Ul'vert, A.V. (Eds.). (2019). *Yeniseysk v zapiskakh Mikhaila Prokop'evicha Mindarovskogo* [Yeniseysk in the Notes of Mikhail Prokopyevich Mindarovsky]. Krasnoyarsk, Polikor. 512 p.

Nielsen, J.P., Okhuizen, E. (Eds.). (2023). *From Northeast Passage to Northern Sea Route: A History of the Waterway North of Eurasia*. Leiden, Boston, Brill. 499 p.

Pogrebnyak, A.I., Zuyev, A.S., Komleva, E.V., Razumov, O.N. (2012). Kytmanovy – yeniseyskie kuptsy [The Kytmanovs – Yeniseysk Merchants]. In *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri.* Novosibirsk. Vol. 1, pp. 410–412.

Pozdeeva, N.V. (2022). Kytmanovy: istorii iz zhizni yeniseyskogo kupecheskogo roda [Kytmanovs: Stories from the Life of the Yenisei Merchant Family]. In *IX Kraevedcheskie chteniya: Yeniseyskaya guberniya: litsa istorii*. Krasnoyarsk, pp. 256–262.

Pozdeeva, N.V. (2023). *Aleksandr Ignat'evich Kytmanov: chelovek, poleznyy dlya obshchestva* [Alexander Ignatievich Kytmanov: A Useful Person for Society]. Krasnoyarsk, Ofset. 208 p.

Savost'yanov, V.K. (2016). A.I. Kytmanov i N.M. Mart'yanov – informatory V.V. Dokuchaeva o chernozemakh Sredney Sibiri [A.I. Kytmanov and N.M. Martyanov – the Informants of V.V. Dokuchaev about Central Siberia Black Earth]. In *Pochvovedenie – prodovol'stvennoy i ekologicheskoy bezopasnosti strany. Tezisy dokladov VII S'ezda pochvovedov im. V.V. Dokuchaeva i Vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch. konf.* Belgorod, pp. 482–483.

Shakherov, V.P., Gavrilova, N.I. (2023). *"V primer i nazidanie potomkam": ocherki istorii blagotvoritel'nosti v Irkutske* ["As an Example and Edification for Posterity": Essays on the History of Charity in Irkutsk]. Irkutsk, Izd-vo IGU. 188 p.

Volkova, N.V. (2015). Keys-stadi kak metod gumanitarnogo issledovaniya [Case Study as a Method of Humanitarian Research]. In *Standarty i monitoring v obrazovanii.* Vol. 3, No. 2, pp. 26–29.

Т.И. Трошина*

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЭНТУЗИАЗМ КАК ТРИГГЕР РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ПО РАЗВИТИЮ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ**

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-17
УДК 94(47).081/94(98)+908(470+571)

Выходные данные для цитирования:
Трошина Т.И. Революционный энтузиазм как триггер реализации проектов по развитию северных регионов России // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 226–236. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-17.pdf

T.I. Troshina*

REVOLUTIONARY ENTHUSIASM AS A TRIGGER FOR THE IMPLEMENTATION OF DEVELOPMENT PROJECTS IN RUSSIA'S NORTHERN REGIONS**

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-17

How to cite:
Troshina T.I. Revolutionary Enthusiasm as a Trigger for the Implementation of Development Projects in Russia's Northern Regions // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 226–236. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-17.pdf]

Abstract. The main theses of the article were formulated in connection with the anniversary events dedicated to the memory of the enthusiast of economic development of the Russian North and Siberia M.K. Sidorov. The comprehension of the difficult path to the practical implementation of his projects for the economic uplift of remote northern territories convinces us that modernization, industrialization, provision of the Far North with a developed transport infrastructure are only possible with maximum state support. In difficult times, the North and Siberia with their valuable natural resources become especially important, and the state is ready to spend large amounts of money to utilize them. At the same time, each of such projects requires many years of scientific and technical development, which, as the study of the process of generation and development of the ideas underlying them shows, was carried out mainly by the creative energy of the people inhabiting the northern territories, and their individual outstanding representatives, who, on their own initiative and often at their own expense, developed these projects. They were initially conceived as having a delayed result, since they concerned remote and sparsely populated regions. In addition, their high cost did not allow for their implementation with private funds; state support was needed. Many of these projects did not receive not only funding, but even permission from the authorities to implement them, being recognized as untimely and unrealistic. However, due to political and economic circumstances, when the northern territories regained vital importance for the country, these projects were given a chance to be realized. This was the case during the years of the Northern War, the Continental Blockade, and the First World War. The Revolution of 1917 created special conditions for the creativity of the masses, including the reanimation of projects created by people like M.K. Sidorov and other entrepreneurs whose initiative was unsolicited in their time. Difficulties of political and economic nature did not allow these projects to be fully realized. Some of them were put into practice during the period of socialist industrialization (in the 1930s), others are waiting for "their time", and this is the relevance of such historical studies in the field of history of economic ideas. The article is based on a comprehensive analysis of a variety of sources, primarily synchronous publications and archival materials.

* **Татьяна Игоревна Трошина,** доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия; Северный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия, e-mail: tatr-arh@mail.ru
Tatyana Igorevna Troshina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Lomonosov Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russia; Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia, e-mail: tatr-arh@mail.ru

** Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-20061 «Иностранные концессии в Архангельской губернии: региональный опыт внешнеэкономических контактов в условиях изоляции Советской России», https://rscf.ru/project/22-18-20061/
The research is supported by the Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-18-20061 "Foreign Concessions in the Arkhangelsk Province: Regional Experience of Foreign Economic Contacts under the Isolation of Soviet Russia", https://rscf.ru/project/22-18-20061/

Keywords: northern territories of Russia, specifics of Russian economic modernization, people's initiative, M.K. Sidorov, economic projects for the revival and rise of the North, the Petrov era, socialist industrialization, World War I, the Great Russian Revolution.

The article has been received by the editor on 28.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Положенные в основу статьи основные тезисы были сформулированы в связи с юбилейными мероприятиями, посвященными памяти энтузиаста экономического развития Российского Севера и Сибири М.К. Сидорова. Осмысление непростого пути к практической реализации выдвигавшихся им проектов по экономическому подъему отдаленных северных территорий убеждает, что модернизация, индустриализация, обеспечение Крайнего Севера развитой транспортной инфраструктурой возможны лишь при максимальной государственной поддержке. В трудные для страны времена Север и Сибирь с их ценнейшими природными ресурсами приобретают особую важность, и государство готово тратить огромные средства для их использования. При этом каждый из таких проектов требует многолетней научно-технической разработки, которая, как показывает изучение процесса рождения и развития идей, положенных в их основу, осуществлялась преимущественно творческой энергией населяющего северные территории народа, его отдельных выдающихся представителей, которые по собственной инициативе, нередко за собственные средства разрабатывали эти проекты. Они изначально задумывались как дающие отложенный результат, поскольку касались регионов отдаленных и малонаселенных. К тому же их дороговизна не позволяла реализацию на частные средства, необходима была государственная поддержка. Многие из этих проектов не получили не только финансирования, но даже разрешения властей на их воплощение, будучи признанными несвоевременными и нереалистичными. Однако в связи с политическими и экономическими обстоятельствами, когда северные территории вновь приобретали жизненную важность для страны, эти проекты приобретали шанс на осуществление. Так было в годы Северной войны, Континентальной блокады, Первой мировой войны. Революция 1917 г. создала особые условия для творчества масс, включая реанимацию проектов, созданных людьми типа М.К. Сидорова и других предпринимателей, чья инициатива оказалась невостребованной в их время. Сложности политического и экономического характера не позволили реализовать эти проекты в полной мере. Часть из них была претворена в жизнь в период социалистической индустриализации (в 1930-е гг.), другие ждут «своего часа», и в этом актуальность подобных исторических исследований в области истории экономических идей. Статья построена на комплексном анализе разнообразных источников, прежде всего синхронных публикаций и архивных материалов.

Ключевые слова: северные территории России, специфика российской экономической модернизации, народная инициатива, экономические проекты по возрождению и подъему Севера, М.К. Сидоров, Петровская эпоха, социалистическая индустриализация, Первая мировая война, Великая русская революция.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023 г.

«…с этих северных заброшенных окраин
начнется постройка новой жизни России».
А.А. Жилинский (1918 г.)

Сформулированная в заглавии статьи проблема связана с феноменом «революционного нетерпения», когда возникает общее желание резких перемен во всех областях жизни и при этом сохраняется уверенность в их скором достижении. Десятилетиями сдерживаемая в имперской России по различным причинам «пружина» народной инициативы начала потихоньку распрямляться уже в годы Первой мировой войны, когда инновационные идеи оказались востребованы государством. Революция превратила эти проявления в нетерпеливое требование немедленно реализовать вынашиваемые планы, надежды, устремления.

Собственно, влияние революции, революционного сознания «разбуженных» масс на дальнейшее развитие страны – не только политическое, но и экономическое, рассматривается, пусть и опосредованно, в весьма обширной литературе, приводить которую в рамках небольшой статьи вряд ли имеет смысл. Сошлемся на вышедшие к 100-летним юбилеям Первой мировой войны и Революции 1917 г. энциклопедии, концепция которых акцентирует внимание именно на экономическом аспекте событий[1]. В методологическом плане автору наиболее близка коллективная монография под редакцией социолога А.Б. Гофмана и прежде всего написанная им вводная статья[2].

Неоднократно отмечалось, что специфической характеристикой развития русской цивилизации является ее мобилизационный тип[3]. Полученный в чрезвычайных исторических обстоятельствах пассионарный толчок обеспечивает более или менее длительное инерционное развитие, которое постепенно затухает, а активные люди, затребованные в эпоху судьбоносных реформ, становятся «лишними». Для самореализации им остаются весьма ограниченные возможности: служение государству (чиновником или офицером) или индивидуальное творчество. Поясним свою мысль на примере периода между двух грандиозных модернизаций – «от Петра I до Сталина». Каждая из них требовала от людей своей эпохи инновационной и самоотверженной деятельности, нередко помимо не только личного желания, но даже физических возможностей, при этом без особого материального поощрения, вплоть до принуждения. Вспомним такую группу зависимого крестьянского населения, как «рудознатцы». Название это с инициативной группы «рудных доносителей» распространилось на крестьян, проживавших на севере европейской части России и в Сибири, обязанных находить руду и «выделывать из нее железо». К концу XVIII в. все чаще фиксируется невыполнение рудознатцами своих обязанностей «за неотысканием ими руды», и «по милостивому 1793 года манифесту»[4] от повинности их освободили, переписав в дворцовые (удельные) крестьяне.

Активной группой общества продолжало оставаться купечество, поскольку его деятельность, говоря словами нобелевского лауреата по экономике Ф. Хайека, могла основываться «только на специфических индивидуальных, а не коллективных знаниях»[5]. В XVIII в. вологодские купцы имели «разные торговые промыслы внешние и внутренняя, яко то во иностранных местах за морем <…> и для того имели при Архангелогородском порте собственные свои корабли; а также торгуют по Сибири до Китайской границы и на Камчатки <…> плавают по Восточному морю на Алеутские и далее к Америке лежащие острова <…> променивают на Китайские разные товары <…> и рассылают с приказчиками по государственным ярмаркам в России <…>. Притом имеют разные фабрики, заводы и промыслы.

[1] Россия в Первой мировой войне, 1914–1918: энциклопедия в 3 т. М., 2014; Россия в 1917 году: энциклопедия. М., 2017.
[2] Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М., 2008.
[3] *Миронов Б.Н.* Российская модернизация и революция. СПб., 2019.
[4] *Зеленин Д.* Архангельская губерния в начале XIX века: Статистическое описание губернии по современной рукописи // Памятная книжка Архангельской губернии на 1907 год. Архангельск, 1907. С. 7.
[5] *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность [1987]. М., 1992. С. 77.

А другие торгуют внутрь России в разных поотдаленных городах <…> отъездом, третьи ж торгуют на Вологде в разных рядах»[6]. Несмотря на такие возможности, русское купечество настолько при этом было придавлено различными «общественными обязанностями»[7], что состоять в гильдиях становилось все менее престижно, и купеческие дети стремились переходить в другое, желательно «образованное» сословие. Сложность в получении банковских кредитов не позволяла торгово-промышленному классу развивать и расширять свои «дела», что ставило их в портовых городах, таких как Архангельск, в невыгодное положение по сравнению с иностранными конкурентами. По несколько преувеличенному, но все же отражающему реальную действительность свидетельству архангельского журналиста, «с середины XIX века все население Севера приходит в общее банкротство, в общее обеднение от падения заводов и фабрик и разорения всего русского купечества. <…> Русское купечество занималось только приготовлением съестных припасов и оказанием услуг иностранному»[8].

В складывающихся обстоятельствах купечество не стремилось воспитывать в себе «качеств гражданства»[9], и вся общественная деятельность его представителей ограничивалась обычно благотворительностью, которой они занимаются в широких масштабах. «Всплеск» социальной активности купечество проявило в годы Первой мировой войны, когда правительство обратилось за помощью к деловым кругам; однако из-за отсутствия политического опыта запоздалая активность «торгово-промышленного класса» к ожидаемым результатам не привела.

Более ранним примером благоприятных условий для экономически активного населения было Петровское время, когда так же встававшие перед страной задачи и вызовы потребовали принятия нестандартных решений. Накапливающиеся у пассионарной части общества идеи при этом получили возможность реализоваться в огромных масштабах. В Беломорье развернулось строительство кораблей, крепостей, каналов, дорог, заводов. Производилось это грандиозное строительство при отсутствии достаточного числа специалистов, в результате чего опыт приобретался нередко дорогой ценой, постепенно подавляя желание проявлять частную инициативу.

Не все идеи Петра и его приближенных были реализованы, однако, сохраняясь не только в архивных документах, но и в памяти людей, при определенных обстоятельствах впоследствии они оказались востребованы. Так, в условиях Северной войны планировалось перекрыть широкую в устье Северную Двину цепями, создав препятствие вражеской эскадре; в годы Первой мировой войны учитель архангельской гимназии напомнил о таком плане обороны Архангельска, и Двина была перекрыта затопленными баржами и пароходами.

Думал Петр Великий и об арктическом военном порте – на Новой Земле. Архипелаг для целей обороны использовался в годы Великой Отечественной войны, а с 1950-х гг. стал полигоном для ядерных испытаний.

«Осударева дорога», соединившая для решения конкретной военной задачи в годы Северной войны Белое море с Балтийским, в последующем подпитывала идеи о строительстве здесь канала, и Беломорско-Балтийский канал действительно был построен в конце 1920-х гг.

Сходство целей, а также форм и методов ускоренной модернизации 1930-х гг. с петровским временем вряд ли требует особого пояснения. Добавим только, что в короткий

---

[6] *Засецкий А.А.* Исторические и топографические известия по древностям о России и частно о городе Вологде и его уезде… М, 1782. С. 57–67 (цит. по: Вологда: историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 290).

[7] *Латкин В.* Наказ города Архангельска в Екатерининскую законодательную комиссию 1767 г. // Юридический вестник. 1886. Т. 23, № 11. С. 419–431

[8] *Козмин К.* Былое: Из жизни Архангельского Севера // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 24. С. 1046.

[9] *Федотов Г.П.* Революция идет [1929] // Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории культуры. СПб., 1991. Т. 1. С. 153–154.

подготовительный к началу «социалистической индустриализации» период внимательно изучались проекты инновационного развития страны, и прежде всего ее отдаленных районов, отложенные прежде из-за сомнений в успехе реализации; просматривались архивы с целью обнаружить сведения о возможных месторождениях ценных минералов и других сообщений «с мест», которые бюрократами всех времен клались «под сукно».

Среди причин, почему многие инновационные проекты в «спокойные» времена часто не получали поддержки общества и власти, было и так называемое «ресурсное проклятие» России. Это особенно касается проектов по развитию отдаленных северных регионов России, которые во времена, когда благополучие государства обеспечивалось южными и юго-западными территориями, казались для страны досадным «довеском». В качестве примера приведем всплеск инициатив по поиску новых путей для развития России, который пришелся на пореформенный период – 1860–1870-е гг. Можно предположить, что правительственные канцелярии «захлебывались» от многочисленных проектов, большинство которых чиновники отвергали как нереалистичные или ненужные. Предложения архангельской общественности построить железную дорогу, соединившую бы Центральную Россию с Архангельским портом, поддерживалось и губернатором, и специалистами, которые видели в этом возможность «второго дыхания» для экономически стагнирующего региона. Однако в «правительственных кабинетах» этот проект так и остался без движения[10]. В конце XIX в. дорога все же была построена, но из экономии проложена по кратчайшему маршруту, в результате чего многие старые торгово-промышленные территории губернии остались в стороне, обреченные на застой и медленное экономическое умирание. Впрочем, в Первую мировую войну значительно более высокой ценой для нужд обороны дорога была перестроена на широкую колею; приступили к строительству Мурманской дороги (также проект конца 1890-х гг., отложенный в пользу развития балтийских портов).

В качестве другого примера можно привести реакцию имперских властей всех уровней на идеи М.К. Сидорова, который «в 1876 г. хотел сделать на личные средства канал через Турухан <…> Генерал-губернатор Корсаков ответил, что если бы канал был нужен, то построили бы его и без г-на Сидорова. А так как канал совершенно не нужен и проводка его на Севере невозможна, – [Сидорову] отказать»[11].

Собственно, время М.К. Сидорова и ряда других его современников, радевших за развитие северных окраин (А.М. Сибирякова, А.В. Журавского, а также десятков краеведов, чиновников, предпринимателей, объединившихся в региональные «общества изучения» своего края), пришлось на спокойный период русской истории, когда можно было приступить к продуманным планам экономического развития страны. Но богатый Юг создавал постоянную конкуренцию Северу, освоение которого было связано с большими затратами и неочевидными отдачами. То немногое, что удалось реализовать для развития Севера, носило в значительной степени случайный характер и не соответствовало ожиданиям населения. Кроме железной дороги к Архангельску, которая позволила поддержать только беломорский порт, можно назвать строительство в 1899 г. гавани в незамерзающей части Баренцева моря (г. Александровск, современный г. Полярный). Однако этот проект потерял всякий смысл, поскольку железную дорогу к нему тогда проводить не стали.

Некоторые из проектов, накапливавшиеся в ожидании возможностей для своей реализации, оказались востребованы во время Первой мировой войны. Тогда пребывавшие в забвении регионы (Европейский Север России, Дальний Восток) оказались в центре бурного строительства для нужд обороны. Были реализованы многие, казавшиеся за несколько лет до этого совершенно невероятными проекты. Прежде всего, в западной части Русской Арктики для организации и защиты торговых путей со странами Антанты и дальнейшей транспортировки военных грузов в центр страны была построена Мурманская железная дорога – в таких условиях, что в мирное время никто бы не решился на реализацию этого

[10] *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 322–326.

[11] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

проекта: из тысячи дорожных верст 52 были проложены по болотам, 100 – пробиты сквозь скалы; было возведено 1100 мостов и дамб – в основном для ускорения строительства деревянных. Слабо развитый накануне войны Архангельский порт был обеспечен новейшим оборудованием, став одним из крупнейших портов мира. На отдаленных островах и необитаемом побережье северных морей были устроены радиостанции, оборудованы военно-морские базы. Между Александровском и Лондоном был проложен подводный телеграфный кабель для обеспечения надежной связи Петрограда с союзниками.

Кроме финансируемых государством проектов оборонного значения, из архивов и из народной памяти извлекались сведения о возможной разработке полезных ископаемых, о наиболее удобных маршрутах проведения новых дорог, строительства каналов. К обсуждению проектов привлекали «сведущих людей» (так называли краеведов и местных предпринимателей); к их мнению, наконец, стали внимательно прислушиваться. Немало помогла этому кампания «по борьбе с германским засилием» (своеобразная программа импортозамещения). Экономически активная общественность торопилась с разработкой проектов и проведением их через государственные органы, пользуясь тем, что центральная власть вынуждена была в создавшихся обстоятельствах прислушиваться к мнениям с мест, и опасаясь погружения Севера «в забвение» после победы в войне, когда потребность в нем опять отпадет.

Неслучайно в юбилейном, памяти М.К. Сидорова издании, вышедшем в 1918 г., были кратко приведены все многочисленные идеи, когда-либо им предлагавшиеся[12]. Создалось впечатление, что наступает время для их реализации…

Что касается проекта М.К. Сидорова о строительстве канала через Ямал, к нему тоже чуть было не приступили в 1916 г., когда «были отправлены две изыскательные экспедиции для выяснения вопроса о возможности прорытия канала для речных судов через полуостров и постройки нового порта в Байдарацкой губе. Канал предполагалось прорыть в два года; таким образом, в обход трудно проходимой в ледовом смысле части Карского моря, создавалось удобное водное сообщение между устьем Оби и океаном»[13]. Постройку канала должны были начать в 1917 г., но по известным причинам строительство тогда не состоялось.

В годы Гражданской войны в реализации этого проекта было заинтересовано белое Сибирское правительство, поскольку для получения военной помощи от Антанты насущной стала задача надежного сообщения с Архангельском. В тяжелом 1920 г. о строительстве канала вновь вспомнили: так можно было бы обеспечить более быструю и надежную доставку сибирского хлеба для голодающего населения северных и центральных губерний Европейской России. Совет труда и обороны, опираясь на архивные документы по этому вопросу (начиная с записки М.К. Сидорова), 6 апреля 1921 г. принял декрет «Об организации и задачах Ямальской экспедиции», где указывалось на «неотложную необходимость создания Великого северного пути из Сибири в Европу и в наши северные порты для экспорта леса, хлеба, рыбы, мяса, пушнины, жировых продуктов, богатств недр и поверхности земли», а также «принимая во внимание предстоящую колоссальную колонизацию Сибири и учитывая государственное значение Сибири…»[14]. Грандиозный проект по строительству канала страна в тот момент реализовать не могла. Северный морской путь начал эксплуатироваться в 1930-е гг., он был проложен в более высоких широтах, и потребность в канале отпала.

В 1918–1919 гг. были задействованы планы по созданию инфраструктуры и в восточной части европейского сектора Арктики. Несмотря на Гражданскую войну, которая расколола страну и общество на непримиримые части, энтузиасты экономического возрождения Севера продолжали вынашивать планы для мирного времени. Знакомясь с документами

[12] Жилинский А.А. Россия на Севере: К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова. Архангельск, 1918.
[13] *Варнек П.А.* Русский Север в первую мировую войну // Морские записки [Нью-Йорк]. 1949. Вып. 7, № 2. С. 36.
[14] Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 19. Оп. 3. Д. 202. Л. 206.

хозяйственных органов земств (на «белой» территории) или губернских и уездных совнархозов, складывается впечатление, что их сотрудники жили понятиями мира, а не войны. Так, Мурманская железная дорога, проходившая частью по советской территории, частью по территории «белой» Северной области, по этой причине не функционировала. Однако, строя в 1919 г. хозяйственные планы на будущий год, Олонецкий губернский совнархоз ставил задачи электрификации дороги (в связи с недостатком топлива), ремонта вагонов и паровозов.

Одновременно, заботясь о будущем развитии северной экономики, о завоевании потерянных во время войны иностранных рынков, возвращались к вопросу о железнодорожном пути, соединяющем страну с востока на запад – «Великом Северном пути», по которому из Сибири будут доставляться экспортные товары к северным портам[15]. Этот проект, о котором говорили в предшествующие революции лет двадцать, вновь возбудил общественность северных губерний. Буквально с первых дней после Февральской революции в различные органы власти посыпались предложения по экономическому развитию страны. Некоторые из них имели все шансы быть реализованными. У государства вскоре не стало хватать средств не только на инновационные проекты, но и на поддержание существования населения и государственного механизма. Однако народный энтузиазм оказался разбужен политическими событиями, и выискивались различные способы привлечения средств для реализации «великих планов». Одним из них стало использование иностранного капитала в форме концессий. Для строительства «Великого Северного пути», который бы соединил, по задумке инициаторов, Сибирь с беломорскими портами, предлагалось отдать в концессию огромные массивы леса (на вырубку), получив в качестве компенсации необходимые денежные и материальные средства для строительства и эксплуатации железной дороги.

Послевоенная разруха заставила не только отложить нереализованные проекты, но и забросить многое созданное в период «великого трехлетья» (так назвал время грандиозных государственных строек на Европейском Севере России 1914–1916 гг. П.А. Варнек[16]). Разбирались построенные железнодорожные пути (были даже намерения закрыть реализованный такой дорогой ценой проект, как Мурманская железная дорога), закрывались портовые районы; заброшенными оказывались устроенные на отдаленных территориях и на островах Северного Ледовитого океана маяки и телеграфные линии. В 1920-е гг. Север опять использовался только в качестве сырьевого района.

Предложенные для реализации проекта «Великого Северного пути» способы привлечения средств предлагались для других объектов промышленной инфраструктуры северных территорий страны. Чем меньше оставалось собственных возможностей, тем более привлекательные условия предлагались потенциальным инвесторам. В 1920-е гг. в северных губерниях лесные концессии давались иностранцам фактически бесплатно («попённая» плата была не слишком высока, но и от нее концессионеры постоянно пытались избавиться, настаивая на всевозможных «льготах»). Но ставилось условие: модернизировать лесопильные заводы, а главное – построить предприятия по химической переработке древесины. И если лесозаводы концессионерами более или менее были восстановлены и оснащены иностранным оборудованием, то целлюлозно-бумажных фабрик так и не появилось. То же было с рыбопромышленными и зверобойными концессиями: взималась незначительная плата за использование ресурсов в территориальных водах Советского государства, но организовать усовершенствованную техническую базу по переработке добытого на территории России на средства концессионеров не удалось. Пожалуй, концессионная программа имела один «плюс»: был получен негативный опыт работы с иностранными инвесторами. На это еще в 1880-е гг. обращал внимание архангельский чиновник и общественный деятель Г.И. Минейко: «…иностранцы, прибывавшие в Россию, <…> были не бескорыстными служителями и проводниками известной идеи, а искателями счастья, влекомые жаждой обогащения»[17].

[15] Каргопольский муниципальный архив. Ф. 75 (30). Оп. 1. Врем. № 2. б/л.
[16] *Варнек П.А.* Русский Север… С. 19.

Революционное сознание смириться с отношением к России как к колонии не могло, и иностранные концессии подвергались жесткой критике буквально со всех стороны. В процессе этой критики возникали собственные проекты – как обойтись без помощи иностранных инвестиций и технологий.

Не только революционный идеализм, но и огромные экономические трудности послевоенного времени, среди которых наиболее страшной была продовольственная необеспеченность огромных районов страны, подталкивали активную часть советских и партийных работников к стремлению реализовать нередко весьма претенциозные проекты. На Европейском Севере этому способствовали оставшиеся от Первой мировой и Гражданской войн материальные ценности (которые не удалось вывезти из Архангельска в Центральную Россию из-за существенных размеров). Минные тральщики и ледоколы уже на последнем этапе Первой мировой войны, в связи с начавшейся в 1917 г. демобилизацией, были переданы в аренду кооперативам, артелям и отдельным предпринимателям для организации тралового лова рыбы и доставки зверобоев к месту промыслов. Таким образом, произошел резкий скачок в модернизации этих традиционных занятий. Мечты зверобоев не тратить драгоценное время в поисках лежек тюленя оказались реализованными благодаря использованию военной авиации, совершавшей разведку удобных для промысла ледовых полей.

Послереволюционный энтузиазм был направлен буквально на все виды общественной деятельности: крестьянские общества на собраниях принимали решения о строительстве в своем селе электростанции, проведении дорог и т.п.; об открытии почтово-телеграфных станций, проведении телефона, устройстве новых школ, о бесплатном и всеобщем высшем образовании. Такие энтузиасты-фантазеры умели захватить умы крестьян, в среде которых успело накопиться недовольство несправедливостью распределения общественных благ. Впрочем, в основном эти планы предлагалось осуществлять за счет казны. Но денег не было, и идеи оставались нереализованными, что становилось причиной социальных разочарований. Обещание «светлого будущего» воспринималось опытными крестьянами как форма манипуляции для получения нужного решения на волостных сходах. Крестьяне Вельского уезда Вологодской губернии в 1920 г. обсуждали обещания коммунистов, которые «говорили, что мы старое все разрушим и создадим новое, хорошее, светлое. А без капиталистов ничего не смогли сделать <…>. Теперь с ними опять заодно – приглашают их к нам строить фабрики да заводы…»[18].

Наряду с усталостью населения от невыполненных обещаний и ухудшающейся жизни, период революционного энтузиазма породил немало мошенников, которые, как известный герой романа «Золотой теленок» Корейко, стремились воспользоваться хозяйственной анархией и нередко безответственным отношением властей к предложениям многочисленных прожектеров. Кроме откровенно уголовных элементов, впоследствии под жернова начавшихся в конце 1920-х гг. репрессий (первоначально экономических) попали, надо полагать, и романтики, мечтавшие претворить в жизнь нередко фантастические планы, каких немало поступало в различные хозяйственные органы советской власти в период «военного коммунизма», когда средства достаточно легко раздавались под самые разные предложения. Любые сомнения со стороны ответственных лиц воспринимались как «контрреволюционные». По словам автора докладной записки «об использовании и изучении природных богатств», «равнодушие местных властей к судьбе спящих в недрах края естественных богатств, – положительно необъяснимо. Мы не настолько богаты, чтобы игнорировать наличие природных богатств, но и не настолько бедны, чтобы не найти средств для их разработки…»[19].

В этом отношении показательна история «уранового рудника» в Пинежском уезде. В 1920 г. инженер Ф.А. Якшевич убедил губернский Совнархоз в возможности промыш-

[17] *Минейко Г.И.* Отчет комиссии о присуждении премии за составление истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. Архангельск, 1888. С. 5.

[18] Архив Регионального управления Федеральной службы безопасности по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 7. С. 67–68.

[19] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 371. Оп. 1. Д. 406. Л. 2.

ленной разработки урановых и цинковых руд; были получены немалые по тем временам средства, однако анализ образцов из вырытой шахты не показал наличия ценных минералов. Якушевич еще долго боролся за дело, в которое продолжал верить[20].

В 1922 г. на заседании Архангельского экономического совещания обсуждался вопрос о порте Индига, первоначальный замысел которого возник еще в середине XIX в., и о канале для соединения будущего порта с р. Печора. Оставив вопрос о канале на будущее, архангельские хозяйственники занялись обсуждением строительства порта. Однако 1922 г. – уже новая эпоха, более рациональная. Члены экономического совещания отнеслись к идее отрицательно: «Есть много более важных задач. Теперь не время заниматься постройкой гигантского индигского порта, когда разваливается все то, что существовало ранее. Довольно жить теми увлечениями, которые были в 1919 г., пора выработать строгую программу» хозяйственного восстановления и развития. В новых обстоятельствах сомнения высказывали даже сторонники проекта: если представитель центра «привезет свои средства, специалистов и рабочих, можно только приветствовать. Но если он привезет только свою энергию и кучу бумажек, то этого мало. Здесь ресурсов нет»[21]. (Кстати, в наше время идея строительства порта Индига вновь реанимировалась[22].)

Изучение проектов послереволюционного времени, а также возникающих вокруг них дискуссий дает представление о том, как происходило пространственное развитие экономики североевропейского региона России. На самом востоке Пинежского района Архангельской области сохранились «угольные шахты» – относительно глубокие ямы, где добывали древесный уголь в начале 1920-х гг. в условиях его катастрофического дефицита. Затем решением губернского Совнархоза было решено сосредоточиться на более перспективных угольных месторождениях – в Печорском угольном бассейне, залежи которого были обнаружены Северной научно-промысловой экспедицией (1920 г.), руководствовавшейся рассказами местных «сведущих людей».

Краткий экскурс в «историю экономических идей», из которых лишь немногим суждено было осуществиться в 1930–1970-е гг. в рамках правительственных программ, подтверждает, что подобные проекты имеют шанс быть реализованными исключительно как государственные.

Подытожим: не стоит относиться к предложениям, предлагавшимся энтузиастами развития отдаленных регионов России, лишь как к историческим артефактам. Есть смысл рассматривать судьбу этих идей в различных исторических обстоятельствах, поскольку при определенных условиях они вновь могут актуализироваться.

Литература

Варнек П.А. Русский Север в первую мировую войну // Морские записки [Нью-Йорк]. 1949. Вып. 7, № 2. С. 14–25.

Варнек П.А. Русский Север в первую мировую войну // Морские записки [Нью-Йорк]. 1949. Вып. 8, № 3–4. С. 13–34.

Едемский М.Б. Предварительный отчет о геологических работах на рр. Пинеге, Сотке и Кулое в 1921 году // Труды геологического и минералогического музея им. Петра Великого АН СССР. Т. V, вып. 5. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1926. С. 130–135.

Жилинский А.А. Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск: Издание Комитета по увековечению памяти М.К. Сидорова, 1918. 153, [2] с.

Засецкий А.А. Исторические и топографические известия по древности о России и частно о городе Вологде и его уезде и продолжении оного по известие сие: Из разных печатных и рукописных российских и иностранных книг и из собственных примечаний

[20] ГААО. Ф. 4651. Оп. 1. Д. 1–3.

[21] Там же. Ф. 893. Оп. 1. Д. 48. Л. 135–137.

[22] *Едемский М.Б.* Предварительный отчет о геологических работах на р.р. Пинеге, Сотке и Кулое в 1921 году М.Б. Едемского // Труды геологического и минералогического музея АН СССР. Ленинград, 1926. Т. V, вып. 5. С. 130–135; Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2035 г.

собранныя и сочиненныя, Алексеем Александровичем сыном Засецким, 1777 году, а потом от него же с пополнением исправлены по 1781 год. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1782. 87 с.

Зеленин Д. Архангельская губерния в начале XIX века: Статистическое описание губернии по современной рукописи // Памятная книжка Архангельской губернии на 1907 год. Архангельск, 1907. С. 1–9.

Кир Козмин. Былое: Из жизни Архангельского Севера // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 24. С. 1044–1054.

Латкин В. Наказ города Архангельска в Екатерининскую законодательную комиссию 1767 г. // Юридический вестник. 1886. Т. 23, № 11. С. 419–431.

Минейко Г.И. Отчет комиссии о присуждении премии за составление истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. Архангельск: Губ. типография, 1888. 25 с.

Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.

Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб.: Типография Морского министерства, 1890. 333 с.

Россия в 1917 году: энциклопедия / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2017. 1093 с.

Россия в Первой мировой войне, 1914–1918: энциклопедия в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2014. Т. 1. 823 с.

Россия в Первой мировой войне, 1914–1918: энциклопедия в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2014. Т. 2. 904 с.

Россия в Первой мировой войне, 1914–1918: энциклопедия в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2014. Т. 3. 744 с.

Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А.Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008. 543 с.

Федотов Г.П. Революция идет [1929] // Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории культуры. СПб.: София, 1991. Т. 1. С. 126–172.

Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность [1987]. М.: Новости, 1992. 304 с.

References

Fedotov, G.P. (1991). Revolyutsiya idet [1929] [The Revolution is Coming [1929]]. In *Sudba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoy istorii kultury*. St. Petersburg, Sofiya. Vol. 1, pp. 126–172.

Gofman, A.B. (Ed.). (2008). *Traditsii i innovatsii v sovremennoy Rossii. Sotsiologicheskiy analiz vzaimodeystviya i dinamiki* [Traditions and Innovations in Modern Russia. Sociological Aanalysis of Interaction and Dynamics]. Moscow, ROSSPEN. 543 p.

Hayek, F.A. (1992). Pagubnaya samonadeyannost' [1987] [The Fatal Conceit [1987]]. Moscow, Novosti. 304 p.

Kozmin, Kir (1913). Byloe: Iz zhizni Arkhangel'skogo Severa [The Past: From the Life of the Arkhangelsk North]. In *Izvestiya Arkhangelskogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa.* No. 24, pp. 1044–1054.

Latkin, V. (1886). Nakaz goroda Arkhangel'ska v Ekaterininskuyu zakonodatel'nuyu komissiyu 1767 g. [Address of the City of Arkhangelsk to the Catherine Legislative Commission in 1767]. In *Yuridicheskiy vestnik*. Vol. 23, No. 11, pp. 419–431.

Mineiko, G.I. (1888). *Otchet komissii o prisuzhdenii premii za sostavlenie istorii goroda Arkhangel'ska v torgovo-promyshlennom otnoshenii* [Report of the Commission on Awarding the Prize for Compiling the History of the City of Arkhangelsk in Trade and Industry]. Arkhangelsk, Gub. tipografiya. 25 p.

Mironov, B.N. (2019). *Rossiyskaya modernizatsiya i revolutsiya* [Russian Modernization and Revolution]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin. 528 p.

Ogorodnikov, S.F. (1890). *Ocherk istorii goroda Arkhangel'ska v torgovo-promyshlennom otnoshenii* [Sketch of the History of the City of Arkhangelsk in Trade and Industry]. St. Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva. 333 p.

Sorokin, A.K. (Ed.). (2014). *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne, 1914–1918: entsyclopedia v 3 t.* [Russia in the First World War, 1914–1918: encyclopedia in 3 vol.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 1. 823 p.

Sorokin, A.K. (Ed.). (2014). *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne, 1914–1918: entsyclopedia v 3 t.* [Russia in the First World War, 1914–1918: encyclopedia in 3 vol.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 2. 904 p.

Sorokin, A.K. (Ed.). (2014). *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne, 1914–1918: entsyclopedia v 3 t.* [Russia in the First World War, 1914–1918: encyclopedia in 3 vol.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 3. 744 p.

Sorokin, A.K. (Ed.). (2017). *Rossiya v 1917 godu: entsyclopedia* [Russia in 1917: encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN. 1093 p.

Varnek, P.A. (1949). Russkiy Sever v pervuyu mirovuyu voynu [Russian North in the First World War]. In *Morskie zapiski*. Iss. 7, No. 2, pp. 14–25.

Varnek, P.A. (1949). Russkiy Sever v pervuyu mirovuyu voynu [Russian North in the First World War]. In *Morskie zapiski*. Iss. 8, No. 3–4, pp. 13–34.

Yedemsky, M.B. (1926). Predvaritel'nyy otchet o geologicheskikh rabotakh na rr. Pinege, Sotke i Kuloe v 1921 godu [Preliminary Report on Geological Works on the Rivers Pinega, Sotka and Kuloy in 1921]. In *Trudy geologicheskogo i mineralogicheskogo muzeya im. Petra Velikogo AN SSSR*. Leningrad. Vol. 5, Iss. 5, pp. 130–135.

Zasetsky, A.A. (1782). *Istoricheskie i topograficheskie izvestiya po drevnostyam o Rossii i chastno o gorode Vologde i ego uezde* [Historical and Topographical News on Antiquities about Russia and Privately about the City of Vologda and Its Uyezd]. Moscow, Universitetskaya tipografiya u N. Novikova. 87 p.

Zelenin, D. (1907). Arkhangel'skaya guberniya v nachale XIX veka: Statisticheskoe opisanie gubernii po sovremennoy rukopisi [Arkhangelsk Province at the Beginning of the 19th Century: Statistical Description of the Province According to a Modern Manuscript]. In *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoy gubernii na 1907 god*. Arkhangelsk, pp. 1–9.

Zhilinskiy, A.A. (1918). *Rossiya na Severe (K opisaniyu zhizni i deyatelnosti M.K. Sidorova)* [Russia in the North (To the Description of the Life and Work of M.K. Sidorov)]. Arkhangelsk, Izdanie Komiteta po uvekovecheniyu pamyati M.K. Sidorova. 153, [2] p.

Д.С. Заозерский
О.В. Минчук*

ПРОЕКТЫ АМЕРИКАНСКИХ ЛЕСНЫХ КОНЦЕССИЙ НА СЕВЕРЕ РОССИИ В 1922–1923 ГОДАХ**

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-18
УДК 323.326+911.3"192"

Выходные данные для цитирования:
Заозерский Д.С., Минчук О.В. Проекты американских лесных концессий на Севере России в 1922–1923 годах // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 237–247. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-18.pdf

D.S. Zaozerskiy
O.V. Minchuk*

THE PROJECTS OF THE AMERICAN TIMBER CONCESSIONS ON THE NORTH OF RUSSIA IN THE 1920S**

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-18

How to cite:
Zaozerskiy D.S., Minchuk O.V. The Projects of the American Timber Concessions on the North of Russia in the 1920s // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 237–247. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-18.pdf]

Abstract. The article is devoted to the study of the projects of the 1922–1923 American timber concessions administered by the Severoles state trust. The authors analyze concession offers in the timber industry of the Russian North, received from the foreign entrepreneurs as of 1924. The status and contents of the American projects are thoroughly analyzed. It is concluded that most of the concessionary projects considered by Severoles can be referred as unsuccessful, as actually only three concessionary agreements were concluded with Russgollandoles, Russangloles and Russnorvegoles. It is said that timber territories within the jurisdiction of Severoles did not receive much attention from American capitalists. By 1924 only two companies from the USA initiated concessionary offerings. Although they were not implemented, as they were more of an exploratory and originally contained no specifics of how timber production should have been organised in accordance with the conditions of the North of Russia. Severoles as a state trust was interested in partners who possessed greater capitals than the American Corporation for Exploitation of Natural Resources and the American Standard Development Corporation.

Keywords: RSFSR, USSR, concessions, timber concessions, The Main Concession Committee (Glavkoncesskom), Severoles, American Corporation for Exploitation of Natural Resources, The American Standard Development Corporation.

The article has been received by the editor on 16.11.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Даниил Сергеевич Заозерский,** кандидат исторических наук, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук, Архангельск, Россия, e-mail: d.zaozerskiy@yandex.ru
Daniil Sergeyevich Zaozerskiy, Candidate of Historical Sciences, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russia, e-mail: d.zaozerskiy@yandex.ru
Олег Викторович Минчук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, e-mail: o.minchuk@narfu.ru
Oleg Viktorovich Minchuk, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, e-mail: o.minchuk@narfu.ru
** Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, конкурс № 22-18-20061 «Иностранные концессии в Архангельской губернии: региональный опыт внешнеэкономических контактов в условиях изоляции Советской России».
The work was carried out with the financial support of the RPF, competition No. 22-18-20061 “Foreign Concessions in the Arkhangelsk Province: Regional Experience of Foreign Economic Contacts in the Conditions of Isolation of Soviet Russia”.

Аннотация. Статья посвящена изучению проектов американских лесных концессий 1922–1923 гг., находившихся в ведении государственного треста «Северолес». Авторами дается общая характеристика всего объема концессионных предложений в лесной отрасли Севера России, полученных по состоянию на март 1924 г. от иностранных предпринимателей. Авторами детально характеризуется статус и содержание американских проектов. Делается вывод, что большинство концессионных проектов, находящихся на рассмотрении «Северолеса», можно считать несостоявшимися, так как фактически было заключено только три концессионных договора: с «Руссголландолесом», «Руссанглолесом» и «Русснорвеголесом». Отмечается, что лесные территории, подведомственные «Северолесу», не получили большого внимания со стороны американских капиталистов. На 1924 г. только две компании из США выступили инициаторами концессионных предложений. При этом они не были реализованы, так как носили характер «разведывательных» и изначально не содержали приемлемой конкретики по организации производства относительно особенностей лесного хозяйства Севера России. «Северолес», являясь государственным трестом, был заинтересован в партнерах, которые бы обладали бóльшими капиталами, чем «Американское Общество по эксплуатации естественных богатств» и «Америкен Стандарт Девелопмент Корпорейшен».

Ключевые слова: РСФСР, СССР, концессии, лесные концессии, Главный концессионный комитет, Главконцесском, ГКК, «Северолес», «Американское общество по эксплуатации естественных богатств», «Америкен Стандарт Девелопмент Корпорейшен».

Статья поступила в редакцию 16.11.2023 г.

Современная внешнеполитическая ситуация, в которой находится Российская Федерация, характеризуется жесткой санкционной политикой со стороны части западных стран, что в определенной степени ограничивает приток иностранных инвестиций в экономику страны. При этом опыт становления Советской России служит одним из показательных исторических примеров адаптации государства к подобным непростым условиям. Окончание гражданской войны и интервенции открыло окно возможностей для начала возрождения экономики в РСФСР. Руководство страны нуждалось в экономических драйверах, которыми могли стать иностранные капиталы. Немаловажным являлось и выстраивание торговых отношений с зарубежными странами. Все это становилось возможным благодаря концессионным соглашениям с Германией, Великобританией, США и другими странами.

Историография процессов привлечения иностранного капитала в Советскую Россию берет свое начало с момента возникновения и законодательного закрепления концессионной политики в РСФСР–СССР. Среди исследователей того времени можно выделить И.Н. Бернштейна[1], Б.А. Ландау[2], В.П. Бутковского[3], А.А. Иоффе[4]. Можно согласиться с мнением В.В. Булатова, согласно которому период с начала 1930-х по конец 1950-х гг. характеризуется игнорированием изучения концессионной тематики[5]. Среди более поздних работ советского периода стоит отметить труд А.Г. Донгарова[6].

[1] *Бернштейн И.Н.* Очерк концессионного права СССР. М.; Л., 1930.
[2] *Ландау Б.А.* Концессионное право Союза ССР. М., 1925.
[3] *Бутковский В.П.* Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М.; Л., 1928.
[4] *Иоффе А.А.* Итоги и перспективы концессионной политики и практики СССР // Плановое хозяйство. 1927. № 1. С. 75–87.
[5] *Булатов В.В.* Концессионные отношения в СССР. Волгоград, 2011.
[6] *Донгаров А.Г.* Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990.

Среди отечественных работ современного периода представляют интерес статьи Е.С. Косых[7], М.И. Левина и И.В. Шевелевой[8]. Проблематика, связанная с изучением американского капитала в советском государстве периода 1920-х гг., затрагивается в работах А.А. Мишина[9] и Н.А. Ковалевой[10].

На сегодняшний день проблематика несостоявшихся иностранных концессий на территории Советской России слабо изучена в отечественной исторической науке. Внимание ученых на протяжении всего периода исследования концессионных отношений в РСФСР и СССР было сконцентрировано на таких аспектах, как сущность концессий как политико-правового института, результативность и рентабельность концессионных предприятий, причины и факторы провала концессионной политики, частные вопросы производственной деятельности отдельных предприятий на различных территориях и социальные аспекты деятельности концессионных предприятий[11].

Вопросы, непосредственно касающиеся проектов несостоявшихся концессий, рассматриваются в работах С.С. Хромова[12], В.В. Булатова[13], В.Г. Трофименко[14]. В объемной публикации архивных материалов «Иностранный концессии. Исторический очерк. Документы» С.С. Хромов описывает концессионные инициативы, которые в итоге не были реализованы (концессия по строительству Великого Северного железнодорожного пути Обь – Котлас с ответвлениями на Петроград и Мурманск 1919 г.[15], концессия Б. Вандерлипу на Камчатке и в Приморье 1920 г.[16]). В.В. Булатов, анализируя идею строительства Великого Северного пути и предложение Б. Вандерлипа в статье «Резонансные концессионные предложения периода военного коммунизма», обращает внимание на то, что они были выдвинуты западными фирмами еще до формальной институционализации концессионной практики РСФСР–СССР и до издания декрета «Об общих экономических и юридических условиях концессий» 23 ноября 1920 г.[17] По мнению ученого, данные предложения имели большое значение для становления концессионной политики в дальнейшем в период нэпа. В.В. Булатов сделал вывод о том, что по сравнению с данными «резонансными» предложениями позднее «масштаб концессий сузился до размеров отдельного объекта или комплекса взаимосвязанных между собой объектов»[18].

---

[7] *Косых Е.С.* Концессионная политика и ее правовое регулирование в период нэпа // Доклады Башкирского университета. 2016. Т. 1, № 1. С. 161–165.

[8] *Левин М.И., Шевелева И.В.* Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: «почему расстались»? // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 138–157.

[9] *Мишина А.А.* Концессионная деятельность А. Хаммера и А. Гарримана в советской России в годы нэпа // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер.: Stadis Historica Juvenum. 2017. № 1. С. 224–229.

[10] *Ковалева Н.А.* Советско-американские отношения в первой половине 1920-х гг.: проблема заключения концессионных договоров на примере нефтяной концессии компании // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее: сб. мат-лов X Региональной науч.-практ. конф. аспирантов, соискателей, молодых ученых и магистрантов (Тула, 25 февраля 2014 г.). Тула, 2014. С. 60–65.

[11] *Трошина Т.И.* Иностранные концессии в Архангельской губернии в период нэпа: взаимоотношения населения, местных властей и концессионеров // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Исторические и филологические науки. 2023. № 1. С. 39–43.

[12] *Хромов С.С.* Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. М., 2006. Ч. 1.; *Хромов С.С.* Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. М., 2006. Ч. 2.

[13] *Булатов В.В.* Резонансные концессионные предложения периода военного коммунизма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2012. Т. 12, № 2. С. 104–110.

[14] *Трофименко В.Г.* Концессионные дела треста «Северолес» 1920-х гг. как исторический источник // Молодые ученые России: сб. ст. XV Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 12 октября 2022 г.). Пенза, 2022. С. 38–40.

[15] *Хромов С.С.* Иностранные концессии в СССР… Ч. 1. С. 10.

[16] *Хромов С.С.* Иностранные концессии в СССР… Ч. 2. С. 286–288.

[17] Декрет СНК РСФСР «Об общих экономических и юридических условиях концессий». 23 ноября 1920 г. // «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства» 1920 г., № 91, ст. 481 [Электронный ресурс]. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/116335-dekret-snk-rsfsr-ob-obschih-ekonomicheskih-i-yuridicheskih-usloviyah-kontsessiy-23-noyabrya-1920-g (дата обращения: 14.11.2023).

[18] *Булатов В.В.* Резонансные концессионные предложения… С. 104–110.

Краткий обзор концессионных предложений, касавшихся именно лесных площадей Севера России и находившихся в ведении правления «Северолеса», приведен в статье В.Г. Трофименко[19]. Автор в источниковедческом ключе рассматривает документы об образовании концессий, находящиеся в фонде «Северолеса» в Государственном архиве Архангельской области (ГААО. Ф. Р-71).

Зарубежные исследователи нечасто обращались к теме неподдержанных концессий в СССР. Так, для них характерно изучение роли иностранцев в подъеме экономики России и СССР[20], анализ законодательной базы концессионной политики, сравнение ее с более поздним советским опытом по привлечению иностранного капитала, а также исследования процесса создания совместных предприятий[21]. Работы В.В. Тевлиной и Й. Лундесгаарда посвящены отдельным вопросам деятельности лесной концессии «Русснорвеголес»[22], концессионной политике СССР[23], а также взаимоотношениям с западными странами в период нэпа[24].

Таким образом, изучение несостоявшихся концессий или проектов концессионных предприятий представляется перспективным, так как позволит расширить фактологию истории концессионных отношений Советской России и круг изучаемых объектов концессионной практики (западные фирмы и консорциумы фирм, выдвигавшие концессионные предложения). Все это даст возможность дополнить выводы о результативности концессионной политики на Севере России в 1920-е гг. В настоящий момент является важным изучение проектов американских концессий на Севере России в 1920-е гг., поскольку данные концессионные предложения важны для понимания целостной картины процессов концессионирования на указанной территории.

Научная новизна исследования заключается также и во введении в научный оборот новых источников по изучаемой проблематике. Так, источниковой базой настоящего исследования стали как опубликованные материалы Главного концессионного комитета (ГКК) при СНК, так и неопубликованные источники Государственного архива Архангельской области (ГААО), часть из которых впервые вводится в научный оборот. Ценные данные были получены из деловой переписки «Северолеса» с представителями американских фирм, а также из справочных материалов, составленных в рамках обобщения информации о концессионных предложениях и находящихся в производстве правления «Северолеса».

При подготовке статьи использованы общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение), а также нарративный и историко-системный. В частности, последний позволяет рассматривать проекты американских лесных концессий как одну из частей концессионной практики РСФСР–СССР 1920-х гг.

Заключение концессионных договоров и создание соответствующих предприятий в рассматриваемый период было длительным процессом согласования и утверждения как решений, так и различных документов. Предложения от иностранных фирм, направленные на осуществление хозяйственной деятельности в лесном секторе Севера России, начали поступать с осени 1921 г. В августе того же года в целях «поднятия и развития лесозаготовительной и лесообрабатывающей промышленности Архангельско-Беломорского района»[25]

---

[19] *Трофименко В.Г.* Концессионные дела треста «Северолес»… С. 38–40.

[20] *Heywood A.* Soviet economic concessions policy and industrial development in the 1920s: The case of the Moscow railway repair factory // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52, No. 3. P. 549–569.

[21] *Albin A.J.* Joint-venture law in the Soviet Union: The 1920s and the 1980s. // Northwestern Journal of International Law & Business. 1989. Vol. 9, No. 3. P. 633–657.

[22] *Lundesgaard J., Tevlina V.V.* Russian timber industry in the 1920s: on the short history of Russnorvegoles //Acta Borealia. 2017. T. 34, № 1. P. 26–49.

[23] *Lundesgaard J.* NEP Timber Concessions in the 1920s: On the Lack of Profitability Problem // Международные отношения на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и современность. Архангельск, 2015. С. 284–295.

[24] *Lundesgaard J., Tevlina V.V.* Profit under the Soviets: Timber concessions, Western interests and the monetary reforms under NEP // Revolutionary Russia. 2021. T. 34, № 1. P. 71–90.

[25] № 656. Постановление Совета Труда и Обороны. Положение об органе управления лесной промышленностью Северо-Беломорского района (Северолес) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г.

в составе Главного лесного комитета был создан государственный трест «Северолес». В сферу его ответственности было решено включить составление, рассмотрение и ведение дел о концессионных предложениях и дальнейшую их передачу на утверждение в высшие органы государственной власти РСФСР (в дальнейшем СССР).

Сохранившиеся на сегодняшний день архивные документы (особенно «Справка о положении переговоров с соискателями лесных концессий в районе деятельности “Северолеса”») свидетельствуют о том, что по состоянию на 15 марта 1924 г. в распоряжении Лесоэкономического и Концессионного бюро правления «Северолеса» находилось 38 зарегистрированных в Главном концессионном комитете дел[26]. Данные дела по степени завершенности распределялись на семь основных групп.

В первую входили дела, минувшие все стадии утверждения и получившие полное законодательное завершение[27]. Данные концессии можно назвать состоявшимися. В лесной промышленности за весь период активной концессионной политики Советской России было заключено семь таких договоров, при этом три из них («Руссголландолес», «Руссанглолес» и «Русснорвеголес») действовали на территории Архангельской губернии. Концессии «Руссголландолес», «Руссанглолес» и «Русснорвеголес» были созданы в форме смешанных акционерных обществ. За короткий период своего существования предприятия не смогли стать рентабельными и были ликвидированы[28]. Тем не менее они оставили определенный след в истории лесной промышленности СССР и Архангельского Севера. Так, одним из важных итогов (находящимся в целом вне экономической плоскости) стала реализация реституционных целей советского правительства. Это осуществилось, прежде всего, за счет использования организационно-правовой формы в виде смешанных обществ[29] и включения в учредительские договоры пунктов об отказе от имущественных претензий к национализированному имуществу[30].

Вторую группу концессионных дел образовывали предложения, прошедшие стадию предварительных переговоров, по которым было достигнуто принципиальное соглашение, но при этом требовалась дополнительная конкретизация и детализация концессионных условий. Среди данных дел были проекты лесных предприятий группы «Афрут», группы «Русский Рено» и Французско-Немецкой группы[31]. Учредительная документация в виде предварительных проектов по этим концессиям была составлена, однако в конечном счете работа оказалась безрезультатной. Предприятия не были созданы[32].

Третью группу составляли концессионные предложения, находящиеся на тот момент на стадии предварительных переговоров. Всего таких дел было шесть: предложения фирм «Рудольф Ферстер», «Лидазаверк», «Армстронг, Витворд и К° (Уитворт. – *Д. З., О. М.*)», «Маннесман Индустри унд Хандельсгезелльшафт», «Флейшгут-Гефу» и «Бекос Трайдерс Лимитед»[33]. Дела данной группы не получили официального оформления (даже в виде проектов), не было осуществлено практических действий по их реализации.

В отношении дел четвертой группы были начаты предварительные переговоры, стороны пришли к принципиальному соглашению, но ввиду различных причин никаких практических результатов достигнуто не было[34]. К этой группе были отнесены дела концессии Пинего-Двинского лесного общества, компании «Кюблер и Нитгаммер», фирмы

[Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/node/46991 (дата обращения: 14.11.2023).

[26] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. Р-71. Оп. 9. Д. 216. Л. 179.

[27] Там же. Л. 180.

[28] *Загорулько М.М., Парфенов А.Е.* Смешанные лесные концессионные предприятия на севере европейской России в период НЭПа // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2006. № 5. С. 181–188.

[29] Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): док-ты и мат-лы. М., 2005. С. 214.

[30] ГААО. Ф. Р-71. Оп. 7. Д. 666 а. Л. 144.

[31] Там же. Оп. 9. Д. 216. Л. 181–182.

[32] *Трофименко В.Г.* Концессионные дела треста «Северолес»… С. 38–40.

[33] ГААО. Ф. Р-71. Оп. 9. Д. 216. Л. 182.

[34] Там же. Д. 179.

«Вилли Мейнеке», «Карстен Симонсен»[35]. Например, делопроизводство по потенциальной лесорубочной концессии с немецкой фирмой «Кюблер и Нитгаммер» на эксплуатацию Устьянского и Шангальского лесничеств в бассейне р. Ваги было прекращено по причинам затруднения в переговорах с иностранным контрагентом и смены отношения «Северолеса» к лесорубочным договорам в целом[36].

В пятую группу входили дела, не вышедшие из стадии предварительных переговоров и прекращенные по различным причинам[37]. Наиболее многочисленную часть этой группы составляли предложения, носившие характер разведок о возможности получения каких-либо концессий[38]. В самой «Справке о положении переговоров» слово «разведка» упоминается в нейтральном значении (выяснение условий, на основании которых иностранные фирмы смогли бы работать в РСФСР-СССР), но не в значении шпионажа. В рассматриваемой справке фигурировало одиннадцать таких предложений, в том числе и два от американских фирм – «Американского общества по эксплуатации естественных богатств» (American Corporation for Exploitation of Natural Resources, или «Хинчук») и «Америкен Стандарт Девелопмент Корпорейшен» (The American Standard Development Corporation)[39]. Часть концессионных предложений пятой группы не была осуществлена по формальным причинам, например из-за смены организационно-правовой формы, непредставления доказательств о кредитоспособности фирмы или из-за наличия разногласий внутри самой фирмы[40].

Были и концессионные предложения, которые не вышли из стадии предварительных переговоров вследствие принципиальных разногласий. В качестве примера можно привести предложение английской фирмы «К. Стюарт», ходатайствовавшей о предоставлении ей концессии в Кемском и Ковдо-Керетском лесных районах, а также претендовавшей на реституцию прежде принадлежавшего фирме имущества и на лимитирование налогов[41].

Шестая группа была сформирована из дел по внутреннему концессионированию. Наконец, в седьмую группу входили дела, не относившиеся к лесной промышленности[42].

На наш взгляд, несостоявшимися можно считать любую из концессий, по которой не был заключен концессионный договор и, соответственно, не была начата реальная производственная деятельность. К таковым можно отнести все предложения со второй по пятую группы включительно, так как фактически лесные концессии первой группы остались единственными реализованными на территории ответственности «Северолеса».

Как отмечалось выше, одними из несостоявшихся концессий были предложения от нескольких американских фирм. Стоит отметить, что в рассматриваемый период политический курс США в отношении экономического сотрудничества с Советской Россией был достаточно консервативным. Как отмечают Н.В. Курысь и С.Г. Тищенко: «официальная позиция правительства США по отношению к Советской России в 1918–1920 гг. была в целом негативной, и концессионная политика не получила должного развития»[43]. В целом американские бизнесмены были заинтересованы в сотрудничестве с Россией, но американское государство рекомендовало своим гражданам «проявлять осторожность и не вступать в контакты с РСФСР»[44]. Вследствие этого в начале 1920-х гг. претендентами на заклю-

[35] Там же. Л. 187.
[36] ГААО. Ф. Р-71. Оп. 9. Д. 216. Л. 188.
[37] Там же. Д. 179.
[38] Там же. Д. 189.
[39] Там же. Д. 190.
[40] Там же.
[41] Там же. Д. 191.
[42] Там же. Д. 216. Л. 180.
[43] *Курысь Н.В.* Концессия и концессионное право периода новой экономической политики (20–30-е гг. XX века) // Журнал российского права. 2003. № 10. С. 135.
[44] *Косых Е.С.* Становление советско-американских торгово-экономических отношений (1918–1923 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-3. С. 102.

чение советских концессионных договоров были в основном мелкие и средние фирмы, а иногда и авантюристы[45].

13 июля 1922 г. «Северолес» получил предложение от председателя «Американского акционерного общества по эксплуатации естественных богатств» А. Хинчука (American Corporation for Exploitation of Natural Resources). Это общество предполагало построить «целлюлозный завод на Севере вблизи Архангельска и добывать достаточное количество древесины, необходимой для переработки в целлюлозу»[46]. Выработка целлюлозы по проекту составляла бы сто тонн в день. По предложению А. Хинчука, часть этой выработки отправлялась бы в Америку, а остальное оставалось бы для нужд России. Данный интерес со стороны американских дельцов был обусловлен ростом спроса на готовую бумагу на внешних рынках США и одновременно уменьшением производства сырца для этих нужд в США и Канаде[47].

20 июля 1922 г. предложение А. Хинчука было рассмотрено в ходе заседания правления «Северолеса». На заседании постановили, что оно отвечает хозяйственным интересам «Северолеса», так как в то время трест проектировал создание крупного целлюлозно-бумажного предприятия вблизи Архангельска. В связи с этим правление выразило согласие на приезд потенциальных концессионеров в Москву для переговоров. Иностранной группе предлагалось создать концессию в форме смешанного акционерного общества на паритетных началах с предоставлением обществу права эксплуатации определенных лесных массивов[48]. А. Хинчук обещал, что к 1 октября 1922 г. представители фирмы прибудут в Москву для переговоров. Тем не менее дальнейшего хода делу не было дано. Проект данной концессии остался нереализованным. Необходимо выяснить причины, по которым американская сторона отказалась от своих намерений.

Еще одним американским концессионным предложением был проект от фирмы «Америкен Стандарт Девелопмент Корпорейшен» (председатель А.Б. Прицкий). Данное предложение поступило в «Северолес» 14 июля 1923 г. Суть предложения заключалась в предоставлении лесной концессии с возможностью удобного сплава в Архангельск, Петроград или Кемский порт для создания комбинированного лесопильно-целлюлозного производства[49]. Фирма хотела получить лесную концессию на следующих условиях. Общая площадь концессии должна была составлять не менее 100 тыс. десятин. В качестве насаждений должны были быть представлены хвойные породы (ель). Основной капитал общества планировался в размере 1 млн долл. (214 тыс. ф. ст.). Также концессионер обязывался построить целлюлозный завод, лесопильные заводы и необходимые подсобные предприятия для разработки и переработки древесины[50].

Правление «Северолеса» посчитало предложения нереалистичными вследствие их несогласованности. Так, с точки зрения правления создание комбинированного лесопильно-целлюлозного предприятия требовало гораздо больших затрат, чем указанный основной капитал. По расчетам «Северолеса» целлюлозное производство могло быть коммерчески выгодным при производительности его в среднем 3 млн пудов целлюлозы (в источнике не уточнено, в месяц, в квартал или в год), а обоснованное такой производительностью комбинированное лесопильно-целлюлозное предприятие требовало бы капитала в 12 млн руб. (1 400 тыс. ф. ст.). Более того, в пределах Северного района, к которому относилась вся территория «Северолеса», запасы древесины на десятине площади были настолько невелики, что обосновать комбинированное лесопильно-целлюлозное производство отводом предполагаемой площади 100 тыс. десятин было невозможно[51].

---

[45] *Косых Е.С.* Становление советско-американских торгово-экономических отношений… С. 100.
[46] ГААО. Ф. Р-71. Оп. 9. Д. 253. Л. 8.
[47] Там же. Л. 9.
[48] Там же. Л. 6.
[49] Там же. Л. 6, 12.
[50] Там же. Л. 6.
[51] Там же. Л. 6 об.

Вероятно, «Америкен Стандарт Девелопмент Корпорейшен» была плохо знакома с условиями лесного хозяйства на Севере России. С целью эффективной организации данного предприятия «Северолес» предложил расширить отводимую под концессию площадь до 500 тыс. десятин и пришел к выводу, что фирме стоит увеличить ее основной капитал. По мнению правления треста, наиболее подходящим объектом для А.Б. Прицкого мог послужить Сухонский участок (лесничества Пельшемское и Сухонское), находившийся вне территорий, принадлежавших «Северолесу». Из участков с удобным сплавом к Архангельску и с большими запасами деловой древесины в районе «Северолеса» подходящим являлся Уфтюгский в составе лесничеств Уфтюгского и Красноборского площадью 500–600 тыс. десятин.

31 августа 1923 г. «Северолес» сообщил ГКК, что с представителем фирмы «Америкен Стандарт Девелопмент Корпорейшен» А.Б. Прицким и его компаньонами переговоры больше не велись и дальнейших действий по данному делу трест не предпринимал[52]. Более того, «Северолес» сохранял определенный скепсис по отношению к данной фирме и ее руководителю. Указывалось, что «владельцы фирмы считаются серьезными и трудолюбивыми людьми», «они работали с успехом, хотя у нас нет никаких сведений, что они принимали участие в каких-нибудь значительных предприятиях»[53]. Иными словами, можно предположить, что трест был заинтересован в сотрудничестве с более крупной фирмой, чем «Америкен Стандарт Девелопмент Корпорейшен».

Вероятно, что с конца августа 1923 г. по 15 марта 1924 г. «Северолесу» не поступало концессионных предложений от американских предпринимателей или фирм.

Таким образом, в рамках настоящего исследования были рассмотрены два концессионные предложения от американских фирм, направленные «Северолесу» по состоянию на 15 марта 1924 г. Итак, концессионные предложения «Американского общества по эксплуатации естественных богатств» (American Corporation for Exploitation of Natural Resources) и «Америкен Стандарт Девелопмент Корпорейшен» (The American Standard Development Corporation) не были реализованы по следующим причинам:

1. Предложения носили характер «разведывательных». Данная причина относится к обоим проектам американских фирм, и здесь необходимо пояснение.

В тексте источника «Справка о положении переговоров с соискателями лесных концессий в районе деятельности “Северолеса”» от 15 марта 1924 г. не приводятся сведения о том, как именно иностранные фирмы или их представители принимали решение по поводу того, какой участок (территорию) «Северолеса» они хотят получить в концессию. Скорее всего, иностранным специалистам не дозволялось обследовать территории треста самостоятельно, так как это могло быть трактовано как неоднозначные действия на территории суверенного СССР. Поэтому «разведка» в данном случае означает выяснение возможности и условий для получения концессии в СССР (путем переписки и переговоров с представителями треста «Северолес»). Можно также предположить, что «разведывательными» руководство «Северолеса» называло концессионные предложения, авторы которых до революции 1917 г. не были заняты в лесной отрасли Архангельской губернии, в отличие, например, от авторов концессионного предложения «Русснорвеголеса», которые обладали ценной информацией о характере сплава по определенным рекам, ценных качествах тех или иных пород древесины на определенных территориях Севера России. Необходимо заметить, что данная гипотеза, когда о ряде концессионных предложений говорилось как о носивших характер разведок[54], требует дальнейшей разработки.

2. Вторая и третья причины относятся только к проекту «Америкен Стандарт Девелопмент Корпорейшен» (The American Standard Development Corporation) А.Б. Прицкого. Упомянутое концессионное предложение изначально не содержало приемлемой конкретики по организации производства относительно особенностей лесного хозяйства Севера России.

[52] ГААО. Ф. Р-71. Оп. 9. Д. 252. Л. 2.
[53] Там же. Л. 5.
[54] Там же. Д. 189.

3. «Северолес», являясь государственным трестом, был заинтересован в партнерах, которые бы обладали бóльшими капиталами, чем «Американ Стандарт Девелопмент Корпорейшен».

В отношении «Американ Стандарт Девелопмент Корпорейшен» третья причина выступила решающей. Так, первые две проблемы могли быть решены посредством переговоров потенциальных концессионеров с советской стороной и получением большей информации о лесном хозяйстве Севера России, в то время как финансовое состояние претендентов сыграло не в их пользу.

Представляется необходимым дальнейший поиск архивных материалов на предмет существования проектов американских лесных концессий на Севере России, которые могли поступать в правление треста «Северолес» после 1923–1924 гг.

Литература

Бернштейн И.Н. Очерк концессионного права СССР. М.; Л.: Госиздат, 1930. 127 с.

Булатов В.В. Концессионные отношения в СССР. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. 226 с.

Булатов В.В. Резонансные концессионные предложения периода военного коммунизма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2012. Т. 12, № 2. С. 104–110.

Бутковский В.П. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М.; Л.: Госиздат, 1928. 123 с.

Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. 168 с.

Загорулько М.М., Парфенов А.Е. Смешанные лесные концессионные предприятия на севере европейской России в период НЭПа // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2006. № 5. С. 181–188.

Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): документы и мат-лы / отв. ред. и сост. М.М. Загорулько. М.: Современная экономика и право, 2005. 856 с.

Иоффе А.А. Итоги и перспективы концессионной политики и практики СССР // Плановое хозяйство. 1927. № 1. С. 75–87.

Ковалева Н.А. Советско-американские отношения в первой половине 1920-х гг.: проблема заключения концессионных договоров на примере нефтяной концессии компании // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее: сб. мат-лов X Региональной науч.-практ. конф. аспирантов, соискателей, молодых ученых и магистрантов (Тула, 25 февраля 2014 г.). Тула, 2014. С. 60–65.

Косых Е.С. Американский бизнес в экономике Советской России 20-х гг. // Великая Российская революция 1917 г.: методология, источники, историография: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. (Стерлитамак, 29 сентября 2017 г.). Стерлитамак, 2017. С. 169–174.

Косых Е.С. Концессионная политика и ее правовое регулирование в период нэпа // Доклады Башкирского университета. 2016. Т. 1, № 1. С. 161–165.

Косых Е.С. Становление советско-американских торгово-экономических отношений (1918–1923 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-3. С. 99–102.

Курысь Н.В., Тищенко С.Г. Концессия и концессионное право периода новой экономической политики (20–30-е гг. XX века) // Журнал российского права. 2003. № 10. С. 134–146.

Ландау Б.А. Концессионное право Союза ССР. М.: Право и жизнь, 1925. 75 с.

Левин М.И., Шевелева И.В. Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: «почему расстались»? // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 138–157.

Мишина А.А. Концессионная деятельность А. Хаммера и А. Гарримана в советской России в годы нэпа // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер.: Stadis Historica Juvenum. 2017. № 1. С. 224–229.

Трофименко В.Г. Концессионные дела треста «Северолес» 1920-х гг. как исторический источник // Молодые ученые России: сб. ст. XV Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 12 октября 2022 г.). Пенза, 2022. С. 38–40.

Трошина Т.И. Иностранные концессии в Архангельской губернии в период нэпа: взаимоотношение населения, местных властей и концессионеров // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Исторические и филологические науки. 2023. № 1. С. 39–43.

Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. М.: ИРИ РАН, 2006. Ч. 1. 385 с.

Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. М.: ИРИ РАН, 2006. Ч. 2. 403 с.

Albin A.J. Joint-venture law in the Soviet Union: The 1920s and the 1980s // Northwestern Journal of International Law & Business. 1989. Vol. 9, № 3. P. 633–657.

Heywood A. Soviet economic concessions policy and industrial development in the 1920s: The case of the Moscow railway repair factory. // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52, № 37. P. 549–569.

Lundesgaard J. NEP Timber Concessions in the 1920s: On the Lack of Profitability Problem // Международные отношения на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и современность. Архангельск, 2015. С. 284–295.

Lundesgaard J., Tevlina V.V. Profit under the Soviets: Timber concessions, Western interests and the monetary reforms under NEP // Revolutionary Russia. 2021. Vol. 34, No. 1. P. 71–90.

Lundesgaard J., Tevlina V.V. Russian timber industry in the 1920s: on the short history of Russnorvegoles // Acta Borealia. 2017. Vol. 34, No. 1. P. 26–49.

References

Albin, A.J. (1989). Joint-venture law in the Soviet Union: The 1920s and the 1980s. In *Northwestern Journal of International Law & Business.* Vol. 9, No. 3, pp. 633–657.

Bernshtejn, I.N. (1930). *Ocherk kontsessionnogo prava SSSR* [Essay on Concession Law of the USSR]. Moscow, Leningrad, Gosizdat. 127 p.

Bulatov, V.V. (2011). *Kontsessionnye otnosheniya v SSSR* [Concession Relations in the USSR]. Volgograd, Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet. 226 p.

Bulatov, V.V. (2012). Rezonansnye kontsessionnye predlozheniya perioda voennogo kommunizma [Resonant Concession Proposals of the Period of War Communism]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. *Novaya seriya*. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 12, No. 2, pp. 104–110.

Butkovskiy, V.P. (1928). *Inostrannye kontsessii v narodnom hozyaystve SSSR* [Foreign Concessions in the National Economy of the USSR]. Moscow, Leningrad, Gosizdat. 123 p.

Dongarov, A.G. (1990). *Inostrannyy kapital v Rossii i SSSR* [Foreign Capitals in Russia and in the USSR]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 168 p.

Heywood A. (2000). Soviet economic concessions policy and industrial development in the 1920s: The case of the Moscow railway repair factory. In *Europe-Asia Studies* Vol. 52, No. 3, pp. 549–569.

Ioffe, A.A. (1927). Itogi i perspektivy kontsessionnoy politiki i praktiki SSSR [Results and Prospects of Concession Policy and Practice of the USSR]. In *Planovoe hozyaystvo*. No. 1, pp. 75–87.

Khromov, S.S. (2006). *Inostrannye kontsessii v SSSR. Istoricheskiy ocherk. Dokumenty* [Foreign Concessions in the USSR. A Historical Essay. Documents]. Part 1. Moscow, IRI RAN. 385 p.

Khromov, S.S. (2006). *Inostrannye kontsessii v SSSR. Istoricheskiy ocherk. Dokumenty* [Foreign Concessions in the USSR. A Historical Essay. Documents]. Part 2. Moscow, IRI RAN. 403 p.

Kosykh, E.S. (2015). Stanovlenie sovetsko-amerikanskih torgovo-ekonomicheskih otnosheniy (1918–1923 gg.) [The Formation of Soviet-American Trade and Economic Relations in 1918–

1923]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. No. 10-3, pp. 99–102.

Kosykh, E.S. (2016). Kontsessionnaya politika i ee pravovoe regulirovanie v period nepa [Concession Policy and Its Legal Regulation during the NEP Period]. In *Doklady Bashkirskogo universiteta*. Vol. 1, No. 1, pp. 161–165.

Kosykh, E.S. (2017). Amerikanskiy biznes v ekonomike Sovetskoy Rossii 20-kh gg. [American Business in the Economy of Soviet Russia in the 20s]. In *Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya 1917 g.: metodologiya, istochniki, istoriografiya*. Sterlitamak, pp. 169–174.

Kovaleva, N.A. (2014). Sovetsko-amerikanskie otnosheniya v pervoy polovine 1920-kh gg.: problema zaklyucheniya kontsessionnyh dogovorov na primere neftyanoy kontsessii kompanii [Soviet-American Relations in the First Half of the 1920s: The Problem of Concluding Concession Agreements Using the Example of a Company's Oil Concession]. In *Issledovatel'skiy potentsial molodyh uchenyh: vzglyad v budushchee*. Tula, pp. 60–65.

Kurys', N.V., Tishhenko, S.G. (2003). Kontsessiya i kontsessionnoe pravo perioda novoy ekonomicheskoy politiki (20–30-e gg. XX veka) [Concession and Concession Law of the Period of the New Economic Policy]. In *Zhurnal rossiyskogo prava*. No. 10, pp. 134–146.

Landau, B.A. (1925). *Kontsessionnoe pravo Soyuza SSR* [The USSR Concession Law]. Moscow, Pravo i zhizn'. 75 p.

Levin, M.I., Sheveleva, I.V. (2016). Inostrannye kontsessii v 1920-kh godah v SSSR: "pochemu rasstalis"? [Foreign Concessions in the 1920s in the USSR: "Why They Parted"?]. In *Voprosy ekonomiki*. No. 1, pp. 138–157.

Lundesgaard, J. (2015). NEP Timber Concessions in the 1920s: On the Lack of Profitability Problem. In *Mezhdunarodnye otnosheniya na Evropeyskom Severe i v Arktike v pervoy chetverti XX veka: istoricheskiy opyt i sovremennost'*. pp. 284–295.

Lundesgaard, J., Tevlina, V.V. (2017). Russian timber industry in the 1920s: on the short history of Russnorvegoles. In *Acta Borealia*. Vol. 34, No. 1, pp. 26–49.

Lundesgaard, J., Tevlina, V.V. (2021). Profit under the Soviets: Timber concessions, Western interests and the monetary reforms under NEP. In *Revolutionary Russia*. Vol. 34, No. 1, pp. 71–90.

Mishina, A.A. (2017). Kontsessionnaya deyatel'nost' A. Hammera i A. Garrimana v sovetskoy Rossii v gody nepa [Concession Activities of A. Hammer and A. Harriman in Soviet Russia during the NEP Years]. In *Vestnik nauchnoy assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. Seriya: Stadis Historica Juvenum. No. 1, pp. 224–229.

Trofimenko, V.G. (2022). Kontsessionnye dela tresta "Severoles" 1920-kh gg. kak istoricheskiy istochnik [Concession Cases of the Severoles Trust in the 1920s as a Historical Source]. In *Molodye uchenye Rossii*. Penza, Nauka i Prosveshchenie, pp. 38–40.

Troshina, T.I. (2023). Inostrannye kontsessii v Arhangel'skoy gubernii v period nepa: vzaimootnoshenie naseleniya, mestnykh vlastey i kontsessionerov [Foreign Concessions in the Arkhangelsk Province during the NEP Period: The Relationship between the Population, Local Authorities and Concessionaires]. In *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki. No. 1, pp. 39–43.

Zagorul'ko, M.M. (Ed.). (2005). *Inostrannye kontsessii v SSSR (1920–1930 gg.)* [Foreign Concessions in the USSR in 1920–1930s]. Moscow, Sovremennaya ekonomika i pravo. 856 p.

Zagorul'ko, M.M., Parfenov, A.E. (2006). Smeshannye lesnye kontsessionnye predpriyatiya na severe evropeyskoy Rossii v period NEPa [Mixed Forest Concession Enterprises in the North of European Russia during the NEP Period]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. No. 5, pp. 181–188.

Т.В. Панич*

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И АРХЕОГРАФИИ» (ПОКРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2023)

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-19
УДК 94(470+571)+001.8

Выходные данные для цитирования:
Панич Т.В. Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии» (Покровские чтения – 2023) // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 248–257. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-19.pdf

T.V. Panich*

THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE “ACTUAL PROBLEMS OF NATIONAL HISTORY, SOURCE STUDIES AND ARCHEOGRAPHY” (POKROVSKY READINGS – 2023)

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-19

How to cite:
Panich T.V. The All-Russian Scientific Conference “Actual Problems of National History, Source Studies and Archeography” (Pokrovsky Readings – 2023) // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 248–257. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-19.pdf]

Abstract. On October 12–14, 2023, the Institute of History of the SB RAS (Novosibirsk) and Novosibirsk State University hosted the All–Russian scientific conference “Actual Problems of National History, Source Studies and Archeography” (Pokrovsky Readings – 2023), dedicated to the memory of the outstanding Russian historian, Academician of the Russian Academy of Sciences Nikolai Nikolaevich Pokrovsky (1930–2013). The review presents the proceedings of the conference and provides information on its participants and its thematic areas are characterized. The work of the sections and the problems of the presented reports.

Keywords: Scientific Conference, N.N. Pokrovskiy, Institute of History of the SB RAS.

The article has been received by the editor on 01.12.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В Институте истории СО РАН (Новосибирск) и Новосибирском государственном университете 12–14 октября 2023 г. состоялась Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии» (Покровские чтения – 2023), посвященная памяти выдающегося российского историка, академика РАН Николая Николаевича Покровского (1930–2013). В обзоре освещается работа конференции. Сообщается об участниках конференции, ее тематических направлениях, в краткой форме характеризуется работа секций, проблематика представленных докладов.

Ключевые слова: научная конференция, Н.Н. Покровский, Институт истории СО РАН.

Статья поступила в редакцию 01.12.2023 г.

* **Тамара Васильевна Панич,** доктор филологических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: panich.t@yandex.ru
Tamara Vasilievna Panich, Doctor of Philological Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: panich.t@yandex.ru

В Институте истории СО РАН (Новосибирск) и Новосибирском государственном университете 12–14 октября 2023 г. состоялась Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии» (Покровские чтения – 2023), посвященная памяти выдающегося российского историка, академика РАН Николая Николаевича Покровского (1930–2013). В работе конференции, проходившей в очном и дистанционном форматах, приняли участие исследователи из академических научных учреждений и вузов Абакана, Афин (Греция), Екатеринбурга, Барнаула, Белостока (Польша), Иркутска, Кирова, Москвы, Мурманска, Новосибирска, Омска, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Смоленска, Сыктывкара, Томска.

Открыл конференцию директор Института истории СО РАН, д-р ист. наук В.М. Рынков. С приветственным словом к ее участникам обратились: академик РАН, д-р ист. наук А.П. Деревянко (Новосибирск); академик РАН, д-р ист. наук В.И. Молодин (Новосибирск); д-р ист. наук А.С. Зуев (Новосибирск); чл.-корр. РАН, д-р ист. наук А.В. Сиренов (Санкт-Петербург); чл.-корр. РАН, д-р филол. наук И.В. Силантьев (Новосибирск); доктор богословия, протоиерей Б.И. Пивоваров (Новосибирск). Выступавшие поделились личными воспоминаниями о Николае Николаевиче Покровском, отметили его неоценимый вклад в историческую науку, широту и глубину его научных интересов, выдающуюся роль в организации археографических исследований в Сибири и основании Новосибирского археографического центра, Новосибирской историко-филологической научной школы археографии и источниковедения.

На пленарном заседании были заслушаны пять докладов, три из которых носили мемуарный характер, были непосредственно посвящены личности, научному наследию и научной деятельности Н.Н. Покровского. Так, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук А.В. Сиренов (Санкт-Петербург) представил уникальные документальные сведения о научной и экспозиционной деятельности Н.Н. Покровского во время его работы во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике в 1964–1965 гг. Доклад д-ра ист. наук Н.П. Матхановой (Новосибирск) был посвящен научно-просветительной деятельности Н.Н. Покровского, продолжившего традиции М.Н. Тихомирова, к научной школе которого он принадлежал. Д-р ист. наук Н.С. Гурьянова (Новосибирк) посвятила свое выступление научной школе Н.Н. Покровского. Не меньший интерес представляли и другие доклады пленарного заседания. Д-р ист. наук А.И. Алексеев (Санкт-Петербург) рассматривал вопросы авторства анонимных текстов Петровского времени первой половины XVIII в., текстологический анализ которых позволил

установить авторов отдельных из них. В докладе чл.-корр. РАН, д-ра ист. наук И.В. Побережникова (Екатеринбург) были исследованы слухи как фактор социальной мобилизации, показано их воздействие на динамику, масштаб и характер социального протеста в восточных регионах России в XVIII–XIX вв.

Заседания конференции проходили в пяти секциях. В выступлениях участников конференции (всего было заслушано 80 докладов) был предложен для дискуссий большой круг актуальных вопросов отечественной истории, истории Русской православной церкви, истории русской книжности, а также истории и духовной культуры старообрядчества. Представлены теоретические и конкретно-исторические исследования нарративных и документальных источников разного времени, выполненные с использованием классических и новейших методов изучения, междисциплинарного подхода, приемов археографического, текстологического, источниковедческого анализа. В целом темы и проблематика докладов связаны с теми направлениями исторической науки, которые нашли отражение в научных трудах Н.Н. Покровского.

Большинство докладов, обсуждавшихся в ходе работы секции **«Современные опыты изучения книжного наследия XVI–XIX вв.»**, было посвящено актуальным вопросам кодикологии, археографии и источниковедения. В них изложены результаты изучения собраний рукописей и книг старой печати, в том числе собраний государственных и личных библиотек. Большой интерес и вопросы участников конференции вызвал доклад д-ра ист. наук М.В. Корогодиной (Санкт-Петербург), в котором исследовательница представила и охарактеризовала опыт описания, специфику и принципы издания в разные годы рукописных собраний Библиотеки Академии наук, рассказала о перспективах изучения неисследованных фондов библиотеки. Канд. ист. наук П.И. Мангилев (Екатеринбург) познакомил участников конференции с результатами изучения собрания рукописей из библиотеки архиепископа Пермского и Верхотурского Неофита (Соснина) (1794–1868). Канд. филол. наук И.А. Шилова и А.А. Юдин (Новосибирск) поделились опытом камеральной археографической работы в Музее истории православия на Алтае (г. Барнаул). А.Н. Коваленко и канд. филол. наук В.В. Подопригора (Новосибирск) сообщили об итогах изучения книг кириллической печати, хранящихся в приходских собраниях Алтая. Канд. ист. наук Ю.С. Белянкин (Москва) посвятил свой доклад анализу ряда вновь найденных исторически ценных записей на русских старопечатных книгах, содержащих новые сведения из истории освоения Сибири и Урала. Д-р ист. наук В.Л. Портных (Новосибирск) сообщил интересные сведения об истории малоизвестного фонда РГАДА, 1490, сформированного

из грамот, связанных с русской историей и хранившихся до войны в Любекском городском архиве.

На заседании прозвучали также доклады, содержащие новые данные, полученные в ходе исследования творчества и общественно-исторической деятельности выдающихся представителей русской культуры, известных писателей и полемистов XVI–XVIII вв. Научными открытиями поделилась канд. филол. наук И.В. Вернер (Москва). Ею были идентифицированы два рукописных источника перевода Нового Завета Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского на основе маргинальных помет и глосс, содержащихся в принадлежавших им рукописях. Д-ром филол. наук И.И. Журовой (Новосибирск) анализировались особенности текстологической картины прижизненного Румянцевского сборника сочинений Максима Грека, сохранившего архив писателя (РГБ. Ф. 256. Собрание Румянцева. № 264). В докладе д-ра филол. наук Т.В. Панич (Новосибирск) была рассмотрена специфика отображения событий прошлого в сочинениях церковных писателей второй половины XVII в., проанализированы способы и цели их использования, а также характер рецепции и оценки исторических событий авторами «переходной» эпохи в связи с ее актуальными проблемами. А.И. Попович (Екатеринбург) познакомил слушателей с интересными находками, полученными при изучении проповедей Стефана Яворского, посвященных российским святителям Петру и Алексию. Проанализированы авторские риторические стратегии, сквозные мотивы проповедей Яворского, объясняющего бедствия Северной войны, пожары и эпидемии грехами «бесовских плевел» внутри российского общества. В докладе канд. ист. наук А.А. Манохина (Москва) был введен в научный оборот новый список Сказаний о скончании седьмой тысячи Иосифа Волоцкого, который, как было установлено автором, оказался более ранним по сравнению с известными в науке списками.

Особый тематический блок составили доклады, посвященные исследованию истории и поэтики литературных текстов XVII–XVIII вв., представляющих один из широко распространенных жанров древнерусской литературы – жанр чудес. Доклад канд. филол. наук В.А. Мельничук (Новосибирск), основанный на материалах Степенной книги, был посвящен изучению чудес-знамений в жизнеописаниях русских князей. Е.С. Дилигул (Санкт-Петербург) представила в докладе важные выводы, касающиеся ранее не изучавшихся сказаний о чудесах иконы Тихвинской Богоматери в Поволжье XVII–XVIII вв. на материале двух памятников русской книжности этого времени: «Сказании о иконе Богоматери Тихвинской в граде Цивильске» и «Сказании о явлении иконы Тихвинской Богоматери еже есть во граде Свияжску». В докладе показана особая значимость циклов чудес в этих произведениях для истории почитания образа Богоматери Тихвинской. Канд. филол. наук Т.И. Ковалева (Новосибирск) на основе текстологического анализа рукописных списков Сказания об Абалацкой иконе Богородицы показала роль чуда «о серьгах» вдовы Марии в тексте Сказания.

Интерес и дискуссию вызвал совместный доклад д-ра филол. наук С.К. Севастьяновой (Новосибирск), канд. филол. наук П.А. Рылик (Афины, Греция) и А.Г. Бондача (Москва). Он был посвящен раскрытию символического значения числа *четыре* в «Книге о соборе» газского митрополита Паисия Лигарида, которое было использовано полемистом в качестве литературного приема с целью выразить авторскую позицию (надежда на освобождение Христианского Востока от османского ига русским царем и оправдание своего участие в Московском соборе).

На заседаниях секции **«Актуальные проблемы изучения истории России»** рассматривались актуальные вопросы политической, экономической, интеллектуальной, региональной истории, истории науки и других научных направлений. Хронологические рамки исследований охватывали период от позднего Средневековья до Новейшего времени. Столь же масштабный характер имели территориальные рамки сообщений, включавшие Центральную Россию, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Аляску. Все доклады отличала научная новизна, актуальность и дискуссионность поднятых авторами проблем.

Доклад канд. ист. наук Н.Н. Покровского (Новосибирск) касался жизни и деятельности академика Н.Н. Покровского. На основе письменных, устных, вещественных и визуальных

источников автор реконструировал события одного дня из жизни своего отца во время его пребывания в Суздале, продемонстрировал многогранность личности и таланта Н.Н. Покровского – выдающегося ученого-историка, прекрасно разбиравшегося в технике и искусстве (живописи, кинематографе, музыке), честного и мудрого человека, настоящего друга и справедливого отца.

Проблематика большинства докладов была связана с изучением истории Сибири и Урала. Рассматривались вопросы правительственной политики в отношении русского и коренного населения региона; проблемы, касающиеся военнослужащих в Сибири, представительских организаций горнопромышленных рабочих Урала в конце XIX в., истории купечества и др. В докладе д-ра ист. наук Л.М. Дамешека (Иркутск) были проанализированы основные направления правительственной политики в отношении сословия сибирских инородцев в области административной, налоговой и социокультурной политики, отмечена ее эволюция от политики имперского регионализма к политике унификации сословия инородцев и русского крестьянства. Выступление д-ра ист. наук А.В. Дмитриева (Новосибирск) было посвящено складыванию династий потомственных военных в рядах офицерского корпуса частей регулярной армии в Сибири в течение XVIII в., рассмотрению их социального статуса. А.А. Бродников (Новосибирск) проанализировал в своем докладе пути формирования окладов государева жалованья сибирской служилой «аристократии» в XVII в. (на примере енисейского гарнизона). Д-р ист. наук Е.В. Комлева (Новосибирск) посвятила доклад актуальным проблемам в изучении истории сибирского купечества в прошлом, настоящем и будущем. Сделан прогноз развития купеческого историографического дискурса в ближайшие годы. В докладе И.Д. Долгушина (Новосибирск) произведены анализ и оценка информационного потенциала ведомостей волостных правлений Енисейской губернии как нового источника для изучения истории судоходства на среднем Енисее в частности и Сибири в целом во второй четверти XIX в. О деятельности съездов уральских горнозаводчиков как региональных представительских организаций горнопромышленных рабочих Урала в конце XIX – начале XX в. сообщил канд. ист. наук М.В. Друзин (Санкт-Петербург). Изучению источников по истории повседневности жителей сибирских городов был посвящен доклад канд. ист. наук Т.А. Кискидосовой (Абакан). Внимание автора сконцентрировано на исследовании публикаций журналов Енисейской губернии второй половины XIX в. для выявления социального и профессионального состава горожан Енисейской Сибири, отдельных аспектов их общественной и семейной жизни, основных занятий. Результаты исследования англо- и немецкоязычной историографии, посвященной изучению социокультурных процессов в дореволюционной Сибири, были изложены в докладе канд. ист. наук Д.А. Ананьева (Новосибирск). Канд. ист. наук Д.Л. Шереметьева (Новосибирск) проанализировала газеты, издававшиеся в армии А.В. Колчака в ноябре 1919 – январе 1920 г. Установлены условия учреждения, динамика численности и основные функции антибольшевистских военных периодических изданий на востоке России.

Канд. ист. наук В.А. Слугина (Новосибирск) и канд. ист. наук И.Н. Никаноров (Москва) в своем докладе представили эволюцию в течение XVII в. текста присяг в составе чиновных книг – крестоцеловальной записи для православного населения и шертовальной записи для неправославных подданных Российского государства.

В докладе д-ра ист. наук Д.А. Редина (Екатеринбург) анализировался губернский бюджет в России в 1710-х гг. Рассмотрены нормативные коллизии и способы губернских властей найти возможность финансового обеспечения собственной деятельности.

Выступление канд. ист. наук И.А. Шипилова (Новосибирск) было посвящено проблеме становления физической географии как отдельного направления в российской науке XVIII в. в ходе и по результатам академических и правительственных экспедиций в Сибирь. Установлено, что первым физико-географом в России стал Д.Г. Мессершмидт, который определил и описал различные геосистемы Сибири. Выявлено значение Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) для оформления физической географии, показана роль в этом деле последующих экспедиций и знаменитых исследователей.

Вопросы географии, источниковедения и археографии соединились в докладе канд. ист. наук В.И. Байдина (Екатеринбург), в котором анализировались «Ермаковы» пометы на картах С.У. и Л.С. Ремезовых. Приемы археографического и текстологического анализа источника позволили автору сделать вывод о том, что появление помет основано на воспоминаниях потомков участников похода и местных преданиях, слышанных С.У. Ремезовым и попавших в его «Историю Сибирскую».

В выступлениях, заслушанных на заседаниях секции **«Источниковедение: проблемы и практики»,** были представлены результаты исследования как отдельных источников, так и их комплексов, хронологически охвативших XVIII–XX вв. Осуществлен анализ информационного потенциала источников, рассмотрены эдиционные проблемы и практики. Во время работы секции происходило всестороннее обсуждение докладов, велись научные дискуссии вокруг самых разных вопросов и гипотез.

Особо значимым в рамках темы и задач конференции стал доклад канд. ист. наук Н.А. Старухина (Новосибирск), в котором впервые освещено содержание обнаруженных писем академика Н.Н. Покровского к профессору Томского государственного университета, д-ру ист. наук З.Я. Бояршиновой (написанных в период с 1972 по 1980 г.), а также привлечены материалы экспедиционного архива сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН для исследования истории археографии в Сибири, у истоков которой стоял Н.Н. Покровский.

С именем Н.Н. Покровского связан также доклад Н.А. Мининкова (Ростов-на-Дону), который посвящен истории родного города академика – Ростова-на-Дону. Исследованные автором архивные документы свидетельствуют о том, что начало истории города относится к середине XVIII в., когда была основана Темерницкая таможня, а в 1762 г. – крепость Святого Дмитрия Ростовского.

Важные научные источниковедческие находки были рассмотрены в докладах ученых, представляющих отдел археографии (Археографическая комиссия) Института славяноведения РАН (Москва). В основу доклада канд. ист. наук А.В. Мельникова легло выявленное автором в Центральном архиве ФСБ РФ следственное дело по обвинению Н.А. Баклановой, ученицы академика М.М. Богословского, по статье 58-10. Доказано, что арест Н.А. Баклановой, обвинение и вынесенный ей приговор связаны с началом следствия в Ленинграде по так называемому Академическому делу 1929–1931 гг. В докладе канд. ист. наук Е.Ю. Нуйкиной проанализированы информативные возможности судебно-следственных дел. Показана

возможность применения методик анализа следственных документов, рассматриваемых в трудах Н.Н. Покровского, при изучении архивных материалов XX в. В докладе канд. ист. наук М.П. Мироненко показано значение воспоминаний В.Л. Житомирского для характеристики повседневной жизни населения родного города автора (Черкассы Киевской губернии) от конца XIX – начала XX в. до революционных лет и Гражданской войны. Канд. ист. наук Т.В. Медведева представила данные источниковедческого анализа «Записки об Удском остроге» (1852 г.) чиновника Н.Д. Свербеева. Текст был рассмотрен как самостоятельный историографический памятник в окружении других литературных текстов Свербеева. Прослежена связь «Записки» с деятельностью Н.Н. Муравьева-Амурского в Восточной Сибири.

Большой интерес и обсуждение вызвали доклады сотрудников Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), в которых прозвучала новаторская постановка ряда проблем археографии, архивоведения, палеографии, заинтересовавших участников конференции. В докладе канд. ист. наук И.А. Полякова и канд. ист. наук М.А. Смирновой в качестве источника был избран комплекс личных записей на печатных месяцесловах XVIII–XIX вв., которые часто использовались владельцами как записные книжки. В выступлении канд. искусствоведения Е.А. Михайловой рассматривалась рукопись в 10 томах – «Моя автобиография» И.Ф. Тюменева (хранится в Отделе рукописей РНБ), созданная на рубеже XIX–XX вв. Автором доклада показано уникальное место данного памятника в контексте близких по времени автобиографических текстов.

Источники личного происхождения анализировались и в других выступлениях. В совместном докладе канд. ист. наук С.А. Мулиной (Омск) и канд. ист. наук Н.Г. Суворовой (Омск) рассмотрен личный архив профессора А.В. Ремнева. Авторами показаны этапы его комплектования, систематизации, дана оценка архива с позиции историка, определены возможности как источника. В выступлении канд. ист. наук П.А. Афанасьева (Барнаул) было представлено документальное наследие провинциального чиновника Е.П. Клевакина. Автор обосновал перспективы использования этого документального комплекса в изучении провинциальной повседневности.

На секции были обсуждены и новые подходы в изучении истории декабристов. В докладе канд. ист. наук П.В. Ильина (Санкт-Петербург) рассматривались актуальные вопросы археографии в области изучения этой темы, прозвучало предложение о научном издании на основе археографических исследований современной хрестоматии, сборника общественно-политической публицистики участников тайных обществ, материалов личного происхождения из архивных фондов декабристов и их современников и др. Выступление канд. ист. наук Е.Н. Туманик (Новосибирск) было посвящено полевым исследованиям в декабристоведении. На материалах воспоминаний Л.Я. Подольской, участницы историко-этнографической экспедиции Иркутского госуниверситета в 1963 г., освещен процесс полевой работы, охарактеризована роль С.Ф. Коваля в сохранении наследия декабристов.

В докладе д-ра ист. наук В.М. Рынкова рассмотрены новые подходы к типологии журналов и место в ней ведомственных периодических изданий, представлены результаты исследования конкретных ведомственных журнальных изданий на востоке России во второй половине 1918 – 1919 г. Докладчик обозначил круг актуальных научных проблем, связанных с перспективами изучения ведомственных журналов.

Интересные наблюдения и выводы, полученные в ходе текстологического исследования «Краткого курса истории ВКП(б)», показал в своем докладе д-р ист. наук М.В. Зеленов (Москва). Ученым установлены авторы разных фрагментов книги, выявлены три редакции книги, которая была переписана И.В. Сталиным в 1938 г.

Внимание слушателей привлек также доклад д-ра ист. наук М.К. Чуркина (Омск), в котором были обоснованы факторы и условия формирования и трансляции собственнических представлений о восточных фронтирных территориях в публикациях епархиальной журнальной прессы.

Канд. филол. наук Л.А. Курышева (Новосибирск) рассказала о восприятии русской национальной кухни иностранными путешественниками, посетившими Россию на рубеже XVII–XVIII вв. В докладе наблюдения и высказывания иностранцев о русской кухне были представлены как часть дискурса о степени цивилизованности или варварства московского государства.

На заседаниях секции **«История и культура старообрядчества»** были прочитаны и обсуждены доклады, посвященные истории старообрядчества на разных исторических отрезках его существования, начиная от времени формирования данного религиозно-общественного движения (XVII в.) и до настоящих дней. Рассматривались вопросы, связанные с историей оформления идеологии староверия, ее эволюцией, книжной и музыкальной культурой старообрядцев, их ролью в сохранении и трансляции древнерусских культурных традиций.

Несколько докладов были посвящены творчеству писателей-староверов. Анализировались конкретные сочинения известных авторов, идеологов раннего старообрядчества. В качестве источника изучения творческого наследия первого поколения противников церковной реформы в докладе канд. филол. наук Л.В. Титовой (Новосибирск) был рассмотрен «Христианоопасный щит веры» инока Авраамия, включающий фрагменты текстов диакона Федора Иванова, в которых были высказаны взгляды, осуждающие политику церкви и верховной власти. Рукописная история Челобитной инока Авраамия в сборниках XVII–XIX вв. была проанализирована в докладе канд. ист. наук Л.Д. Демидовой (Новосибирск); обоснована необходимость пересмотра существующей классификации редакций памятника. Творчеству представителя литературной культуры Выга – выдающегося писателя Андрея Денисова посвятила свой доклад д-р филол. наук О.Д. Журавель (Новосибирск), сосредоточив внимание на книжных авторитетах Андрея Денисова и проблеме духовной преемственности.

Вопросы книжно-рукописного наследия старообрядцев разных регионов России, староверческих библиотек и скрипториев, книжных вкладов были рассмотрены в докладах канд. филол. наук О.С. Сапожниковой (Санкт-Петербург), д-ра ист. наук Е.Е. Дутчак (Томск), д-ра филол. наук Т.Ф. Волковой (Сыктывкар). Оформлению современных рукописей из скриптория староверов-часовенных на Енисее был посвящен доклад канд. искусствоведения Е.В. Быковой (Киров). На основе анализа деятельности скрипториев в монастырях староверов-часовенных на притоках Енисея (Красноярский край) автором было показано, как под влиянием современных технологий трансформировалась традиция переписывания книг в староверческой среде, что находит отражение в содержании и оформлении рукописей. В коллективном докладе д-ра ист. наук В.А. Есиповой (Томск), Д.Ю. Балагановой (Томск), канд. филол. наук А.Ю. Бородихина (Новосибирск), Е.А. Юдиной (Новосибирск) были изложены предварительные итоги изучения книжного наследия Древней Руси в поздних старообрядческих рукописях XVIII–XX вв. (из хранилищ Томска, Новосибирска, Тобольска, Тюмени и Иркутска).

О результатах изучения особенностей старообрядческого книгопечатания в начале XX в. рассказала д-р ист. наук И.В. Починская (Екатеринбург). Интересными наблюдениями при изучении старообрядческих гектографированных изданий Научной библиотеки Московского государственного университета поделилась Н.А. Кобяк (Москва).

Доклад д-ра филол. наук Е.М. Юхименко (Москва) был посвящен филипповским соборам XIX – начала XX в. Проблемам богослужебно-певческой культуры старообрядцев было посвящено выступление канд. искусствоведения Т.Г. Казанцевой (Новосибирск). В докладе были проанализированы духовные стихи Алтайской аудиоколлекции Института истории СО РАН.

Значительный круг вопросов, связанных с историей церкви, был рассмотрен на заседаниях секции **«История Русской православной церкви в пространстве источников XVI–XX вв.»**. Часть прозвучавших докладов имела обобщающий характер, другая – была посвящена отдельным аспектам рассматриваемых проблем. Основу исследований составили ранее неизвестные или малоизученные исторические источники, так или иначе связанные с исто-

рией Русской православной церкви XVI–XX вв.: актовые материалы, делопроизводственная документация, публицистические произведения, богослужебная литература, периодические издания, источники личного происхождения. Выступавшие показали глубокое и заинтересованное изучение привлеченных материалов.

Особый интерес у участников конференции вызвало выступление Б.И. Пивоварова, протоиерея, д-ра богословия, настоятеля храма Всех Святых, в земле Русской просиявших (Новосибирск). В его докладе были рассмотрены научные труды академика Н.Н. Покровского и высказана мысль об исключительной важности их использования в обновлении школьного исторического образования. Основное внимание Б.И. Пивоварова было сконцентрировано на цикле лекций, опубликованных в журнале «Источниковедение в школе». Они были ранее прочитаны Н.Н. Покровским в православной гимназии имени преподобного Сергия Радонежского в новосибирском Академгородке.

В докладе д-ра ист. наук А.С. Усачева (Москва) исследованы личные связи русских архиереев XVI в. с представителями политической элиты страны, показаны механизмы установления и поддержания этих связей новгородским архиепископом (1526–1542 гг.), митрополитом (1542–1563 гг.) Макарием, новгородским архиепископом Феодосием (1542–1551 гг.) и другими иерархами церкви с представителями русской знати. Особое внимание автор уделил рассмотрению взаимовыгодного характера таких связей.

Выступление д-ра ист. наук В.Г. Вовиной (Санкт-Петербург) было посвящено обзору духовных грамот XVI в., хранящихся в фонде Антониево-Сийского монастыря Архива СПбИИ РАН. В докладе рассмотрены духовные грамоты, принадлежавшие лицам из разных социальных слоев, а также ранний список духовной грамоты Антония Сийского.

Канд. ист. наук Н.В. Соколова (Москва) в своем докладе ввела в научный оборот описание архива и книжного собрания Великоустюжского и Тотемского архиерейского дома в начале XVIII в. (по описным книгам стольника А.М. Вешнякова).

Доклад канд. ист. наук Е.В. Беляковой (Москва) был посвящен рассмотрению понятия «благочестие» в русской культуре XVII в. На материале московских и киевских печатных изданий автором показано, как менялся концепт «благочестие» («благочестивый читатель» и «благочестивый издатель», «ревнители благочестия»), как развивалось понятие «древнее благочестие» в традиции противников церковных реформ, а в Выговской литературной традиции «страдание за благочестие» стало центральным концептом.

Ряд выступлений по своей проблематике был тесно связан с Урало-Сибирским регионом. Рассматривались вопросы местного церковного строительства, приходской жизни, деятельности архиереев в XVII–XVIII вв. В поле зрения исследователей находились такие аспекты этой деятельности, как открытие новых приходов и монастырей, архипастырские визиты и т.д. Доклад д-ра ист. наук И.Л. Дамешек (Иркутск) и канд. ист. наук А.П. Санникова (Иркутск) был посвящен деятельности сибирских архиереев первой половины XVIII в. в Восточной Сибири. В докладе канд. ист. наук И.Л. Маньковой (Екатеринбург) представлены итоги комплексного исследования источников о строительстве и функционировании православных храмов и часовен в Западной Сибири XVII в. В выступлении д-ра ист. наук А.Н. Мангилевой (Екатеринбург) проанализированы клировые ведомости в качестве особого вида источников. Их изучение позволило автору доклада сделать убедительные выводы о составе, образовательном уровне и различных сторонах жизни женщин духовного сословия Урала в XIX в. В докладе К.И. Котовой (Омск), построенном на основе рассказа протоиерея Александра Сулоцкого (бывшего преподавателя Тобольской семинарии), речь шла о театре Тобольской семинарии XVIII – начала XIX в. Д-р ист. наук Н.К. Чернышова (Новосибирск) поделилась результатами реконструкции состава личной библиотеки архимандрита Енисейского Спасского монастыря Филарета (в миру – Фортуната Петухова).

На основе исследования счетных списков, составлявшихся при принятии отчетов церковных старост специальными счетными комиссиями, д-р ист. наук С.А. Никонов (Мурманск) показал в своем докладе особенности приходской жизни Русского Севера на рубеже XVII–XVIII вв.

В докладе д-ра филол. наук Д.В. Долгушина (Новосибирск) был проанализирован круг источников, связанных с историей отставки Г.П. Павского с должности законоучителя наследника престола в 1835 г., намечены перспективы дальнейшего исследования и публикации этих источников.

Канд. ист. наук С.Г. Петров (Новосибирск) представил анализ ранее неизвестных источников по истории Русской православной церкви в первой половине 1920-х гг., в которых отражена негативная оценка московским духовенством, монашеством и рядовыми верующими, очевидцами происходивших событий, «новаторской» богослужебной практики главы обновленческого церковного раскола митрополита Антонина (Грановского).

В докладе В.В. Первушина (Новосибирск) рассмотрен образ Православной российской церкви, созданный на страницах газеты «Правда» в 1920 г. Проанализированы приемы и формы его конструирования авторами статей с целью вызвать негативное восприятие образа читателями газеты.

В докладе канд. ист. наук, канд. богословия И.А. Никулина (г. Белосток, Польша) анализировались периодические издания Варшавской Синодальной типографии 1920-х и 1930-х гг., которые являются ценными источниками по истории Православной церкви в СССР.

Канд. ист. наук М.В. Каиль (Смоленск) сделал обзор сюжетов, связанных с попыткой И.В. Сталина использовать православие для реализации советских внешнеполитических проектов. В докладе были затронуты такие темы, как замысел создания «московского Ватикана», Всеправославное совещание 1948 г., международные контакты православных иерархов во второй половине 1940-х гг. и др.

Завершающее пленарное заседание было посвящено подведению итогов конференции, ее участники обменялись впечатлениями о прослушанных докладах. В ходе работы конференции были обсуждены многие актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии, поставлены новые важные вопросы, намечены перспективы дальнейших исторических исследований. Проблематика представленных докладов в той или иной степени отразила многие научные интересы академика Н.Н. Покровского. Заложенные в его научном наследии открытия и идеи продолжают оставаться актуальными и востребованными для дальнейших разработок в разных областях исторической науки.

По итогам конференции запланирована публикация научных статей в очередном сборнике серии «Археография и источниковедение Сибири» (Новосибирск, 2024).

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВИЧА НИКОЛАЕВА!

23 октября 2023 г. исполнилось 70 лет со дня рождения доктора исторических наук Александра Алексеевича Николаева. После успешного окончания гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета в 1976 г. он поступил на работу в Новосибирский педагогический институт ассистентом кафедры истории КПСС, откуда был призван в ряды Советской армии. После демобилизации продолжил трудовую деятельность в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (1977 г.), а затем в Институте истории Сибирского отделения Российской академии наук (с 1991 г.), пройдя все ступени научного и профессионального роста: от старшего лаборанта, младшего, старшего, ведущего, главного научного сотрудника до заместителя директора института по научной работе.

В 1982 г. А.А. Николаев защитил кандидатскую диссертацию по теме «Роль промысловой кооперации в социалистическом преобразовании мелкой промышленности Сибири (1928–1937 гг.), а в 2000 г. – докторскую диссертацию «Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 – середина 1930-х гг.)». Его научным руководителем и консультантом был доктор исторических наук А.С. Московский.

А.А. Николаев – известный специалист в области аграрной и кооперативной истории, автор 210 научных работ, в том числе 3 авторских и 4 коллективных монографий, разделов в многотомных изданиях по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. Он выступил в качестве инициатора и ответственного редактора серии сборников научных статей «Кооперация Сибири». Издано шесть выпусков серии (1994 г., 1996 г, 1998 г., 2003 г., 2006 г., 2009 г.), посвященных проблемам истории кооперативного движения, промышленного и аграрного освоения Сибири. Принял активное участие в подготовке статей для трехтомной «Сибирской исторической энциклопедии» (2009 г.).

Исследования в области истории российской кооперации под его руководством получали постоянную поддержку Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований. По результатам выполнения проектов было опубликовано несколько документальных изданий, в том числе сборник документов «Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза» (Новосибирск, 1999), отмеченный дипломом и второй премией Росархива на Всероссийском конкурсе научных работ в области архивоведения, документоведения и археографии за 1999–2000 гг.

Научно-исследовательскую работу А.А. Николаев постоянно совмещал с педагогической деятельностью в Сибирском бизнес-колледже и Новом сибирском институте, где вел курсы по отечественной истории. Являясь профессором кафедры теории и истории кооперации Сибирского университета потребительской кооперации (2001–2010 гг.), читал курсы лекций по теории и истории кооперативного движения. В 2018–2020 гг. в Новосибирском военном институте войск национальной гвардии в качестве профессора кафедры теории и истории государства и права выступал перед курсантами с лекциями по теории и истории государства и права России.

Важное значение А.А. Николаев придает интеграции науки и образования, подготовке молодых ученых: занимается рецензированием кандидатских и докторских диссертаций, является членом Диссертационного совета Института истории СО РАН. Он член экспертного совета по отечественной истории Российского фонда фундаментальных исследований, фонда «История Отечества». В 2017 г. осуществлял экспертизу учебников по отечественной истории по заданию издательств «Дрофа» и «Вентана-Граф».

Значительным стал вклад Александра Алексеевича в научно-организационную деятельность СО РАН в качестве члена Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам (с 2016 г.). Его лидерские качества и талант организатора проявились на посту заместителя директора по научной работе, заместителя председателя Ученого совета Института истории СО РАН. В настоящее время А.А. Николаев ведет успешную научно-координационную деятельность в качестве заместителя главного редактора IV тома «История Сибири», который готовится к изданию в 2024 г.

А.А. Николаев с 2007 по 2013 г. возглавлял Совет трудового коллектива Института истории СО РАН, активно содействовал улучшению жилищных условий молодых сотрудников, получавших государственные субсидии на приобретение квартир, распределяя совместно с дирекцией служебное жилье. Он постоянно принимает активное участие в общественной жизни коллектива, являясь инициатором проведения культурно-оздоровительных мероприятий.

Успешная научная и научно-организационная деятельность отмечена многочисленными грамотами и памятными знаками: Памятным знаком Совета депутатов трудящихся г. Новосибирска «К 120-летию г. Новосибирска» (2013); Почетной грамотой Президиума СО РАН за достижения в области исторической науки (2013); Почетной грамотой Президиума СО РАН за подготовку исторической справки для присвоения г. Новосибирску почетного звания «Город трудовой доблести» (2020); Почетным дипломом Российского фонда фундаментальных исследований за многолетнюю и плодотворную деятельность в экспертном совете по истории, археологии и этнологии (2020); Памятным знаком мэрии Новосибирска «За труд на благо города» в честь 130-летия со дня основания города (2023).

Дирекция, коллектив сотрудников Института истории СО РАН, редакционный совет и редакционная коллегия журнала поздравляют Александра Алексеевича с юбилеем и желают крепкого здоровья, творческих успехов в исследовании и популяризации российской истории и сибирской науки!